

ОДИССЕЙ

человек в истории



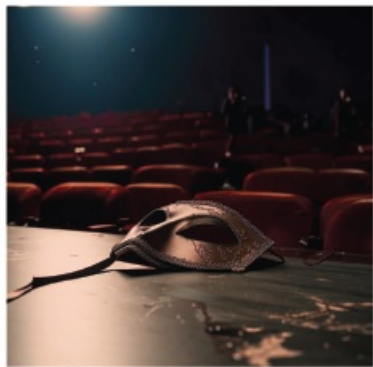
Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования



2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудесяти втором номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречавшихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А.Б. Герштейн

САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-1

Аннотация: Феномен самозванчества рассматривается в статье в контексте специфического состояния обществ, где он возникал. Пристальное внимание уделено специфике восприятия средневековых самозванцев различными социальными группами, способам установления и функционирования повседневной и символической коммуникации между обманщиком и его симпатизантами, коллективным представлениям о справедливости, общественном порядке и его нарушениях у разных слоев общества. Автор выделяет различные виды самозванчества – ложные заявления актора о принадлежности к чужому этносу, профессии, социальному слою, создание фальшивых генеалогий, использование ярлыка самозванца как инструмента диффамации оппонента в полемических трактатах. Цели подобного обмана могли варьироваться от делегитимации оппонента до попытки повысить свой социальный статус или спасти собственную жизнь. Автор приходит к заключению, что самозванчество является своеобразной реакцией на общественный кризис и одновременно способом привести социум к равновесию и восстановлению «должного» порядка вещей.

Ключевые слова: самозванчество, лжеправители, обманщики, общество, духовная культура, повседневные практики

Самозванцы, плуты и мошенники вызывали интерес у современников благодаря неординарности, яркости и трагичности своих судеб. И сегодня они продолжают привлекать внимание представителей разных гуманитарных специальностей. Фальшивые особы королевской крови; должностные лица, сами себя таковыми объявлявшие¹; люди, якобы владеющие определённой профессией; аван-

¹ См, например, о приписывании себе фальшивых воинских званий в послевоенном СССР: Хлевнюк. 2023.

тюристы, сознательно или волею обстоятельств играющие роль другого человека... кажется, что притворщики разных мастей могут присутствовать в любой сфере человеческой деятельности. Большое число литературных персонажей-самозванцев (Хлестаков, Эдмон Дантес, марк-твенковский принц Эдуард, Том Рипли и другие) косвенно свидетельствует, насколько распространённым был этот феномен в разных уголках земного шара во всевозможных социальных кругах в любые времена. Частота этого явления в мировой истории заставляет задуматься о том, почему предприимчивые люди решались на такой шаг? Как становится ясно из изучения отдельных примеров самозванчества, оно являлось уникальным социальным лифтом, и исследование данного феномена помогает раскрыть своеобразный механизм формирования общественной ткани социальной группы, города, деревни или даже страны.

При изучении феномена самозванчества в истории или литературном дискурсе исследователям важно сосредоточить внимание не только и не столько на неординарных личностях, которые в силу своих уникальных ментальных и психических качеств присваивали себе чужие имена, звания и пр., сколько на общественном контексте данного явления. Самозванчество – это главным образом социальный феномен в масштабах всей культуры. Вопросы о том, *играл* ли такой человек, сознательно ли обманывал ради собственной корысти или же сам верил в свой обман – также важная часть этой научной проблемы. В случае, когда действия обманщика стали популярны и получили массовый отклик, мы имеем дело с характерным симптомом общества, в котором созрели условия для рождения такого явления; если с самозванцем начинали коммуницировать, следовательно, явление стало значимым, заметным на уровне общины, корпорации, города или целой страны. Примечательно, что иногда² многие представители различных социальных слоев были готовы «увидеть» в человеке того, кем он себя называет, и вступать с ним в социальные, экономические, символические связи. Следовательно, фигура самозванца воплощала надежды определённых групп, и можно констатировать, что между «оригина-

² Например, лжеграфов Балдуина Фландрского (20-е гг. XIII в.), лже-Вальдемара Бранденбургского (сер. XIV в), лжеимператора Фридриха II Штауфена (80-е гг. XIII в.). См. о них сравнительное исследование, посвящённое специфическим факторам духовной культуры при появлении и успехе этих фальшивых правителей в: *Schwinges*. 1987: 177–202.

лом» и лояльными ему людьми существовали прочные разносторонние отношения. Причём эти отношения ощущались ими как всё ещё делящиеся, хотя чаще всего существовал временной разрыв между уходом истинного персонажа и появлением его «копии».

Именно исследованию общества, его специфическому состоянию в момент появления самозванца и способам включения обманщика в общественную жизнь посвящён главным образом раздел номера «Одиссея», который читатель держит в руках.

Среди всех видов самозванчества наиболее изученное в историографии – монархическое³. Это довольно редкое социальное явление, если рассматривать жизнь одного-трёх поколений. Однако большая часть фальшивых государей оставила яркий след в памяти современников⁴. Средневековый же период был особенно богат на псевдоправителей⁵. Народные представления о возвращении «справедливого государя» и восстановлении порядка; войны, крестовые походы и традиция путешествий (они послужили убедительным оправданием долгого отсутствия правителей и солдат); шок, испытываемый всем обществом на разных уровнях при пресечении правящего рода, династические споры за трон – всё это сделало именно Средневековье периодом, отмеченным частым появлением монархических самозванцев. Но не только монархических. В ряде статей по итогам всероссийской конференции «Самозванцы и само-

³ См., например, обобщающие работы: *Lecuppre*. 2007; *Ингерфлом*. 2021; исследования, посвящённые самозванцам определенного периода: *Успенский*. 2002, *Антонов*. 2019; *Обухова*. 2014, *Hug*. 2009, *Eliav-Feldon*. 2012.

⁴ Достаточно вспомнить лже-Бардию, (Гаумату), индийского жреца, 522 г. до н.э., упоминаемого Геродотом, лже-Нерона – античный мифологический сюжет, получивший новое наполнение в средневековую эпоху, Бар-Кохбу (30-е гг. II в. н.э.), которого рабби Акива ещё при жизни руководителя восстания воспринимал как Мессию. В Иерусалимском Талмуде, (Таанит, гл. 4, галаха 5) приводится предание, что, когда рабби Акива видел Бар-Кохбу, он говорил: «Вот он, царь-Мессия». Такое видение разделяли далеко не все религиозные авторитеты. Например, Рабби Иоханан бен Торты открыто возражал рабби Акиве и говорил так: «Акива, щеки твои прорастут травой, а сын поколения (Мессия) все еще не придет». (Иерусалимский Талмуд. Таанит, гл. 4, галаха 5). О проблеме восприятия Бар-Кохбы современниками, а также в христианских и иудейских текстах последующих веков см. подробнее: *Оппенгеймер*. 1993: 153–168; лже-Константина VI (Фому Славянина) (ум. 823), поднявшего вооружённое восстание в Византии и почти год державшего в осаде Константинополь. См. подробнее: *Мордовцев*. 1902, *Успенский*. 1891.

⁵ *Lecuppre*. 2007: 13.

званчество на Западе и Востоке Европы», проведённой редколлекгией «Одиссея» 24-25 апреля 2023 г., применительно к периоду от поздней Античности до XVII в. были выделены, помимо монархического самозванчества, такие грани этого феномена, как конструирование фальшивых генеалогий (И.А. Миролубов), демонстрация членства (ложного!) в корпорации (О.И. Тогоева), приписывание себе принадлежности к чужому этносу (О.В. Окунева), использование ярлыка самозванца в качестве инструмента дискредитации авторитетной персоны (С.И. Лучицкая, Л.Б. Сукина) или для исключения определённого лица из профессиональной корпорации (К.С. Худин).

Подчеркнём, что самозванчество не случайное явление, внезапно созданное фантазией лишь одного человека: оно полностью «вписано» в общественные структуры любой цивилизации. Данный феномен конструировался из различных коллективных представлений той или иной культуры и в этом смысле является её нетривиальным порождением. Свои методы воздействия на людей самозванцы придумывали не с нуля, но сознательно копировали существующие в обществе практики и ритуалы. Можно выделить два типа подобных заимствований, касающихся внешних форм и смысловой наполненности фальшивого образа. От умения сочетать их всецело зависел успех обманщиков (под «успехами» я подразумеваю продолжительность пребывания самозванцев в роли подражателя и широту поддержки, которую они получали).

Первый тип – попытка создания максимального подобия «оригиналу» в одежде, манере речи, походке, типичных занятиях, т.е. мошенники имитировали и копировали его ради массового «узнавания» и признания себя как лица, которое они разыгрывали из себя. Второй тип – использование обманщиками сложившихся практик в качестве инструмента репрезентации фальшивого образа. Иными словами, традиционные, привычные действия выполнялись мошенниками в новых обстоятельствах *с качественно другим целеполаганием*. Так, в этом плане большую роль сыграло распространение с XII столетия в средневековой Европе карнавальная культура, в рамках которой был узаконен обычай переодевания простых людей в королей и епископов, с имитацией одежды и жестов властных персон, их шуточного почитания. Таким образом, карнавал служил для средневековых монархических самозванцев технологией, инструментом, успешным рецептом перевоплощения.

Однако если в карнавальном дискурсе все участники праздника понимали, что имела место *игра*, то в случае с самозванцем известные лекала карнавала использовались для иной цели, и в этом случае о забаве не шло и речи: получить общественное признание и стать легитимной персоной стремился тот, кто не имел на это права. Аналогичная замена цели при довольно точном воспроизведении формы наблюдается и в случаях, когда лжеправители распространяли послания, которые были скреплены печатью, «очень похожей на настоящую»⁶ (этот приём широко использовал, например, псевдоимператор династии Штауфенов в 80-е годы XIII в.); и тогда, когда исторические персонажи выстраивали для себя фальшивые генеалогии⁷. Важно помнить, что подражание оригинальным практикам обязательно включало в себя элементы полностью подлинных занятий. Например, советники и помощники лжегосударей выполняли точно те же обязанности, что и для настоящего властителя ранее. С этой точки зрения обманом являлась только часть всех действий.

Стратегию второго типа ярко иллюстрирует и казус Мэри Бейкер-Уиллкокс, которая превратила своё шуточное преобразование в сознательный обман и конструирование фальшивой личности. В Англии XIX в. она развлекала детей своих хозяев разговорами на вымышленном языке. Позже изобретательная служанка превратила это своё умение в речь экзотической «принцессы Карабу», которую, добавив экзотический наряд и необычную для англичан диету, она выдумала и чью роль разыгрывала перед добропорядочными горожанами Бристоля⁸.

Имитация социальных связей и разнообразных вариантов коммуникации (рутинной, правовой, символической) между самозванцем и различными группами общества позволяет исследователям реконструировать используемые обеими сторонами повседневные практики, которые к тому времени сложились и были узнаваемы всеми контрагентами.

Именно обращение к хорошо знакомым образцам могло принести самозванцам успех. Изучая процесс их заимствований, мы можем наблюдать динамику развития духовной культуры обществ,

⁶ См.: *Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis*. 1879: 462.

⁷ См. об этом, например: *Опарина*. 2007–2009.

⁸ *Raison, Goldie*. 1994.

увидеть, каких средств коммуникации, повседневных практик и ритуалов, объединяющих символов не хватало в социуме для консолидации, для восстановления общепринятого порядка. Также становится видно, какие практики уходили в прошлое, какие – функционировали не в полной мере... Неслучайно часть людей стремились к такого рода «возобновлению привычного хода жизни», «хорошо работавшего ранее», которое сулил обманщик.

Самозванчество является маркером определённого состояния общества, **кризиса или пертурбаций** в различных исторических условиях, таких как:

- Прерывание власти правителя/династии, когда у подданных могло возникнуть ощущение «разрыва» времён или «неправильности» текущего положения дел.

- Осознание личной или коллективной острой несправедливости; чувство, что утрачен крайне важный канал связи индивида (группы) с другим лицом/социальным слоем; когда возникшие вместо прежних способы коммуникации в социальной, экономической, политической, религиозной сферах не удовлетворяли потребностям всех сторон.

- Кризис идей, неспособность светских и/или духовных властей или авторитетного лица дать обществу или его части консенсусное, т. е. понятное и принимаемое всеми членами социума объяснение происходящего.

- стратегия выживания (физического или социального) индивида или группы; способ добиться более высокого социального статуса (либо сохранить тот, что был) за счёт присвоения чужого имени (другой профессии, этноса и т. д.) в сложных жизненных обстоятельствах.

Авантюристы-одиночки, подчас рискуя жизнью и испытывая свою удачу, расшатывали устои общества, обнажая матрицу социально-политической и духовной организации социума. По реакции различных слоёв населения на «вызов» в лице самозванца исследователи могут заключить, насколько прочны были существующие формы социальных связей и коммуникации. Со своей стороны, поддерживая самозванцев, группы общества пытались реализовать собственные политические, экономические и прочие интересы, стремясь удержать статус-кво или, напротив, пролоббировать утверждение новой нормы, подчас не дорожа жизнью самого самозванца.

Лжеправители были далеко не единственными самозванцами.

Можно только догадываться, сколько обманщиков, к которым не были прикованы пристальные взгляды, всегда устремлённые на властителей, прожили жизнь под чужой личиной. Н. Земон Дэвис блестяще разобрала казус из XVI столетия, имевший место в деревне Артига (Лангедок). Исследовательница представила комплексный анализ социальных, правовых, экономических, психологических аспектов сотворения и действий фальшивой личности в историческом контексте⁹. Однако в какой бы социальной группе ни появлялся самозванец, применительно к средневековому периоду все эти случаи представляют интерес для исследования в том числе и проблемы невыделенности человека из окружающего мира, его осознания себя как части общности, а не как отдельной личности¹⁰. Роднит фальшивого государя и псевдокрестьянина ещё и то, что обе фигуры стремятся «восстановить целостность» функционирования необходимых социальных связей, экономических отношений на уровне человека и группы. Когда Арно дю Тиль занял место Мартена Герра – он «растворился в модели» Герра¹¹, пришёл на пустующее место и стал исполнять его социальные роли, добившись к тому же внешнего подобия.

Рассматривая деятельность самозванцев и реакции людей на них, можно сделать ряд выводов о том, насколько гибкими или, напротив, незыблемыми были границы и устои различных общественных институтов; как менялись повседневные практики людей, которые приспособлялись к новым обстоятельствам и как эволюционировали индивидуальные и коллективные ментальные установки в целом.

Изучение феномена самозванчества показывает, что понятие нормы в рамках одной и той же культуры тоже трансформировалось: то, что самозванец и его сторонники представляли, как восстановление нормы, должного порядка, справедливости – для других членов общества оказывалось как раз нарушением нормы. Здесь уместно будет вспомнить о ветхозаветном самозванце Иакове, выдавшем себя за старшего брата Исава и получившем благословение Исаака, их престарелого отца. Этот хрестоматийный для

⁹ Этот казус подробно реконструирован в книге: *Земон Дэвис*. 1990. Указанная работа является замечательным образцом изучения средневекового самозванчества.

¹⁰ См. об этом, например: *Гуревич*. 2005: 173.

¹¹ *Гуревич*. 2005: 173.

христианской культуры случай показывал, что можно выдавать себя за другого и при этом иметь покровительство небес, т. е. обладать высшей санкцией на свой обман. Такая известная история подмены если не вдохновляла самозванцев на Западе и Востоке Европы, то, по крайней мере, давала хороший пример того, что можно, не будучи разоблачённым¹², с успехом выдавать себя за другого, и ободряла их в опасной деятельности, укрепляла в их глазах легитимность собственных поступков.

Если все действия самозванца (и его помощников) являлись по существу попытками органично встроиться в существующие социальные структуры, стать «узнаваемыми» по хорошо знакомым «приметам», то распознать такого рода обманщиков, квалифицировать их преступления современникам подчас было сложно – как властям¹³, так и тем, кто оставлял письменные свидетельства о подобных происшествиях. Растерянность первых выразилась в разнообразии форм наказания самозванцев – прилюдное осмеяние¹⁴, изгнание¹⁵, повешение¹⁶, утопление в реке¹⁷, сожжение на костре¹⁸, принуждение к публичному саморазоблачению и покаянию¹⁹; их

¹² Разумеется, в исторических источниках нашли отражение только рассказы о неуспешных, т.е. разоблачённых рано или поздно самозванцах. Количество тех, чей обман так и не был раскрыт, не представляется возможности подсчитать.

¹³ Разбирая случай М. Герра, Н. Земон Дэвис указывает, что во французском законодательстве не было четкой отсылки, какому наказанию подлежит тот, кто присваивает чужое имя или объявляет себя другой личностью. Эти действия были сродни подделке подписи. *Земон Дэвис*. 1990: 130–131. См. там же: «В старинных текстах приводились самые различные случаи – порой самозванство рассматривалось как шутка и не наказывалось вовсе, в иных случаях приписывалось умеренное наказание, в иных – изгнание и в очень редких случаях – смертная казнь». *Земон Дэвис*. 1990: 132.

¹⁴ *Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis*. 1879: 462; *Iohannis abbatis Victorien-sis*. 1909: 245.

¹⁵ Там же; *Notae Weingartenses*. 1879: 831. См. также: *Struve*. 1988: 325.

¹⁶ *Annales Blandienses*. 1844: 33; *Saba Malaspina*. 1999: 133. *Земон Дэвис*. 1990: 132. Повешение – распространенная казнь для мошенников-простолюдинов. *Земон Дэвис*. 1990: 132.

¹⁷ Об одном таком, возможно имевшем место, случае см.: *Möhring*. 2000: 237; *Oberweis*. 2006: 145.

¹⁸ “Anno Domini 1284. Quidam fascinator se Fridericum imperatorem simulans, magnam partem Almanie in errorem duxit. Tandem compertis prestigiis suis, per dominum Rudolfum regem Romanorum crematur”. *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi Continuatio VI*. 1879: 213.

¹⁹ Ср. случай Перкина Уорбека и его *Исповеди* (текст см., например, в: *Holinshed*. 1808: 522–523). Подробнее об этом см. статью Е.Д. Браун в этом номере

демонстративно не принимали всерьёз²⁰.

У авторов письменных свидетельств о подобных обманщиках (например, у средневековых хронистов) затруднение при квалификации такого нарушения нормы могло выражаться в очень богатом словаре эпитетов и определений самозванца и его поступков – наряду с ожидаемыми «лжец, мошенник»²¹ встречаются слова «еретик», «обольститель», «чародей» и др.²².

Весьма перспективным (и пока малоизученным) направлением исследований феномена, давшего название этой рубрике журнала, является изучение особой стратегии средневековых интеллектуалов, использовавших в своих сочинениях понятие «самозванчество» как инструмент для диффамации оппонента. В статьях С.И. Лучицкой и Л.Б. Сукиной речь идёт о том, как самозванцами называли людей, которые сознательно не обманывали, не назывались чужим именем, однако претендовали на то, на что, по мнению авторов полемических трактатов, не имели прав. В таком случае речь шла о попытках дискредитации религиозного или светского деятеля.

Особый ракурс исследования феномена самозванчества открывается при рассмотрении источников, в которых герой лично повествовал о своём обмане. Таким образом, можно не только ре-

«Одиссея».

²⁰ См.: “Cum autem rumor validus auribus domini Ruodolphi regis insonuisset de premissis, asseruit hoc esse absonum et non fore congruum rationi, et reputavit eum fatuum et insanum” («Когда же слуха короля Рудольфа достигли уже подтвержденные сообщения о произошедшем, он счел, что не может такого быть и что это не укладывается в голове, и рассудил, что этот человек – дурачок и безумный»). Ellenhardi Agrentiensis Chronicon. 1861: 126.

²¹ См., например, рассказы хроник о фальшивом Балдуине, графе Фландрском и псевдомаркграфе Брандербургском Вальдемаре: “... fingens se esse comitem Balduinum”. *Balduin von Ninove*. 1880: 541; “Quidam pseudohेरemita in silva Viconie fingens et dicens se esse comitem Balduinum”. *Reiner von Lüttich*. 1859: 679; „Quidam rusticus lecator nomine Bertrannus de Raiz finxit se consilio quorundam Flandrensium esse comitem Flandrie Balduinum, imperatorem Constantinopolitanum, et multi Flandrenses adhererunt ei“. *Annales S. Medardi Suessionenses*. 1882: 521; “rusticus vel molendinarius, qui dixit, se esse Woldemarum marchionem Brandenburgensem”. *Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium*. 1883: 436.

²² Подробнее о том, какие разнообразные эпитеты использовали хронисты, рассказывая о фальшивом императоре Фридрихе II Штауфене см.: *Герштейн*. 2021: 141–160.

конструировать стратегию поведения обманщика и его методы достижения цели, но и высказать предположение о том, насколько герой дистанцировался от своей игры, не становясь (или становясь) другим человеком²³.

Самозванчество частично соткано из кражи личности, мошенничества и игры (в том числе, безумства²⁴). В определённом смысле оно было маргинальным и, как правило, осуждалось обществом. Однако для истории духовной культуры общества, в котором возникло данное явление, самозванчество не просто эксцесс, но глубокое многогранное явление. Оно специфическим образом обнажало кризис, общественный разлом, сбой в принципах управления, разрыв привычных в обществе экономических, политических, простых бытовых коммуникаций. Этот феномен отображал острое, существенное расхождение коллективных представлений о том, «как должно быть» – и современного реального положения дел. Будучи показателем кризиса, самозванчество являлось одновременно и способом **выхода из кризиса, средством** заполнить лакуну в политическом, правовом поле, в социально-экономической ткани деревни/города/страны и главным образом – попыткой как можно скорее восстановить «должное» (в представлении самих членов социума) состояние дел (справедливость, правильный порядок и т.п.).

Как показывают публикуемые ниже статьи, самозванчество – это, с одной стороны, явление реакционное, нацеленное на реставрацию старого (привычного) положения дел, на воспроизводство устойчивых паттернов, типичных и узнаваемых всеми членами общества практик, которые, собственно, и являлись *определяющими* характеристиками культуры. С другой же, в процессе репрезентации образа, имеющей целью ввести людей в заблуждение, – а она могла длиться несколько месяцев или даже лет – и в реакции на неё складывались модели поведения, идеи, ритуалы (в письменных текстах, речевой и символической коммуникации), которые впоследствии интегрировались в повседневную жизнь общества и в этом смысле служили его социально-политическому и интеллектуальному развитию.

²³ См. подробнее о герое, ставшем самозванцем по воле обстоятельств, практически помимо своего желания: Хлевнюк. 2023.

²⁴ См. примеч. 20.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Annales Blandienses / Ed. L. Bethmann // MGH SS. Hannover, 1844. Т. 5.
 Annales S. Medardi Suessionenses // MGH SS. Hannover, 1882. Т. 26.
 Balduin von Ninove, Chronicon / Ed. O. Holder-Egger // MGH SS. Hannover, 1880. Т. 25.
 Chronica minor auctore minorita Erphordiensi Continuatio VI / Ed. G. Waitz // MGH SS. Hannover, 1879. Т. 24.
 Ellenhardi Agrentiensis Chronicon // MGH SS. Hannover, 1861. Т. 17.
 Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium / Ed. G. Schum // MGH SS. Hannover, 1883. Т. 14.
 Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis // MGH SS. Hannover, 1879. Т. 24.
Holinshead R. Chronicles. L., 1808.
Iohannis abbatis Victoriensis. Liber centarum historiarum / Hrsg. von F. Schneider // MGH SS. Hannover; Leipzig, 1909. Т. 36.
 Notae Weingartennses // MGH SS. Hannover, 1879. Т. 24.
 Reiner von Lüttich, Annales // MGH SS / Ed. G.H. Pertz. Hannover, 1859. Т. 16.
Saba Malaspina. Chronica / Hrsg. von W. Koller, A. Nitschke // MGH SS. Hannover; Hahn, 1999. Bd. 35.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Д.И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019.
Герштейн А.Б. Эпитеты самозванца Тилия Колупа в немецкой историографии XIII–XIV вв.: образы, оценки, интерпретации // История: переводить, понимать, оценивать (к юбилею М.А. Юсима) / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2021. С. 141–160.
Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
Земон Дэвис Н. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
Ингерфлом К. Аз есмь царь. История самозванства в России / Пер. с фр. П. Каштанов. М., 2021.
Мордовцев Д.Л. Собр. соч. в 20 т. СПб., 1901–1902. Т. 20. Ч. II: Один из лже-Константинов.
Обухова Ю.А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия): дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов-на-Дону, 2014.
Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007–2009. Кн. 1–2.
Оппенгеймер А. Мессиянство Бар-Кохбы // Мессиянство и эсхатология. Иерусалим, 1993. С. 153–168.
Успенский Б.А. Царь и самозванец: Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 149–197.

- Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 71–79.
- Хлевнюк О.В.* Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.
- Eliav-Feldon M.* Renaissance Impostors and Proofs of Identity. N.Y., 2012.
- Hug T.B.* Impostures in Early Modern England: Representations and Perceptions of Fraudulent Identities. Manchester, 2009.
- Lecuppre G.* L'impostura politica nel Medioevo. Bari, 2007.
- Möhring H.* Der Weltkaiser der Endzeit. Entstehung, Wandel und Wirkung einer tausendjährigen Weissagung. Stuttgart, 2000.
- Oberweis M.* *De falsitate convictus et heresie igne concremari.* Überlegungen zur Hinrichtung Dieter Holzschuhs im Jahre 1285. // *Inszenierung des Todes. Hinrichtung, Martyrium, Schändung* / Hrsg. von L.-M. Günther, M. Oberweis. Bochum, 2006. S. 143–156.
- Raison J., Goldie M.* Caraboo. The Servant Girl Princess. The Real Story of the Grand Hoax. Moreton-in-Marsh, 1994.
- Struve T.* Die falschen Friedriche und die Friedenssehnsucht des Volkes im später Mittelalter // *Fälschungen im Mittelalter.* Hannover, 1988. Bd. 1. S. 317–337.
- Schwinges R.C.* Verfassung und kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // *Mentalitäten im Mittelalter* / Hrsg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 177–202.

И.А. Миролюбов

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-2

Аннотация. Дом Константина Великого – одна из самых значимых императорских династий в истории Римской империи. История этой императорской фамилии начинается с правления императора Констанция Хлора (правил в 293–305 гг.), однако его сын Константин в 310 г. объявил о том, что родоначальником фамилии был император Клавдий Готский (правил в 268–270 гг.). Большинство современных исследователей считают данную генеалогическую конструкцию фикцией. На первый план выходит изучение причин, побудивших Константина к выбору этого «предка», а также тех средств, которыми император подкреплял данную генеалогическую схему.

В статье рассматриваются сообщения официальных источников о родстве дома Константина с Клавдием Готским, а также предположения древних авторов о степени этого родства. Их разнообразие обусловлено нечеткостью официальных данных: Клавдий в них был представлен как «avus» Константина, т.е. либо его дед, либо предок в общем смысле слова. Также в статье уделено внимание восприятию своей родословной членами дома Константина – его братьями, сыновьями и племянником Юлианом. Данные источников позволяют утверждать, что представители династии соглашались с выдвинутой Константином версией о родстве, но, как и он, не комментировали саму степень этого родства. Кроме того, Юлиан даже пытался представить себя более достойным потомком Клавдия Готского, нежели его дядя.

Ключевые слова. Константин Великий, Клавдий Готский, Юлиан Отступник, римские императоры, Поздняя Римская империя, просопография Поздней Римской империи, римская аристократия.

Ко времени установления императорской власти в Древнем Риме большинство старинных аристократических родов исчезло, однако новая аристократия – выходцы из всаднических родов Италии и ряда романизированных провинций, – все же старалась поддерживать моду на пышные родословные. Наряду с сенаторскими родословными, в которых отмечалось время вхождения семейства в сенаторское сословие, а также тщательно подсчитывались предки-

сенаторы и консулы¹, существуют и генеалогии, восходящие к мифологическим персонажам. Так, императору Марку Аврелию приписывали родство с вторым римским царем Нумой и неким царем Малемнием (Eutrop. Brev. VIII.9.1; SHA M. Anton. Philosoph. 1.6), а Маний Ацилий Глабрион, консул 186 г., претендовал на происхождение от героя Энея (Herod. Hist. post Marc. II.3.4). Генеалогические конструкции использовались и в политической плоскости: император Септимий Север включил себя в семью Марка Аврелия, а сыновьям дал использовавшееся им имя «Антонин». Императорская родословная Севера, восходившая через Марка Аврелия к линии императоров II в., существовала параллельно с семейной², так что это не было формой самозванства, но создало любопытный прецедент – император был не усыновлен выдающимся предшественником, а самостоятельно включил себя в его семью, чтобы подчеркнуть свое политическое преемство.

В III в. Римскую империю охватил кризис, характеризующийся ослаблением центральной власти в лице одного императора. Региональные элиты и приграничные гарнизоны в это время выдвигали своих претендентов на титул, «солдатских императоров»³. Отчасти это обстоятельство характеризует и духовных, мировоззренческий кризис. Несмотря на пристальное внимание римлян к происхождению своих политических лидеров, все же немалую роль в публичном образе политика играли его личные качества. Это, в свою очередь, позволяло добиваться высокого положения людям, знатностью не располагавшим (те, кого в эпоху Республики именовали *homines novi*). Однако в условиях перманентной борьбы усиления одного конкретного правителя, равно как и его личные качества, фактически обесцениваются: мятежи лишают власти как многих случайных претендентов на титул, так и деятельных государственных мужей. В этой ситуации императоры и узурпаторы прояв-

¹ В «Истории августов», сборнике биографий императоров II–III вв., такие родословные представлены в жизнеописаниях Адриана (SHA Hadr. 1.1–2) и Антонина Пия (SHA Anton. Pius 1), выходцев из испанского и галльского сенаторских семейств соответственно. Пользуемся изданием этого источника в русском переводе С.П. Кондратьева: Властелины Рима. 1992.

² В официальных надписях император Септимий Север именовался «братом» императора Коммода, «сыном» Марка Аврелия, «внуком» Антонина Пия и т.д., вплоть до императора Нервы. Примеры таких надписей: ILS 418; 420; 422. При этом император почтил своих предков статуями (SHA Sev. 14.4); известна также надпись в честь его отца, Публия Септимия Геты (ILS 439).

³ Циркин. 2010: 271–288.

ляли немалую изобретательность в вопросах своей легитимации. Активно занимаются они и конструированием своих родословных, возводя их к персоналиям эпохи Республики⁴ или даже восточным царским династиям⁵. Подобная практика может рассматриваться как форма самозванства, коль скоро на смену знатности по происхождению приходит фиктивная знатность, основанная на генеалогических фальсификациях. Прошлое, олицетворяемое фигурами именитых предков, при этом приобретало черты «золотого века», а лидер через фиктивное родство обозначал свою способность к этому славному прошлому вернуться.

Системный кризис III в. завершился установлением единоличной власти императора Диоклетиана. Сын вольноотпущенника, патроны которого – семейство Ануллинов – присутствовали в сенате⁶, Диоклетиан решительно отверг сложные генеалогические построения и установил меритократию. Созданная Диоклетианом политическая система подразумевала совместное правление двух императоров, чьими покровителями были Юпитер и Геркулес; императоры выбирали себе преемников из числа опытных полководцев, т.е. под покровительством двух божеств мог оказаться любой достойный и способный руководитель⁷. В рамках этой системы к власти было приведено несколько поколений правителей, однако с уходом Диоклетиана из политики в 305 г. созданная им структура столкнулась с кризисом, который привел к затяжному конфликту между многочисленными претендентами на титул. В рамках этой борьбы вновь, как и в III в., оказался актуален вопрос легитимации. Константин Великий, один из молодых императоров пост-диоклетиановского времени, предложил вновь перейти к династизму: он стал акцентировать внимание на своем отце, императоре Констанции Хлоре⁸. Однако сыновья были и у некоторых других императо-

⁴ Сведения о происхождении императорского дома Гордианов от семейства Семпрониев Гракхов мы находим в биографии трех Гордианов в сборнике «История августов» (SHA Gord. tres 2.2). Комментарий к этой генеалогии: *Молчанов*. 2010: 277–285.

⁵ Родословная узурпатора Иотапиана: *Körner*. 2002: 278–279.

⁶ *Уильямс*. 2014: 25–27. О видном представителе этой сенаторской семьи, консуле 295 г.: *Миролюбов*. 2022: 212–221.

⁷ *Kolb*. 1987: 10–114; *Уильямс*. 2014: 79–92; *Миролюбов*. 2021: 52–77.

⁸ В рамках учрежденной Диоклетианом тетрархии 293 г. Констанций в статусе цезаря (младшего соправителя) контролировал Галлию и Британию (которую он вернул под контроль центрального правительства после узурпации Караузия и Аллекта). В 305 г., с отречением Диоклетиана и его равноправного

ров этого времени. Соответственно, наличие августейшего отца не было уникальным свойством Константина и ставило его в один ряд с другими претендентами. В этой ситуации Константин и обратился к генеалогическому конструированию.

Идеологемы императорской власти Константина объяснялись посредством монетной чеканки, т.к. уже на начало правления, в 306 г., под его контролем находились монетные дворы в Лондини (совр. Лондон), Августе Треверов (совр. Трир), Арелате (совр. Арль). Также в его распоряжении была мощная риторическая школа, существовавшая в Галлии еще с I в.⁹ Соответственно, ряд установок отразился в панегириках – торжественных речах, произносившихся в честь императора по случаю каких-либо торжеств. В панегирике 307 г. по случаю свадьбы Константина прославляется его отец, обожествленный к тому времени Констанций Хлор. Анонимный оратор с удовольствием отмечает сходство Константина с отцом – как внешнее, так и в смысле характеров (Pan. Lat. 6.3.3¹⁰). В 310 г. другой оратор, произнося речь в честь Константина, сообщает о «божественном основателе» его рода, о котором «многим до сих пор неизвестно», хотя близкие к императору лица «прекрасно о нем знают» (Pan. Lat. 7.2.1–3). Предком оказался император Клавдий Готский, правивший в 268–270 гг. Он был первым за долгое время императором, погибшим своей смертью¹¹; к тому же в годы правления он успел одержать большую победу над готами, давшую ему прозвище. Это сражение произошло близ Наисса, родного города Константина¹². Тем интереснее это сообщение о родстве. Оратор ничего определенного не говорит о его степени. Выражение *avita cognatio*, которое он использовал, расплывчато, так как *avus* – это и дед, и предок в общем смысле этого слова¹³, но даже это сло-

соправителя Максимиана Геркулия, Констанций получил титул августа и формально стал правителем западной части Римской империи (восточную часть контролировал его коллега, император Галерий).

⁹ Состязания ораторов проводил в галльском Лугдуне еще император Калигула (Suet. Calig. 20). Общий обзор школы риторики в Галлии: *Nixon, Rodgers*. 1994: 3–8.

¹⁰ Пользуемся изданием источника с русским переводом и комментариями И.Ю. Шабаги: Латинские панегирики. 2016. Перевод источника приводим по данному изданию.

¹¹ *Wienand*. 2012: 235–236. Краткий биографический очерк: *Грант*. 1998: 207–209.

¹² О кампании: *Буданова*. 1999: 123–127.

¹³ *Nixon, Rodgers*. 1994: 219.

во оратор не применяет к Клавдию. Другой оратор, представитель галльского города Августодуна (совр. Отен), в своем выступлении в 311 (или 312) г.¹⁴ дважды использовал для обозначения Клавдия примерно такое же общее слово *agens*, т.е. родитель (Pan. Lat. 8.2.5; 4.2). Таким образом, мы должны отметить, что в 310 г. Константин озвучил свою претензию на родство с императором, который правил за 40 лет до того. Выбранная форма публикации – выступление придворного оратора, – не свидетельствует о трудности распространения содержащейся в речи информации. Панегирики в честь императоров после произнесения публиковались, так как они становились руководствами и образцами для аналогичных выступлений представителей других риторических школ¹⁵. Таким образом, Константин мог надеяться, что озвученная в речи претензия на родство будет растиражирована и станет известна хотя бы на латиноязычном западе Римской империи. Сообщение о родстве было представлено публике без конкретики. Мы могли бы ожидать от самого Константина комментариев по поводу родственной связи, тем более что до нашего времени сохранился значительный объем его посланий и речей. Однако таковых комментариев Константин не давал. Официальные источники тоже предлагают нам весьма скудные разъяснения. В надписях периода правления Константина император назван «сыном божественного Констанция и перос божественного Клавдия» (CIL XI.9 = ILS 699; CIL VI.31564 = ILS 709). Следует учесть, что слово «перос» может обозначать как «внука», так и «племянника», «внучатого племянника». Основываясь на сообщении панегириста об «*avita cognatio*» и линейной схеме, представленной в надписи (Константин, сын Констанция, перос Клавдия), здесь перос предпочтительно перевести как «внук». Следует ли из этого, что Клавдий Готский считался дедом Константина по прямой линии, т.е. отцом его отца?

За разъяснениями мы могли бы обратиться к выразителям позиции Константина. На всем протяжении своего правления император покровительствовал литераторам, благодаря чему наблюдается

¹⁴ *Nixon, Rodgers*. 1994: 255.

¹⁵ *Шабига*. 1997: 15–20; *Körfer*. 2020: 14–20. Сами галльские ораторы ориентировались на классиков латинской литературы и на панегирик Траяну, составленный сенатором Плинием Младшим в 101 г. О влиянии Плиния на авторов сборника «Латинских панегириков»: *Pilar García-Ruiz*. 2013: 195–216; *Gibson, Rees*. 2013: 217–240.

постепенное возрождение латинской словесности¹⁶ и появление жанра церковной грекоязычной историографии¹⁷. К числу авторов, близких к Константину, относятся христианский апологет Лактанций, придворный поэт Опатриан Порфирий, а также, после установления Константином своего контроля над восточными провинциями, епископ Кесарии Палестинской Евсевий. Лактанций в своем сочинении «О смертях гонителей» представил борьбу Константина за титул в первые семь лет его правления (306–313 гг.). В этой первой политической биографии Константина о Клавдии, равно как и о знатности главного героя, не сказано ничего; в панегирическом тоне, но с небольшой подборкой сведений упоминается лишь его отец, Констанций Хлор (*De mort. pers.* 8.7; 15.7; 18.10). Опатриан в своих стихах, датированных 320-ыми гг., изображает Клавдия как *austog imperii* дома Константина. Он называет «*proavus*», т.е. прадедом, применительно к сыновьям Константина (*Carin.* 8.11), что указывает на линейную схему: Клавдий – дед Константина и прадед его сыновей. После установления власти Константина над восточной частью империи возникла потребность в изложении сведений о нем для грекоязычной аудитории¹⁸. Около 330 г. была опубликована греческая биография Константина, составленная афинским аристократом Праксагором. Она сохранилась в пересказе Фотия (IX в.), из которого видно, что изложение начинается с ситуации в начале IV в., т.е. сведений о родословной Константина там, вероятно, представлено не было¹⁹. В это же время Евсевий издает очередную – финальную – редакцию своей «Церковной истории»²⁰, доведенной до установления единоличной власти Константина в 324 г. В ней, а также в изданной позже «Жизни Константина» он предла-

¹⁶ *Альбрехт.* 2005: 1407; *Cameron.* 2011: 399–420 (о «языческой» литературе в IV в.).

¹⁷ В лице, разумеется, Евсевия Кесарийского, чьими продолжателями в V в. были Сократ Схоластик, Созомен и Феодорит: *Winkelman.* 2003: 3–41; *Leppin.* 2003: 219–254.

¹⁸ Константин до 305 г. жил при восточном дворе императоров Диоклетиана и Галерия; соответственно, в 305–324 гг. в восточных провинциях он не бывал.

¹⁹ Между тем, Праксагор из всех названных авторов был единственным знатоком аристократических генеалогий: среди его трудов упоминается история древних афинских царей. О нем: *Winkelman.* 2003: 14–15; *Scardino.* 2022: 614–615.

²⁰ О Евсевии Кесарийском как историографе Константина: *Миролюбов.* 2021: 83–99. Количество редакций «Церковной истории» является предметом научной дискуссии: *Corke-Webster.* 2019: 57–60.

гает общее замечание об августейшем происхождении предков императора (Hist. Eccl. X.8.4; Vita Const. I.50). Отметим, что оба раза знатность Константина упоминалась Евсевием в контексте его трудных взаимоотношений с зятем (мужем сестры) Лицинием²¹, императором с 308 г. и правителем восточных областей империи в 313–324 гг. Впрочем, никакой конкретики о родословной Евсевий не сообщает. Клавдий Готский известен ему как император, однако он упоминает его без всяких оценок в «Церковной истории» – исключительно как промежуточную фигуру римской истории в период между правлением Галлиена и Аврелиана (Hist. Eccl. VII.28.4).

Итак, согласно официальной позиции, выраженной в почетных надписях, Клавдий был «дедом» (или, в общем смысле слова – «предком») императора. При этом эпиграфический материал, благодаря многозначности слов «avus» и «peros», давал возможность выстроить разные варианты генеалогической связи. Придворная литература старалась не затрагивать этот момент, предпочитая молчать (Лактанций, Праксагор) и говорить общими словами (Евсевий); Опатиан же предложил прямую генеалогическую схему (Опатиан).

У позднейших авторов было свое видение родословной Константина. В середине IV века секретарь императора Валента Евтропий в написанном им кратком обзоре римской истории составил следующий вариант родословной: Констанций, «как передают», – перос Клавдия по дочери (Brev. X.22.1). Здесь слово перос без всякого сомнения означает уже внука: Констанций – сын дочери Клавдия Готского. Характерна ссылка «как передают» (traditur) – у читателя создается впечатление ссылки на некий источник, который, впрочем, не назван (само сообщение может быть авторской гипотезой, основанной на невнятных слухах или устных сообщениях). Генеалогическая схема по Евтропию выглядит так: Клавдий – дочь – Констанций (внук Клавдия) – Константин (правнук Клавдия) – сыновья Константина (праправнуки Клавдия). Примечательно то, что родословная схема усложняется за счет добавления одного поколения (в лице дочери императора Клавдия), но сохраняет линейную структуру. Однако мнение Евтропия не являлось общим. У Анонима Валезия, автора IV в., составившего латинскую биографию Константина (Origo Constantini imperatoris²²), Констанций

²¹ О свадьбе сестры Константина и Лициния: *Pohlsander*. 1993: 154.

²² Это сочинение, названное по имени первого издателя – Анри Валуа, является по ряду вопросов уникальным источником. Время его написания в

Хлор назван «перос по брату» Клавдия (Origo Const. imp. 1.1). Констанций здесь представлен либо племянником (сыном брата), либо внучатым племянником (внуком брата) Клавдия. Таким образом, наряду с четкой линейной схемой появляется и иной вариант, подразумевающий родство дома Константина с Клавдием через общего предка (отца Клавдия).

Усложнение родословной схемы, вероятно, было вызвано логичными вопросами, почему Констанций не стал преемником Клавдий Готского²³. Кроме того, внимательный историк не мог не отметить, что оба императора носили разные фамилии: у Клавдия – Аврелий Клавдий²⁴, у Констанция – Юлий²⁵, а с 293 г. – Флавий Валерий²⁶. Предложенные авторами варианты родословной, однако, мало что добавили к пониманию родства, так как имена брата и / или сестры Клавдия названы ими не были. Источники надежно фиксируют только одного брата Клавдия – Марка Аврелия Клавдия Квинтилла²⁷, который после его смерти некоторое время претендовал на императорскую власть. Попытку упорядочить гипотезы о родстве дома Константина с Клавдием Готским мы находим у анонимного автора сборника императорских жизнеописаний, написанного на рубеже IV–V вв. Этот источник, известный под заглавием «История августов», замечателен своими мистификациями и смелыми нагромождениями вымысла. «Блестяще» автор справился и с родословной дома Константина. Он сообщает о еще одном брате Клавдия Готского, некоем Криспе, у которого была дочь Клавдия. От этой Клавдии и некоего Евтропия, «знатнейшего мужа дарданского племени» якобы и появился на свет Констанций (SHA Claud. 13.2). Отметим, что Крисп, Клавдия и ее муж Евтропий не зафиксированы ни одним другим источником. Однако имена подобраны со значи-

рамках IV в. является предметом дискуссии: *Winkelmann*. 2002: 15–18.

²³ Вне зависимости от отношения императора к династическому принципу преемственности родственники в условиях кризиса III в. были весьма надежной опорой. Карьера Констанция началась уже после правления Клавдия; в его послужном списке нет никаких позиций, которые могли бы указывать на родство с императором: *Barnes*. 1982: 37.

²⁴ *Kienast*. 2004: 231.

²⁵ Наличие фамилии «Юлий» фиксирует у Констанция Аврелий Виктор (De caes. 39.24). Примечательно, что эту же фамилию будут носить двое сыновей Константина Великого (Констанций и Констант) и его младший брат, Константин.

²⁶ *Kienast*. 2004: 280.

²⁷ *Kienast*. 2004: 233. Краткий биографический очерк: *Грант*. 1998: 209–211.

ем материала: Криспом звали старшего сына Константина, а Евтропией – его третью сестру. Родство через женщину позволило автору попутно объяснить разницу фамилий у императоров (фамилия «Евтропия» не названа), но автор этим не удовольствовался и приписал Клавдию фамилию «Флавий», которую носили все члены дома Константина (SHA Claud. 7.8). Фамилия эта ассоциировалась с семейством императора Веспасиана, и автор сообщает о том, что Клавдий расширил пространство храма рода Флавиев²⁸ (SHA Claud. 3.6). Автор, таким образом, не настаивает на происхождении дома Константина от Веспасиана, однако определенную связь между двумя императорскими фамилиями проводит. Однако и это ему кажется недостаточным: он приписывает Клавдию возможное происхождение из царского дома легендарной Трои (SHA Claud. 11.9). Исследователями высказывалось сообщение, что смелость, с которой автор формирует родословную, обусловлена насмешкой над генеалогическими претензиями Константина²⁹. Однако для этого мы должны предположить, что автор был убежден в их фиктивности. Это невероятно: ни один древний писатель не сомневается в факте родства. Автор «Истории августов» любит и ценит знатность своих персонажей и часто приписывает им знатное происхождение; Константин в этом смысле – не исключение³⁰. Смелость в данном случае, как кажется, может быть объяснена тем, что его вымысел все же не абсолютный, а основан на имеющихся данных, которые ему нужно лишь приукрасить. Этим дополнением автор явно увлекся: отсылка к семейству Веспасиана и возможное троянское происхождение превращали Константина в рафинированного аристократа, со знатностью которого смог бы потягаться не всякий римский сенатор.

Впрочем, предложенный анонимным автором вариант, благодаря своей очевидной гиперболичности, не получил развития у историков позднейшего времени. Популярностью пользовалась версия Евтропия, т.е. происхождение дома Константина от дочери Клавдия Готского. Евтропия читали христианские латинские историки Иероним и Орозий; в переводе на греческий язык он должен

²⁸ Этот храм был устроен императором Домицианом: *Richardson*. 1992: 181; его необходимо отличать от храма Веспасиана и Тита: *Richardson*. 1992: 412. Какие-либо работы в этом здании при Клавдии Готском неизвестны из других источников.

²⁹ *Bird*. 1997: 13–16.

³⁰ *Миролубов*. 2023: 817–819.

был быть известен и византийским авторам³¹. Так, Феофан (IX в.) и цитирующий его Иоанн Зонара (XII в.) пишут, что Констанций был сыном дочери («θυγατρίδοῦς») императора Клавдия (Theoph. Chron. A.M. 5796; Zon. Eritome hist. XII.31). Отметим, что греческим авторам удалось выпутаться из сложной ситуации, связанной с многозначностью латинского слова *peros*.

Итак, после Константина историки отвергли линейную схему, но не сам факт родства; они предложили его более сложный вариант. На наш взгляд, мы имеем дело с авторскими схемами, которые составлялись при отсутствии комментария самого императора и внятной источниковой базы (выше мы уже говорили о лаконичности надписей). Отметим, что Константину удалось утвердить свое родство с Клавдием в общественном мнении и исторической традиции³².

Обратимся к тому, как родство воспринималось внутри семьи самого Константина, который с 306 г. был главой большого семейства. На его попечении находились три брата (Далмаций, Констанций, Ганнибалиан) и три сестры (Констанция, Анастасия, Евтропия)³³ – старшему или старшей из них в это время было меньше 13 лет. Также у Константина уже был сын Крисп, рожденный то ли женой, то ли конкубиной Минервиной. В браке с Флавией Максимой Фаустой у него появилось сыновей и две дочери³⁴. Брат Ганнибалиан не упоминается в источниках после событий 306 г.; вероятно, он умер и не оставил заметного следа. Все остальные члены дома Константина активно включались им в его политические проекты: уже в 311 г. сестра Констанция была сосватана за правившего в Подунавье императора Лициния, а в 315 г. сестра Анастасия вышла замуж за сенатора Бассиана. Братья Далмаций и Констанций в 320-е гг. обзавелись семьями, так что к 337 г. у императора было

³¹ Альбрехт. 2005: 1505.

³² В настоящее время генеалогия признается исследователями несомненной фикцией: Grünwald. 1990: 45–50; Nixon, Rodgers. 1994: 218–220; Wienand. 2012: 234–241; Potter. 2013: 123–126; Doležal. 2022: 407–412. Впрочем, Ф. Шоссон, скрупулезно проанализировав имеющиеся источники, пришел к выводу, что прямых доказательств фиктивности в нашем распоряжении нет: Chausson. 2007: 25–95. См. ироничное замечание Т.Д. Барнса о большей пригодности аргументов Шоссона в современном суде, нежели чем в исследовании: Barnes. 2014: 208.

³³ Семейство императора Констанция Хлора: Barnes. 1982: 36–37.

³⁴ Семейство Константина Великого: Barnes. 1982: 42–43. Родословное древо дома Константина: Kienast. 2004: 381.

множество племянников и племянниц. В этой связи интересно взглянуть на то, как члены семьи Константина реагировали на его генеалогические конструкции, с помощью которых утверждались властные претензии дома.

Первое время после 306 г. братья Константина проживали в галльской Толозе. Вероятно, что о своем родстве с Клавдием Готским они могли услышать если не от брата, то от наставников, среди которых упоминается ритор Эмилий Магн Арборий, дядя поэта Авсония³⁵. Самое позднее с 326 г. Далмаций и Констанций уже входят в окружение старшего брата и заняты карьерой при дворе³⁶. Соответственно, пребывая при дворе, они не могли не быть в курсе династических построений: об этом гласили почетные надписи в честь Константина, а также сообщали панегиристы (их знакомые из среды галльских риторов и Оптатиан). Никаких фрагментов прямой речи братьев императора источники не дают, однако обратимся к ономастике. Юлий Констанций включает фамилию «Клавдий» в имена двух своих сыновей: это родившийся в 325 г. Флавий Клавдий Галл³⁷ и родившийся около 332 г. Флавий Клавдий Юлиан³⁸. Фамилия «Клавдий» не фиксируется ни у Констанция Хлора, отца Константина и его братьев, ни у них самих. Это, в свою очередь, указывает на то, что Юлий Констанций включил ее в имена сыновей в рамках согласия с взглядами брата на генеалогию их семейства (за скобками, впрочем, оставляем искренность его убежденности).

Сыновья самого Константина, несомненно, знали о своих предках. Панегирист 313 г. призывал Константина обеспечить империю преемниками – сыновьями (Pan. Lat. IX.26.4); само обучение и становление сыновей не оставляет сомнений в том, что их готовили к власти. Это значит, что на идеологемы, обосновывавшие претензии семейства на императорскую власть, их наставники обращали особое внимание. Автор «Истории августов» упоминает, что в доме императора были представлены скульптурные портреты «Клавдиев» – Клавдия Готского и его родственников (SHA Anton. Heliog. 2.4). Изображений Клавдия не зафиксировано среди дошедших до нашего времени скульптурных памятников эпохи Констан-

³⁵ Авсоний отмечает это в посвященном дяде стихотворении (De prof. Burd. 16.10–11).

³⁶ Об их карьере: *Ensslin*. 1929: 199–212; *Мирюлюбов*. 2021: 144–153.

³⁷ *Kienast*. 2004: 318. Позже, в бытность младшим соправителем своего кузена Констанция он также получит это имя и станет Флавием Констанцием.

³⁸ *Kienast*. 2004: 323.

тина, однако племянник Константина, Юлиан, в 350-ые гг. упоминает об изображениях Клавдия, достоверно передающих его внешний вид (Orat. 1.7a). Фамилия «Клавдий» фиксируется в имени второго сына императора, Константин-мл. (Флавий Клавдий Константин)³⁹; некоторые монеты фиксируют ее и у старшего сына, Криспа (Флавий Юлий Крисп, иногда – Флавий Клавдий Крисп)⁴⁰. Два сына были провозглашены Константином цезарями (своими младшими соправителями) 1 марта 317 г. в Сердике. В какой обстановке произошло провозглашение, неизвестно (источники указывают дату провозглашения), однако вскоре после него, в 317–319 гг. на всех подконтрольных Константину монетных дворах выходит серия монет в честь Констанция Хлора, Максимиана Геркулия (тестя Константина) и Клавдия Готского⁴¹. Императоры в надписях на монетах наделены почетными эпитетами, однако степень их родства с правящим императором и его сыновьями никак не прокомментирована.

Самостоятельное правление сыновей Константина известно отрывочно. Константин-мл. (носитель фамилии «Клавдий») погиб во время столкновения с братом Константином уже в 340 г.; данных об использовавшихся им идеологемах мало. Впрочем, из Келеи в Норике происходит надпись с пьедестала его статуи, где он назван абперос Клавдия Готского (ILS 723). Выбранное для обозначения родственной связи слово означает праправнука, т.е., в отличие от надписей времен Константина, в генеалогическую схему добавляется одно поколение. Р. Бёрджесс в своей статье об установлении власти сыновей Константина летом 337 г. убедительно доказывает⁴², что именно Константин-мл. инициировал чеканку коммеморативных монет в честь Елены и Феодоры, двух жен Констанция Хлора, своего деда (Елена приходилась Константину и его братьям бабушкой). Оставляя за скобками политический смысл этой чеканки, отметим, что она может указывать на интерес Константина-мл. к истории своего дома⁴³. Однако скудость сообщений источни-

³⁹ Kienast. 2004: 310.

⁴⁰ Kienast. 2004: 305–306.

⁴¹ Vagi. 1999: 452; 497; Миролубов. 2021: 94.

⁴² Burgess. 2008: 22–24; Woods. 2011: 193–195.

⁴³ Д. Вудс высказывает остроумную мысль, что, контролируя Галлию и Британию, Константин-мл. мог находиться под влиянием местных элит, знакомых с проживавшими здесь в свое время братьями Константина Великого: Woods. 2011: 195.

ков не позволяет говорить о том, насколько Константин-мл. проявлял интерес к фигуре именно Клавдия Готского.

Деятельность Константа, контролировавшего запад Римской империи в 340–350 гг., освещена источниками несколько лучше, чем правление его брата Константина-мл., но все же слабо. В 350 г. он погиб в результате мятежа узурпатора Магненция. Его брату Констанцию приснился сон, зафиксированный у позднего византийского автора Петра Патрикия: «отец его (Константин Великий. – *И.М.*) спускался к нему с высоты и держал за руку Константа, которого убил Магнентий; представляя его Константию, он, казалось, говорил ему: Вот Констант, потомок многих царей, мой сын и твой брат, злодейски умерщвленный. Не потерпи, чтобы царство было разделено, чтобы общественное устройство было разрушено; не пугайся угроз!» (FHG, vol. IV, p. 190)⁴⁴. Сон этот, несомненно, был идейным обоснованием необходимости похода Констанция против Магненция. Соответственно, в нем содержатся идеологема дома Константина, важнейшая из которых – сохранение власти и титулов в рамках семейства. Примечательно и указание на «многих царей» (т.е. императоров) – в устах Константина это является отсылкой к фигурам его самого, Констанция Хлора и Максимиана Геркулия (тестя Константина и, соответственно, деда его сыновей по материнской линии), а также, вероятно, Клавдия. Все эти фигуры упоминаются в родословных императора Констанция, датированных его правлением (CIL III.3705; 13392). В данных надписях он назван правнуком (pronepos) Клавдия. Таким образом, составители надписей в честь Констанция руководствовались моделью, заложенной надписями еще времен Константина, именовавшегося перос в значении «внука»⁴⁵. Сам Констанций, как и его отец, воздерживался от комментирования степени родства с Клавдием. Ритор Либаний в панегирике, произнесенном в честь Констанция и Константа, ничего не говорит о Клавдии, довольствуясь лишь упоминанием их отца, Константина, и деда, Констанция Хлора (Orat. 59.14–21). Также до нас дошло два панегирика, составленные кузеном Констанция, Флавием Клавдием Юлианом, будущим императором. В обоих Клавдий упомянут; приведем два фрагмента речей⁴⁶:

⁴⁴ Приводим перевод С.Ю. Дестуниса по изданию: Византийские историки. 1860.

⁴⁵ В отличие от его брата, Константина-мл., как было показано выше.

⁴⁶ Приводим перевод Л.И. Щеголевой по изданию: Император Юлиан. 2016: 9–123.

Ведь все твои предки <...> – императоры <...>. Мне следует вспомнить кое-что из древних времен, упомянуть Клавдия и представить всем очевидные свидетельства его добродетели: его борьбу против варваров, живущих за Истром; как он благочестиво и вместе с тем законно получил власть; его скромную жизнь во время царствования и, наконец, простую одежду, которую можно видеть на его изображениях (Iul. Orat. 1. 6b).

А наше (т.е. императорского дома. – *И.М.*) правление началось от Клавдия и, ненадолго прервавшись в середине, перешло к твоим дедам (Iul. Orat. 2.51b).

Эти сообщения интересны не только тем, что впервые нарратив о Клавдии получил развернутое оформление. Стоит обратить внимание также на акценты. Клавдий и дом Константина впервые обозначены в качестве единой династии («наше правление»), история которой содержит небольшую лакуну «в середине». Иными словами, правление Аврелиана, Тацита, Проба, Кара с сыновьями, Диоклетиана (270–305 гг.) Юлиан считает лакуной. Несомненное риторическое преувеличение было недопустимой вольностью с точки зрения хронологии истории Римской империи. Возможно, что именно стремление сократить эту лакуну, вкупе с необходимостью объяснить отсутствие взлета в карьере Констанция, побудило автора «Истории августов» записать императора Проба (SHA Prob. 3.3) в число родственников Клавдия. Затем интересна трактовка Юлианом провозглашения Клавдия. Приход Клавдия к власти был темным пятном его биографии: предыдущий император Галлиен⁴⁷ погиб в результате заговора, причем в нарративной традиции встречается мнение об участии в нем Клавдия⁴⁸. Однако Юлиан предлагает считать Клавдия легитимным преемником Галлиена. Соответственно, в литературе формируется нарратив о передаче власти Галлиеном Клавдию (у Аврелия Виктора и его продолжателя: Aug. Vict. De caes. 33.28; Eritome de caes. 34.2) или о его провозглашении сенатом (у Павла Орозия: Oros. Hist. VII.23.1). Кроме того, Юлиан фиксирует изображения Клавдия, достоверно передающих его внешний облик и привычки в выборе одежды. Все это указывает на то, что, несмотря на скудость источников, мы можем быть

⁴⁷ Краткий биографический очерк: Грант. 1998: 195–201.

⁴⁸ Циркин. 2009: 59.

уверены в формировании культа Клавдия в правление Константина, а также существовании этого культа в правление его сыновей (совершенно определено, в правление Констанция). Заявлением о «нашем правлении» Юлиан напоминает о своей принадлежности к правящему дому – дому, по сути, императора Клавдия.

В 360 г. Юлиан был провозглашен императором галльской армией. Констанций пытался ему противодействовать: возникший между ними конфликт велся и в идеологической сфере. Юлиан разослал в ряд крупных городов послания, в которых он критиковал кузена и его отца, своего дядю⁴⁹. Уничтожение Константина становится одной из идеологием правления Юлиана. В этой связи интересно задаться вопросом, осознавал ли он тот факт, что родственная связь императорской фамилии с Клавдием была сконструирована Константином. В имеющихся у нас надписях Юлиан указан без своих августейших предков. Возможно, это стоит приписать тому, что между ним и дедом Констанцием Хлором пришлось бы указывать имена кузена Констанция и дяди Константина, которые не могли быть им преданы забвению. Впрочем, фамилией «Клавдий», данной ему отцом, он пользуется охотно: она часто упоминается в надписях, причем даже в тех случаях, когда фамилия «Флавий» включается (AE 2000, 1136; CIL VI.1168).

К числу важнейших сочинений Юлиана, дающих представление о понимании им истории Римской империи и своего дома в частности, являются «Кронии» (или «Цезари»). Это сатирическое произведение изображает пир олимпийских богов, на который оказались приглашены и римские императоры. В их числе упомянут и Клавдий: «...удивились боги его великодушию и решили вручить власть его роду, поскольку справедливо, чтобы потомки мужа, толико возлюбившего отечество, властвовали в нем столь долго, сколь возможно» (Caes. 313 d)⁵⁰. Константин также появляется в этом произведении; Юлиан устами Силена высмеивает своего дядю, а после и вовсе изображает его и его сыновей мучимыми «за

⁴⁹ Об этом сообщает Аммиан Марцеллин (Res Gest. XXI.10.8). До нас дошло письмо Юлиана к городскому совету и народу Афин. Говоря в нем о предках, Юлиан упоминает своего отца, Юлия Констанция, и деда, Констанция Хлора, но не Клавдия (Ad Athen. 270c); впрочем, этого императора III в. в письме контекстуально не требовалось.

⁵⁰ Здесь и далее приводим текст «Кроний» в переводе Т.Г. Сидаша по изданию: Император Юлиан. 2016: 213–248.

кровь родственников⁵¹, пока Зевс не дал им отдых ради Клавдия и Констанция [Хлора]» (Caes. 336 b).

Из приведенных отрывков видно, что Юлиан вполне соглашается с генеалогической конструкцией Константина и даже начинает использовать ее в своих интересах. Династию он изображает линейной в течение двух поколений: Клавдий, потом Констанций Хлор (между ними – временная лагуна, не отодвинувшая, однако, дом от власти). При Констанции династия разветвилась и была представлена домом Константина (и его сыновей) и домом Юлиа Констанция, из которого произошел сам Юлиан. Константина с его детьми он считает недостойными преемниками Клавдия и Констанция Хлора, тогда как себя самого видит благородным правителем, которому предстоит властвовать «столь долго, сколь возможно». Вероятно, Юлиан, провозглашенный императором в 30 лет, и правда рассчитывал на долгое правление и семейную жизнь (он овдовел в 360 г.), однако в июне 363 г. он погиб во время Персидской кампании. Династия Константина (и Клавдия Готского) завершилась⁵².

Обобщим сказанное. Константин, претендуя на императорский титул в условиях жесткой политической конкуренции, обращается к конструированию своей родословной. Фигуру отца-императора он дополняет предком, выбранным из числа правителей III в. – Клавдием Готским. Скудные биографические сведения, краткое правление, отсутствие внятных сведений о его личной жизни вкупе со славной победой над готами делали его идеальным кандидатом на роль статусного предка. Озвучив претензию на родство с ним, Константин был предельно осторожен: и он сам, и официальные источники предложили минимум конкретики. Практический смысл такой немногословности состоял еще и в том, что образ именитого предка не должен был заслонить фигуру самого

⁵¹ В годы правления Константина погибли его тесть Максимиан Геркуллий, шурин Максенций, зятя (мужья сестер) Бассиан и Лициний (все перечисленные – реальные и потенциальные соперники в борьбе за власть), жена Фауста, сын Крисп, племянник Лициний-мл. Провозглашение сыновей Константина августами летом 337 г. сопровождалось гибелью от рук солдат многих родственников императора – в их числе был и отец Юлиана, Юлий Констанций.

⁵² Дочь императора Констанция и, соответственно, внучка Константина, была выдана замуж за императора Грациана: *Kienast*. 2004: 334. Однако ни он, ни она никак не обозначали своего интереса к фигуре Клавдия. То же можно сказать и об узурпаторе Прокопии, состоявшем в некоем родстве с Юлианом и домом Константина вообще: *Chausson*. 2007: 146–150.

Константина, главное лицо его династии. В итоге включение Клавдия в родословную выполняло свою задачу: оно подкрепляло претензии Константина на императорский титул, а в дальнейшем упрочило статус его сыновей. Константину удалось сконструировать миф об августейшем происхождении своего семейства, при этом немногословность официальных источников указывает на то, что император не стремился кичиться знатностью. Отметим, что Константину удалось убедить римское общество в своем императорском происхождении; и это убежденность была так крепка, что до нашего времени не дошло никаких сомнений древних авторов. Это обстоятельство тем более примечательно, что авторы, доверяя Константину, явно ощущали недосказанность, коль скоро предлагали свои версии генеалогической схемы. Можно предполагать, что члены дома Константина (кроме, вероятно, самого Константина) были убеждены в своем родстве с Клавдием Готским. Более того, Юлиан, убежденный критик своего дяди, пытался обернуть его же оружие против него и представлял его недостойным продолжателем великого предка. За пределами семьи Константина ее претензия на родство с Клавдием Готским имела важный историографический эффект. Клавдий был малозаметной и недолговечной фигурой в истории бурного III в.; известность ему обеспечила победа над готами, однако влияние его на административный аппарат и общество империи были невелики (примечательно, что в Кодексе Юстиниана нам встречается одно его постановление, касающееся вопросов водоснабжения – Cod. Iust. 3.34.6). Однако историки IV в. (Аврелий Виктор и Евтропий) уделяют ему внимание и удостоивают положительных оценок, а в сборнике «История августов» мы находим даже его биографию – образец риторического пустословия, обусловленного скудным фактическим материалом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AE = L'Année Épigraphique.
 Aur. Vict. De caes. = Sexti Aurelii Victoris De caesaribus (Секст Аврелий Виктор. «О цезарях»).
- Auson. De prof. Burd. = Ausonii De professoribus Burdigalensis (Авсоний. «О преподавателях Бурдигалы»).
- CIL = Corpus Inscriptionum Latinarum.
 Cod. Iust. = Codex Iustinianus («Кодекс» Юстиниана).
 Epitome de caes. = Epitome de caesaribus («Извлечения о цезарях»).

- Euseb. Hist. Eccl. = Eusebii Historia Ecclesiastica (Евсевий. «Церковная история»).
- Euseb. Vita Const. = Eusebii Vita Constantini (Евсевий. «Жизнь Константина»).
- Eutrop. Brev. = Eutropii Breviarium ab urbe condita (Евтропий. «Бревиарий от основания Города»).
- FHG = Fragmenta Historicorum Graecorum (ed. C.V.L. Müller).
- Herod. Hist. post Marc. = Herodiani Historia post Marcum (Геродиан. «История после Марка Аврелия»).
- ILS = Inscriptiones Latinae Selectae (ed. H. Dessau).
- Iul. Caes. = Iuliani Caesares (император Юлиан. «Цезари / Крони»).
- Iul. Orat. = Iuliani Orationes (император Юлиан. «Речи»).
- Origo Const. imp. = Origo Constantini imperatoris (Аноним Вalezия. «Происхождение императора Константина»).
- Pan. Lat. = Panegurici Latini («Латинские панегирики»).
- SNA = Scriptores Historiae Augustae («История августов»)
- Theoph. Chron. = Theophanii Chronographia (Феофан. «Хронография»).
- Zon. Epit. hist. = Ioannis Zonarae Epitoma historiarum (Иоанн Зонара. «Сокращение историй»).

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Византийские историки / переведенные с греческого С.Ю. Дестунисом, примечания Г.С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С.П. Кондратьева. М., 1992.
- Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб., 2016.
- Латинские Панегирики / вступительная статья, перевод и комментарии И.Ю. Шабаги. М., 2016.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт М. фон.* История римской литературы / пер. А.И. Любжина. Т. 3. М., 2005.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб, 1999.
- Грант М.* Римские императоры / пер. с англ. М. Гитт. М., 1998.
- Миролюбов И.А.* Династическая политика императора Константина Великого. СПб., 2021.
- Миролюбов И.А.* Гай Анний Ануллин – префект Рима на фоне кризиса // Цари. Магистраты. Императоры. Сборник статей, посвященный юбилею В.В. Дементьевой. Ярославль, 2022. С. 212–221.
- Миролюбов И.А.* Константин Великий в трактате «Historia Augusta» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2023. Т. 27. С. 813–824.
- Молчанов А.А.* Сведения о предках императорской семьи Гордианов в сочинениях Юлия Капитолина (об использовании генеалогических источников римскими историками III–IV вв. н.э.) // *Gaudeamus igitur*: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 277–285.

- Уильямс С.* Диоклетиан: реставратор Римской империи / пер. с англ. И.И. Хазиной. СПб. — М., 2014.
- Циркин Ю.Б.* Галлиен и сенат // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 23. С. 53–70.
- Циркин Ю.Б.* «Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира». 2010. Вып. 9. С. 271–288.
- Шаблага И.Ю.* Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997.
- Barnes T.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge–London, 1982.
- Barnes T.D.* Constantine: Dynasty, Religion and Power in the later Roman Empire. Malden – Oxford–Chichester, 2014.
- Bird H.W.* The Historia Augusta on Constantine’s Lineage // *Arctos*. 1997. № 31. P. 9–18.
- Burgess R. W.* The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbarton Oaks Papers*. 2008. Vol. 62. P. 5–51.
- Cameron A.* Last Pagans of Rome. N. Y., 2011.
- Chausson F.* Stemmata Aurea: Constantin, Justine, Théodose: Revendications généalogiques et idéologie impériale au IV s. ap J. – C. Roma, 2007.
- Corke-Webster J.* Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in *Historia Ecclesiastica*. Cambridge–N. Y., 2019.
- Doležal S.* The Reign of Constantine, 306–337. Cham, 2022.
- Ensslin W.* Dalmatius Censor, der Halbbruder Konstantins I. // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1929. Bd. 78. S. 199–212.
- Gibson R., Rees R.* Pliny the Younger in Late Antiquity // *Arethusa*. 2013. Vol. 46. № 2. P. 141–165.
- Grünewald T.* Constantinus Maximus Augustus. Stuttgart, 1990.
- Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Darmstadt, 2004.
- Kolb F.* Diocletian und die Erste Tetrarchie. B.–N. Y., 1987.
- Körfer A.-L.* Kaiser Konstantin als Leser: Panegyrik, Performance und Poetologie in den *Carmina Optatians*. B.–Boston, 2020.
- Körner C.* Philippus Arabs: ein Soldatenkaiser in der Tradition des antoninisch-severischen Prinzipats. B., 2002.
- Leppin H.* The Church Historians (I): Socrates, Sozomenus, and Theodoretus // Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D. / ed. G. Marasco. Leiden–Boston, 2003. P. 216–254.
- Nixon C.E.V., Rodgers B.S.* In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini. Berkley–Los Angeles–Oxford, 1994.
- García-Ruiz M.P.* Rethinking the Political Role of Pliny’s Panegyricus in the Panegyrici Latini. // *Arethusa*. 2013. Vol. 46. № 2. P. 195–216.
- Pohlsander H.* Constantia // *Ancient Society*. 1993. № 24. P. 151–167.
- Potter D.S.* Constantine the Emperor. N. Y., 2013.
- Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. L.–Baltimore, 1992.
- Scardino C.* Praxagoras von Athen // *Handbuch der griechischen Literatur der Antike* / hrsg. B. Zimmermann, A. Rengakos. Bd. 3.1. München, 2022. S. 614–615.
- Vagi D.L.* Coinage and History of the Roman Empire. Chicago–L., 1999.

- Wienand J.* The Making of an Imperial Dynasty. Optatian's carmina figurata and the Development of the Constantinian domus divina // *Giornale Italiano di Filologia*. 2012. № 3. P. 225–265.
- Winkelman F.* Historiography of the Age of Constantine // *Greek and Roman historiography in late antiquity: fourth to sixth century A.D.* / ed. G. Marasco. Leiden–Boston, 2003. P. 3–41.
- Woods D.* Numismatic evidence and the succession to Constantine I // *Numismatic Chronicle*. 2011. Vol. 171. P. 193–195.

С.И. Лучицкая

«ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО
ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О
КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ
САМОЗВАНЦА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-3

Аннотация: В статье рассматривается типичный для средневековой духовной и общественной жизни феномен лжепророков, или самозванных пророков. В центре внимания – трактат клюнийского аббата Петра Достопочтенного, где он четко поясняет критерии, по которым можно отличить истинного пророка от неистинного и стремится доказать, что основатель ислама Мухаммад был лжепророком. В статье показано, что концепции пророка в исламе и христианстве существенно отличаются и что именно непонимание этих отличий привело церковного писателя к его взглядам на ислам.

Ключевые слова: пророк Ислама, кодекс Клюни, Петр Достопочтенный.

В духовной и общественной жизни средневековой Европы чрезвычайно важное место занимал такой феномен, как лжепророки, или самозванные пророки. Как правило, в Средние века с ними отождествляли как еретиков, расхившихся с официальным учением в интерпретации христианских догм¹, так и неортодоксальных святых или прорицателей, противопоставлявших себя католической Церкви², а нередко и основателей чуждых христианству религиозных учений³. Создавая образы этих «псевдопророков» и «антихристов», христианские авторы чаще всего ссылались на евангельские тексты – прежде всего, на евангелие от Матфея и соответствующий пассаж: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мт 7, 15–16). Другим источником образов лжепророка была 13-я глава «Откровения Иоанна Богослова». В ней говорилось об Антихристе (13:1–7), который хулил Бога и вел войну со святыми, а также о действующем его властью лжепророке (13:11–18). Тот обольщал чудесами и зна-

¹ Moore. 2012.

² Гуревич. 1973: 159–185.

³ Fahd Mohammed Taleb Al-Olaqi. 2016: 138–156.

менями живущих на земле, принуждая их сделать образ апокалиптического зверя и, поклонившись ему, принять печать Антихриста – «начертание на правую руку или чело их» (13:16–17).

Священное Писание служило источником вдохновения для средневековых писателей, а в своих сочинениях они поясняли, в чем именно взгляды псевдопророков расходятся с церковной догмой. О самом же статусе лжепророка и о том, по каким общим признакам можно было в Средние века отличить истинного пророка от мнимого, в их сочинениях говорилось не так много. Именно поэтому предметом анализа в настоящей статье будет уникальный средневековый текст, содержащий достаточно ясное определение того, кто такие лжепророки, как распознать врагов Церкви и как идентифицировать самозванного пророка.

Этот текст принадлежит Петру Достопочтенному – известному клюнийскому аббату, который в середине XII в. возглавил уникальный интеллектуальный проект по переводу Корана и нескольких арабских сочинений, посвященных, в том числе Мухаммеду, с арабского на латинский язык⁴. Все вместе эти тексты составили т.н. Клюнийский корпус – так теперь называют собрание переведенных на латынь арабских памятников (включая Коран). В составе этой коллекции присутствует и широко известная в Средние века «Апология Аль-Кинди» – переписка христианина Аль-Кинди и мусульманина ибн-Хишама, которые якобы жили при дворе халифа аль-Мамуна и в письмах убеждали каждый другого в превосходстве своей веры. В переводе сочинение получило название «Письмо сарацина и ответ христианина» (*Epistula Sarraceni et Rescriptum Christiani*). Это настоящая энциклопедия знаний об исламе, и на христианском Западе она на века стала источником сведений о мусульманском мире. Сам Петр Достопочтенный черпал из нее материал для двух текстов, которые он написал в рамках своего проекта. Один из них – «Сумма всей ереси и дьявольской секты сарацин» (*Summa totius haeresis Sarracenorum*) – включал биографию Мухаммада. Она предназначалась для христианских читателей – в этом сочинении клюнийский аббат рассказывает своим собратьям по вере о расхождениях между христианами и мусульманами в интерпретации догматов св. Троицы и Воплощения, вкратце излагает

⁴ Об этом см.: Лучицкая 2021: 266–291. О Петре Достопочтенном, его роли в клюнийском движении и его трудах см.: Constable, Kritzeck. 1956.

содержание Корана, описывает обряды и ритуалы мусульман и так же подробно останавливается на жизнеописании пророка. Второе же сочинение – «Против секты сарацин» (*Contra Sectam Sarracenorum*) – было адресовано мусульманам, или сарацинам, как их называл аббат. Хотя оно не вошло в Ключинский корпус, но фактически служило своего рода введением к переводу Корана и другим текстам из этой коллекции. В нем аббат рассказывал о мотивах, побудивших его перевести Коран на латинский язык, и о тех целях, которые он преследовал, претворяя в жизнь свой замысел. Историки полагают, что в названном сочинении Петр Достопочтенный пытался отказаться от идеологии крестового похода и, в отличие от крестоносцев, намеревался мирным путем – а именно, проповедью, методом убеждения – обратить мусульман в христианство⁵. Как считается, создатель уникального проекта стремился привлечь основанные на разуме аргументы и опираться на аутентичные тексты. Именно поэтому он и решился на перевод Корана⁶. Уже в первых строках своего сочинения средневековый писатель пытается вступить с мусульманами в непосредственный диалог:

«Кажется странным, и, возможно, это действительно так, что я, как человек, находящийся так далеко от вас, говорящий на другом языке, имеющий другое вероисповедание, чуждый вашим обычаям и образу жизни, пишу из далеких западных земель людям, населяющим восточные и южные земли. И может показаться странным, что я обращаюсь со словами к тем, кого никогда не видел, и, возможно, никогда не увижу. Но я не атакую вас, как это часто делают некоторые из нас, используя оружие, я атакую словами; не силой, а разумом (*non vi, sed ratione*); не в ненависти, а в любви (*non odio, sed amore*)»⁷.

⁵ Tolan. 1998: 345–367; Kedar. 1984.

⁶ Kritzeck 1964: 15; Iognat-Prat 2002: 323–257.

⁷ Petrus Venerabilis. 1956. Lib. I. § 123: *Mirum videtur et fortassis etiam est, quod homo a vobis loco remotissimus, lingua diversus, professione seiunctus, moribus vitaeque alienus, ab ultimis Occidentis hominibus in Orientis vel meridiei partibus positus scribo, et quos numquam vidi, quos numquam forte visurus sum, loquendo aggredior. Aggredior inquam vos, non, ut nostri saepe faciunt, armis sed verbis, non vi sed ratione, non odio sed amore.*

Клюнийский аббат был настолько увлечен своим проектом, что глубоко и наивно верил, будто мусульмане заинтересуются его сочинением и прочитают его. И подобно тому, как он переводил Коран с арабского на латинский, они также захотят перевести его текст с латыни на арабский⁸. В своем трактате он горячо парирует мнимые возражения о том, что опровержение ислама, написанное на незнакомом сарацинам языке, окажется напрасным усилием, поскольку мусульмане – «варвары», чуждые западным христианам по нравам и языку и ничего общего с ними не имеют⁹. Средневековый интеллектual возражает воображаемым скептикам и, чтобы доказать свою правоту, ссылается на примеры переводов текстов Священного Писания с еврейского и греческого языков, трудов отцов Церкви с греческого на латынь и обратно и пр. Он рассказывает, как переводы этих сочинений способствовали распространению христианства во всём мире. И он полагает, что точно так же и его труд, будучи переведен с латинского на арабский, приведет мусульман на путь к божьей благодати.¹⁰

Цель своего сочинения Петр Достопочтенный видит в том, чтобы разоблачить учение Мухаммеда как ересь и тем самым доказать мусульманам превосходство христианства над исламом и склонить их к обращению в «правильную» веру. По его мнению, ислам представляет собой смесь разных уже известных ересей¹¹, а Мухаммад, которого почитают сарацины, является на самом деле лжепророком, который только выдает себя за настоящего, но на самом деле не достоин этого звания. Поскольку аббату нужно доказать своим читателям, что учитель мусульман – самозванный пророк, он достаточно четко поясняет критерии, по которым можно

⁸ *Petrus Venerabilis*. 1956. Prologus § 19: *Poterit inquam, quod scriptum fuerit in linguam transferri, poterit Christiana variata in litteras Arabicas...commutari.*

⁹ *Ibid.* Prologus § 18: *Nam homines, contra quos agere disponis, alieni sunt, barbari sunt, non solum moribus, sed et lingua ipsa nil sibi Latinisque commune esse fatentur.*

¹⁰ *Ibid.* Prologus § 19: *Sic Latinum opus in peregrinam linguam translatum proderit forsitan aliquibus, quos ductrix ad vitam gratia deo lucrari voluerit...*

¹¹ *Ibid.* Prologus § 2–8. В прологе он говорит о том, что причина написания трактата была та же, что у многих великих отцов Церкви, которые «не могли переносить какого-либо, даже малого ущерба христианской вере» (*Non potuerunt illi pati quamlibet vel parvam iacturam fidei Christianae*) и разоблачали ересиархов. Желая вписаться в эту линию, Петр Достопочтенный пытается развенчать еще одну ересь – учение Мухаммада.

отличить истинного пророка от фальшивого.¹² Редко можно встретить средневековый трактат, в котором бы этот вопрос был так тщательно и подробно разъяснен. Петр Достопочтенный подробно разбирает его во второй главе своего сочинения «Против секты сарацин».

Клюнийский аббат полагает, что следует верить только в истинного божьего пророка, истинного посланца. А мусульмане, как он о том осведомлен, действительно считают Мухаммада последним из пророков и как бы «печатью всех пророков» (*signaculum omnium prophetarum*), посланником Бога, принявшем через архангела Гавриила небесные заповеди – божественный закон, который он заповедал соблюдать всем сарацинам¹³. Зная это, Петр Достопочтенный предлагает своим воображаемым читателям – мусульманам – порассуждать вместе с ним и разобраться в том, является ли их учитель действительно пророком и какие пророчества он изрек. В искреннем религиозном порыве он обращается к ним напрямую: «Прозываете его пророком, считаете его посланцем Бога?»¹⁴. И далее пытается доказать, что учитель мусульман не является истинным пророком. Итак, проследим этапы рефлексии клюнийского аббата.

Размышляя на заданную тему, он использует упомянутый текст аль-Кинди,¹⁵ вписывая содержащиеся в нем сведения в более связную и теологически обоснованную структуру. При этом средневековый писатель исходит прежде всего из новозаветного определения пророка, как оно дается апостолом Петром в его посланиях. Согласно св. Петру, пророк является медиумом Св. Духа: «Но никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет.1:21)¹⁶.

¹² О понятии пророка в трактате Петра Достопочтенного см.: *Torrell*. 1975: 257–282.

¹³ *Petrus Venerabilis*. 1956. Lib. I. § 28: Ille cum sit ordine ultimus in prophetis et velut 'signaculum omnium prophetarum' et legis divinae non auctor sed lator, non deus sed nuntius, mandata caelestia a deo per Gabrielem sibi missa...accepta patribus nostris nobisque servanda tradidit.

¹⁴ *Ibid.* Lib. II § 96: *Prophetam eum vocatis, nuntium dei dicitis?*

¹⁵ Эта тема обсуждается в параграфах 26–30 *Rescriptum Christiani*. См.: *Милют*. 2005: 54–57.

¹⁶ *Petrus Venerabilis* 1956. Lib. II. § 97: «*Non voluntate*», inquit, «*humana allata est aliquando prophetia, sed Spiritu Sancto inspirati locuti sunt sancti dei homines*».

Разделяя эту точку зрения, Петр Достопочтенный утверждает, что истинный пророк тот, кто, может предсказывать неизвестные вещи из прошлого, настоящего и будущего – не по знанию человеческому, но будучи вдохновлен Богом¹⁷. Ключнийский аббат приводит многочисленные примеры такого рода пророчеств из обоих Заветов, главным образом Ветхого. Он выстраивает настоящую галерею ветхозаветных пророков – Исайи, Даниила, Моисея, Иеремии, Иезекииля, Илии, Елисея¹⁸. Он подчеркивает, что это хорошие пророки (*boni prophetae*), предсказания которых истинны. Им он противопоставляет языческих, плохих пророков (*mali prophetae*), прорицания которых лживы. К последним он относит аугуров, заклинателей, гаруспиков, магов, чародеев и пр.¹⁹.

Из всех видов пророчеств самыми важными Петр Достопочтенный считает предсказания о будущем, многочисленные примеры которых он приводит в своем сочинении. При этом точно так же, как его предшественник аль-Кинди, аббат различает пророчества о близком будущем – такие, как, например, предсказания Моисея о казнях египетских и гибели фараона, или Даниила о близкой гибели Навуходоносора²⁰ и др. – с одной стороны, и предсказания о далеком будущем, как, скажем, пророчество Исайи о Рождестве Христове (Ис.7:14) и пр. – с другой²¹. Самый главный, по мнению ключнийского аббата, признак истинности пророчеств заключается в том, что они исполняются, даже если сами пророки не имеют возможности в этом удостовериться. Так, прорицание Исайи об освобождении иудеев из вавилонского плена²², пусть и свершилось после его смерти, но исполнилось. Предсказание о вознесении

¹⁷ Ibid. Lib. II, §97: *Propheta est, qui res ignotas aut praeteriti temporis aut praesentis vel futuri non humana cognitione edoctus, sed spiritu dei inspiratus mortalibus manifestat*. Аббат почти буквально воспроизводит цитату из «Апологии аль-Кинди»: *Propheta est ignota predicens, siue de preteritis siue de futuris*. Muñoz. 2005. § 27.

¹⁸ *Petrus Venerabilis*. 1956. Lib. II. § 98–118.

¹⁹ Ibid. Lib. II, § 131: *augures, harioli, haruspices, magi, sortilege*.

²⁰ Ibid. Lib. II, § 110.

²¹ В переписке с ибн-Хишамом аль-Кинди именно так классифицирует пророчества ветхозаветных пророков, а также Христа, который, по его мнению, предсказывал как близкое будущее – как-то, воскрешение Лазаря или отречение Петра, так и далекое, когда он пророчествовал о разрушении иерусалимского храма, о мучениках за его веру и о лже-пророках. См.: Muñoz. 2005. §27.

²² *Petrus Venerabilis*. 1956. Lib. II. § 107.

Илии в огненной колеснице на небеса также осуществились, причем пророк до последнего момента не знал, случится ли это или нет²³. Точно так же исполнились и новозаветные пророчества Павла²⁴. Все они осуществились потому, что были истинными.

Разрабатывая далее свою классификацию, Петр Достопочтенный вводит различие между универсальными (всеобщими) и частными пророчествами. К универсальным он причисляет пророчества, затрагивающие судьбы всего человечества и мира в целом – например, предсказания о Христе и Страшном суде²⁵. К частным пророчествам, согласно его классификации, относятся те, которые касаются отдельных народов или лиц – например, предсказание Ионы о разрушении Ниневии²⁶ или пророчество Исаии о гибели Сеннахериба²⁷ и пр. Великие ветхозаветные пророки – Моисей, Исайя, Иеремия и др., – произносили, по мнению церковного писателя, как всеобщие, так и частные пророчества. Но – утверждает аббат – универсальные пророчества, которые, собственно, и удостоверяют статус истинного пророка, со времени Христа уже не существуют. Следуя традиции, Петр Достопочтенный утверждает, что последним истинным всемирным пророком был Иоанн Креститель, и именно он завершает вереницу универсальных пророков, о чем прозрачно говорит Евангелие от Луки (Лк, 16:16). Потому, по мнению клюнийского аббата, невозможно считать Мухаммада пророком и тем более последним из пророков, или, как говорится в Коране, «печатью пророков»²⁸. Обращаясь к мусульманам, церковный писатель произносит следующие слова: «Итак, не был ваш пророк Магомет, как вы говорите, «печатью пророка» (*signaculum prophetarum*), не он последний из пророков, но Иоанн Креститель, о котором Христос в Евангелии, данным, согласно Вам, ему, говорит: «Закон и пророки до Иоанна»²⁹.

²³ Ibid. Lib. I, § 115.

²⁴ Ibid. Lib. II, § 138.

²⁵ Ibid. Lib. II, § 133.

²⁶ Ibid. Lib. II, § 134.

²⁷ Ibid. Lib. II, § 142.

²⁸ Как говорит сура Корана о Мухаммеде, «он – посланник Божий и печать пророков» (33:40).

²⁹ *Petrus Venerabilis*. 1956. § 137: *Non fuit igitur Mahumetus vester ut dicitis "signaculum prophetarum", hoc est ultimus in prophetis, sed Iohannes baptista, de quo Christus in Evangelio iuxta vos sibi dato ait: "Lex et prophetae usque ad Iohannem"*.

В дальнейшем Петр Достопочтенный так выстраивает свою аргументацию, чтобы как можно убедительнее доказать отсутствие пророческого дара у основателя ислама. По его мнению, учитель мусульман вообще не подходит под созданную аббатом классификацию пророков. Ведь тот ничего не предсказал из прошлого, будущего или настоящего: «Разве раскрыл он тайны, которые ранее были неизвестны смертным? Указал на что-то из настоящего, что для других было скрыто? Или предвидел и предсказал хотя бы малейшие и ничтожные вещи относительно будущего?»³⁰. Аббат не обнаруживает никаких доказательств пророческого дара учителя мусульман. К тому же, продолжает Петр Достопочтенный, если бы Мухаммад мог предсказать будущее, разве мог бы он потерпеть поражение в битвах с врагами?

«Если он пророк, то почему он не предвидел поражение и не принял меры предосторожности? Если бы умел пророчествовать о настоящем и прошлом, почему не знал заранее, что его ожидает в сражении, где ему выбили зубы, рассекли губу, нанесли порезы на лбу и пр.»³¹.

Таким образом, характеризуя действия Мухаммада, средневековый писатель отказывает ему не только в пророческом даре, но даже в интуиции и умении чувствовать опасность.

И еще один аргумент выдвигает Петр Достопочтенный, доказывая, что Мухаммад – неистинный пророк. Как он показывает, даже в Коране, священной книге сарацин, нет сведений о пророческом даре учителя мусульман. Ключийский аббат предлагает своим читателям перелистать Коран от первой суры до последней и убедиться в этом самим:

«Перечитайте часто упоминавшийся ваш Алькоран, изучите весь текст этого вашего, как вы считаете,

³⁰ *Petrus Venerabilis*. 1956. § 102 : *An quia quae erant prius ignota mortalibus revelavit praeterita? An quia quae alios latebant indicavit praesentia? An quia quamlibet parva et vilia praesensit et praedixit futura?*

³¹ *Ibid*. §119: *Quare non praevideit et praecavit in quodam suo procinctu, cui ipse interfuit, unum sibi de inferioribus dentibus dentem excutiendum, labrum praecidendum, vulnera fronti et faciei suae ab hostibus inferenda?* В этом пассаже аббат имеет в виду сражение при Ухуде 627 г., в котором Мухаммад потерпел поражение.

небесного писания, ... Докажите исходя из сказанного, что хотя бы одно пророческое слово было произнесено в вашем возвышенном писании»³².

А ведь именно в Коране, в котором, по мнению мусульман, собраны божественные предписания, переданные Мухаммаду через архангела Гавриила, и должны быть, как считает аббат, сведения о пророческом даре основателя нового учения.³³ И автор трактата подытоживает свои аргументы: «Разве это, о мужи, недостаточно, чтобы доказать, что он не был пророком?»³⁴.

Если мы отвлечемся от чтения текста Петра Достопочтенного и попытаемся оценить его аргументацию с точки зрения мусульман, к которым обращается аббат, то мы увидим, что для этой аудитории, описываемые им критерии истинности пророка вообще не релевантны. Дело в том, что в исламе помимо понятия «наби» (пророк) есть понятие «расул» – посланец. Для мусульман Мухаммед не только наби, которому ниспослано Откровение, но также расул, т.е. посланник Бога. Его предназначение – исполнять божественную миссию, послание (рисала), проповедовать истинную веру и обращать в нее людей. Если в христианстве пророк – тот, кто должен предсказывать грядущие события, то расул в исламе – посланник Бога, приносящий вести о том, что человек должен подчиниться воле Бога³⁵. Но средневековый писатель не знает, что мусульманское понятие «расул» не соответствует христианскому представлению о пророке. Для клюнийского аббата тот факт, что Мухаммад не изрек никаких пророчеств, подтверждает, что он не является истинным пророком. Причем это не единственный аргумент в пользу такой точки зрения, и, как говорит Петр Достопочтенный,

«пусть за этим последуют другие [доказательства], и раскроют, что он нечестивый, более того самый про-

³² Ibid. §102: *Revolvite saepe nominatum Alkoran vestrum, scrutamini totum textum illius vestrae caelestis ut putatis scripturae... Probate ex iam dicta illa vestra sublimi scriptura eum saltem unum et solum verbum propheticum protulisse.*

³³ Ibid. §103: *Et ubi magis, si propheta fuit, eum se ostendere prophetam decuit quam in libro caelitus ut scribit per tomos allato sibi que a deo per Gabrielem transmisso?*

³⁴ Ibid. §123: *Nonne ista, o viri, sufficiunt ad comprobandum eum non esse prophetam?*

³⁵ Tolan. 1998: 345–367.

пащий человек и даже по его собственному признанию лишенный всякого пророческого дара»³⁶.

Еще одно доказательство того, что Мухаммад был лишен пророческого дара, заключается, с точки зрения Петра Достопочтенного, в том, что тот не совершал чудеса. В системе христианских представлений, которые разделяет аббат, способность творить чудеса – важнейший критерий истинности пророческого дара³⁷. Так, пророк Моисей исторгал воду из камня, разделял Красное море и пр., Христос демонстрировал знамения и чудеса, христианские пророки исцеляли и воскрешали людей и т.д.³⁸ Об этом Петр Достопочтенный постоянно напоминает на страницах своего сочинения. Доказывая, что Мухаммад не совершал никаких чудес, клюнийский аббат прибегает к приему, который в дальнейшем часто будут использовать христианские авторы, полемизировавшие с исламом: он либо приписывает Мухаммаду речи, которые тот никогда не говорил, либо привносит вымысел в текст Корана.

Так, Петр Достопочтенный сочиняет, будто Бог сам сообщил Мухаммаду, чтобы тот не являл народу чудеса, так как они противоречат пониманию истины, которую он несет своим приверженцам. Если же народ не поверит Мухаммаду, то будто в этом случае Бог обещал ему знаки и чудеса³⁹. Откуда такие витиеватые измышления? Вполне возможно, что в этом пассаже Петр Достопочтенный намекает на известную суру Корана, в которой приводятся слова колебавшихся в учении пророка ислама: «Если бы ему ниспослано было знамение от его Господа!» (13:27). Придуманной им самим диалог Бога с Мухаммадом Петр Достопочтенный называет вымыслом «слабым, хрупким и созданным из праха» (*enerve, fragile, testeum*), в то же время приписывает этот *commentum diabol-*

³⁶ Ibid. §123: *Sed succedant his alia, et impium, immo perditissimum hominem ab omni prophetica gratia etiam ipso fatente procul exclusum declarent.*

³⁷ Об этом же говорит и аль-Кинди в своих письмах мусульманину аль-Хишаму. Оспаривая пророческий дар Мухаммада, христианский автор спрашивает своего мусульманского товарища: «Покажи, какими знамениями и чудесами, и святыми делами заслужил твой пророк честь называться пророком?» (*Ostende, quibus signis, quibus miraculis, quibus sanctis operibus propheta tuus prophetie honorem meruerit*) (Muñoz. 2005. §28).

³⁸ *Petrus Venerabilis*. 1956. §126.

³⁹ Ibid. §123 : *Nisi sciremus eos tibi non credituros, <sictu nec aliis crediderunt>, daremus tibi signa et prodigia.*

icum самому пророку ислама (§123). По мнению аббата, сам Мухаммад заявляет, что он не совершал чудес, а значит отрицает свою способность пророчествовать. «Итак, – говорит средневековый писатель, – либо яви знаки и будь пророком, либо, если тебе знаки не даны, перестань, о проклятый и обреченный на проклятье, называть себя пророком»⁴⁰. Если Мухаммад выберет первое, то, с точки зрения аббата, ему следует опровергнуть свой собственный вымысел (разговоры с Богом), а если второе – то должен будет признать, что он не пророк, поскольку не совершил чудес. Такова в общих чертах аргументация Петра Достопочтенного.

Рассуждая о чудесах как критерии истинности пророка, Петр Достопочтенный снова бьет мимо цели, проецируя христианские представления на чужую культуру. В самом деле, отношение к чудесам в исламе совершенно иное, чем в христианстве – они не являются критерием истинности пророческого дара⁴¹. Послание Корана суровое и простое, и в нем практически ничего не говорится о чудесах. Лишь в одной уже упомянутой выше суре (13:27) неверующие заявляли о своем желании, чтобы им было послано знамение о том, что Мухаммед посланник Бога. В другой суре сами многобожники просили пророка о чудесах: «Ни за что мы не уверуем, пока ты не исторгнешь для нас земной источник» (2:118). Но, согласно мусульманским представлениям, Аллах предписал, что единственное чудо – Коран, нерукотворный, но Богом сотворённый, чья ясность, простота и глубина считаются неподражаемыми.

Рассказы о чудесах, сотворенных Мухаммедом, представляют собой позднейшие легенды, которые мы встречаем в сборниках хадисов (таких, как «Сахих» аль-Бухари») или сирах (биографиях) пророка. Самые известные из них – это, например, предание о том, как Бог расколол луну на две половинки, а Мухаммед соединил их⁴², или история с отравленным барашком, которого после завоевания Хайбары приготовила Мухаммеду иудейка, напрасно стремившаяся его умертвить⁴³ и пр. Вообще рассказы о чудесах проро-

⁴⁰ Ibid. §130: *Aut ergo talibus indiciis te, o Mahumete, ostende prophetam, aut, si hoc non potueris, desine te, o damnate atque damnande, vocare prophetam.*

⁴¹ Максимов. 2001: 307–327.

⁴² Этот хадис основан на цитате из Корана (54:1): «приблизился Час, и раскололась луна». См.: «Сахих» аль Бухари. 2017: 353.

⁴³ Этот эпизод запечатлен в сире ибн Исхака. См.: Ibn Ishaq. 1998: 510. Он стал излюбленным сюжетом средневековых хронистов, писавших о пророке. Так,

ка – последующая традиция, которая существовала сама по себе независимо от Корана. Как уже говорилось, в системе мусульманских представлений чудеса оцениваются совершенно иначе, чем в христианстве, и – что важно для нашей темы – они отнюдь не подтверждают пророческий дар Мухаммеда. Однако для клюнийского аббата такой взгляд оказывается неприемлемым. С его точки зрения пророк должен доказать свой пророческий дар чудесами. А если он не может это сделать, то он не пророк, а самозванец.

Наконец, Петр Достопочтенный выдвигает еще один критерий, позволяющий ему отличать истинного пророка от самозваного. По его мнению, никто из общепризнанных универсальных пророков так настойчиво сам себя не называл пророком, как это делал Мухаммед, и никто так, как он, не желал, чтобы ему поверили, будто он пророк⁴⁴. А именно этого, как считает клюнийский аббат, не делали другие – настоящие – пророки. Они-то и были, по словам Петра, истинными и смиренными рабами Бога, и, будучи настоящими пророками, уклонялись от того, чтобы их так называли и стремились прежде всего обрести истину⁴⁵. Средневековый писатель приводит многочисленные примеры ветхозаветных и новозаветных пророков (Амос, Иоанн Креститель и др.), которые отрекались от этого звания, но при этом оставили пророческие знамения в своих книгах, а значит, были истинными пророками. Мухаммад же, по мнению Петра Достопочтенного, напротив, «продолжает до отворачивания называть сам себя пророком, но при этом ничего не говорит о будущем, не произносит ничего пророческого и не предсказывает ничего такого, что исполнится»⁴⁶. Христиане, подчеркивает клюнийский аббат, в отличие от мусульман, верят в своих

английский хронист XIII в. Мэтью Пэрис сочинил по мотивам этого предания историю о том, как отравленный барашек заговорил с пророком человеческим голосом, предупреждая его об опасности: *luctus est agnus ad Machomet dicens: "Vide ne comede ex me. Venenosus enim sum"* (Matthaeus Parisiensis. 1876. P. 350).

⁴⁴ *Petrus Venerabilis*. 1956. §128: *quis, o miser, ex universorum collegio prophetarum sic se dixit prophetam ut tu, sic se voluit credi prophetam ut tu?*

⁴⁵ *Ibid.* §128: *Vitabant illi ut veri et humiles servi dei gloriam magni nominis, et cum vere dei prophetae essent, prophetas se dicere salva quantum poterant veritate refugiebant.*

⁴⁶ *Ibid.* § 129: *Et cum paene usque ad nauseam se dei prophetam dicat, affrimet et replicet, nihil de futuris loquitur; nihil propheticum sonat, nihil a se non solum praedictum vel impletum ostendit, sed nec implendum praedicit.*

пророков не столько потому, что они называли себя таковыми, сколько потому, что их пророческий дар был подтвержден явными знаками, непреложными чудесами и полезными делами – плодами их деятельности⁴⁷.

Как видим, на протяжении всего трактата Петр Достопочтенный вслед за своими предшественниками стремится описать признаки фальшивого самозваного пророка. Однако, в отличие них – например, аль-Кинди – он почти ничего не говорит о таких присутствующих, по мнению средневековых интеллектуалов, истинному пророку качествах, как святость жизни и праведность⁴⁸. Возможно, это связано с тем, что данную тему клюнийский аббат затронул в другом своём сочинении – «Краткой сумме всей сарацинской ереси» (*Summula totius haeresis Saracenorum*), где представил Мухаммада сластолюбцем и прелюбодеем, а также приписал ему скандальный образ жизни, несовместимый со статусом пророка⁴⁹.

В целом аббат нарисовал достаточно ясный портрет «классического» лжепророка, а разработанная им система аргументации оказалась впоследствии весьма востребованной средневековыми писателями. Вот только один пример. В XIII в. знаменитый энциклопедист Винцент из Бовэ, разоблачая в своём «Историческом зеркале» Мухаммада как обманщика, выделяет те же, что и в трактате «Против секты сарацин», критерии отличия лжепророка от настоящего пророка: в отличие от истинного, учитель мусульман не был способен произносить предсказания о прошлом, настоящем или

⁴⁷ Ibid. § 130 : *Credit Christianus prophetis suis, non quia tantum prophetas se dixerunt, sed quia prophetas se esse evidentibus signis, claris miraculis ipsisque ab eis rerum evidentibus signis, claris miraculis ipsisque ab eis rerum praedictum effectibus absque aliquo dubietatis vestigio comprobarunt.*

⁴⁸ Так, аль-Кинди (Миñоз 2005) полагал, что пророки заслужили это звание «долгой святой жизнью» (*longa et diuturna uite sancitate* - § 27) и «святыми делами» (*sanctis operibus* - § 28), а Мухаммад, которого аль-Кинди изобразил сластолюбцем (§25), не заслуживает этой чести.

⁴⁹ Аббат обвиняет Мухаммада не только в сластолюбии, но и в том, что тот, по его мнению, ввел безнравственные ритуалы и тем самым поощрил «обжорство и похоть» (*gulae ac libidini laxavit*) (Petrus Venerabilis. 1956. §10). Кроме того, с точки зрения Петра, считающего Коран выдумкой Мухаммада, тот изобразил в священной книге мусульман такие муки ада и райские утехы, «какне подобало измышлять великому лжепророку (*qualia ad invenire magnum pseudoprophetam decuit*) (Ibid. §9).

будущем⁵⁰; ему не были даны Богом знамения и чудеса (*signa prophetica*), подтверждающие его пророческий дар⁵¹; он не мог предвидеть последствия своих действий и пр. Таким образом, в рассказе о Мухаммаде-лжепророке средневековый эрудит опирается на разработанную клюнийским аббатом схему.

В своем трактате Петр Достопочтенный попытался изобразить мусульманского пророка ислама, но при этом, как мы видели, ориентировался на сложившиеся в христианской культуре представления о статусе пророка и его миссии. Несмотря на уникальные обширные знания в области ислама, клюнийскому аббату было просто невозможно выйти за пределы своего мирозерцания и усвоить иной принцип мышления. И поскольку в его системе ценностей христианство рассматривалось как единственно правильная религия, то любые другие религиозные учения были, с его точки зрения, лишь отклонениями от нее, а их основатели не могли считаться истинными пророками. Отсюда понятно стремление аббата представить Мухаммеда как лжепророка и противопоставить его «истинным» – ветхозаветным и новозаветным пророкам, о которых было хорошо известно средневековым христианам. В своем труде Петр Достопочтенный пытался с помощью изощренных аргументов доказать, что Мухаммад был типичным самозванным пророком, который не был призван или послан Богом, но пророчествовал по своему измышлению. В этом отношении трактат «Против секты сарацин» дает нам уникальную возможность: читая сочинение Петра Достопочтенного, мы можем увидеть, как работает средневековый ум. Но не только.

Используя апологетический по своей сути трактат аль-Кинди, клюнийский аббат создал произведение иного – полемического – жанра. Оттолкнувшись от характерной для западного христианства модели истинного пророка и спроецировав – с обратным знаком – на учителя мусульман типичные для этой традиции представления о признаках пророческого дара, средневековый автор создал образ «классического» самозванного пророка. Так Петр Достопочтенный использовал и совершенствовал известный в Средние века полемический прием – приписать своему религиозному оппоненту те мысли и высказывания, которые христианский писа-

⁵⁰ *Vincentius Bellocensis*. 1964. Lib. III, cap. 45 : *propheta est ignota praedicens, sive de praeteritis, sive de futuris*.

⁵¹ *Ibid.*: *de signis vero et miraculis quod non sint illi data a Deo*.

тель был намерен разоблачить. Неслучайно сконструированная аббатом модель пророка-самозванца в дальнейшем использовалась средневековыми писателями (Гийомом Триполитанским, Педро Паскуалем и др.), стремившихся разуверить мусульман в их религиозном учении и склонить их к обращению в христианство.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- «Сахих» аль Бухари / Пер. с арабского В. Нирша. М., 2017.
The Life of Muhammad: A Translation of Ishaq's Sirat Rasul Allah / Transl. A. Guillaume. Oxford, 1998.
Matthaeus Parisiensis monachus Sancti Albani Chronica majora / Ed. by H.R. Luard. L., 1876. (Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. Vol. 57. T. 3).
Muñoz F.G. (ed.). Exposición y refutación del Islam: la versión latina de las epistolas de al-Hasimi y al-Kindi. A Coruña, 2005.
Petrus Venerabilis. Schriften zum Islam, Corpus Islamo-christianum / Ed. R. Gleib. Altenberge, 1985.
Vincentius Bellovacensis Speculum quadruplex, naturale, doctrinale, morale, historiale. Douai, 1624. (repr. Graz, 1965).

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А.Я. Из истории народной культуры и ереси. «Лжепророки» и Церковь во Франкском государстве // Средние века. Исследования по истории Средних Веков и раннего Нового времени. М., 1973. Вып. 38. С. 159–185.
Лучицкая С.И. Магомет, Сатана и «сарацинская ересь»: взгляд из Ключни. В кн.: *Eadem*. Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. М., 2021. С. 266–292.
Максимов Ю. Понятие чуда в христианстве и исламе // Альфа и омега. М., 2011. № 1(27). С. 307–327.
Constable, Giles und James Kritzeck (ed.): *Petrus Venerabilis (1156–1956)*. Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death. Rome, 1956.
Fahd Mohammed Telb Al-Olaqui Western Polemic Writings about Muhammad's Prophethood // *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2016. Vol. 3. № 5. P. 138–156.
Iogna-Prat D. Order and exclusion. Cluny and Christendom face heresy, Judaism, and Islam (1000–1150). L., 2002.
Kedar B.Z. Crusade and Mission. European Approaches Toward the Muslims. Princeton, 1984.
Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton; New Jersey, 1964.
Moore R.I. The War on Heresy: Faith and Power in Medieval Europe. Harvard, 2012.

Tolan J. Peter of Cluny in the “Diabolical Heresy of the Saracens” // The Devil, heresy and witchcraft in the Middle Ages. Essays in honor of Jeffrey B. Russell. Ed. A. Ferreiro. Leiden, 1998. P. 345–367.

Torrell Jean-Pierre La notion de prophétie et la méthode apologétique dans le *Contra Sarracenos* de Pierre le Vénérable // *Studia monastica*. 1975. T. 18. № 1. P. 257–82.

Л.Б. Сукина

ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ
1666 ГОДА. (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ
ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ»
ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-4

Аннотация. Автор исследует вопрос, как тема богоизбранности царской власти была интерпретирована в книге Лазаря Барановича «Меч Духовный» 1666 г. Идея богоизбранности верховного правителя и Божьего покровительства праведным государям еще в Средневековье получила распространение в культуре христианского мира. В России 1660-х гг. она была актуализирована благодаря особому стечению обстоятельств: церковная реформа, расширение территории государства за счет присоединения новых земель военным путем, абсолютизация власти царя Алексея Михайловича и ожидание Конца света. При этом второй государь династии Романовых был заинтересован в дополнительных аргументах, легитимирующих его самодержавие, о чем свидетельствуют документы Тайного приказа, касающиеся слухов о его «незаконном» происхождении, и некоторые детали конфликта царя с патриархом Никоном. В статье показано, как Лазарь Баранович с помощью схоластических богословских и литературных приемов, подразумевающих, в том числе, обильное цитирование, создает стройную и убедительную концепцию праведного рода русского государя, династии, оказавшейся на вершине власти по воле Божьей. Согласно ей, государь Алексей Михайлович – не самозванец и случайный баловень судьбы, а богоизбранный царь, подобный библейскому Давиду, императору Константину Великому и другим прославленным правителям древности. По праву Божьего избранника русский царь владеет обоими мечами власти – светской и церковной.

Ключевые слова: русское самодержавие, династия Романовых, идея праведного государя, старопечатная книга, богословско-политическая концепция

В средневековой вербальной и визуальной культуре Запада и Востока христианского мира была широко распространена идея богоизбранности власти и Божьего покровительства праведным государям. На Руси она была известна как из библейских текстов, так и литературных сочинений («Александрия», «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и др.) и исторических хроник иноземного (преимущественно византийского) происхождения. В определенные периоды истории в той или иной стране или целом регионе представления о связи земных правителей с небесными силами приоб-

ретала особую актуальность. Обычно потребность в таких идеях обострялась внешней угрозой или внутренними конфликтами. Так, специфическое стечение обстоятельств (церковная реформа, расширение территории государства за счет присоединения новых земель военными средствами и абсолютизация власти царя Алексея Михайловича) благоприятствовали вниманию к ним в России в 1660-е гг. К исследованию данной проблематики и ее воплощения в публицистике и литературе того времени ученые-гуманитарии обращались неоднократно. Но, несмотря на это, в сфере изучения ее символического осмысления современниками все еще остаются некоторые лакуны. В данном отношении значительный интерес представляет иллюстрированное гравюрами издание сборника проповедей епископа Черниговского и Новгород-Северского, ректора Киево-Могилянской коллегии Лазаря Барановича († 1693) «Меч Духовный» («Меч духовный, еже есть глагол Божий на помощь Церкви воюющей, из уст Христа поданный») напечатанное в типографии Киево-Печерского монастыря при финансовой поддержке русского правительства в 1666 г.¹

Это сочинение Лазаря Барановича имеет богатую историографию. С XIX в. до наших дней оно много раз становилось объектом внимания историков литературы и старопечатной книги. Изучены и истолкованы концепция «Меча духовного», его литературные и богословские образы и метафоры². Его неоднократно упоминали во многих работах, посвященных русской и украинской книжной графике XVII–XVIII вв. При этом проблема вербального и визуального воплощения одной из ключевых тем сборника – богоизбранности власти русского царя и благословения царского рода, все еще до конца не исчерпана исследователями, предпочитающими изучать тексты и гравюры отдельно друг от друга, что и подтолкнуло меня рассмотреть ее в специальной статье. Для полноты картины я использую комплексный подход, дающий возможность проследить осмысление и развитие важнейших сюжетов и символов, как в литературном повествовании, так и в изображениях.

Указанная тема занимает в сборнике положение, равноправное по важности с эсхатологией и политико-богословской теорией о роли двух мечей – духовной и светской власти. «Меч духовный» был адресован царю Алексею Михайловичу (1629–1676, правил

¹ *Лазарь (Баранович)*. 1666. Второе издание вышло в 1686 г.

² См.: *Строев*. 1876; *Сумцов*. 1885, 1895; *Радишевский*. 1987; *Матушек*. 2011 и др.

1645–1676), которого Лазарь Баранович (как и другие сторонники политического союза с Москвой из украинского духовенства) чтит за то, что тот «закон царский совершил еси, егда Малу Россию под крепкую свою руку приял еси»³. Составитель сборника, со всем свойственным ему красноречием восхвалявший мудрость, прозорливость и храбрость царя, не мог при этом не знать, что Алексей был лишь вторым правителем новой династии Романовых (царей не «прирожденных», а избранных на Земском соборе), и его собственная самодержавная власть все еще нуждалась в подтверждении легитимности и идейной поддержке. Как показывают материалы Н.Я. Новомбергского, еще совсем недавно, в правление первого из Романовых Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета, большинство случаев «слова и дела государева» были связаны с доносами на людей, заставших русскую Смуту начала XVII в. и упоминавших, как правило во хмелю, других «истинных» царей – Бориса Годунова, Дмитрия Ивановича, Василия Шуйского, которые, как казалось, были лучше и справедливее нынешних государей⁴. Неуверенность положения не «прирожденных», а «избранных» самодержцев заставляла первых Романовых выстраивать мнимые «родовые» связи с прежней династией, к которой они не имели прямого отношения, и вписывать свое родословие в сформировавшуюся еще в XVI в. при Рюриковичах династическую концепцию царской власти⁵. Алексея Михайловича в начале правления преследовали ещё и слухи о его собственном «незаконном» происхождении, которые основывались на том факте, что он был единственным выжившим из двух сыновей Михаила Федоровича – отца нескольких здоровых дочерей. Среди ранних дел созданного Алексеем Михайловичем в 1654 г. Тайного приказа выделяется разбирательство доносов о ходивших в Москве разговорах касательно того, что в свое время одну из родившихся в семье Михаила Романова царевен подменили чужим младенцем мужского пола, который теперь и стал царем⁶. Появлению таких слухов способствовали воспоминания о событиях Смутного времени, происходивших на памяти старшего поколения современников Алексея Михайловича. Тогда неоднократно вдруг «находились» царевичи – претенденты на

³ Лазарь (Баранович). 1666: 8.

⁴ См.: Новомбергский. 2004.

⁵ Сиренов. 2017.

⁶ Черникова. 2021:14.

престол, ранее считавшиеся погибшими или умершими. Также при первых Романовых дважды возникала коллизия скрытого «двоевластия», когда патриархи Филарет (1619–1633) и Никон (1652–1666), как и цари, использовали титул «Великий Государь» и активно вмешивались в дела правления, пользуясь молодостью Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, соответственно. Если первый делал это на правах кровного отца царя, то второй – отца «названного», старшего друга и наставника правящего монарха. Но Алексей Михайлович, дав формальную клятву подчиняться Никону как церковному иерарху в духовных вопросах, не собирался отказываться от своих прерогатив Божьего наместника в делах государства и церкви. Он не мог и не хотел соглашаться с развиваемой патриархом идеей о превосходстве священства над царством, так как архiereй считался церковью «равночестным» самому Богу⁷.

Проблема «законности», «праведности» государя, который, согласно представлениям русской средневековой книжности, должен был выступать главным защитником веры и церкви⁸, вновь обострилась накануне 1666 г. В 30-й главе апологетической «Книги о вере», изданной в Москве в 1648 г., содержалось эсхатологическое предсказание, что в 1666 г., возможно, наступит конец всего сущего⁹. И в этом же году должен был начаться Большой Московский собор, среди задач которого были, во-первых, обсуждение дела патриарха Никона, желавшего показать, кто в России настоящий государь, и потому демонстративно в 1658 г. покинувшего без разрешения царя свою кафедру, а во-вторых, осуждение противников церковной реформы (старообрядцев). На глазах духовенства и мирян происходило разрушение унаследованной от Византии симфонии государства и церкви. В связи с явным отказом от сохранения баланса властей, в той или иной степени существовавшего в последние десятилетия, идейное, богословское обоснование самовластия Алексея Михайловича как права богоизбранного царя было совсем не лишним.

Так сложилось, что интересы царской власти совпали со стремлением Лазаря Барановича получить покровительство и под-

⁷ Кантерев. 1912: 178–179.

⁸ Подробнее см.: Вальденберг. 1916.

⁹ Книга о вере единой истинной православной. 1648. О вычислениях даты Конца света в 1666 г. в украинской и русской книжности XVII в. подробнее см.: Опарина. 2003: 287–317.

держку (в том числе, материальную) русского самодержца. В середине 1660-х гг. Лазарь занимал видное положение в среде украинского православного духовенства. Кампания 1663–1664 гг. русско-польской войны 1654–1667 гг., во время которой большая армия короля Яна Казимира Вазы в соединении с отрядами крымских татар и правобережных казаков нанесла серьезный урон левобережной Украине, усилила пророссийские настроения среди местных священников и монашествующих. Лазарь, как и многие его современники, желал укрепления связей с Россией, но при этом надеялся сохранить независимость восстановленной в 1620 г. Киевской митрополии, после четырнадцатилетнего перерыва в ее истории. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что во время восстания на правобережной Украине против польской власти митрополит Иосиф (Нелюбович-Тукальский) и архимандрит Трехтемировского монастыря Геден (бывший гетман Ю.Б. Хмельницкий) были арестованы и заключены в крепость в Мальборке. После ходатайств Запорожского войска и левобережной шляхты, нового восстания и вынужденной присяги пленных иерархов на верность польской короне Ян Казимир «простил» обоих, но захотел заменить митрополита своим ставленником Антонием (Винницким). Весной 1666 г. киевское духовенство обратилось с челобитной к царю Алексею Михайловичу, чтобы тот разрешил им самостоятельно избрать митрополита в Киеве из своей среды. В качестве одной из наиболее подходящих кандидатур называли черниговского епископа Лазаря Барановича. Желание его приехать в Москву и участвовать в Большом Московском Соборе при царском дворе было встречено благосклонно. С опозданием из-за задержки в печати предназначавшегося в дар царю своего сборника проповедей Лазарь прибыл в русскую столицу 12 октября 1666 г. в сопровождении свиты из 63 человек и певческой капеллы, а также со свежим тиражом «Меча духовного» и копией чудотворной Купятицкой иконы Богородицы. Подносной экземпляр «Меча» был вручен царю сразу же «на приезде»¹⁰.

К первой встрече с русским самодержцем Лазарь готовился очень тщательно. Известно, что специально для этого случая он составил несколько проповедей, в том числе об Алексие Человеке Божием – тезоименитом святом царя¹¹. На аудиенции Лазарь наме-

¹⁰ См.: *Эйнгорн*. 1899; *Флоря*. 2009; *Корзо*. 2015.

¹¹ Письма. 1865: № 22.

ревался прочесть адресованное царю вступление к своей книге, в котором Алексей Михайлович был представлен как отличающийся исключительной праведностью государь, которого избрал Господь и позволил сосредоточить в своих руках оба меча власти и стать единственным защитником церкви и подданных накануне Конца света. Согласно авторской концепции, Алексей являлся тем самым правителем «последних времен», о котором много раз говорилось в византийской и древнерусской книжности. Лазарь явно намеревался вызвать благожелательное внимание царя к своей собственной персоне и проблемам украинской церкви, поэтому вступительная часть к сборнику проповедей, представляющая собой, по сути, панегирик Алексею Михайловичу, занимает в «Мече духовном» значительное по объему место.

В составлении литературной композиции «Меча» Лазарь Баранович следовал еще позднесредневековой традиции, сложившейся в «литовской» старопечатной книжности в конце XVI в., когда основной текст издания предворяли несколько прозаических и стихотворных предисловий, готовивших разум читателя к пониманию его основного содержания. В XVII в. под влиянием барокко к разъяснению смыслов подключались также титульные листы и входные гравюры с их аллегорическими изображениями и символическими элементами¹².

Заглавием книги Лазаря служит распространенная в Средневековье метафора слова Божьего, восходящая к цитате из послания апостола Павла к Ефессянам: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие» (Ефес 6: 17). Православными богословами XVII–XVIII вв. эта метафора использовалась в полемических трудах. «Меч духовный» Лазаря Барановича составлен из 56 проповедей, связанных идеей сохранения веры и благочестия в канун последних времен. Сборник богато иллюстрирован – в тексте помещено 55 гравюр на меди размером в половину листа, отпечатанных с досок, награвированных известным украинским мастером Илией и находившихся в распоряжении киевской лаврской типографии (они неоднократно использовались для различных изданий). Титул и входная гравюра «Меча духовного», украшавшая его вступительную часть, состоящую из двух прозаических и одного стихотворного предисловий, оригинальны. Они были награвирова-

¹² См.: Сазонова. 1981: 153–187.

ны специально для издания 1666 г., но имя их автора неизвестно. Из текстов предисловий очевидно, что в составлении иконографических программ этих гравюр непосредственное участие принимал сам Лазарь Баранович.

Гравированная рамка титульного листа книги включает множество микросюжетов, связанных с истолкованием метафоры «меча духовного». Литературной основой ее иконографии является второе прозаическое предисловие, обращенное «к читателю», под которым, в первую очередь, подразумевался царь Алексей Михайлович. В этом предисловии с опорой на множество цитат из Писания и сочинений Святых Отцов обосновывается идея особой избранности и эсхатологической миссии русского государя-праведника, кто один слышит и слушает глас Божий и потому может быть сопоставлен прославленным библейским царям и императорам древности (в первую очередь, Константину Великому¹³), каковым Господь вручил оба меча и передал власть светскую и духовную. Соединение обеих властей в одних руках позволит ему быть единственным предстоятелем своих подданных на Страшном суде и привести их в Царство небесное¹⁴. Как отмечает Е.Ю. Матушек, основные аргументы Лазаря Барановича в значительной мере парировали доводы главного в то время царского политического оппонента, изложенные в сочинении (предположительно 1662 г.) «Возражение или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридосу и на ответы Паисеовы»¹⁵. Опальный патриарх считал претензии царя на власть не только над своей державой, но и над церковью, необоснованными и дерзкими (своего рода самозванчеством). Хотя в предисловиях «Меча духовного» нигде нет прямого противопоставления Алексея Михайловича и Никона, очевидно, чью сторону в этом споре занял Лазарь.

¹³ В правление Алексея Михайловича существовавшая еще в древнерусской книжности идея сопоставления русских великих князей и царей с первым христианским императором и создателем восточной Римской империи Константином Великим получила развитие и распространение. Алексея часто представляли в документах, публицистике, литературе и искусстве того времени как «нового Константина». См.: *Чеснокова*. 2011: 159–198; *Звезда*. 2019.

¹⁴ Подробнее см.: *Сукина*. 2022.

¹⁵ *Матушек*. 2011: 17–24.

Но большее значение для исследования избранной мною проблематики имеют не титул и вышеупомянутый текст второго предисловия, а другой тематический комплекс вступительной части книги. Он состоит из входной гравюры, стихотворного и первого прозаического предисловий.

Гравюра, традиционно именуемая в исследовательской литературе «Род правых благословится» (согласно надписи на ленте-бандероли в центре композиции) и сопровождающие ее вирши «На его пресветлаго царского величества знамение» занимают разворот, следующий за титулом¹⁶ (Илл. 1). Основу иконографической схемы входной гравюры представляет изображение царского семейного древа, на ветвях которого в чашечках «цветов» размещены полуфигуры Алексея Михайловича, его первой жены Марии Ильиничны (Милославской) и сыновей Алексея Алексеевича, Федора Алексеевича и Симеона Алексеевича. Древо прорастает из «колена» прародителя старой царской династии (напомню, что Романовы считали себя ее законными продолжателями) киевского князя Владимира Святославича. Отдельно у собственных одиноких древ изображены святые «сродники» русских царей князья Борис и Глеб. В композицию гравюры включено множество аллегорических сюжетов и символических образов, снабженных подписями-цитатами и ссылками на соответствующие места Писания и Отеческой литературы¹⁷.

В общих чертах иконографическая схема и детали гравюры воспроизводят сюжетные элементы и ходы стихотворного предисловия, преподносящего царя Алексея Михайловича и его семью как праведного государя и праведный род не волею случая оказавшихся на престоле крупнейшего православного государства того времени, а ниспосланных Богом в нужный час и назначенных править на земле до конца времен, а затем бесконечно на небесах («Алексий Божий Человек названный, Богом за царя нам Алексий данный. Да zde царствует донеле круг солнца, а в небе има царствовать без конца»). Имя царя, названного в честь святого Алексия Божьего Человека, также свидетельствует о его особой миссии, святости и связи с небесным покровителем. Царская супруга тоже неслучайно носит имя Божией Матери – Мария («Человек Божий Алексий на Бога смотрит; Марии к Марии дорога»). Царский дом

¹⁶ *Лазарь Баранович*. 1666: 1об–2.

¹⁷ Подробнее об иконографии гравюры см.: *Сукина*. 2020.

осенен крестом, на котором был распят Царь Небесный. Это покровительство сулит земному царю победу над всеми военными, политическими и духовными противниками, с которыми он вынужден в данный момент сражаться («Крест в облацах Христов сияет, пресветлый царский дом век просвещает. <...> Крест знаменует победу царице, Силой Царя Распята на Древи»). Как и Христос, Алексей Михайлович в виршах ассоциируется с символической царственной птицей – орлом, а его дети с орлятами («От сего орла орлы ся рождает, во венцах царских царями бо бывает»).

Проблема происхождения царствующего рода в стихах и гравюре решена весьма изобретательно. Центральная идея панегирического возвеличивания Алексея Михайловича и Марии Ильиничны («Аще свет Бога и Марии с вами, луна всех варвар у вас под ногами») позволяет пренебречь изображением череды их предков и не показывать, что собственно царское родословие Романовых в реальности совсем короткое. Но это не «своемысленная» новация Лазаря Барановича, которая была бы воспринята современниками отрицательно и имела бы эффект, противоположный ожидаемому. Лазарь был искушен в богословской полемике и за основу сюжета виршей и гравюры взял цитату из Псалтыри: «Сильно будет на земле семья его; род правых благословится» (Пс 111: 2). Сокращенный вариант царского родословия вполне соответствует толкованию этого фрагмента Иоанном Златоустом, чьи объяснения неясных мест Писания пользовались популярностью у православных книжников XVII в. Согласно Иоанну, в Писании «семенем» и «родом» часто именуются не родственники по крови, но люди духовно близкие, исповедующие общие христианские добродетели и веру. Именно они, следующие Господним заповедям, и являются единым «родом правых», который обретет Божье благословение на земле и силу на небесах (Иоанн Златоуст. Беседа на псалом 111). Таким образом, праведная семья Алексея Михайловича составляет общий «род правых» с крестителем Руси, которого в книжности XVII в. называли «первым русским царем» Владимиром Святославичем и его сыновьями, первыми чтимыми во святых князьями Борисом и Глебом («Благословится як звезды род правых, исполн богатства, дом исполн их славы. Аще корень свят, то и ветви святы, красят дом царский Борис и Глеб браты. <...> Корень Владимир, свят, от его рода ста есть цари вся ваша порода»). С помощью этого сюжетного приема совсем молодая и на тот момент всего лишь двухко-

ленная родословная царей Романовых совершенно законно удлинится на несколько сотен лет и десятков поколений.

Идея Божьего покровительства русскому царю и его семье в стихотворном предисловии оформлена литературно изящно, но слишком сложно по смыслу для понимания обычным читателем. Чтобы расшифровывать метафоры и улавливать намеки на библейские и святоотеческие цитаты надо было обладать богословской образованностью в той же степени, как и автор стихов. Поэтому входная гравюра «Меча духовного» – не прямая иллюстрация рифмованного текста, а следующий этап толкования идеи о богоизбранности праведного царя Алексея Михайловича и благословенности царского рода. Данное визуальное высказывание, как это свойственно культуре барокко, опять же сложно зашифровано и перегружено деталями, обладающими своими богословскими и политическими смыслами. Все элементы и микросюжеты изображения сопровождаются бандеролями с сокращенными цитатами из Писания, отсутствующими в виршах и требующих прочтения заново. В дополнительном истолковании нуждается и общий смысл аллегорической композиции.

Подробное объяснение аллегорий и символов виршей и гравюры содержится в первом прозаическом предисловии «До Его Пресветлого Царского Величества...»¹⁸, открывающимся посвящением «Божию милостию великому Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...». В нем объясняется, что главным символом Господнего покровительства выступают три короны, венчающие гербового двуглавого орла. Это три из множества венцов, которые украшают главу самого Царя Небесного, как это описывает Иоанн Богослов в Апокалипсисе. Данные венцы посылаются государю Алексею Михайловичу как Помазаннику Божию, в царствование которого «Троица Животворящая прославляется изрядне»¹⁹. Царю Небесному, указывает Лазарь Баранович, поклоняются все цари земные («как глаголет царь Давид»), но наипаче ему поклоняется царь Российский. Поэтому сей государь и устаивается особого Божьего дара. Каждая из дарованных ему корон имеет собственное значение. Две короны, венчающие головы царского орла, – символы Божественного и человеческого естества Иисуса Христа. Находящийся между ними третий венец обозначает высшую, но

¹⁸ Лазарь (Баранович). 1666: 2 об – 10 об.

¹⁹ Лазарь (Баранович). 1666: 3.

невидимую (о ней знают только посвященные) главу Церкви, которая на земле пользуется поклонением и поддержкой праведного русского государя²⁰.

Важным символом особого статуса второго царя династии Романовых и его семьи является и звездная россыпь в божьей деснице. Господь благословляет весь царский дом и умножает государево семя «яко звезды небесныя». Венцом в форме кольцевого созвездия Алексей Михайлович будет увенчан, когда покинет царствие земное и окажется в царствии небесном²¹.

Самым очевидным знаком Божьего покровительства на гравюре и в виршах является, о чем уже упоминалось выше, парящий в небесах крест. Но в прозаическом предисловии Лазарь Баранович насыщает толкование его символики дополнительными подробностями. Этого знака царь Алексей Михайлович удостоен как государь возлюбивший Крест Распятия и носящий его на своем царском венце²². Подчеркивая данное обстоятельство, Лазарь пренебрегает тем фактом, что крестом завершалась Шапка Мономаха, служившая задолго до воцарения Романовых и тем более Алексея Михайловича атрибутом власти русских государей старой династии²³. Далее автор еще раз напоминает своему царственному читателю, что в поклонении Кресту он уподобляется равноапостольному императору Константину, и как тот получит помощь небес в своих сражениях с врагами. Следует отметить, что культ Креста Распятия действительно пережил расцвет в царствование Алексея Михайловича и его наследников²⁴. При этом на начальном этапе распространения этого культа большую роль сыграл патриарх Никон. Но в сочинении Лазаря Барановича речь идет только об исключительном царском рвении в любви к этому важнейшему символу христианства.

В прозаическом предисловии Алексей Михайлович неоднократно сопоставляется с библейским царем Давидом, имя которого означает «возлюбленный». Давид был вторым царем Израиля, и, кстати, царем не наследным, а провозглашенным (2Цар. 2: 4), но именно он в христианской литературе стал образом идеального правителя. По утверждению Лазаря, как и Давид, моливший о кры-

²⁰ Лазарь (Баранович). 1666: 3.

²¹ Лазарь (Баранович). 1666: 3 – 3 об.

²² Лазарь (Баранович). 1666: 3 об.

²³ См.: Жиллина. 2001.

²⁴ Подробнее см.: Сукина. 2023.

лах голубиных, русский государь получил от Господа крылья, но не голубя, а царственного орла. Царь взлетит на них высоко, так как заслужил славу и власть предпочтением горнего земному²⁵.

Орел – также еще один из центральных символических образов предисловия. В литературе времени Алексея Михайловича он прочно ассоциировался не только с Христом, но и с этим государем (как, например, и в сочинениях Симеона Полоцкого), а в дальнейшем будет связан и с его наследниками, а также с самим русским государством²⁶. На гравюре и в текстах литературных предисловий мы видим, как одноглавого орла, так и двуглавого. Второй из них ассоциируется у читателя и зрителя еще и с российским государственным гербом. Он представлен взирающим каждой головой на одно из двух сияющих на небе солнц, символизирующих Христа и Богородицу. Солнце Христа светит самому царю, а солнце Богородицы – царице Марии Ильиничне. Орел-Христос приведет Алексея Михайловича к победе над некими варварами (под которыми могли подразумеваться и турки-мусульмане, и поляки-католики, и старообрядцы) и всеми прочими врагами, как и других царей, которые выбрали эту птицу своим геральдическим знаком²⁷.

Русскому царю – воину и полководцу – покровительствует небесный воин, символизирующий не императора Константина Великого, как полагает, например, Н.М. Абраменко, анализируя титульный лист «Меча духовного»²⁸, а еще один и известных образов Христа (предводителя небесного воинства из Апокалипсиса). Об этом свидетельствуют цитаты на сопровождающих это изображение бандеролях, а также пояснения Лазаря в прозаическом предисловии. Царь должен следовать по стопам этого воителя, поражающего змея-диавола, а в схватке уповать не на свое оружие, а на Господа, дающего ему силу и мужество²⁹.

К настоящему и будущему династии имеют отношение дальнейшие пояснения Лазаря о чудесных действиях царского орла «в трех венцах». «Летая по всему воздуху», он свил три гнезда на вершинах трех деревьев (все они изображены на гравюре). В этих гнездах находятся молодые орлы «до царствия рожденные» – зри-

²⁵ Лазарь (Баранович). 1666: 3 об.

²⁶ См.: Гребенюк. 1989; Сазонова. 2006: 385–406.

²⁷ Лазарь (Баранович). 1666: 3 об. – 4.

²⁸ Абраменко. 2015: 8, 10.

²⁹ Лазарь (Баранович). 1666: 2, 4 об – 5.

тель может видеть их гравированные изображения. Главное древо посажено возле «исхождения» вод святого Крещения, то есть у истока реки Иордан. Корнем его является равноапостольный князь Владимир – первый христианский государь Руси. От этого святого корня произошли две святые, хоть и бесплодные, ветви (на гравюре они изображены, как уже говорилось выше, в виде двух отдельных деревьев со своей символикой). Они окропили царское древо кровью князей-мучеников Бориса и Глеба, погибших молодыми и не оставивших собственного потомства. Цветы на ветках главного древа и орлята в гнездах на вершинах всех трех древ – символы членов царствующего рода Алексея Михайловича, его нынешнее и грядущее потомство, дети, внуки и правнуки³⁰.

Подводя итог своим толкованиям, тщательно подкрепленным, как было принято у прошедших хорошую школу православных проповедников эпохи барокко, ссылками на Писание, Лазарь Баранович констатирует:

«Се тако благословится род Вашего пресветлого царского величества. Род правых благословится господним благословением, Сих род ищущих Господа, ищущих лица Бога Иаковлева. Сих древ Евангелисты и учителя церковные держатся и под сих сению полезные церкви начертывают»³¹.

Алексей Михайлович, по мысли Лазаря, как достойнейший государь, избранный не людьми, но самим Богом, должен не просто царствовать и защищать страну от врагов, но и заботиться о благе Церкви, не доверяя эту заботу никому другому в канун возможных последних времен. Кроме венца и меча христианского воина он получает и духовный меч – глас Божий, чтобы неустанно пасти своих подданных, оберегая их от врагов видимых и невидимых («Орел не без меча будет духовного»³²).

Далее в предисловии следует новый круг объяснений символики царского орла, подкрепляющий ранее заявленные метафоры новыми цитатами из Писания. Заканчивается предисловие словами в адрес царя, царицы и всех живущих членов царской семьи – царевичей и царевен.

³⁰ Лазарь (Баранович). 1666: 5 – 5 об.

³¹ Лазарь (Баранович). 1666: 5 об.

³² Лазарь (Баранович). 1666: 6.

Таким образом, развивая сюжет своего повествования, нанизывая и наслаивая его символические образы и детали, Лазарь Баранович с помощью схоластических приемов, подразумевающих, в том числе, обильное цитирование, создает стройную и убедительную концепцию праведного рода русского государя, династии, оказавшейся на вершине власти по воле Божьей. Она происходит от «праведного корня» крестителя Руси, имеет праведные ветви в лице святых «сродников», князей-страстотерпцев, ее древу покровительствует сам Господь. Нынешний государь Алексей Михайлович – не самозванец и случайный баловень судьбы, а богоизбранный царь, подобный библейскому Давиду. В своем служении Кресту он сопоставим с императором Константином Великим, его символом также, как и у Христа, и у других праведных правителей является орел. Русские царь и царица заботятся о благе Церкви, поэтому не только сами получают Господню поддержку, но и обеспечили ее всему царскому роду на земле и на небесах. Небеса вручили Алексею Михайловичу оба меча власти – светской и церковной, вооружив его на борьбу со всяческим злом в канун последних времен.

Точная реакция самого царя на «Меч духовный» неизвестна. И.А. Шляпкин предполагал, что книгу рассматривали и одобрили на Соборе 1666–1667 гг., в котором участвовали ее автор и адресат³³. Косвенно это подтверждается тем фактом, что сборник было разрешено продавать в России, а его экземпляры разослали по епархиям. Но этот момент нуждается в специальном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Книга о вере единой православной. М., 1648.

Лазарь (Баранович). Меч духовный. Киев, 1666.

Письма преосвященного Лазаря Барановича с примечаниями. Чернигов, 1865.

ЛИТЕРАТУРА

Абраменко Н.М. Гравюра из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» в контексте русского искусства второй половины XVII в. // Четвертые Казанские искусствоведческие чтения. Искусство печатной графики: история и

³³ *Шляпкин*. 1891: 122.

- современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2015. С. 8–11.
- Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.
- Гребенюк В.П.* Эволюция поэтических смыслов российского абсолютизма (от Симеона Полоцкого до М.В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989. С. 188–200.
- Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.
- Звездина Ю.Н.* Константинов крест, венценосный всадник и православное воинство в гравюре и духовной литературе второй половины XVII века // Музеи Московского Кремля: материалы и исследования. М., 2019. Вып. 29. С. 171–180.
- Матушек Е.Ю.* «Западники», грекофилы и традиционалисты как читатели «Меча Духовного» Лазаря Барановича // Литературоведческий журнал (Материалы III международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте»). 2011. № 28. С. 17–24.
- Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2.
- Корзо М.А.* Лазарь // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. XXXIX. С. 679–686.
- Новомбергский Н.Я.* Слово и дело государево: В 2-х т. М., 2004. Т. 1.
- Опарина Т.А.* Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей / Под ред. М.С. Киселевой. М., 2003. С. 287–317.
- Радишевский Г.Г.* Барочный концептизм поэзии Лазаря Барановича // Украинское литературное барокко. Киев, 1987.
- Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Сазонова Л.И.* Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (особенности литературной формы) // Русская старопечатная литература XVI – первая половина XVIII в. М., 1981. Т. 1. С. 153–187.
- Сиренов А.В.* Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Сост. и отв. ред. А.В. Доронин. М., 2017. С. 345–357.
- Строев П.М.* Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и его проповеди // Черниговские епархиальные ведомости. 1876. № 19. С. 527–534.
- Сукина Л.Б.* Большой выносной крест в России XVII–XVIII вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 4. С. 73–87.
- Сукина Л.Б.* Визуальные метафоры литературного образа «Меча духовного» в композиции титульного листа книги Лазаря Барановича // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2022. Сб. 21. С. 514–526.
- Сукина Л.Б.* «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 115–131

- Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Харьков, 1885. Вып. 1. Лазарь Баранович.
- Сумцов Н.Ф.* О влиянии малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и об отражении в раскольнической литературе масонства // Киевская старина. 1895. Т. 51. № 12. Отд. 1. С. 367–379.
- Флоря Б.Н.* Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2 (13/14). С. 123–147.
- Черникова Т.В.* «Государево слово и дело» во времена первых Романовых // Россия и современный мир. 2021. № 4 (113). С. 6–28.
- Чеснокова Н.П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011.
- Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.
- Эйнгорн В.О.* Очерки по истории Малороссии в XVII в. М., 1899. Ч 1.



«Илл. 1. Род правых благословится». Входная гравюра книги Лазаря Барановича «Меч духовный». Киев, 1666.

Е.Д. Браун

САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-5

Аннотация. В XVI–XXI вв. представления о Перкине Уорбеке сделали полный круг – от недоумения современников, через безоговорочное неприятие века Тюдоров, первые попытки оправдания XVII–XVIII вв., сентиментальные романы и поэмы XIX столетия, скрупулезные исследования рубежа XX–XXI вв., историки вернулись к началу. Как и современники, они с недоверием относятся к официальной, тюдоровской версии событий и допускают, что на виселицу отправили настоящего принца, законного наследника Йорков.

Образ Уорбека оказался настолько противоречивым прежде всего потому, что выбор между «самозванцем» и «принцем» не всегда зависел от объективных, научных данных. Зачастую решение определялось оценкой правления Тюдоров и предшествующего периода Войн Роз (в особенности личности и царствования Ричарда III). Действовали и неисторические факторы – в попытке найти внеполитическое объяснение успехов Уорбека, которого ещё при Тюдорах превратили в безмерно обаятельного красавца, жертву чужих интриг. Художники, поэты и романисты с удовольствием эксплуатировали подобный образ и развивали эту эмоциональную составляющую, по мере удлинения исторической дистанции образ Уорбека становился всё более трогательным и сентиментальным.

Ключевые слова: Перкин Уорбек, самозванцы, Генрих VII, Ричард III, принцы в Тауэре, британская историография.

Самозванец Перкин Уорбек (1475–1499) – один из самых загадочных персонажей английской истории. Его короткая жизнь¹ была наполнена удивительными приключениями – Перкин исколесил пол-Европы, пользовался покровительством императора, королей и аристократов, несколько раз пытался отвоевать английский трон; но главное, современники так и не смогли понять, кто перед ними – самозванец или всё-таки настоящий принц. И даже в 1499 г. приключения Перкина Уорбека не закончились, его посмертный образ зажил собственной жизнью: ученые, поэты, романисты, сценари-

¹ Перкин был казнен в 1499 г. в возрасте двадцати четырех лет.

сты и художники бесконечно переписывали историю, делая из Уорбека то бесчестного авантюриста, то политическую марионетку, то храброго и благородного наследника дома Йорков, причем каждый век предлагал несколько конфликтующих интерпретаций. Данное небольшое исследование посвящено именно этим трансформациям, его основная цель – попытаться понять, почему фигура Перкина Уорбека оказалась настолько противоречивой.

Как это обычно бывает с самозванцами, основой истории Уорбека стала гибель наследника престола, в которую многие не хотели верить. Весной 1483 г. скончался Эдуард IV Йорк. Трон должны были унаследовать его сыновья; старшему из них (принцу Эдуарду) было двенадцать, а младшему (Ричарду) всего девять. Перед смертью Эдуард IV назначил своего родного брата Ричарда герцога Глостера протектором королевства и опекуном племянников. Ничего хорошего из этого не вышло – Ричард узурпировал трон, а сыновей Эдуарда IV объявил незаконнорожденными и поместил в Тауэр. Уже через несколько месяцев после коронации Ричарда III мальчики пропали. Какие только слухи не ходили по столице. Одни говорили, что детей задушили подушками (эту, по-видимому, самую популярную версию впоследствии растиражировали Томас Мор и Шекспир)², другие утверждали, что их отравили или даже утопили в мальвазии³. Тела, скорее всего, зарыли в Тауэре, но, может быть, и перезахоронили в неизвестном месте⁴, а, может быть, бросили «в морские глубины»⁵. Конечно же, нашлись и те, кто утверждал, что дети живы⁶, их увезли за границу, где принцы спокойно ждут своего часа.

Самозванцы могли выдавать себя за ещё одного знатного юношу – томящегося в Тауэре Эдуарда графа Уорвика (1475–1499). Он был сыном среднего брата Эдуарда IV и Ричарда III – Джорджа герцога Кларенса – казненного в 1478 г. за государственную измену, т.е., по мнению современников, имел куда больше прав на трон, чем правивший в то время основатель династии Тюдоров Ген-

² *More*. Richard III (далее – R III). В цитируемом издании 1557 г. на поля были вынесены подзаголовки, помогающие сориентироваться в тексте. Для удобства поиска нужных фрагментов в ссылках будут указываться названия этих маргиналий.; *Shakespeare*. 1623. Act 3, Scena Tertia.

³ *Great Chronicle of London*. 1938: 236–237; *Lady Bessie*. 1868: 321.

⁴ *The yong kyng and his brother murthered // More*. R III.

⁵ *Rastell*. 1811: 292–293.

⁶ *Perken Werbecke // More*. R III.

рих VII (1485–1509). Юный Эдуард никогда не участвовал в заговорах, но слухи о его побеге из Тауэра распространялись чуть ли не каждый год.

Наконец, получивший трон в результате Войн Роз Генрих VII не пользовался любовью англичан. Неудивительно, что за самозванцами дело не стало; Перкин был не первым и далеко не единственным. В 1486–87 гг. наследником Йорков⁷ провозгласил себя Ламберт Симнел, его даже короновали в Дублине, но в итоге мятеж был подавлен. Ламберта спасли нежный возраст и полное раскаяние, Генрих VII сохранил мальчику жизнь и дал место на королевской кухне⁸, тем самым полностью делегитимировал претендента. В 1499 г. монах-августинец, о котором известно только то, что его звали Патрик, внушил некоему Ральфу Уилфреду, что «тот сможет получить корону, выдав себя за Эдуарда графа Уорвика, сбежавшего из Тауэра».⁹ Ральф и его учитель очень скоро были пойманы и взяты под стражу, юношу казнили, а наставника приговорили к вечному тюремному заключению на хлебе и воде¹⁰. Оба эпизода предельно ясны – историки с уверенностью называют и имена руководивших самозванцами «кукловодов», и подробности биографии претендентов.

С Перкином Уорбеком всё совершенно иначе – в его истории слишком много загадок. Англичане впервые услышали об этом человеке в 1491 г. Он появился в Ирландии и был принят за младшего из сыновей Эдуарда IV – принца Ричарда. А дальше началась удивительная череда взлетов и падений. Права «Ричарда IV» признал фактический правитель Ирландии граф Килдер. В Ирландии к свите Перкина присоединился бывший секретарь Генриха VII Стефан Фрайон. В соответствии с наиболее распространенной версией, Фрайон был нанят королем Франции для того, чтобы помочь самозванцу лучше сыграть свою роль (по-видимому, французский монарх планировал использовать Уорбека для давления на Генриха VII). Неудивительно, что после появления в Ирландии английской армии «Ричард» бежал именно во Францию. В 1491–92 гг. юноша

⁷ У этого самозванца была очень любопытная история. Сначала Ламберта объявили чудом спасшимся старшим сыном Эдуарда IV, но потом по столице распространились слухи о побеге Эдуарда Уорика, и Ламберта из Эдуарда V «переименовали» в Эдуарда Уорика.

⁸ *Bennett*. 1987: 102–134.

⁹ *Polydore Vergil*. 2005: Liber XXVI, 42.

¹⁰ *Ibid*: Liber XXVI, 42.

гостил при дворе французского короля Карла VIII, но снова принужден был уехать (этого требовали условия Этапльского англо-французского соглашения). В 1492 г. его «узнала» и приютила «родная тетка» – Маргарита Бургундская. В 1493 г. сторонниками «Ричарда IV» стали император Священной Римской империи Максимилиан Габсбург и герцог Бургундии Филипп I. Но затем молодого человека вновь постигла неудача – в 1495 г. его войска безуспешно пытались вторгнуться в Англию (Кент), а затем высадились в Ирландии, планируя начать оттуда поход на Лондон. В 1495 г. фортуна вновь повернулась к Уорбеку лицом – «Ричард» заручился покровительством шотландского короля Якова IV и даже вступил в брак с его родственницей леди Кэтрин Гордон. В 1496 г. очередная попытка вторгнуться в Англию во главе шотландских войск не принесла результатов. После заключения мира между Англией и Шотландией Перкин снова вынужден был уехать, на этот раз в Ирландию. В 1497 г. он рискнул вторгнуться в Англию с ничтожными силами – его солдаты уместились на четырех кораблях; затея закончилась полным провалом – «Ричард» сдался в плен Генриху VII, подписал и публично зачитал *Исповедь*, в которой признал себя самозванцем. Перкин был принят при английском дворе, дважды пытался бежать, и 23 ноября 1499 г. закончил жизнь на виселице в Тайберне. Однако за этим всем известным фасадом скрывается немало тайн.

Первой загадкой является происхождение Перкина Уорбека. Существует целых четыре конфликтующих версии; само количество гипотез наводит на размышления. Долгое время единственно возможным считался вариант, обнаруженный в т.н. *Исповеди* Уорбека. У современных историков этот документ не вызывает доверия, поскольку был составлен без участия кающегося. Итак, Генрих VII официально заявлял, что претендент на престол – всего лишь сын сборщика таможенных пошлин в Турне Джона Осбека (John Osbeck) и некоей Кэтрин де Фаро (Katherine de Faro). В рамках этой версии наш герой оказывался не просто самозванцем, он якобы выдавал себя за нескольких знатных особ: сначала за Эдуарда Уорика (сына Джорджа Кларенса); затем за незаконнорожденного сына Ричарда III; и только потом за младшего сына Эдуарда IV Ричарда¹¹.

¹¹ *Исповедь* Уорбека была напечатана в Лондонской хронике (Cotton Vitellius A–XVI. 1905: 219–221), в хрониках Э. Холла (Hall. 1809: 488–489) и

Второй вариант был предложен миланским дипломатом Эразмо Браша (Erasmus Brascha). По его словам, сэр Роберт Клиффорд, который долгое время являлся доверенным лицом «Ричарда IV Йорка», утверждал, что юноша был сыном вдовствующей герцогини Бургундии Маргариты и епископа Камбре¹².

Третью версию предложил Френсис Бэкон. Ссылаясь на широко известное женолюбие Эдуарда IV Йорка, Бэкон предположил, что Перкин и в самом деле был сыном короля, но только незаконнорожденным¹³.

Нельзя вовсе сбрасывать со счета то, что говорил сам «Перкин». Юноша настаивал, что является законным наследником английского трона. По словам претендента, его старший брат Эдуард был убит в Тауэре по приказу Ричарда III, а младшего пощадили, взяли с него клятву молчать и вывезли за границу¹⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что три из четырех версий причисляют нашего героя к дому Йорков. Впрочем, на этом загадки не кончаются. Обращает на себя внимание чрезмерно широкое международное признание. Напомню, «Ричарда IV» считали законным королем его родная «тетка» Маргарита Бургундская, герцог Бургундии Филипп I, фактический правитель Ирландии граф Килдер, король Франции Карл VIII, король Шотландии Яков IV, император Священной Римской империи Максимилиан Габсбург; один из ближайших соратников Эдуарда IV – сэр Роберт Клиффорд – перешел на сторону самозванца и «узнал» в нем Ричарда Йорка¹⁵; претендент поддерживал переписку с Изабеллой Кастильской¹⁶, принимал

Р. Холиншеда (*Holinshed*. 1808: 522–523).

¹² *Erasmus Brascha*. 1912: Letter 471.

¹³ «История правления Генриха VII» переиздавалась множество раз. На настоящий момент, пожалуй, самым авторитетным считается кембриджское издание 1998 г. (*Bacon*. 1998: 1–206). Поскольку текст источника в разных публикациях полностью совпадает, в данной статье ссылки даются по имеющемуся в сети изданию 1885 г. (*Bacon*. 1885). Этим же принципом доступности информации я руководствовалась и при цитировании других источников. *Bacon*. 1885: 105, lines 30–33; 106, lines 1–7.

¹⁴ Letter from Richard Plantagenet, second son of Edward formerly King, Duke of York to the most Serene and Excellent Princess, the Lady Isabel, Queen of Castile. 1837: 4–6.

¹⁵ *Polydore Vergil*. 2005: Liber XXVI, 25.

¹⁶ Любопытно, что, хотя ни испанские, ни португальские монархи никогда официально не признавали права «Ричарда IV», в секретных дипломатических документах его называли младшим сыном Эдуарда IV. (*Bergenroth*. 1862: LXXXV).

послов из Саксонии и Дании, на его стороне был готов сражаться лорд-камергер Англии, сэр Уильям Стенли и т.д. и т.п.

Современников также смущало очевидное сходство самозванца с Эдуардом IV (см. **Илл. 1** и **Илл. 2**). В данном случае в распоряжении исследователей не только портрет Уорбека, здесь художник вполне мог следовать воле заказчика, но и множество словесных свидетельств. В частности, Эдуард Холл писал, что когда сэр Роберт Клиффорд увидел Перкина, то поверил ему, потому что юноша походил на короля Эдуарда и лицом, и фигурой¹⁷. Полидор Вергилий также полагал, что сэр Клиффорд поддержал самозванца именно по этой причине¹⁸.

Наконец, поведение Генриха VII представляется труднообъяснимым. С одной стороны, Перкина Уорбека официально объявили сыном горожанина, с другой – после пленения с ним обращались как с дворянином. Кроме того, по непонятной причине Генрих VII не прибег к помощи самого очевидного свидетеля – собственной жены. Напомню, что Елизавета Йорк являлась родной сестрой настоящего принца Ричарда, она была старше брата на семь лет (в год исчезновения/смерти принца Ричарде ему было девять, а Елизавете – 17). Брат и сестра росли вместе, а значит в их памяти должны были сохраниться какие-то происшествия из детства, детали, неизвестные за пределами узкого семейного круга. Иными словами, Елизавета могла бы легко разоблачить самозванца. Однако, насколько известно историкам, королева не только никогда не разговаривала с Перкином, она вообще никогда публично не высказывала своего мнения о его личности.

Итак, письменные источники оставляют нас в недоумении. Ответить на вопрос, был ли Перкин Уорбек самозванцем, могла бы археология. К сожалению, исследовать останки Уорбека не представляется возможным. Он был похоронен в августинском монастыре, известном как Остин-Фрайерс. В настоящее время от аббатства почти ничего не осталось – на его месте высятся офисные здания. Главный храм также не сохранился, т.е. церковь на этом месте стоит по-прежнему, но она не раз горела и перестраивалась. Современная Голландская церковь – это постройка 1950-х, предыдущий храм во время Второй мировой войны практически сравняли с землей немецкие бомбардировки. Впрочем, существует гораздо более

¹⁷ “By his face & other lyniamentes of his body” (*Hall*. 1809: 465).

¹⁸ *Polydore Vergil*. 2005: Liber XXVI, 25.

реальная альтернатива. В т.н. Уголке Невинных Вестминстерского аббатства находится урна, в которой по официальной версии покоятся останки сыновей Эдуарда IV. Генетическая экспертиза вполне в состоянии установить, так ли это, дело лишь за разрешением британского монарха. Елизавета II была категорически против, высказывания Карла III оставляют историкам надежду¹⁹. В случае, если в Вестминстере покоятся именно тауэрские принцы, Перкина можно будет с уверенностью назвать самозванцем. Отрицательный результат оставит в силе все версии.

Давайте перейдем к анализу неоднозначной репутации Перкина Уорбека. Начать, безусловно, следует с текстов тюдоровской эпохи. Это, пожалуй, самая изученная глава данной истории²⁰. Все авторы XVI в. предсказуемо однолинейны в осуждении «самозванца» и прославлении Генриха VII. Максимально показательны эпитеты, которыми наградил Уорбека придворный поэт и историк Бернар Андре; он называл юношу «королем негодяев»²¹, «худшим из преступников», «самым порочным из людей»²² и т.д.

Подчеркну, в глазах авторов XVI в. Перкин Уорбек просто не мог быть сыном Эдуарда IV. Легенда об убийстве принцев в Тауэре являлась важнейшей частью т.н. тюдоровского мифа, обосновывавшего законность правления данной династии. Публично сомневаться в смерти королевских детей было небезопасно; официально никто и не сомневался. Однако в такой трактовке событий заключалось очевидное логическое противоречие. Если все знали, что принцы мертвы, как Перкину удавалось «так долго обманывать»²³ англичан? Выбор версий был политически ограничен. Акцентировать внимание читателей на популярности дома Йорков и недовольстве воцарением Тюдоров определенно не стоило.

Найденный выход заложил одну из основных тенденций в восприятии образа Уорбека – его превратили в блестящего авантюриста, умопомрачительного красавца, «обладавшего даром столь тонкого и пленительного обхождения, что он без труда возбуждал жалость и внушал доверие; он словно очаровывал тех, кто его ви-

¹⁹ Royal Family. 2023.

²⁰ Подробно указанный вопрос был проанализирован в статье Д.В. Кирюхина (*Кирюхин*. 2017).

²¹ *Andre*. 2010: Ch. 75

²² *Ibid*: Ch. 80.

²³ Perken Werbecke // *More R III*.

дел или слышал»²⁴. Тогда же сформировался ещё один базовый тезис. Бернар Андре, Полидор Вергилий, Эдуард Холл и Френсис Бэкон в один голос утверждали, что самозванец преуспел в основном благодаря иностранному вмешательству. Маргарита Бургундская – родная тетка пропавших сыновей Эдуарда IV – якобы «испытывала... лично к королю... [Генриху VII] смертельную ненависть»²⁵, она осознанно и цинично «штамповала» самозванцев, интриговала, собирала войска, словом, перешла все разумные границы. На фоне этой Медеи Генрих VII казался благородным, милостивым государем, истинным патриотом и борцом с враждебным влиянием; а Перкин превращался в ничтожную политическую марионетку. На первый взгляд, такая метаморфоза была не в пользу Уорбека, но, в сущности, она снимала с юноши значительную часть вины – ведь выяснялось, что он сам был использован и обманут.

Таким образом, уже в начале XVII в. образ Уорбека приобрел отчасти позитивную эмоциональную окраску, ведь, вне зависимости от политических симпатий, люди всегда будут сочувствовать молодому, обаятельному красавцу, к тому же, жертве чужих интриг. Указанная тенденция особенно заметна в художественных произведениях. В частности, в пьесе Джона Форда Уорбек описан с большим сочувствием – он, конечно же, самозванец, но увлекающийся, даже трогательный в своем стремлении казаться настоящим принцем. Эти качества особенно выигрышно смотрятся по контрасту с холодной расчетливостью Маргариты Бургундской и других зрелых политических игроков²⁶.

В этот же период резко снизилась политическая значимость темы; после ухода династии Тюдоров появились первые сомнения в официальной версии истории. Френсис Бэкон предположил, что Перкин мог быть незаконнорожденным сыном Эдуарда IV²⁷, другие пошли еще дальше. Необходимо подчеркнуть, что т.н. «проблема Уорбека» никогда не рассматривалась изолированно, она являлась частью гораздо более широких исторических построений, а именно отношения конкретного автора к династиям Йорков и Тюдоров; ответ зависел, в первую очередь, от решения вопроса о судьбе тауэрских принцев. Первые защитники Уорбека – Джордж Бак и Томас

²⁴ Bacon. 1885: 105, lines 20–24.

²⁵ Ibid: 32, lines 10–15.

²⁶ Ford. 1869: 109–218.

²⁷ Bacon. 1885: 105, lines 30–33; 106, lines 1–7.

Гейнсфорд²⁸ – были ричардианцами, откровенно недолюбливавшими Генриха VII. В частности, Д. Бак полагал, что Ричард III невиновен в гибели племянников а значит мальчики вполне могли выжить. Из этого базового тезиса, а также стремления подчеркнуть незаконность узурпации 1485 г., логически вытекало убеждение – Уорбек мог быть, и, скорее всего, был законным королем²⁹. С точки зрения аргументации, книги Бака и Гейнсфорда смотрятся не слишком солидно (недаром признанные историки отзывались о них крайне скептически)³⁰, в данном случае важен скорее сам факт появления обелявших Уорбека текстов.

И все же для большинства англичан Перкин Уорбек пока оставался самозванцем. В XVIII в. карикатуристы использовали его имя, чтобы уязвить Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта (1688–1766), т.н. «Старого претендента» или «Якова III». В фондах Британского музея можно найти три очень похожих гравюры³¹ (Илл. 3). На них изображен «триумф Перкина Уорбека», т.е. торжественный въезд Джеймса Стюарта (Перкина) в столицу. Любопытно, что все граверы изобразили «Уорбека» как человека жестокого и черствого – под колесами кареты самозванца и копытами лошадей отчетливо видны поверженные тела противников.

Впрочем, общая тенденция была иной. Если проанализировать гравюры и книжные иллюстрации, изображавшие непосредственно Уорбека, становится очевидным более или менее благожелательное к нему отношение. Самозванца рисовали изящным юным красавцем, одетым по последней моде. Выбор сцен также достаточно комплиментарен – читатели видели уверенного в себе молодого человека, убеждавшего Маргариту Бургундскую, что он и есть её пропавший племянник (Илл. 4)³² или вызывавшего сочувствие, печального скитальца, которого священник за руку вводит в церковное убежище (Илл. 5)³³.

Таким образом, в XVIII в. наметившееся ранее смягчение отрицательного образа Уорбека продолжалось. По-видимому, репутация героя этой статьи заметно улучшилась после того, как в его защиту выступил основоположник жанра готического романа, при-

²⁸ *Gainsford's*. 1618.

²⁹ *Buck*. 1647: 74.

³⁰ *Myers*. 1973: XIII–XVI.

³¹ ВМ № 1868,0808.3431, 1868,0808.3764, 1868,0808.3430

³² ВМ № 1872,0413.222

³³ ВМ № 1872,0413.223

знанный законодатель мод Хорас Уолпол. Помимо «Замка Отранто» и других литературных шедевров, Уолпол написал чрезвычайно интересное историческое сочинение – *Сомнения исторического порядка относительно жизни и правления короля Ричарда III*. Уолпол поставил под вопрос вину Ричарда III в смерти племянников. Логика его рассуждений была примерно такой же, как у Джорджа Бака.

Автор «Замка Отранто» был буквально загипнотизирован фигурой Ричарда III (в истории Британии вряд ли возможно найти персонажа, лучше соответствовавшего жанру готического романа). Уолпол оправдывал своего героя полностью и во всем; *Сомнения* представляли собой последовательное опровержение выдвинутых против Ричарда III обвинений. По мнению Уолпола, Ричард не имел никакого отношения к смерти племянников – напротив, он по возможности заботился о мальчиках. Любопытно, что вину за смерть обоих сыновей Эдуарда IV Уолпол возложил на Генриха VII. Старший из принцев якобы дожил до воцарения Тюдоров и был убит по приказу узурпатора; Уолпол, правда, не мог уточнить, как это произошло, но в самом факте был убежден непоколебимо. Что касается младшего наследника Йорков, принца Ричарда (Уорбека), то он был увезен за границу, затем вернулся, чтобы отвоевать свой трон, и был казнен опять же по приказу Генриха VII³⁴.

Важно помнить, что книга Уолпола оказала заметное влияние на восприятие затронутых в ней сюжетов. У этого сочинения была очень любопытная судьба. Признанные историки отнеслись к написанному с изрядным скепсисом, их отзывы были настолько резкими, что Хорас Уолпол счел себя оскорбленным и вышел из состава Общества антикваров³⁵. А вот широкая публика, особенно юношество, буквально зачитывалась новым творением автора «Замка Отранто» (этот факт признавали даже закоренелые традиционалисты)³⁶. Интерес к новой версии истории (в том числе истории Перкина Уорбека) вышел далеко за пределы Туманного Альбиона – копию *Сомнений* просил прислать ему Вольтер, книгу лично перевел на французский язык Людовик XVI³⁷.

³⁴ *Walpole*. 1768: 70.

³⁵ *Hazen*. 1948: 71–73

³⁶ *Gardner*. 1898: V.

³⁷ *Айзенштат*. 2021: 13.

В XIX в. число людей, веривших в невиновность Уорбека, заметно выросло. Самой яркой его защитницей стала одна из культовых писательниц эпохи, автор *Франкеништейна* Мэри Шелли. В 1830 г. появился её роман *Судьба Перкина Уорбека*. Шелли создала по-настоящему пленительный образ, наделив своего героя едва ли не всеми возможными добродетелями. Её Перкин – это умница и редкий красавец, чистый душой, смелый, стойкий в несчастьях, способный на самую глубокую привязанность, он полностью лишен мстительности, алчности, прямодушен, благороден и именно поэтому проигрывает в политической борьбе. В романе Уорбеку противостоит его полный антипод – Генрих VII – жадный, подлый, жестокий государь, виртуозно владеющий даром интриги и с удовольствием использующий самые грязные приёмы³⁸. Любопытно, что в предисловии к роману Шелли утверждала, что историческое повествование, а её убежденность в законности прав Уорбека основана на анализе документов³⁹. Указанная декларация не была подкреплена доказательствами, но в сочетании с мастерской игрой на чувствах читателей, а также огромной популярностью писательницы, по-видимому, производила внушительное впечатление.

На мой взгляд, Шелли удалось смягчить отношение к Уорбеку, обратить внимание широкой аудитории на его несчастья. Об свидетельствуют визуальные источники. Перкина по-прежнему рисовали молодым и красивым, но всё чаще изображали в колодках, в цепях, на коленях читающего свою *Исповедь* (Илл. 7) и т.д.⁴⁰. Разумеется, в чопорном XIX столетии история злоключений самозванца не могла не приобрести нравоучительный оттенок. В одном из самых читаемых исторических сочинений викторианской эпохи – *Истории Англии для юных* Чарльза Диккенса, опубликованной в 1851–1853 гг., судьба Уорбека показана как череда злоключений чрезмерно амбициозного и легкомысленного юноши⁴¹. Почти то же самое можно прочесть и в *Популярной истории Англии* (1876), авторы которой подчеркивали – после поимки Перкин «проклял собственное честолюбие, ставшее причиной его обмана»⁴².

³⁸ Shelley. 1857.

³⁹ Shelley. 1857: 2.

⁴⁰ См., например: Confession of Perkin Warbeck. 1876: 108.

⁴¹ Dickens. 1854: 7–16.

⁴² A popular history. 1876: 109.

Разумеется, в XIX столетии говорить о заметной переоценке образа Уорбека не приходится. В популярных изданиях и на гравюрах его вовсе не обязательно изображали комплиментарно. Например, и в текстовой, и в иллюстративной частях *Комической истории Англии* (1894) Уорбек показан амбициозным глупцом, простолюдином, неталантливо изображавшим принца⁴³ (Илл. 6). Справедливости ради стоит отметить, что *Комическая история* вообще довольно злое издание, его авторы едко подшучивали над всеми без исключения героями английской истории.

И все же стоит отметить типичное для освещения истории XV–XVI вв. расхождение между научной трактовкой и обыденным восприятием исторических персонажей: признанные исследователи всегда оказывались строже, чем широкая публика. Ещё раз подчеркну, в солидных «Историях» Уорбек по-прежнему оставался бездарным самозванцем, выскочкой, слепым орудием в руках врагов Англии⁴⁴, т.е. ключевые тезисы заимствовались из политизированных текстов XVI в. Такое положение вещей можно считать естественным. Напомню, что трепетное, некритическое отношение к хроникам XVI в. было характерно для английского историописания с момента их создания и до конца XIX столетия. Также следует принять во внимание эмоциональную значимость эпохи Тюдоров; для викторианской эпохи было по-настоящему культовое время, идеальная «старая добрая Англия». Наконец, большинство историков, вне зависимости от политических симпатий, являлись государственниками (не важно, были ли они сторонниками сильной центральной власти или торжества парламентской системы).

Во все вышеперечисленные схемы Перкин Уорбек не вписывался, поэтому в исторической литературе XIX в. наметилась ещё одна тенденция – преуменьшение его исторической роли. В качестве наиболее яркого примера можно привести *Иллюстрированную историю Англии* Джона Кассела (1858). Автор и иллюстратор совершили довольно интересный интеллектуальный кульбит, фактически уравнивая двух самозванцев – Ламберта Симнела и Перкина Уорбека. Рассказы о них сопоставимы по объему, при этом портрет Симнела в *Истории* есть (Илл. 7), а Уорбека – нет. Важно отметить, что десятилетнего Симнела изобразили молодым мужчиной, художник показал его уже после поражения, на кухне, по-видимо-

⁴³ *Abbot*. 1894: Vol. II, 7–13.

⁴⁴ *Gardner*. 1898: 341–343.

му, размышляющим о тщетности своих притязаний⁴⁵. На мой взгляд, это очевидное возрастное и смысловое несоответствие⁴⁶ могло преследовать ту же цель: дать некий усредненный, коллективный портрет самозванца, максимально сблизить опасного претендента на корону и лишённого честолюбия простолюдина, безропотного довольствовавшегося ролью слуги.

В художественной литературе рубежа XIX – начала XX в. романтизация образа Уорбека продолжилась. В частности, в поэме Альфреда Дугласа Перкин превратился в лирического героя, погубленного жестоким миром, в манящую эротическую фантазию. Дуглас неоднократно возвращался к описанию необычайной красоты Уорбека, его обаяния, молодости, «золотистых вьющихся волос» и «нежного молочно-белого тела»⁴⁷. Подчеркну, сэръ Альфред сохранил все «факты» традиционной версии – низкое происхождение самозванца, его недалёковидность, раскаяние после поимки, но для поэта они стали всего лишь общим фоном, позволившим ярче высветить эмоциональную, чувственную составляющую.

XX в. интересен, прежде всего, пересмотром сложившихся историографических стереотипов. Это столетие буквально перевернуло традиционные представления о Войнах Роз, отыскало положительные черты в каждом представителе политической элиты, беспристрастно взглянуло на тексты тюдоровской эпохи. В том числе, радикально изменилось отношение к судьбе тауэрских принцев, к концу столетия базовая версия об их удушении по приказу Ричарда III превратилась в маргинальную, историки стали писать о невозможности (при данном состоянии источников) понять, что же на самом деле случилось с мальчиками⁴⁸.

Эти изменения не могли не сказаться на «судьбе» Уорбека. В последние десятилетия XX в. появился целый ряд научных работ, опровергавших устоявшуюся точку зрения. Первой из них стала монография Дианы Клейн *Ричард Английский* (1990), в которой был проведен углубленный анализ двух культовых для традиционалистов источников – *Исповеди* Перкина и его *Письма к матери* от

⁴⁵ Cassell. 1858: Vol. 2, 79.

⁴⁶ Если судить по сохранившимся документам, Симнелл не питал ложных политических амбиций; он успешно делал карьеру королевского слуги и прошел путь от мальчика, в чьи обязанности входило вращать вертела с мясными блюдами, до сокольничего.

⁴⁷ Douglas. 1897.

⁴⁸ Wagner. 2001.

13 октября 1497 г. В последнем документе Д. Клейн удалось выявить ряд несостыковок. Помимо иного, отличного от *Исповеди* написания имени самозванца, что можно объяснить крайне неустойчивым спеллингом XV–XVI вв., письмо содержало несколько вымышленных фактов. А именно: в документе указывалось, что вскоре после отъезда «Уорбека» из Турне у него родилась сестра, его дедушка и старшая сестра Джоанна умерли от чумы; отец юноши к моменту написания письма скончался. Однако в семье Уорбеков в описанное время не появлялось новых детей, ни Джоанна Уорбек, ни кто-либо из ее сестер не становилась жертвой чумы; наконец, глава семейства отошел в мир иной в конце 1498 г., а значит, Перкин похоронил его преждевременно⁴⁹. Таким образом, Д. Клейн доказала, что письмо Уорбека к матери было сфальсифицировано по приказу Генриха VII. Разумеется, историки и раньше знали, что документ писался в королевской канцелярии, но предполагалось, что в нем упоминаются реальные (а не вымышленные) обстоятельства. Опровержение достоверности указанного письма бросает тень на *Исповедь* Перкина. Напомним, что в конце октября 1497 г. Генрих VII велел послать оба документа во Фландрию и Бургундию. В архивах Турне и Куртре сохранились такие «пары», написанные одной и той же рукой⁵⁰. Разумеется, *Исповедь* могла быть составлена более тщательно, но сомнения всё же остаются.

Той же, комплиментарной для Уорбека точки зрения придерживается и одна из самых известных специалистов по истории XV–XVI вв. Энн Поллард⁵¹. Впрочем, в данном случае имеет смысл говорить именно о сомнениях, «Ричардом» Перкина признали далеко не все. В частности, почти одновременно с монографиями Д. Клейн и Э. Поллард вышла книга Яна Артурсона, в которой излагается традиционная точка зрения⁵².

В XXI в. публикации, отстаивающие принадлежность «Уорбека» к королевскому роду, продолжают появляться, их становится всё больше. Пожалуй, на первое место можно поставить фундаментальную (объемом более 600 страниц) монографию Анн Врое *Идеальный принц: Правда и обман в Европе в эпоху Возрождения*. Эта книга построена как последовательное изложение биографии «Ри-

⁴⁹ Kleyn. 1990: 199–211.

⁵⁰ Wroe. 2014: 399.

⁵¹ Pollard. 1991.

⁵² Arthurson. 1993.

чарда IV», опирающееся на самый широкий комплекс источников – Врое привлекала английские, испанские, французские и др. тексты, анализировала хроники, письма, дипломатические документы (в том числе шифрованную переписку). В результате она пришла к однозначному выводу «Перкин Уорбек» на самом деле был тем, за кого себя выдавал – младшим из тауэрских принцев⁵³.

На настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что прорыв в историографии проблемы произошел. В последних исследованиях либо отстаивается правота Уорбека⁵⁴, либо констатируется историографическая проблема, говорится о невозможности при текущем состоянии источников решить вопрос о личности самозванца⁵⁵. Иными словами, всё буквально перевернулось с ног на голову. Ещё в середине XX в. ни один солидный исследователь не сомневался в Уорбеке-самозванце; в 2020-х не критическое воспроизведение традиционной версии уже считается не вполне корректным (во всяком случае в специальной литературе). Сторонников «Ричарда IV» становится всё больше. Разумеется, скептиков тоже предостаточно. В качестве наиболее яркого примера можно привести предельно консервативную статью «Британики». Она открывается словами: «Самозванец и претендент на трон первого короля английской династии Тюдоров Генриха VII. Тщеславный, глупый и бездарный, он был использован врагами Генриха VII»⁵⁶. Формулировки поражают решительностью и безапелляционностью, но в данном случае необходимо принять во внимание время написания статьи. Информация подается как актуальная, но материал был загружен в сеть 25 лет назад, в 1998-м, и с тех пор не редактировался, если не считать добавления гиперссылки на сайт «Средние века для детей» (2019) и всплывающего баннера о платиновом юбилее Елизаветы II (2022).

Тот же процесс реабилитации наблюдается в художественной литературе и массовой культуре. В романах Маргарет Кэмпбелл Барнс⁵⁷, Филиппы Грегори и Теренса Морган⁵⁸ «Ричард IV» — это смелый и благородный, но несчастливый принц, погубленный безжалостными врагами. Наиболее известен роман Грегори *Белая*

⁵³ Wroe. 2014.

⁵⁴ Lewis. 2017.

⁵⁵ Amin. 2021.

⁵⁶ Britanica. 2023.

⁵⁷ Barnes. 1953.

⁵⁸ Morgan. 2011.

принцесса, посвященный судьбе супруги Генриха VII Елизаветы Йоркской. По версии Грегори, не только Елизавета и Генрих, но и весь английский двор, а также иностранные монархи прекрасно знали, что мнимый самозванец в действительности принц Йоркский⁵⁹.

Одним из наиболее интересных элементов романтизации и максимальной гуманизации образа Уорбека стало вымышленное расширение его семьи; сценаристы нафантазировали ему и леди Кэтрин Гордон сына. Успешнее всего на чувствах зрителей сыграли создатели сериала 2005 г. *Принцы в Тауэре*»,⁶⁰ где Уорбек согласился признать себя самозванцем, фактически пожертвовать жизнью, чтобы власти оставили в покое его ребенка. Не менее душещипательно тема вымышленного наследника подана в сериале *Белая принцесса*, заявленном как экранизация одноименного романа Филиппы Грегори. Как это обычно бывает, между книгой и её телевариантом есть ряд расхождений, одно из них – это сын Уорбека, который (при всей условной историчности романа Грегори) в книге всё же отсутствует. В сериале крошечный младенец в пленках несколько раз мелькает на экране, но, по-видимому, сценаристы не до конца продумали, что с ним делать; после казни принца Ричарда (Уорбека) о его законном наследнике, к которому по логике должны были бы перейти династические права Йорков, герои сериала даже не вспоминают⁶¹.

Наконец, нельзя не отметить, что для привлечения женской аудитории авторы медиапродуктов сделали образ Уорбека максимально притягательным – играющие его актеры неизменно хороши собой: стройны, плечисты, мускулисты и светловолосы. В *Белой принцессе* Уорбек и вовсе истинный принц, прекрасный телом и душой – верный, романтичный, возвышенно печальный, бесстрашный, словом, наделенный всеми достоинствами (и в этом смысле сценаристы перекроили книгу Грегори, в исходном варианте эмоциональный накал несколько меньше).

Таким образом, в XVI–XXI вв. представления о Перкине Уорбеке сделали полный круг – от недоумения современников, через

⁵⁹ Gregory. 2013.

⁶⁰ Princes in the Tower. 2005.

⁶¹ The White Princess. 2017.

безоговорочное неприятие века Тюдоров, первые попытки оправдания XVII–XVIII вв., сентиментальные романы и поэмы XIX столетия, скрупулезные исследования рубежа XX–XXI вв. – историки вернулись к началу. Как и современники, они с недоверием относятся к официальной, тюдоровской версии событий и допускают, что на виселицу отправили настоящего принца, законного наследника Йорков.

Образ Уорбека оказался настолько противоречивым прежде всего потому, что выбор между «самозванцем» и «принцем» не всегда зависел от объективных научных данных. Зачастую решение определялось оценкой правления Тюдоров и предшествующего периода Войн Роз (в особенности личности и царствования Ричарда III). Действовали и неисторические факторы – в попытке найти внеполитическое объяснение успехов Уорбека его ещё при Тюдорах превратили в безмерно обаятельного красавца, жертву чужих интриг. Художники, поэты и романисты с удовольствием эксплуатировали подобный образ и развивали эту эмоциональную составляющую, по мере удлинения исторической дистанции образ Уорбека становился всё более трогательным и сентиментальным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

BM – British Museum.

More. RIII – *More Th*. The History of King Richard III / Online edition transcribed from W. E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard Bear at the University of Oregon, January-March 1997. URL: <http://www.r3.org/bookcase/more/moretext.html>.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

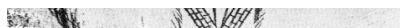
- A popular history of England from the earliest times to the accession of Victoria. L., 1876.
- Abbot G.* The comic history of England with the illustrations of John Leech. In 2 vol. L., 1894.
- Amin N.* Henry VII and the Tudor Pretenders: Simnel, Warbeck, and Warwick. L., 2021.
- Andre B.* De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia / Ed. by D.F. Sutton. Irvine, 2010. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/>

- Arthurson I.* The Perkin Warbeck Conspiracy, 1491–1499. L., 1993.
- Bacon F.* Bacon's History of the Reign of King Henry VII. Cambridge, 1885. URL: <https://archive.org/stream/baconshistoryre00lumbgoog#page/n4/mode/2up>.
- Bacon F.* The History of the Reign of King Henry VII and Selected Works / Ed. by B. Vickers. Cambridge, 1998. P. 1–206.
- Barnes M.C.* The historical novel The Tudor Rose. L., 1953.
- Buck G.* The History of the Life and Reign of Richard the Third. L., 1647.
- Cassell J.* John Cassell's Illustrated history of England. In 8 Vol. L., 1858–1862.
- Confession of Perkin Warbeck. Engraving // A popular history of England from the earliest times to the accession of Victoria. L., 1876. P. 108.
- Cotton Vitellius A-XVI // Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford. Oxford, 1905. P. 153–264.
- Douglas A.* Perkin Warbeck: and some other poems. L., 1897.
- Erasmus Brascha*, Milanese Ambassador in Flanders, to Ludovico Maria Sforza, Duke of Milan // Calendar of State Papers and Manuscripts existing in the Archives and Collections of Milan. Letter 471.
- Ford J.* Perkin Warbek // The Works of John Ford / Ed. by W. Gifford. L., 1869. Vol. 2. P. 109–218.
- Gainsford's Th.* True and Wonderful History of Perkin Warbeck. L., 1618
- Gardner J.* History of the Life and Reign of Richard the Third to which is added the story of Perkin Warbesk. — Cambridge, 1898.
- Great Chronicle of London / Ed. A.H. Thomas & J.D. Thornley L., 1938.
- Gregory Ph.* The White Princess (The Plantagenet and Tudor Novels). N.Y., 2013.
- Hall E.* The union of the two noble and illustrate families of Lancaster and York. L., 1809.
- Holinshed R.* Chronicles. L., 1808.
- Kleyn D.M.* Richard of England. Windsor, 1990. P. 199–211.
- Lady Bessiye // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances /Ed. J.W. Hales & F.J. Furnivall. In 3 vol. L., 1868. Vol. III. P. 319–363.
- Letter from Richard Plantagenet, second son of Edward formerly King, Duke of York to the most Serene and Excellent Princess, the Lady Isabel, Queen of Castile... // Documents relating to Perkin Warbeck with Remarks on his History / Ed. by sir F. Madden. L., 1837. P. 4–6.
- Lewis M.* The Survival of the Princes in the Tower: Murder, Mystery and Myth. L., 2017.
- Morgan T.* The Master of Bruges. L., 2011.
- Perkin Warbeck // Encyclopedia Britannica URL: <https://www.britannica.com/biography/Perkin-Warbeck-English-pretender>
- Pollard A.J.* Richard III and the Princes in the Tower. Gloucester, 1991.
- Polydore Vergil.* Polydore Vergil Anglica Historia (1555 version). /Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/contents.html>
- Princes in the Tower. TV Movie. Channel 4 and RDF Media, 2005.
- Rastell J.* The Pastime of People, or the Chronicles of divers Realms / Ed. T.F. Dibden. L., 1811.
- Shakespeare W.* The Tragedy of Richard the Third. From Mr. William Shakespeares comedies, histories, & tragedies: published according to the true original copies. L., 1623.

- Shelley M.* The Fortunes of Perkin Warbeck. L., 1857.
The White Princess. TV Movie. Starz, 2017.
Wagner J.A. Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara, 2001.
Walpole H. Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third. L., 1768.
Wroe A. The Perfect Prince: Truth and Deception in Renaissance Europe. N.Y., 2014.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенштат М.П.* Хорас Уолпол: политик, антикварий, писатель // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – Выпуск 1 (99) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840013540-3-1/> DOI: 10.18254/S207987840013540-3. 13.
- Кирюхин Д.В.* “Король негодяев”: Образ Перкина Уорбека в придворной историографии первых Тюдоров // Преподаватель XXI век. 2017. №3-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korol-negodyaev-obraz-perkina-uorbeka-v-pridvornoy-istoriografii-pervyh-tyudorov>
- Bennett M.J.* Lambert Simnel and the Battle of Stoke. N.Y., 1987.
Bergenroth G.A. Preface // Calendar of letters, dispatches, and state papers relating to the negotiations between England and Spain preserved in the archives at Simancas and elsewhere. In 13 vol. Vol 1. L., 1862. P. VII–LXXXV.
Hazen A. T. A Bibliography of Horace Walpole. New Haven – London, 1948.
Myers A.R. Introduction // Buck G. The History of the Life and Reign of Richard III. Reprint edition. Wakefield, 1973. P. V–XXVI.
Royal Family: The 540-year-old Tower of London mystery King Charles is desperate to solve // MyLondon, 22.01.2023. URL: <https://www.mylondon.news/news/uk-world-news/royal-family-540-year-old-26006553>



Илл. 1. Перкин Уорбек. 1560 гг.
Жак ле Бук (Jacques le Boucq).
Карандашный рисунок с
прижизненного портрета.



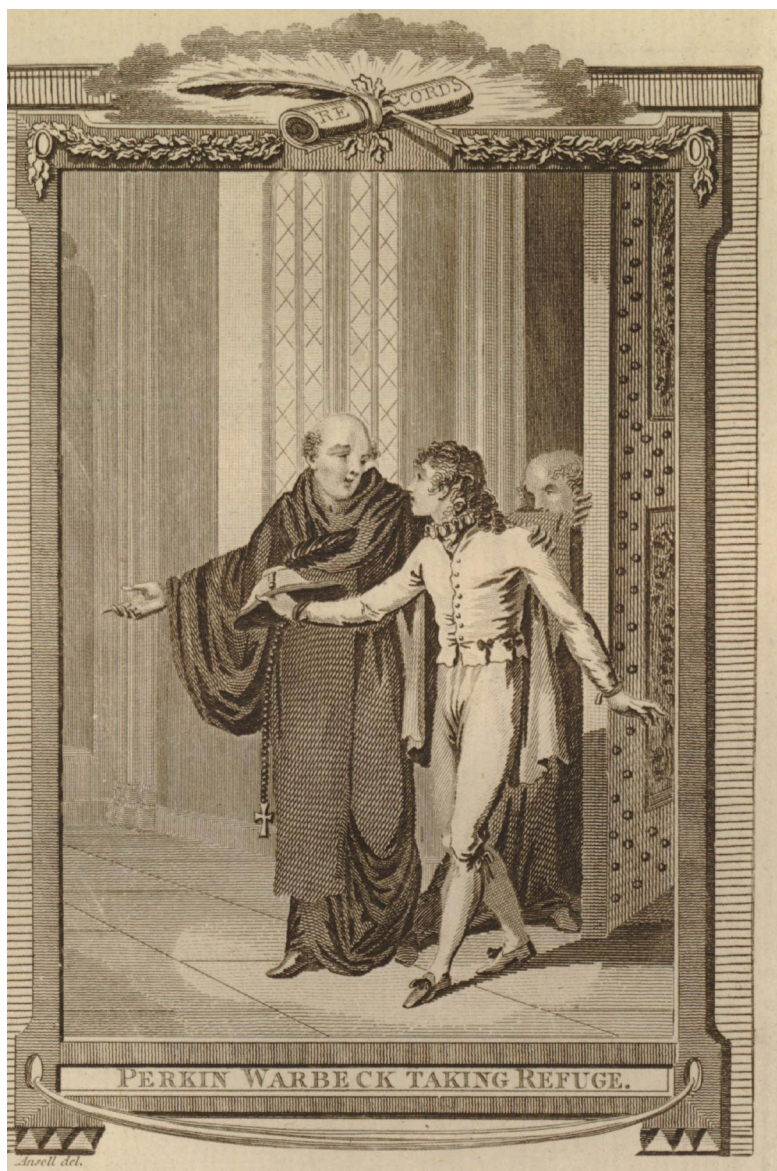
Илл. 2. Эдуард IV. После 1510 г.
Неизвестный художник. Копия с
несохранившегося оригинала.
Общество антикваров, Лондон.



Илл. 3. Вторжение или триумф Перкина. Гравюра Чарльза Мосли.
1745 г. Британский музей, Лондон. № 1868,0808.3764.



Илл. 4. Герцогиня Бургундии и Перкин Уорбек. Гравюра Самюэля Коллинза. 1989–1790. Британский музей, Лондон. № 1872,0413.222



Илл. 5. Перкин Уорбек ищет убежища. Гравюра Чарльза Анселла.

Ок. 1790. Британский музей, Лондон. № 1872,0413.223



Илл. 6. Перкин Уорбек и его армия. Гравюра Джона Лича // Abbot G. The comic history of England with the illustrations of John Leech. In 2 vol. L., 1894. P. 374.



Илл. 7. Исповедь Перкина Уорбека. Гравюра. // A popular history of England from the earliest times to the accession of Victoria. L., 1876. P. 108.



Илл. 8. Мнимый граф Уорик, работающий на кухне Генриха VII // Cassell J. John Cassell's Illustrated history of England. In 8 Vol. L., 1858–1862. Vol. 2. P. 79.

О.И. Тогоева

МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-6

Аннотация: Статья посвящена проблеме самозванчества, которая рассматривается применительно к повседневной жизни маргинальных слоев общества средневековой Франции. Речь идет о профессиональных мошенниках, действовавших повсеместно и выдававших себя за «достойных людей» (*hommes honnetes*) с целью личной наживы. Главным способом подобных превращений являлось переодевание, а потому в статье анализируются немногочисленные, но яркие судебные прецеденты, свидетельствующие об использовании чужой (часто ворованной) одежды для конструирования новой личности. Автор отмечает, что, несмотря на наличие конкретных уголовных дел, связанных с переодеванием, т.е. устойчивой судебной практики, вплоть до конца XV в. во Франции не существовало общего королевского законодательства, посвященного данной проблеме, но имелись лишь частные правовые акты, действие которых распространялось лишь на население Парижа. Такая ситуация объяснялась, по мнению автора, ограниченными возможностями королевского правосудия, его прецедентным характером, а также важностью столицы не только как центра страны, но и как крупнейшего ее города.

Ключевые слова: Средние века, Франция, феномен самозванчества, профессиональные мошенники, переодевание, королевское законодательство, судебная практика.

В рамках изучения проблемы самозванчества, о какой бы исторической эпохе мы ни говорили, интерес вызывают не только обманщики, с большим или меньшим успехом выдававшие себя за лжемессий, лжепророков или правителей любого ранга, т.е. люди, претендовавшие на власть, почет и уважение окружающих и в некоторых случаях их получавшие. Ниже речь пойдет о простых обывателях, более того – о тех из них, кто происходил из самых низов общества и, кто в результате своих сознательных действий превращался в мошенников и, как следствие, в преступников. Многих из них современники могли бы назвать настоящими самозванцами, т.е. теми, кто присвоил себе чужую личность или чужой облик и успешно ими воспользовался с корыстными целями. Речь в данном случае далеко не всегда шла о смене имени, о попытке выдать себя за какого-то *конкретного* человека. Скорее, подобные мошенники стремились занять чужое, но всегда более высокое, нежели их соб-

ственное, место в социальной иерархии средневекового общества, что, по их замыслу, и обеспечивало – по крайней мере, на какое-то время – их более достойное (как в материальном, так и в чисто репутационном смысле) положение. Что же касается способов подобного превращения, то одним из самых простых и доступных из них всегда оставалось *переодевание*, о котором и хотелось бы поговорить применительно к феномену самозванчества.

Историкам хорошо известно, что одежда никогда не считалась лишь средством защиты от непогоды, хотя Мартин Ле Франк в своем *Защитнике дам* (1440–1442 гг.) всячески превозносил именно эту ее функцию, призывая читателей быть благодарными богине Афине (Минерве) за то, что она обучила людей искусству ткачества¹. Тем не менее, на протяжении всего Средневековья (как и значительно позже) одежда оставалась прежде всего знаком определенной социальной принадлежности, т.е. маркером высокого или низкого общественного статуса. Она создавала образ своего владельца в глазах окружающих и, как следствие, имела первостепенное значение для поддержания его репутации².

Лишение одежды – временное или окончательное – всегда вело к утрате положения в обществе, к унижению человека, к его превращению из субъекта отношений в их объект. Так, сдачу города на милость победителя на средневековых миниатюрах и в хрониках обычно описывали как встречу войска захватчика с группой местных жителей – обнаженных или облаченных в одни лишь нательные рубашки³. Изгнание из монашеской общины иногда изображали как лишение бывшего члена братии его рясы⁴. И точно так

¹ “Qui est a la pluye et au vent, / Mal vestus et mal affulez, / Il la doibt regretier souvent / Car tixtre aprint aux deffulez / Nus et descouvers a tous lez, / Fustanes, lings, draps, tichus / Dont couvroient leurs dos pelez / De hale et de pouldre houchus. / Et prisier la science soye / Doibvent et cardinaulx et papes, / Car elle aprint comment de soye / L’en feroit ornemens et chappes, / Doublers, serviettes et pappes / Pour parer palais et monstiers” (*Martin Le Franc*. 1999: 17257–17268).

² См., в частности: *Crane*. 2002; *Hotchkiss*. 2012; *Тогоева*. 2018: 246–301; *Рогов*. 2022: 6–19.

³ Одним из наиболее известных, с этой точки зрения, средневековых примеров является, безусловно, описание сдачи французского порта Кале войскам английского короля Эдуарда III 4 августа 1347 г.: *Moeglin*. 2002: 33–125; *Мёглен*. 2007: 120–154.

⁴ Об этом свидетельствует, в частности, миниатюра из кодекса *Кутюм Тулузы*, датирующегося 1286 г.: *Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France*. Ms. lat. 9187, fol. 33v. Текст кутюм при этом отсылал к Декрету

же описывалось наказание рыцаря, совершившего преступление во время военных действий: он утрачивал свой знатный статус и, соответственно, доспехи⁵.

Как следствие, тот же самый прием использовался и в средневековом уголовном суде. Человека, виновного в тяжком преступлении, могли приговорить к наказанию, которое он должен был претерпевать «в голом виде» (*nudi*)⁶. Таковым, к примеру, являлось публичное покаяние, традиционно приносимое в натальной рубашке, брэ, босиком и с непокрытой головой⁷. Аналогичным образом рас-

Грациана, в соответствии с которым клирика, оскорбившего другого представителя церкви или светского человека, следовало лишить его статуса: “Dicitur enim quod si clericus maledicus detrahat vel deprimat famam alterius clerici vel laici, si de hoc in iudicio fuerit convictus, quod debet degradari ut *XLVI di. clericus maledicus*” (Gilles. 1969: 227).

⁵ Подобная мера наказания также упоминалась в кодексе *Кутюм Тулузы*, где ей была посвящена отдельная миниатюра: Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France. Ms. lat. 9187, fol. 31. Данное изображение, по всей видимости, опиралось, на упоминание конкретного судебного дела, рассмотренного в Тулузе и, как следствие, зафиксированного в тексте. Человек, обвиненный в убийстве и осужденный за это, являлся солдатом, а потому, согласно глоссе к основному тексту кутюм, его следовало судить согласно военному закону (*De re militari*), как того требовало законодательство Юстиниана: “Ecce quod iste Petrus de Castro Novo fuit accusatus de vulneribus et morte per ipsum illatis Goso armerio Tholose coram consulibus dicti loci... Ut cum miles delinquens debet remitti ad magistrum militum sub quo deliquit ut habetis *ff. de custod. et exhib. reorum l. de militibus* et hoc verum est cum miles delictum leve comiserit ut in preallegato titulo *ff. de cust. et exhib. reorum l. non est dubium*” (Gilles. 1969: 201–202). Согласно сообщению Жана Жуанвила (ок. 1224/1225–1317), такому же наказанию рыцаря подвергали и за связь с армейской проституткой: “Tout premier vous dirons d’un chevalier qui fu pris au bordel, au quel l’en parti un jeu, selonc les usages du pais. Le jeu parti fut tel, ou que la ribaude le menroit par l’ost en chemise, une corde liee aus genetoires, ou *il perdroit son cheval et s’armeure*, et le chaceroit l’en de l’ost” (Joinville. 1995: 250, курсив мой – О.Т.).

⁶ Средневековые представления о наготы, тем не менее, отличались от современных – по крайней мере в том, что касалось сферы судопроизводства. Содержавшееся в приговорах уточнение «в голом виде» на деле означало, что преступник (как мужчина, так и женщина) предстанет перед собравшимися в натальной белье. Богатый иллюстративный материал по данной теме собран в: Morel. 2007.

⁷ Так, в 1408 г. епископ Каркассона Симон де Грамо обвинял местного судью Жана Дрюана в недостойном отношении к местному священнику Жану Феррье: чиновник отказался передать задержанного в церковный суд и вместо этого велел «провести и выставить [его] на показ в каждом квартале Каркассона» (*[le] fist montrer et mener de quarrefour en quarrefour par la ville de*

плачивались обыватели и за совершенный ими адюльтер – их заставляли «в голом виде» (*nudus cum nuda*) совершать пробежку по улицам города (*course*)⁸. Наконец, перед смертной казнью осужденного обычно также раздевали⁹.

Подобное насильственное лишение платья, а вместе с ним – и соответствующего социального статуса, предусмотренное средневековой судебной практикой, имело и обратную сторону. Переодевание служило для многих способом *улучшить* жизненную ситуацию, притворяясь другим человеком и обретая новую идентичность. Впрочем, такая стратегия поведения в подавляющем большинстве случаев воспринималась современниками (во всяком случае образованной частью общества) как *преступная*, как попытка получить то, чего тот или иной человек не достоин по праву рождения, но на что он претендует, дабы изменить собственную судьбу.

Именно такое понимание переодевания мы обнаруживаем во французских судебных материалах конца XIII–XV в. (более ранние данные, к сожалению, в архивах не сохранились). Так, в уголовном регистре аббатства Сен-Жермен-де-Пре под 1281 г. сообщалось об Изабо де Шуази, похитившей «плащ у клирика и дамское платье», т.е. не подобающую ее статусу одежду. Чиновники парижской тюрьмы Шатле, куда была доставлена подозреваемая, не смогли доказать факт кражи, а потому женщину не казнили, а всего лишь изгнали из столицы¹⁰. Значительно меньше в том же году повезло некой Лиуа (*Liois*), ограбившей свою хозяйку, Изабо де Шато-Гьер-

Carcassonne). Епископ требовал, чтобы и Дрюана провели через весь город, «так же, как он велел провести священника, и подвергнуть его диффамации, выставив его голым и открыв [для обозрения] его срамные места» (*comme il avoit fait mener le prestre et diffamer, les pudibondes nuz et descouvers*): Martin-Chabot. 1955: 247. О данном типе наказания см. подробнее: Morel. 2007: 96–101; Мёглен. 2007: 120–154.

⁸ См., к примеру: “Sed hodie de usu et consuetudine Tholose extraordinarie puniuntur. Nam pluries vidi *currebant villam nudus cum nuda* et erant iudicati per sentenciam ad perdendum bona” (Gilles. 1969: 256–257, курсив мой – О.Т.). “Tout homme qui sera surpris en adultere avec une femme mariee, tout homme marie ou tout autre homme quelqu’il soit, *doit etre conduit nud dans la ville*” (Les coutumes de l’Agenais. 1981: 322, курсив мой – О.Т.). “Adulteri pena est, ut adulter adulteraque a fine usque ad finem *villae nudi concurrunt*; quod si fecerint, res eorum et cogroga pacem habebunt” (Bruel. 1903: 550, курсив мой – О.Т.). Подробнее о данном наказании, применявшемся на всей территории Французского королевства, см.: Тогоева. 2018: 66–75.

⁹ Morel. 2007: 36–88; Gauvard. 2018: 55–62, 156–160; Тогоева. 2000: 353–361.

ри, и присвоившей себе массу полезных вещей – котту, подбитую кроличьим мехом куртку, пару нижних рубашек, сетку для волос и две вуали, не считая нескольких отрезков полотна, ковра, шести головок сыра и двух прялок. Признанная виновной, служанка была приговорена к смертной казни¹¹. Судьбу Лиуа в июне 1339 г. разделила Алисон Бирез из Пуасси, задержанная в «мужской рубашке и женской шапке, которые она украдала в доме Жана Лемира из Бобиньи»¹². В ноябре 1345 г. за воровство «двух штук полотна, [женского] нижнего платья и женской рубашки» был осужден и изгнан из родного города портной Жан Раме: вероятно, и в данном случае факт кражи так и не смогли доказать¹³.

Во всех перечисленных выше случаях мы можем лишь предполагать, что обвиняемые планировали использовать похищенные предметы одежды в собственных целях, поскольку в кратких записях судебных писцов не содержалось признаний арестованных. Однако к концу XIV в. принципы ведения следствия изменились, и в составленном в 1389–1392 гг. *Уголовном регистре* парижской тюрьмы Шатле уже присутствовали весьма пространные и совершенно недвусмысленные рассуждения обвиняемых о важности добротной одежды – прежде всего для многочисленных французских воров-профессионалов. Эти люди прибегали к подобной маскировке, дабы выдать себя за «достойных людей» (*hommes honnetes*)¹⁴.

¹⁰ “Cel an meimes, fu prise une fame, en la rue dou Chevez Saint-Andri, qui avoit non Isabiau de Choisi, por ce que elle avoit amblé une chape à cleric et une robe à fame, à unes estuves, et fu menée en Chatele, par Jehan Lefort, sergent du Chatelel, qui la prinist... Et fu banie, por ce forfet, qui ne pot bien estre prové” (*Tanon*. 1883: 419).

¹¹ “Cel an meimes, fu prinse une fame qui avoit nom Liois... qui avoit robée sa dame... qui avoit nom Ysabiau de Chatiau Thierr... d’une cote de vert, de peliçon de conins, de II chemises, d’un serpeliz, d’une crespine, de V dras, de II touailles, d’un tapiz, de VI fromages, d’un escheviau de file, laquele fu jugée et mise à exequcion” (*Ibid.*).

¹² “Alison Biraise de Poissi, amenée par Phelippe Dupuis, maire de Pantin, qui la trouva saizie et vestue... de une chemise à homme... et un chaperon à fame, que elle avoit emblé en la maison de Jehan Le mire, à Baubigny” (*Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs*. 1877: 149).

¹³ “Jehan Ramé, cousturier,.. lequel avoit esté pris... sezy de deus draps linges, une robe linge et une chemise à fame que il avoit emblé en ladite ville de Pentin, en l’ostel de Adam Le riche” (*Ibid.*: 204).

¹⁴ Подробнее данный аспект на материале *Уголовного регистра Шатле* проанализирован в: *Тогоева*. 2022: 34–39.

Так, в 1389 г. главарь банды воров Жан Ле Брюн рассказывал на допросе, что перед приездом в Париж специально «оделся во все новое и солидное и в таком виде прожил [в столице] долго, ничем не занимаясь и [нигде] не работая»¹⁵. Его приятель по кличке Бородач (*Beaubarbier*) вполне разделял данное мнение. Он полагал, что лучше умереть на виселице, чем приехать в Париж «столь же дурно, как он, одетым»¹⁶. Результатом подобных разговоров стало убийство сообщниками некоего «хорошо одетого» нормандца, с трупа которого они затем сняли всю одежду¹⁷.

Уверенность Жана Ле Брюна в том, что богатое платье защитит его от любых невзгод и прежде всего – от пристального внимания судебных чиновников Парижа, подтверждается и другими уголовными делами из *Регистра Шатле*. В 1390 г. некоего Перрина Алуэ, совершившего кражу в аббатстве Нотр-Дам в Суассоне, не стали подвергать пыткам только на том основании, что, по мнению судей, он выглядел «порядочным человеком, не нуждающимся в деньгах, поскольку он хорошо и достойно одет»¹⁸.

Впрочем, переодевание могло сыграть с преступником и злую шутку. В 1391 г. был арестован Симон Лорпен, которого подозревали в краже как раз добротной одежды: двух рубашек, куртки и отреза шерстяной ткани. Сержанты королевского прево Парижа – на беду арестованного – видели его накануне «в одном рванье» (*haillon*)¹⁹. Куртка и рубаха, которые он надел на следующий день и которые пытался выдать за свою собственность, по мнению судей,

¹⁵ “... auquel lieu de Paris il vendi son dit cheval, se vesti de neuf bien et honnestement, et, en cest estat, se tint long temps sanz rien fere ou ouvrir” (Registre criminel du Châtelet de Paris. 1861: 60–61).

¹⁶ “Beaubarbier li a dit qu’il ameroit mieulx estre pendus qu’il venist à Paris ainsi mal vestus qu’il estoit” (Ibid.: 62).

¹⁷ “... et Le Normant devant dit feust si bien vestu qu’il estoit... Lequel Normant ils devestirent,

et des biens d’icellui ot à sa part un petit fermeillet d’or, qui estoit attaché à un chapeau de bievre que portoit sur sa teste ledit Normant... ledit Beaubarbier, un manteau double à usage de homme, court, de drap vermeil pardehors et de noir pardedens” (Ibid.: 62–63).

¹⁸ “... veu l’estat d’iceli prisonnier, qui est homme honneste, non indigent d’argent, parce qu’il est bien vestu et honnestement” (Registre criminel du Châtelet de Paris. 1864: 28).

¹⁹ “Jehan Le Queux et Jehan Maumonté, varlez de la geôle du Chastellet, orent tesmoigné et affermé par leurs seremens que, puis huit jours ença, ilz ont veu ledit prisonnier, qui est un très-povre varlet gaigne-pain, querant sa vie pour Dieu à Paris... et qu’il n’avoit lors sur lui vestu que une petite cotte ou haillon” (Ibid.: 276).

были ему велики, а потому они сделали единственный возможный вывод: эти вещи являлись ворованными, и использовал Симон их для того, чтобы в таком виде спокойно жить в столице²⁰.

Похожая история с дорогой одеждой упоминалась и в отчете Жана Рабустея, прокурора Дижона, за 1454 г. В документе сообщалось о действовавшей в окрестностях города банде Кокильярдов (*Coquillards*, так называемых Ракушечников, или Галантных), которые промышляли взломами, грабежом, продажей поддельных золотых слитков и украшений с фальшивыми драгоценными камнями, сбытом фальшивой монеты, а также азартными играми с использованием крапленых карт и специально подготовленных костей²¹. Прокурор отмечал, что узнать этих разбойников довольно легко: нужно лишь наведаться в местную таверну или в бордель и проверить, нет ли среди посетителей хорошо одетых людей «[с карманами], полными золота и серебра»²².

Столь же желанными богатые наряды оказывались и для средневековых проституток, многие из которых являлись весьма состоятельными особами. Еще в начале XIII в. европейские интеллектуалы продолжали обсуждать скандал, разразившийся в столице Французского королевства несколькими десятилетиями ранее, когда местные жрицы любви попытались преподнести в дар строящемуся собору Парижской Богородицы деньги на создание одного из витражей. Их подношение было отвергнуто епископом Морисом де Сюлли (1160–1197), но породило долгие дебаты относительно проституции как ремесла, приносящего законный заработок²³. Публич-

²⁰ “... ce aussi que ledit mantel n'est aucunement habile de façon sur le corps dudit prisonnier, mais semble que ce soit un habit emprunté et que icellui prisonnier n'a aucune chemise vestue, et plus vraisemblable que pour venir à Paris, afin d'estre plus seichement et nettement, qu'il eust vestu une desdites chemises” (Ibid.: 276–277).

²¹ “Et est vray, comme l'en dit, que les aulcuns desdits Coquillars sont crocheteurs d'usseries, arches et coffres; les autres sont tresgeteurs et desrobent les gens en changeant or a monnoye... les autres vont, portent et vendent faulx lingoz et faulses chainnes en façon d'or; les autres portent et vendent ou engaigent faulses piereries en lieu de dyamanz, rubiz et aultres pierres presieuses; les autres se couchent en quelque hostellerie avec aulcun marchand et se desrobent eulz meismes... les aultres jouent de faulx dez... les autres sçavent subtilitez telles au jeu de quartes et de marelles, que l'en ne pourroit guaigner contre eulx” (*Sainéan*. 1912: 87).

²² “Et retournent les aulcuns a cheval, les aultres a pied, bien vestuz et habilliez, bien garniz d'or et argent, et recommencent a mener... leurs jeux et dissolucions acoustumez” (*Sainéan*. 1912: 87).

²³ *Baldwin*. 1994: 81–82; *Тогоева*. 2018: 151–153.

ные женщины действительно могли позволить себе богатые наряды – но не имели на это права, поскольку им запрещалось выдавать себя за достойных членов общества²⁴. И все же, как верно отмечал Жак Россио, на средневековых изображениях проститутки (начиная с Марии Магдалины) отличались прежде всего дорогим облачением, роскошными головными уборами и многочисленными украшениями²⁵.

Не менее показателен случай профессиональных нищих, деятельность которых также весьма интересовала судей и не только их одних. Впрочем, в данном случае речь шла не о «богатой и достойной» одежде, но о том самом «рвань», в котором обычно щеголял упоминавшийся выше Симон Лорпен. С этой точки зрения, показательна баллада Эсташа Дешана (1346–1406/1407) *De cahymans et de coquins*, посвященная французским бродягам. Здесь рассказывалось, в частности, об обносках, в действительности скрывавших «упитанность» и «жирок» (*cresse*) своих обладателей и превращавших их в худых и несчастных. Под покровом подобных одеяний «кайманы» наносили себе раны (*mehains*), а затем выставляли их напоказ, дабы собрать больше милостыни²⁶.

Похожее дело в 1449 г. рассматривал Парижский парламент. Речь шла о неких Этьене Тьеррье и Жане Бариле, выдававших себя за клириков и занимавшихся попрошайничеством. Королевские чиновники отказались передать обвиняемых в церковный суд на том основании, что «для клириков они одеты недостойно» (*deshonestement*), а один из них вдобавок притворялся больным²⁷. «Клирики вообще не должны побираться, [поскольку] в обязанности епископа входит их кормить», говорилось в приговоре, вынесенном парламентом²⁸.

²⁴ Karras. 1990: 3–32.

²⁵ Rossiard. 2010: 221–224.

²⁶ “Car les larrons, ribaulx sont sains / Qui par sang, herbes, autre mise / Sur drapiaux, font sembler mehains / A plusieurs, et par leur emprinse / Est Dieu robé; soubz leur chemise / Vont bien nourris et plains de cresse” (*Deschamps*. 1889: 280).

²⁷ “... et requiert que la court mecte provision a l’encontre de tielz gens qui pullulent et font mauz infiniz et en y a plusieurs comme Baril qui feignent avoir maladie caducque et se laissent cheoir es assemblees par les eglises et par les chemins sans avoir aucun mal” (Archives Nationales de France. Serie X – Parlement de Paris. Serie X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 25, fol. 34v–36v).

²⁸ “... laquelle chose l’eglise ne doit souffrir a clerics et est deffendu que clerics ne mandient et se n’ont de quoy vivre les evesques les doivent nourrir” (Ibid.).

Подобное поведение представителей самых низов общества, как, впрочем, и более приличных граждан, безусловно, всячески порицалось. Собственно, сама идея переодевания ради получения моральной или материальной выгоды отнюдь не приветствовалась средневековыми моралистами. Исключения из этого правила существовали, но практически ни одно из них не касалось повседневной жизни общества. Так, ранняя христианская агиография допускала возможность сознательного изменения внешности *in extremis*, т.е. когда речь шла о мученицах за веру или о набожных особах, желавших во что бы то ни стало сохранить невинность и посвятить ее Господу: мужской костюм в этом случае рассматривался как способ избежать смерти и/или бесчестия²⁹. Та же идея последовательно развивалась в трудах Амвросия Медиоланского (ок. 340–397) и Иеронима Стридонского († 419/420)³⁰.

Что же касается мужчин, то ситуации, при которых переодевание (в частности, в женское платье) являлось допустимым, также были далеки от повседневности. У Александра Гэльского (ок. 1185–1245), единственного, кто подробно рассматривал этот вопрос, речь шла исключительно о правителе, жизнь которого находится в опасности. Все остальные варианты оказывались под запретом³¹. Именно такой случай упоминался, в частности, в регистре заключенных парижского Шатле за 1488–1489 гг. За бесчинства, учиненные в одной из столичных таверн – «месте развратном и превращенном в бордель», как сообщал судебный писец, – аресту подверглась группа монахов. Все они предстали перед ночной стражей в женских платьях и головных уборах, т.е. «в одежде, которую им не дозволено носить в ущерб собственному статусу»³².

²⁹ *Delcourt*. 1958: 1–33; *Patlagean*. 1976: 597–623.

³⁰ *Bullough*. 1977: 189.

³¹ “Nonne legitur de Debbora, quae ivit ad praelium? Et praesumitur quod in armis militaribus, quae ad viros pertinent. Pari ratione, ex causa aliqua posset vir veste muliebri indui, ut si quaeretur ad mortem et per hoc occultaretur, vel si faceret officium quod mulieri competeret... Ad quod dicendum quod non pertinet ad honestatem viri veste muliebri indui: utrique enim sexui diversa indumenta natura dedit. Unde, si homo uteretur ex consuetudine veste muliebri, nisi in aliquo casu necessitatis, peccaret” (*Alexander Halensis*. 1930: 477).

³² “En une taverne... qui est lieu dissolu et ou l’en fait bordeau, lesquelz religieulx estoient vestus de robes, chappeaulx et cornettes quy est habit qu’ils ne doivent porter pour laissier l’abit de leur ordre et estoient embastonnées d’espees et de dagues” (*Gauvard, Rouse, Soman*. 1999: 584).

Единственным, по всей видимости, исключением во французской практике XIV–XV вв., когда совершенно конкретный случай переодевания получил официальное оправдание, был казус Жанны д'Арк. Именно этой проблеме был посвящен трактат *De mirabili victoria* Жана Жерсона, написанный в мае 1429 г. Прославленный теолог объяснял факт смены женского платья на мужское насущной необходимостью (участием в боевых действиях) и называл девушку «знаменосцем Господа», т.е. приписывал ей должность, которая сама по себе предполагала ношение костюма и доспехов рыцаря³³.

Возвращаясь, однако, к реальным преступникам и маргиналам средневековой Франции, следует отметить одно важное обстоятельство. Насколько можно судить, здесь не имелось *общего* законодательства, посвященного умышленной смене одежды³⁴. Единственное упоминание такого рода присутствовало в *Большом кутюме* Жака д'Аблежа, действие которого теоретически распространялось на всю территорию королевства, но в реальности касалось лишь центральной его части – Иль-де-Франса. Автор сообщал, что при рассмотрении дел об убийстве отягчающим обстоятельством является тот факт, что преступник «переделся в женщину или в монаха»³⁵.

Существовали также *локальные* постановления, не носившие обязательного для всего королевства характера и основанные на прецедентах, т.е. собственно на судебной практике. Так, в 1457 г. чиновники королевской тюрьмы Шатле, в которой располагался суд столичного прево, составили на имя Карла VII (1404–1461) жалобу на различных попрошайек, досаждавших парижанам. Среди них упоминалась и банда, члены которой являлись студентами или выдавали себя за таковых, но имели при себе мечи, что для уча-

³³ “Lex hujusmodi nec ut judicialis, nec ut moralis, damnat usum vestis virilis et militaris in Puella nostra, virili et militari... In Puella nostra... quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (Opusculum magistri Johannis de Jarsonno. 1979: 39).

³⁴ Существовало, впрочем, весьма обширное законодательство, направленное против бродяг, которых пытались выдворить из городов и привлечь к сельскохозяйственным работам. Количество ордонансов такого рода (первый из них датируется 1351 г.) свидетельствует, что подобные меры не приносили желаемого результата. Кроме того, использование переодевания ради наживы в этих указах не упоминалось: Inutiles au monde. 1980: 72–79.

³⁵ “... pour ung qui par aguet, aucunnefois en habit de femme, autresfois en habit de moyne, avoit fait son povoir de tuer ung aultre, ce qu’il feist” (*D’Ableiges*. 1868: 640).

щихся было категорически запрещено, и постоянно устраивали драки со смертельным исходом. Чиновники просили монарха подтвердить существующий запрет на ношение оружия «днем и ночью» для всех учащихся университета³⁶, и Карл VII откликнулся на эту просьбу. В его ордонансе подробно перечислялись все группы мошенников, которых можно было встретить на улицах Парижа, и среди них те, кто притворялся больными, без нужды опираясь на костыли; заворачивал детей в тряпки, вымазанные шафраном, мукой или кровью; умышленно превращал свою одежду в вонючие, сальные, рваные тряпки и т.п. В указе утверждалось, что все эти люди не имеют ничего общего с настоящими нищими, собирающимися у церквей, а потому заслуживают наказания³⁷.

В 1473 г. последовало новое постановление, посвященное той же проблеме, – теперь уже Парижского парламента. В нем акцент делался не на фальшивых попрошайках, а на тех, кто выдавал себя за людей достойных – прежде всего за судебных чиновников (*officiers*) или их сержантов (*sergens*). Эти мошенники, как утверждалось в документе, предпочитали одеваться богато, украшать себя драгоценностями и опоясываться мечами и «большими ножами», «что не соответствует никакому сословию»³⁸.

Вполне естественно, что упомянутые выше распоряжения монарха и парламента в первую очередь касались именно Парижа – самого крупного города королевства и, как следствие, главного пристанища преступников, попрошаек, проституток, нищих и прочих маргиналов³⁹. В безрезультатных попытках совладать со всеми

³⁶ “Item, et pource qu’en l’Université, souz ombre d’estude se font beaucoup de maux par mauvais garçons qu se disent estre escoliers, et sont ribleurs, et ne font que battre et ribler. Pour y pouvoir fut deffendu a tous escoliers de porter espees ny autres bastons, de jour ny de nuict” (Ordonnances royaux sur le fait et jurisdiction. 1595: 236).

³⁷ “... qui feignent estre debiles de leurs membres, portans bastons sans necessité, et contrefont maladies caducques... enfleurs d’enfans par application de drapeaux, emplastres, peintures de saffran, de farines, de sang et autres couleurs faulses, portans aussi fer en leurs mains, drappeaux en leur testes, et autres habillemens boueux, ords, sales, puants et abominables... le tout pour extorquer injustement les aumosnes qui sont deues aux vrays pauvres de Dieu” (Ibid.).

³⁸ “... qui se disent officiers, comme sergens, et autres qui sont vestus et habillez de plusieurs robes et riches habillemens, portans espées et grands cousteaux, qui ne s’appliquent à aucun estat, ou autre bonne maniere de vivre, et tuent et battent gens... en leur ostant leurs ceintures, joyaux, habillemens” (цит. по: Inutiles au monde. 1980: 86).

³⁹ Le Paris au Moyen Age. 2018: 9–10, 22–26, 217–235.

этими отбросами общества и, в том числе, с мошенниками-«самозванцами», использовавшими ради наживы переодевание, властям явно не хватало сил для контроля за остальной территорией страны, особенно в условиях практически непрекращающегося военного конфликта с Англией, а также в послевоенное время. Вероятно, единственным исключением в данном случае являлись так называемые законы против роскоши, самый первый из которых был опубликован во Франции в 1294 г., в правление Филиппа IV Красивого (1268–1314)⁴⁰. Впрочем, в большей степени эти указы касались регламентации внешнего вида более добропорядочных, нежели нищие и попрошайки, граждан. Крестьянам, купцам и ремесленникам запрещалось пользоваться в повседневной жизни вещами, не соответствующими их социальному статусу, и прежде всего – носить дорогие наряды и украшения, право на которые имелось только у представителей знати.

И все же даже такие запреты иногда оказывались нарушенными. Так произошло, в частности, в 1473 г., в период правления Людовика XI (1423–1483), пожелавшего весьма необычным способом отметить героическое поведение своих подданных в ходе франко-бургундских войн.

Двадцать седьмого июня 1472 г. войска Карла Смелого (1433–1477), герцога Бургундского, окружили город Бове, но не смогли его захватить благодаря действиям местных жителей во главе с Жанной Ленэ. В тот момент, когда один из бургундских солдат взобрался на крепостную стену и водрузил на нее штандарт герцога, именно эта девушка бросилась на врага с топором в руках, зарубила его и сорвала знамя. Ее поступок придал сил защитникам города: осада Бове продолжалась месяц, однако он так и не был взят Карлом Смелым⁴¹.

Подвиг Жанны, получившей впоследствии прозвище Секира (*Hachette*), был высоко оценен не только ее земляками, но и самим королем. Согласно его ордонансу, уже в июне 1473 г. в Бове был

⁴⁰ “Et commandons à touz, souz paine de cors et d’avoir, que nul ne porte, ne ne face porter Or, ne Argent, ne Billon hors du Royaume, et que nul ne achate Or, ne Argent, ne Billon d’ores en avant, fors ceux qui seront establi de par nous” (Ordonance portant deffenses à tous ceux qui n’ont pas six mille livres tournois de rente. 1723: 325). Подробнее о законах против роскоши см.: *Kraemer-Raine*. 1920.

⁴¹ О военном походе Карла Смелого, попытавшегося захватить всю северную Францию, см.: *Cauchies*. 1996: 147–159. Об осаде Бове см.: *Ganiage*. 1987: 76–79.

учрежден ежегодный праздник в память об осаде, и в торжественной процессии, проходившей по улицам города, первые места отводились местным женщинам и девушкам, а не мужчинам⁴². Тем же указом монарх позволял любой жительнице Бове, вне зависимости от ее социального статуса, в день свадьбы, а также «в любой другой на ее усмотрение», надевать платья и украшения, достойные представительниц знати. Подобное поведение, в любом ином французском городе грозящее нарушительнице общественным порицанием и даже штрафом, отныне считалось совершенно обычным для землячек Жанны Ленэ⁴³. Более того, буквально через месяц король повторил свое распоряжение в патентном письме от 9 августа 1473 г., адресованном жителям Бове⁴⁴. Наконец, из тех же документов мы узнаем, что сама героиня являлась совершенно реальным персонажем, поскольку в том же 1473 г. Людовик XI лично организовал замужество девушки, навечно освободив молодоженов от уплаты каких бы то ни было налогов, вводимых в королевстве⁴⁵.

⁴² “... et en perpetuel memoire de ladicte procession ainsi faictes par les femmes de ladicte ville pendant et durant ladicte hostillité, et de leur bonne constance, vertu et obeissance, avons en outre voulu et ordonné que icelles femmes aillent d’ores *en avant en la procession*, incontinent après le clergié, et precedent les homme icelluy jour” (Privilèges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais. 1820: 582, курсив мой – *O.T.*).

⁴³ “... et en oultre, que toutes les femmes et filles qui sont à present et seront cy-après en ladicte ville, se puissent et chacune d’icelles à tousjours, le jour et sollempnité de leurs nopces, et toutes autres foiz que bon leur semblera, parer, *vestir et aourner de tels vestemens, atours, paremens, joyaulx et aornemens que bon leur semblera*, et dont elles pourront recouvrer, sans ce que, pour raison de ce, elles ne aucune d’elles en puissent estre aucunement notées, reprises ou blasmées, pour raison de quelque estat ou condition qu’elles soient ne autrement” (Ibid., курсив мой – *O.T.*).

⁴⁴ “... pour quoy nous avons bien voulu et ordonné que lesdictes femmes aient et que les souffrez doresenavant joyr des octroy et prééminences déclarées en nosdictes lectures” (Lettres de Louis XI. 1909: 165–166).

⁴⁵ “Sçavoir vous fasons que, pour la consideration de la bonne et vertueuse resistance qui fut faicte... par nostre chiere et bien amée Jeanne Laisné, fille de Mathieu Laisné, demeurant en nostre ville de Beauvais, nous avons, pour ces causes et aussi en faveur du mariage du Colin Pilon et elle, lequel par nostre moyen a esté naguere traicté, conclud et accordé,... voulons et nous plaist... que lesdits Colin Pilon et Jeanne sa femme et chacun d’eulx soient et demeurent, leur vie durant, francs, quictes et exempts de toutes les tailles qui sont et seront d’ores en avant mises sus et imposées de par nous en nostre royaume” (Privilèges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais. 1820: 583). В настоящее время личность Жанны Ленэ не вызывает сомнений у историков: *Gervais, Lusignan*. 1999: 171–

Конечно, судьба Жанны Ленэ представляла собой исключительный случай, который потому и вошел в историю. В остальном же французские источники конца XIII–XV в. свидетельствуют о единой тенденции. По мнению судебных чиновников, юристов, а также собственно монархов, никто из подданных королевства не имел права претендовать на более высокий социальный статус, меняя свой внешний облик и пытаясь тем самым выдать себя за другого человека. Женщина не могла выглядеть как мужчина, а мужчина – как женщина. Бродяга не смел притворяться добропорядочным гражданином. Монахи не имели права попрошайничать. Все эти люди обязаны были использовать лишь легальные, принимаемые обществом и узаконенные способы повышения своего благосостояния и социального статуса. Конечно, все они это понимали – и все же регулярно поступали по-своему, а судебным чиновникам не хватало ни сил, ни возможностей противостоять подобным обманщикам. «Кривое законодательство», как называл постановления, направленные против бродяг и превращавшие их в уголовных преступников, Карл Маркс⁴⁶, просуществовало в странах Западной Европы вплоть до XIX столетия. Однако и сегодня мошенничество, в основе которого лежит сознательное изменение внешности, голоса, подделка удостоверяющих личность человека документов, остается одним из самых распространенных «каналов» для появления все новых и новых «самозванцев» всех возможных мастей.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- D'Ableiges J.* Grand coutumier de France / Ed. par E. Laboulaye et R. Dareste. P., 1868.
- Alexander Halensis.* Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1930. Т. 3.
- Archives Nationales de France. Serie X – Parlement de Paris. Serie X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 25, fol. 34v–36v.
- Bruel A.* Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny. P., 1903. Т. 5.
- Les coutumes de l'Agenais / Ed. par P. Ourliac, M. Gilles. P., 1981. Т. 2.
- Coutumes de Toulouse // Bibliothèque Nationale de France. Ms. lat. 9187.

205; Heers. 2003: 71, 281; Beaune. 2013: 161.

⁴⁶ Маркс. 1951: 737.

- Deschamps E.* De cahymans et de coquins // *Deschamps E. Œuvres complètes / Ed. par A.H.E. de Queux de Saint-Hilaire, G. Raynaud. P., 1889. T. 6. P. 279–281.*
- Gauvard Cl., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XV^e siècle d'après les fragments d'un registre d'écrous de 1412 // *Bibliothèque de l'École des Chartes. 1999. T. 157. P. 565–606.*
- Gilles H.* Les coutumes de Toulouse (1286) et leur premier commentaire (1296). Toulouse, 1969.
- Inutiles au monde. Truands et misérables dans l'Europe moderne (1350–1600) / Présenté par B. Geremek. P., 1980.*
- Joinville J. de.* Vie de Saint Louis / Ed. par J. Monfrin. P., 1995.
- Lettres de Louis XI / Ed. par J. Vaesen et E. Charavay. P., 1909. T. 5.*
- Martin Le Franc.* Le Champion des dames / Publ. par R. Deschaux. P., 1999.
- Opusculum magistri Johannis de Jarsonno // Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1979. T. 2.*
- Ordonnance portant deffenses à tous ceux qui n'ont pas six mille livres tournois de rente // Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1723. T. 1. P. 324–325.*
- Ordonnances royaux sur le fait et juridiction de la prévosté des marchands et eschevinage de la ville de Paris. P., 1595.*
- Privileges accordés aux Femmes et Filles de la ville de Beauvais // Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1820. T. 17. P. 581–584.*
- Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIV^e siècle / Ed. par L. Tanon. P., 1877.*
- Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. T. 1. P., 1861; T. 2. P., 1864.*
- Sainéan L.* Les sources de l'argot ancien. P., 1912. T. 1.
- Tanon L.* Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris, suivie des registres inédits de Saint-Maur-des-Fossés, Sainte-Geneviève, Saint-Germain-des-Prés, et du registre de Saint-Martin-des-Champs. P., 1883.

ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К.* Капитал. М., 1951. Т. 1.
- Мёглен Ж.-М.* «С веревкой на шее, с розгами в руках...». Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2007. Вып. 8. С. 120–154.*
- Рогов М.А.* Иконографические мотивы «Чудес Богоматери», профессиональных нищих, Двора чудес и живопись Иеронима Босха: визуальная интертекстуальность // *Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2022. № 3. С. 6–19.*
- Тогоева О.И.* Смертная казнь в городе: Зрелище и судебный ритуал // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 353–361.*

- Тогоева О.И.* Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.
- Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2022.
- Baldwin J.W.* The Language of Sex. Fives Voices from Northern France around 1200. Chicago, 1994.
- Beaune C.* Le Grand Ferré: Premier héros paysan. P., 2013.
- Bullough V.L.* Sex Education in Medieval Christianity // The Journal of Sex Research. 1977. Vol. 13. № 3. P. 185–196.
- Cauchies J.-M.* Louis XI et Charles le Hardi. Bruxelles, 1996.
- Crane S.* The Performance of Self. Ritual, Clothing, and Identity During the Hundred Years War. Philadelphia, 2002.
- Delcourt M.* Le complexe de Diane dans l'hagiographie chrétienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. T. 153. P. 1–33.
- Ganiage J.* Histoire de Beauvais et du Beauvaisis. Toulouse, 1987.
- Gauvard Cl.* Condamner à mort au Moyen Âge. Pratiques de la peine capitale en France, XIII^e–XV^e siècle. P., 2018.
- Gervais D., Lusignan S.* De Jeanne d'Arc à Madelaine de Verchères: la femme guerrière dans la société d'ancien régime // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1999. Vol. 53 (2). P. 171–205.
- Heers J.* Louis XI. P., 2003.
- Hotchkiss V.R.* Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.; L., 2012.
- Karras R.M.* Holy Harlots: Prostitute Saints in Medieval legend // Journal of the History of Sexuality. 1990. Vol. 1 (1). P. 3–32.
- Kraemer-Raine P.* Le luxe et les lois somptuaires au Moyen Âge. P., 1920.
- Martin-Chabot E.* L'affaire des quatre clercs pendus et dépendus à Carcassonne (1402–1411) // Recueil des travaux offerts à Clovis Brunei. P., 1955. T. II. P. 238–252.
- Moeglin J.-M.* Les Bourgeois de Calais: essai sur un mythe historique. P., 2002.
- Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtement dans l'enluminure en France du XIII^e au XV^e siècle. P., 2007.
- Le Paris au Moyen Âge / Sous la dir. de B. Bove et Cl. Gauvard. P., 2018.
- Patlagean E.* L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597–623.
- Rossiaud J.* Amours vénales. La prostitution en Occident, XII^e–XVI^e siècle. P., 2010.

К. С. Худин

ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ:
ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
В РОССИИ XVII ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-7

Аннотация: Статья посвящена конфликтам между корпорацией врачей Аптекарского приказа и представителями других медицинских практик: частными врачами, «знахарями», а также восприятию подобных практик в приказной среде. Рассмотрены бюрократические механизмы, возникающие в ходе таких конфликтов, когда корпорация определяет врача как «самозванца» и, не считая его частью своей группы, отказывает ему в признании профессиональных компетенций. При этом сама частная практика не является преградой для попадания внутрь профессионального сообщества, а наречение самозванцем, а следовательно – шарлатаном становится способом решения внутри- и межгрупповых конфликтов. Такие конфликты по-разному протекают в каждом из трех примеров с представителями различных социальных групп, но одинаково иллюстрируют тот факт, что человек, совершающий не конвенциональные действия, становится в глазах этого сообщества – самозванцем.

Ключевые слова: социальная история медицины, история повседневности, история раннего Нового времени, XVII век, Россия, Аптекарский приказ.

— А вы кто такой?

— Я Петров, уполномоченный.

— Чем вы докажете, что вы – Петров?

— Вот мое удостоверение! Видите? Вот!

— Мало ли что я вижу. Я все вижу. Вот верю ли я?

М. Жванецкий. «У кассы»

Чаще всего, когда речь заходит о самозванцах, в первую очередь представляются политические фигуры, к тому же, как правило обладающие склонностью к авантюрам и насыщенной биографией. Эти люди пытаются выдать себя за тех, кем не являются, сознают это и поступают так намеренно. Однако, во многом, статус субъекта определяют другие представители этой же группы – в нашем случае – профессиональной группы. И в ряде случаев они могут отказывать ему в этом статусе. В настоящей статье речь пойдет о

нескольких врачей, осуществлявших свою деятельность в России в третьей четверти XVII века и об их взаимодействии с профессиональной группой, которая оценивала принадлежность «самозванцев».

Необходимо оговориться: в реальности мы не можем делать уверенных выводов о компетентности врачей-«самозванцев» лишь на том основании, что их не принимает их профессиональная группа. Настоящей статьёй мы хотим обозначить проблему сосуществования в России раннего Нового времени разнообразных медицинских практик, высвечиваемых этими внутри- и межгрупповыми конфликтами.

Мы рассмотрим три примера, в каждом из которых возникают различные противоборствующие стороны:

- 1) Иноземцы против иноземцев: врачи Аптекарского приказа против врача-грека, занимавшегося частной практикой;
- 2) Врачи Аптекарского приказа против русского «знахаря»;
- 3) Подьячие против «пострельного подьячего»: подьячие Польшского, Стрелецкого и других приказов против подьячего, занимавшегося медицинской деятельностью.

Вне пределов настоящей статьи останутся этноконфессиональные конфликты внутри корпорации врачей Аптекарского приказа, например, связанные с Даниилом (Стефаном) фон Гаденом (Фунгадоновым)¹.

ИНОЗЕМЦЫ ПРОТИВ ИНОЗЕМЦЕВ

«Слышали де они от многих людей, что греченин Дмитрий Селунской ездит по многим дворам к немочным людем, дает нутреные лекарства неведомо какие, и за то де емлет болшие денги, а помочи немочным людем чинит мало»² – с таких слов начался конфликт между немецким аптекарем, служившим в Аптекарском приказе и врачом-греком, занимавшимся частной практикой. Это цитата из коллективного доноса («извета») врачей этого учреждения: доктора Артмана Грамана³ и аптекаря Генриха Газзениуса (имено-

¹ См., например: *Думшат*. 2006; *Опарина*. 2007: 329.

² РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 1; Оpubл.: Матерьялы. 1881–1884: 616.

³ Доктор Граман далее не фигурирует в деле, из чего можно сделать вывод, что он представлял собой «бюрократический таран», обладая самым высоким статусом внутри Аптекарского приказа. Подробнее о разбирательстве этого дела см.: *Худин*. 2013.

вавшегося в русских документах Андреем Ивановым), которые «извещали словесно» судью Аптекарского приказа боярина Илью Даниловича Милославского. Их обвинение состояло не столько в том, что указанный «греченин» занимается частной практикой, сколько в том, что у него нет соответствующих документов: «в их де немецких государствах бывает лекарственному делу хто и гораздо учен, а без докторского свидетельства лекарства давать нелзе, потому что бывает де им допрос, где хто учился и какими лекарствами лечить чтоб от того немочным людем поврежденья и напрасной кончины не было»⁴.

Обратим внимание, что в данном случае «докторское свидетельство», видимо, понимается расширительно, как документы об образовании, но не как свидетельство о получении степени доктора в университете. Такой вывод мы делаем из того, что сам инициатор этого процесса и одна из сторон конфликта – аптекарь Андрей Иванов – таковой степени не имел⁵. Подобные «грамоты немецкие свидетельства», оказались, например, при окулисте Давыде Бруне, когда он приехал на русскую службу 1628/29 г., они были у него изъяты чиновниками Разрядного приказа и хранились там⁶. Что касается упомянутого в тексте извета «допроса, где хто учился и какими лекарствами лечить», то такого рода экзамен был учинен лекарю Ивану Альбанусу (к слову сказать, племяннику доктора Грамана), когда тот в 1648 г. поступал в Аптекарский приказ на должность лекаря и алхимиста⁷.

Занятие частной практикой, насколько можно судить из документов, не было запрещено в России и не являлось препятствием для поступления на службу в Аптекарский приказ. Его не утаивали – напротив, претенденты на должность приводили подробный список тех пациентов, которых они уже лечили к моменту поступления в штат этого учреждения. Например, сохранился список пациентов Льва Личифинуса (Leo Bodanovic) – этнического еврея (крещенного под именем Александр), учившегося, по его словам, в Риме, работавшего врачом в Константинополе, в Валахии, а затем в польской армии, откуда он в качестве пленника и попал в Московское государство примерно в середине лета 1655 г. Все эти элементы биографии: этни-

⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 1; Оpubл.: Матерьялы. 1881–1884: 616.

⁵ *Dumschat*. 2006: 629.

⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 93. Оpubл.: Матерьялы. 1881–1884: 28–29; РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 158. Оpubл.: Матерьялы. 1881–1884: 647–648.

⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 98. Л. 2. Оpubл.: Матерьялы. 1881–1884: 615.

ческая принадлежность, вероисповедание, попадание в плен несколько не помешали ему через полгода стать доктором Аптекарского приказа в начале 1656 г.⁸

Среди пациентов Личифинуса: боярин Василий Васильевич Бутурлин, боярин Борис Иванович Морозов, боярин Илья Данилович Милославский, его жена – Екатерина Федоровна⁹, жена стольника Иван Богдановича Милославского, полковник Александр Гипсон с женой и полковник Алексей Бутлер¹⁰.

Сохранился аналогичный список, составленный со слов окулиста Иоганна Шартлина в 1677 г.¹¹ Среди его пациентов за исключением одного человека – сплошь женщины: дочь боярина князя Якова Никитича Одоевского, жена боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукова, жена думного дворянина и ясельничего Ивана Тимофеевича Кондырева, боярыня княгиня Фетинья Ивановна Лобанова, жена стольника Ивана Ивановича Лепунова, дочь священника церкви Григория Богослова «что на Дмитровке» Алексея Степанова и подьячего Стрелецкого приказа Ивана¹².

В обоих перечнях мы обнаруживаем имена весьма родовитых людей, доверивших здоровье свое и своих близких не «официальному» Аптекарскому приказу, а частным врачам.

Однако реальной причиной извета на греческого врача Дмитрия Селунского послужила «напрасная кончина» стольника Семена Семеновича Коробьина, которого (как выяснилось в результате перекрестных допросов) лечили оба врача – сначала аптекарь Газениус-Иванов, а затем Дмитрий Селунский¹³. По не вполне понятным из судного дела причинам первый был отставлен. Вряд ли это стоит связывать с его иноверием и выбором в пользу православного грека – хотя и существовал формальный запрет православным людям обращаться к врачам иноверцам, отраженный в Номоканоне и существовавший как минимум с 1639 г.¹⁴ Такой запрет, однако, не соблюдался строго даже духовенством: С.П. Орленко¹⁵ приводит рассказ голландца Николааса Витсена, побывавшего в России в

⁸ Подробнее о его судьбе см: Худин. 2012.

⁹ В девичестве – Нарбекова.

¹⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 158. Л. 3–4.

¹¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1182. Л. 1.

¹² Его фамилия в документе не указана, и пока точно отождествить его не удалось.

¹³ Подробнее о содержании этого дела см.: Худин. 2013.

¹⁴ Орленко. 2004: 143–144.

¹⁵ Орленко. 2004: 160; Витсен. 1996: 73.

1664–1665 гг. о том, как голландские врачи, проезжавшие в составе посольства в Москву мимо Иверского монастыря на Валдае, были приглашены в монастырь для помощи больным. Да и рецепты, выписанных врачами Аптекарского приказа, содержат упоминания представителей духовенства разного уровня: от Вселенских Патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского до духовника царя протопопа Благовещенского собора¹⁶ Лукьяна Кирилловича¹⁷.

Можем ли мы, основываясь лишь на факте неприятия врача-грека корпорацией врачей Аптекарского приказа, считать его самозванцем и шарлатаном? Мы полагаем, что нет, тем более что оба врача: и немецкий аптекарь Гезениус, и, затем, Дмитрий Селунский лечили столбняка одним и тем же лекарством, а именно, опиумом¹⁸. Хотя спор о дозах действительно шел: «с горошину», как утверждал Газениус, или «с конопляное зерно», как показывал Селунский – вряд ли немецкий врач был отставлен только лишь ради того, чтобы уменьшить дозу.

Обратимся к профессиональной биографии Дмитрия Селунского. О себе он сообщает, что учился «лекарственному делу в Турской земле¹⁹, во Царе-городе и в Селуни-городе²⁰, у греческих дохтуров в молодых летех, которые доктора жили близо ево, Дмитриева, отца»²¹. Из следственного дела известно, что его рекомендовали Василий и Григорий Унковские. Греческий город Фессалоники (Салоники, Солунь), находившийся в составе Османской империи, был местом, где переплелось несколько языковых и этнических потоков²². Сложность в реконструкции биографии этого человека состоит в том, что известно как минимум о трех Дмитриях Селунских, проживавших в тот момент в России – это московские дворяне (с 1657 г.) Дмитрий Николаевич и Дмитрий Юрьевич²³, а также

¹⁶ Этот храм был домовым для русских царей.

¹⁷ Худин. 2021:128.

¹⁸ Хотя спор о дозах действительно шел: «с горошину», как утверждал Газениус, или «с конопляное зерно», как показывал Селунский – вряд ли немецкий врач был отставлен только лишь ради того, чтобы уменьшить дозу. Посему, в настоящей работе мы будем исходить из того, что лечение было одним препаратом.

¹⁹ Имеется в виду территория Османской империи.

²⁰ Фессалоники (Салоники) – крупный город Османской империи.

²¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

²² Опарина. 2007: 318.

²³ БК. 1658: 252–253; АУ. 1853: 374.

патриарший стольник (с 1630/31 г.) Дмитрий Федорович²⁴. Т.А. Опарина отождествляет упомянутого нами врача с последним – «Дмитрием Федоровым сыном Селунским» – дальним родственником Анастаса Селунского и племянником Севастийского митрополита Иосифа, который 9 февраля 1631 г. был назначен стольником патриарха Филарета²⁵.

Из показаний врача-грека мы знаем, что его привезли в дом к Коробьиным два человека – «Василей да Григорий Унковские»²⁶. Василий был с 1628/29 г. московским дворянином, а Григорий с того же года стал патриаршим стольником, а с 1635/36 г. — так же, как и его брат, московским дворянином²⁷. Таким образом, все трое в одно и то же время служили у патриарха Филарета. Видимо, по рекомендации Унковских немецкий аптекарь и был заменен Дмитрием Селунским.

Не будучи членом корпорации врачей Аптекарского приказа, а потому не имея возможности опереться на их поддержку в этом конфликте, Селунский ссылается («шлетца») в показаниях на мать своего пациента – Фетинью Елизарьевну Коробьину: «а будет де ево, Семенова, мать скажет, что он, Семен, умер от ево, Дмитриева, лекарства, и он де, Дмитрий, у Государя милости не просит» – отчаянно говорит он²⁸. В свете подобных речей логично предположить, что Селунский был нанят матерью покойного (в деле отсутствует имя этой женщины) или кем-то по ее просьбе.

Личность этой женщины удалось установить лишь до некоторой степени: Фетинья Елизарьевна была второй женой Семена Гавриловича Коробьина, но из какой семьи она происходила, до сих пор не выяснено. Брак был заключён, вероятно, не позже 1612 г. Их единственный сын, стольник Семён Семёнович Коробьин, женился на дочери московского дворянина Ивана Григорьевича Пушкина – Ирине (Арине) Ивановне (ум. 1672). Две его сестры – Стефанида и Марфа – были выданы замуж соответственно: за боярина Ивана Васильевича Морозова (четвероюродного брата боярина Бориса Ивановича Морозова) и за князя Петра Дмитриевича Пожарского (сына

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 55. Стб. 3; Там же. Д. 1084. Стб. 3. Благодарю за указание Егора Николаевича Горбатова.

²⁵ *Опарина*. 2020: 148–149.

²⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 5.

²⁷ АУ1853: 425.

²⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 6.

знаменитого князя Дмитрия Михайловича Пожарского²⁹³⁰.

Семен Семенович Коробьин, вероятно, умер бездетным (о его потомках нам ничего не известно). 9 января 1652 г. Фетинья Елизарьевна «погребла в дому Живоначальные Троицы тело сына своего Семена Семеновича Коробьина и дала по сыне своем вкладу 100 рублей»³⁴. Мать пережила его на десять лет, а вдова – на двадцать. Примечательно, что последняя никак не упоминается в связи с исследованием смерти Коробьина, его интересы представляет мать – как старшая в семье.

Справедливости ради стоит отметить, что истец – немецкий аптекарь Газениус – в подтверждении своей компетенции тоже ссылается не на «свидетельные грамоты», и не на других врачей, а на Анну Петровну Пожарскую (не называя ее по имени), от которой он и узнал о смерти своего бывшего пациента: «приехал де он (аптекарь Генрих Газениус. – *К.Х.*) к стольнику по князю Афонасью княж Борисову сыну Репнину и ево де князь Афонасьева жена сказала ему, Андрею, что Семена Коробьина не стало»³¹. Анна Петровна приходилась племянницей покойному – дочерью его сестре Марфе и внучкой Дмитрию Михайловичу Пожарскому. После смерти отца (ум. 1647) и матери (ум. 1649/50) несовершеннолетние внуки – княжны Анна и Евдокия (Авдотья) Пожарские оказались на попечении бабушки – Фетиньи Елизарьевны Коробьиной. Именно она организовала брак Анны Петровны со стольником князем Афанасием Борисовичем Репниным (ум. 1653)³². Поэтому, очевидно, знала о том, что происходило в их доме. Примечательно, что в конфликте между немецким аптекарем и греческим врачом они оказались по разные стороны.

²⁹ Эскин. 2000: 146; Эскин. 2013: 182

³⁰ Кирпичников, Худин. 2023: 421–422.

³¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 3. Л. 4.

³² Кирпичников, Худин. 2023: 422.

ВРАЧИ ПРОТИВ «ЗНАХАРЯ»

После того страдания от подагры и водяной болезни привязали его к постели и удалили от военной службы; однако ж и тут все была у него такая же жадность к золоту, как обыкновенно жажда пить; наконец, еще в бытность мою в Москве, он лишился голоса, движения и всех чувств от употребления какого-то настоя, прописанного ему одним деревенским знахарем, с трудом опаматовался только через три дня и после долгой борьбы со смертью на последнем для него поприще состязаний 11-го Ноября³³ отдал Богу душу.

Так писал в своем «Путешествии» посол Священной Римской Империи барон Августин Мейерберг.

Не каждый «деревенский знахарь» устаивается упоминания в сочинении посла. Примечательно это сообщение еще и тем, что мы достоверно знаем не только имя врачевателя и состав упомянутого в записках «настоя», но даже слова, которые в последние свои дни, лишившись голоса, произносил медленно умирающий боярин: «Я положился на волю Божию и стану ж принимать как меня Бог наставит»³⁴.

Такие слова боярина Бориса Ивановича Морозова известны из показаний тяглеца Хамовной слободы Федора Белозерцова – того самого «знахаря», который в последние месяцы и лечил его³⁵, причем записаны они были 9 октября 1661 г., т. е. когда боярин был еще жив³⁶.

³³ Мейерберг использует в своих записках григорианский календарь. Все остальные даты в настоящей статье приводятся по юлианскому календарю, который использовался в России XVII в. Разница между календарями в этот период составляла 10 дней. Так, в «Дневальных записках Приказа Тайных дел» приводится такое сообщение от 1 ноября 1661 г.: «Бориса Ивановича не стало в 3-м часу дни». *Белокуров*. 1908: 112.

³⁴ *Новомбергский*. 1905: 12.

³⁵ Памятуя о чрезвычайной жестокости боярина Б.И. Морозова, добавить здесь эпитет «несчастливого» как-то не поворачивается язык. В качестве лишь одной иллюстрации этого, приведем пример с расследованием оскорбительных речей бобыля Мирона Иванова о боярине, произнесенных в кабаке. По доносу он был схвачен, бит кнутом, брошен в тюрьму, после чего надлежало «держав его в тюрьме небольшое время, как кожа подживет, и выняв, велеть вдругоретить бить кнутом же без пощады же». *Козляков*. 2022: 152–153.

³⁶ *Новомбергский*. 1905: 12.

Но как «знахарь» оказался так близко допущен буквально «к телу» тяжело болеющего Бориса Ивановича? Исследователи отмечали, что вотчины Морозова представляли собой «государство в государстве», где были «свой сыск, суд, тюрьма и наказание»³⁷. Формально Морозов контролировал Аптекарский приказ только до лета 1648 г., когда был судьей этого учреждения. С 1649 по 1667 гг. его почти бессменно возглавлял царский тесть боярин Илья Данилович Милославский – он же приходился тестем Морозову, потому как царь Алексей Михайлович и Борис Иванович были женаты на сестрах³⁸. Мог ли боярин Морозов доверять «своему человеку» Федору Белозерцеву больше, чем отцу собственной жены?

По мнению Л.А. Тимошиной³⁹, высказанному ею в личной беседе, связь боярского рода с семьей Белозерцевых становится более понятной, если мы примем во внимание тот факт, что братья Глеб и Борис Морозовы постоянно покупали книги, а Ф. Белозерцев ими торговал. К сожалению, на сегодняшний день пока не удалось разыскать прямых свидетельств связи между Белозерцевым и Морозовым, а потому приходится довольствоваться косвенными.

По ее данным, Федька Белозерцев по окладному списку июля 1632 г. (со ссылкой на более ранний окладной список 1630/31 г.) уже числился торговым человеком гостиной сотни, и в таком качестве между 28 сентября 1645 г. и 9 января 1646 г. подписал челобитную представителей купеческих корпораций на иностранных купцов, торгующих в России⁴⁰. Его сыновья Борис и Юрий Федоровичи Белозерцевы торговали книгами в Овощном ряду, центре книжной торговли на московском торгу: согласно приходной книге приказа Книгопечатного дела 1649/50–1652/53 гг., они закупили для продажи 12 комплектов Минеи месячных, три Книги о вере, 15 Сборников, 10 Прологов, шесть книг Ефрема Сирина и др., а для собственных нужд — Соборное уложение⁴¹. К тому же, на ее взгляд, эпизод с лечением боярина высвечивает «связи между различными слоями русского общества — высшим, боярством, и более низкими,

³⁷ Козляков. 2022: 152.

³⁸ ПМГ. 2015: 34.

³⁹ Выражаю особую признательность покойной Людмиле Алексеевне Тимошиной за внимательные комментарии к моему тексту и за ценные сведения о семье Белозерцевых, которыми она поделилась со мной.

⁴⁰ Привилегированное купечество. 2004: 118, 167.

⁴¹ Тимошина. 2006: 276, 278, 283, 295, 298, 242; РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 47. Л. 343об., 110об., 125–125об., 133об., 150, 199, 210–210об.

дворцовыми ремесленниками и крупным купечеством».

Для определения компетентности Белозерцева были привлечены врачи Аптекарского приказа. Они не перечислены поименно, но названы все имеющиеся на тот момент должности: «докторы и аптекари и лекари» – что позволяет сделать вывод, что это был общий консилиум. 9 октября (в тот же день, что были взяты показания Белозерцева, но, вероятно, перед этим) они «смотря коренья, что принес[но от] боярина от Бориса Ивановича Морозова, сказали, что то коренье именуется латынским языком Красула или Фабария или Телефиум»⁴². Но главный вывод состоял в том, что «людим тое траву и коренья принимать негодитца, потому что во всех книгах травниках не написано, что тот корень и трава людем принимать»⁴³.

Однако, врачи добавили, что это растение в аптеке использует-ся и его «кладут в мазь попилемову» (мазь из тополиных почек). Сложно сказать, насколько оправдан вердикт врачей: по одним документам Аптекарского приказа нам известно, что «попилемово масло» использовалось для лечения государевых лошадей⁴⁴; тогда как другие источники свидетельствуют, что эта мазь, в числе других, отпускалась «для лечбы <...> ратных людей» во время Русско-польской войны 1656–1660 гг.⁴⁵

Федька, однако, когда «велел принимать боярину Борису Ивановичу» корень, то сразу предупредил его, «что от того корени будет тяжело, тоска⁴⁶ и жар» и «велел <...> принимать уведывая свой нрав, чтоб того кореня принимать не через силу»⁴⁷.

Федор Белозерцев ссылался на свою мать Марьицу, которая прислала ему это коренье из новгородских вотчин Морозова как образец, а он отыскал такое же растение в Московском уезде. Она сама принимала этот корень, «топя в молоке», от той же «мокротной болезни»⁴⁸, что была у боярина, после чего «исцелела и жила лет с

⁴² В настоящее время, биологи относят *Sedum Telephium* и *Sedum Fabaria* к разным видам растения Очиток обыкновенный семейства Толстянковые (*Crassulaceae*).

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 51878. Л. 22.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 65.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 363, 368

⁴⁶ Это слово может быть понято двояко: или как тошнота, или как «болезнь, связанная с чувством внутренней сдавленности, сжатия (типа стенокардии)» [СлРЯ 30: 68].

⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 51878. Л. 22.

⁴⁸ Это собирательное название болезней, связанных со скоплением жидкостей в организме. С точки зрения медицины того времени, болезнь – следствие

двадцать». О свойствах этого растения Марьица узнала от «вдовой попадьи», имени которой Федька вспомнить не мог.

этот корень в молоке, и даже «сырой ел», и «худа никакого [ему] не учинивалось», и «тот корень и траву [он был] готов есть хоть три или пять дней и ему Федьке никакого от нея худа не будет»⁴⁹. Как видно, Белозерцев тем самым пытается показать, что растение не ядовитое и не может отравить.

Далее, 11 октября, на следующий день после осмотра растения консилиумом врачей Аптекарского приказа, доктора Андрей Энгельгардт, Самуил Коллинс и Лев Личифинус написали для Морозова рецепты двух лекарственных составов⁵⁰ от его болезни. Первый изготовлялся из смеси масел: мускатного густого, янтарного, «лавандулового», розмаринного, коричневого, гвоздичного⁵¹ и других ингредиентов, и предназначался для того, чтобы «мазать в ноздрях, и виски и затылок». Второй состав надлежало «принять с половину ложечки», а смоченные в нем кусочки ткани приложить к сердцу и привязать к запястьям⁵². Как мы видим из этих рецептов, за исключением «половины ложечки» ничто не употребляется внутрь.

Как мы уже говорили выше, Б.И. Морозов упоминается в числе пациентов доктора Личифинуса между летом 1655 и январем 1656 г. Кроме того, сохранились медицинские рецепты, выписанные Морозову (и другим лицам⁵³) врачами Аптекарского приказа в сентябре – октябре 1661 г.⁵⁴. Всего с 3 сентября по 31 октября Морозову было выписано по меньшей мере восемь рецептов (с учетом упомянутого выше)⁵⁵, причем в семи случаях из восьми их автором был Коллинс. Однако еще семь, составленные Энгельгардтом, могли предназначаться также для Морозова, несмотря на то, что были взяты «вверх к государю»⁵⁶.

нарушение баланса сухости и влаги в организме.

⁴⁹ *Новомбергский*. 1905: 13.

⁵⁰ Их состав еще нуждается в атрибуции и интерпретации.

⁵¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 51878. Л. 22.

⁵² Там же. Л. 23: «Омоча суконца красного немношко положить против сердца в лошке <...> омоча два платотчка, согнув вчетверо у обеих рук те платочки привить на запястье».

⁵³ Боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову, боярину Илье Даниловичу Милославскому, а также стрельцу Кирюшке Федорову и полковнику Ф.Т. Зыкову.

⁵⁴ *Худин*. 2017а: 388.

⁵⁵ 3, 17, 18, 30 сентября и 2 октября 1661 г.

⁵⁶ *Новомбергский*. 1905: 2–4.

Это фактически самые ранние⁵⁷ источники такого вида из дошедших до нашего времени, за исключением корпуса рецептов, прописанных датскому королевичу Вольдемару и его свите с 24 февраля 1644 г. по 10 августа 1645 г. И нельзя утверждать, что этого не происходило ранее сентября 1661 г.: мы склонны полагать, что лакуна второй половины 40-х – 50-е гг. XVII в. связана с сохранностью документов, а не с прекращением бытования этого вида источника. Датировка первого рецепта легко объясняется тем, что учетное делопроизводство велось, как правило, от начала года, т. е., с 1 сентября.

Итак, истории лечения одного человека мы наблюдаем конфликт двух разных медицинских систем и двух разных способов проверки достоверности фактов. Врачи Аптекарского приказа ссылаются на авторитеты – медицинские книги: если в них отсутствует упоминание об использовании такого растения, значит, его невозможно принимать в качестве лекарства. Федор Белозерцев, подтверждая достоверность своего способа лечения, ссылается на «житейский опыт» и на то, что в социологии называется референтной группой: свою мать, её знакомую – и так по цепочке.

Однако применение медицинских знаний не всегда поощрялось в немедицинской среде (о чем пойдет речь ниже) и могло служить к стигматизации человека, обладавшего такого рода компетенциями.

ПОДЬЯЧИЕ ПРОТИВ «ПОСТРЕЛЬНОГО ПОДЬЯЧЕГО»

«Недорогой де ты человек, ничевушка, пострелной подьячей, мертвопродавец – взял де ты подьячего с Тимофеевы жены Трифанова пять рублей за осмотр» – бранил подьячий Посольского приказа Михаил Посников подьячего Стрелецкого приказа Тимофея Антипина⁵⁸. Конфликт разгорелся на бытовой почве 24 октября 1658 г. в доме подьячего Посольского приказа Петра Долгово, в который собрались на пирушку подьячие разных приказов с женами. Повод к конфликту историкам пока не до конца понятен. Ясно лишь то, что он произошел из-за женщин. Но вот те обвинения, которые высказывал в ходе конфликта Посников, явно вынашивались не один

⁵⁷ Рецепт 1693 г. ошибочно датирован в описи 1633 г. и не может считаться ранним. РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 22.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 13. Л. 5. Выражаю особую благодарность Марии Александровне Родионовой, обратившей моё внимание на этот документ.

день, скорее всего, они и были реальной причиной этой склоки и дальнейшей потасовки с кровопролитием.

Подьячий Антипин действительно, являясь служащим Стрелецкого приказа, сопровождал врачей при осмотре больных и умерших. В 1654–1655 гг. по России прокатилась эпидемия чумы. Из-за болезни погибло множество жителей, в том числе приказные служащие, а царская семья была вынуждена эвакуироваться из Москвы сначала в Троице-Сергиеву лавру, а затем в Калязин монастырь⁵⁹. После этого люди, имевшие различные кожные заболевания, вызывали особые опасения, поскольку эти симптомы связывались с «морowymi поветриями».

В ночь с 1 на 2 января 1658 г. на дворе благовещенского протопопа Михаила скончалась беременная женщина. Уже 2 января началось расследование этого дела Стрелецким приказом. Непосредственный осмотр⁶⁰ производили уже известный нам доктор Лев Личифинус и лекарь Осип Боржо, а дьяк Стрелецкого приказа Герасим Дохтуров и его подьячий Тимофей Антипин при этом присутствовали. Все они вместе с протопопом были изолированы со 2 по 16 января: «протопоп Михайло послан в свой дом, а дьяку Гарасиму Дохтурову и дохтуру Льву и лекарю Осипу и подьячему Тимофею Антипину велено быть на своих дворах и до государева указу съезжать им со своих дворов никуда не велено»⁶¹. Карантин продолжался две недели, хотя уже 6 и 7 января доктора Андрей Энгельгарт и Артман Граман подтвердили, что смерть этой женщины никак не связана с эпидемией: «а моровых болезни от тово не бывает». Это оказалась болезнь, которую они именовали «золотуха или арзико-лас сшкорбустиком» (цинга), а доктор Андрей Матвеев обнаружил ее же у пациента, которого осматривал еще 24 декабря 1657 г.: «на загородном дворе боярина Бориса Ивановича Морозова человека ево больного у Акинфейки Мижужева»⁶².

Пациентов с кожными заболеваниями или другими подозрительными симптомами досматривали особо пристально. Таких пациентов «доктор ... осматривал нагих», чтобы обнаружить, «что де на них никакой болезни нет, все в чистоте»⁶³.

⁵⁹ Звягинцев. 1937: 53.

⁶⁰ В источниках слова «осматривал» и «досматривал» используются как синонимы. Мы будем придерживаться того же.

⁶¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 300. Опул.: Матерьялы. 1881–1884: 62–63.

⁶² Матерьялы. 1881–1884: 679.

⁶³ Матерьялы. 1881–1884: 940.

Посников называл Антипина пострельным подьячим», ловко обыгрывая с одной стороны, принадлежность Антипина к Стрелецкому приказу, а с другой стороны медицинское значение слова «пострел», которым назывались «прыщ, карбункул, язва, служившие признаком некоторых повальных язвенных болезней⁶⁴». Несомненно, случай с осмотром женщины, подозревавшейся том, что заразилась моровой болезнью в январе 1658 г., был известен в Москве в приказной среде и не забылся к концу октября того же года.

Видимо, необходимость осматривать нагую женщину и ставилась в вину Антипину подьячим Посниковым. Да еще и тот факт, что Антипин получал за такую процедуру деньги. Очевидно, он обладал некоторыми медицинскими знаниями и умело ими приторговывал, что вызывало раздражение в приказной среде. Посников называет его также «мертвопродавцем» – словом, которое отсутствует в словарях, но смысл которого довольно прозрачен. С.С. Аверинцев в «Поэтике ранневизантийской литературы» упоминает, что, в частности, в монодраме Ликофрона «Александра» это слово используется как эвфемизм: «мертвопродавец» – это Ахилл, уступивший за выкуп тело Гектора⁶⁵.

В челобитной Антипина 1659 г. мы обнаруживаем подлинную причину конфликта. Он сообщает, что Михаил Посников «меня, холопа твоего, и женишко мою изувечил <...> за то, что я, холоп твой, *по твоему государеву указу* (курсив мой. – К.Х.) досматривал умершаг(о) подьячего Тимофея Трифанова, а ему де Михайлу он, Тимофей был дядя»⁶⁶. Именно его упоминает в своей брани Михаил Посников, и за его осмотр Антипин, якобы взял 5 рублей – с этой цитаты мы начали наш рассказ об этой истории. Достоверно установить год смерти Трифанова пока не удалось, но сам Тимофей Трифанов – подьячий Патриаршего двора, служивший подьячим в Поместном приказе еще у Василия Шуйского и Лжедмитрия II в 1609 году – последний раз упоминается в источниках в 1638 году – за 20 (!) лет до этого конфликта⁶⁷.

В конце челобитной Антипин просит свое дело из Стрелецкого «в ыной приказ перенестъ для того, что в Стрелецком приказе дьяк Иван Степанов и подьячие все ему Михайлу (Посникову. – К.Х.) нароят и во всем дружат». Шурин Антипина Петр Долгово

⁶⁴ СЛРЯ. 17: 256.

⁶⁵ Аверинцев. 2004: 136.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 440. Л. 1.

⁶⁷ Веселовский. 1975: 524.

также, видимо, оказался на стороне Посникова, поскольку, как утверждает Антипин «звал меня к себя стакаця с ним Михаилом, чем бы мне насмеятца»⁶⁸ – и это несмотря на то, что жена Антипина – сестра Петра Долгово пострадала в потасовке.

Таким образом, видно, что перед нами не только личный конфликт двух подъячих, но неприятие подъяческой средой рода занятый подъячего Тимофея Антипина – деятельности, которую тот объясняет службой царю.

ВЫВОДЫ

На примере этих трех историй мы видим, как определяющим в признании субъекта частью группы становится обладание определенными профессиональными компетенциями (в данном случае, медицинскими), а также не наличие у него бумаг, их удостоверяющих, но отношение к нему профессионального сообщества – готового признавать его своей частью или объявляющей его самозванцем. Как в случае с врачами, так и с подъячими – человек, совершающий иные, не конвенциональные действия, не является настоящим членом профессионального сообщества, а становится в глазах этого сообщества – самозванцем. И, соответственно, по умолчанию не обладает должными профессиональными компетенциями, то есть является шарлатаном. Это равно видно, как на примере «знахаря» Федора Белозерцева с его народной медициной, чуждой докторам, опиравшимся на книжное знание; так и на примере подъячего Антипина, который осматривает за деньги тела умерших и предстает в глазах своей приказной корпорацией «мертвопродавцем». Однако, как видно из истории с лечением стольника Коробьина, даже если частный врач использует те же лекарства, что и врачи Аптекарского приказа, его компетентность ставится под вопрос, поскольку он не является частью корпорации уже в узко бюрократическом смысле, т.е. не состоит на службе. Между тем, из источников мы знаем, что некоторые иностранные врачи, в дальнейшем оказавшиеся в Аптекарском приказе, начинали свою медицинскую карьеру в России именно с частной практики. Однако, остается до конца не ясным, почему одни из них обладали легитимность для ведения частной практики от своих коллег, а другие объявлялись самозванцами. Механизмы инкорпорирования врачей в Аптекарский приказ

⁶⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 440. Л. 1.

еще нуждаются в более детальном изучении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУ – Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в московском сенатском разрядном архиве
БК – Боярская книга
ПМГ – Приказы Московского государства
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в московском сенатском разрядном архиве. М., 1853.
- Белокуров С.А.* Дневальные записки Приказа тайных дел. 7165–7183 гг. М., 1908.
- Боярская книга 1658 года (БК 1658). М., 2004.
- Матерьялы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг. / под ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1881–1884.
- Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874.
- Новомбергский Н.Я.* Материалы по истории медицины в России. СПб., 1905. Т. 1.
- Российский государственный архив древних актов
РГАДА. Ф. 143 (Аптекарский приказ).
РГАДА. Оп. 2. Д. 65, 158, 300, 363, 368, 440, 1182ж Оп. 3. Д. 3, 13, 22.
РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Оп. 9. Д. 55, 1084.
РГАДА. Ф. 396. (Архив Московской Оружейной палаты (объединенный фонд).
Оп. 1. Д. 51878
РГАДА. Ф. 1182. (Приказ книгопечатного дела (Московский печатный двор).
Оп. 1. Кн. 47.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.
- Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665 гг. СПб., 1996.
- Думшат С.* Карьера придворного врача Даниила Фунгаданова в свете современных культурно-исторических исследований об иностранных медиках в Московском государстве 15–17 веков // *Иноземцы в России в XV–XVII веках* / отв. Ред. С.П. Орленко. М., 2006. С. 356–367.
- Звягинцев Е.* Чума в Москве в XVII и XVIII вв. // *Исторический журнал*. 1937. № 2. С. 52–59.
- Киртичников И.С., Худин К.С.* Рязанские дворяне Коробьины и придворная элита в XVII веке. Духовная Фетинья Елизарьевна Коробьиной (1658 г.) // *Рязанская старина*. 2019–2022. № 17–20. С. 417–433.
- Козляков В.Н.* «Ближние люди» первых Романовых. М., 2022.
- Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: [Сб. Док.] / отв. сост. Т.Б. Соловьева, сост. Т.А. Лаптева. М., 2004. Т. 1.
- Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник / сост. Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. М.; СПб., 2015.
- Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.
- Опарина Т.А.* Переселение «греков» в Россию: посольство Семена Дементьевича Яковлева и Петра Евдокимова (1628–1630 гг.) // *Каптеревские чтения*–18. М., 2020. С. 144–181.
- Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004.
- СлРЯ. Вып. 17. М., 1991.
- СлРЯ. Вып. 30. М., 2015.
- Тимошина Л.А.* Приходная книга приказа Книжного печатного дела 1649/50–1652/53 гг. // *Очерки феодальной России* / под ред. С.Н. Кистерова. М., 2006. Вып. 10. С. 178–313.
- Худин К.С.* «Греченин» Марк Юрьев Кондбеки – «алхимист» Аптекарского приказа // *Каптеревские чтения*–10. М., 2012. С. 144–151.
- Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа как исторический источник (1629–1672 гг.): дисс... канд. ист. наук. М., 2021.
- Худин К.С.* Лечение корнем «Заячье копыто» боярина Б.И. Морозова (1661 г.) // *ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН* / СПб., 2017. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре. С. 383–394.
- Худин К.С.* Номенклатура лекарственных растений в медицинской практике Аптекарского приказа (на материале рецептов для датского королевича Вольдемара (1644–1645 гг.) // *ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – Т. XIII. – Ч. 2. Этноботаника 2: растения в языке и культуре / Сост. В. Б. Колосова. – СПб.: Изд-во «Наука», 2017. С. 395–415.

Худин К.С. «Следственное дело о греке Дмитрие Селунском» 1652 г.: расследование одной смерти (РГАДА. Ф. 143. Аптекарский приказ) // Каптеревские чтения—11. М., 2013. С. 157–167.

Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная История. 2000. № 1. С. 143–157.

Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

Dumschat S. Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland. Stuttgart, 2006.

О.В. Окунева

САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЬЯ ФРАНЦУЗОВ» В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-8

Аннотация: В статье на примере эпизодов из жизни нескольких европейцев, оказавшихся в Бразилии в 1550-х – 1590-х гг., рассматриваются стратегии поведения в недружественном окружении (в частности, попытка выдать себя за другого человека ради спасения жизни). Немец Ганс Штаден, генуэзец Джузеппе Адорно и англичанин Энтони Найвет, независимо друг от друга, решили выдать себя за французов перед захватившими их в плен индейцами. Реакция на заявления «самозванцев» стала проявлением взгляда местных жителей на французов как на союзников в Новом Свете.

Особое внимание в статье уделяется перекрёстно подтверждаемым элементам в историях Штадена, Адорно и Найвета. Это наиболее важно для свидетельства Штадена, самого развёрнутого из всех: рассказ о поначалу неуспешных попытках спастись, назвавшись чужим именем, рассматривался самим автором в первую очередь как повествование об испытании веры и о чудесном спасении, поэтому возможность перекрёстного подтверждения тех или иных деталей как раз и позволяет проводить границу между определёнными фактами и иносказанием.

В статье подчёркивается то обстоятельство, что применение по отношению к Штадену, Адорно и Найвету термина «самозванец» требует оговорок, поскольку все эти люди стремились не получить нечто сверх имеющегося, но сохранить то, что было (собственную жизнь). В этом смысле понятие «самозванец» можно соотнести с идеей «самоназвания» больше, чем «самопризвания».

Ключевые слова: самозванец, Бразилия, XVI век, союзники, меновая торговля, плен, Ганс Штаден, Джузеппе Адорно, Энтони Найвет.

Истории людей, которые с самыми разными целями выдавали себя за других, и реакции окружающих на эти усилия по самой своей природе являются благодатным материалом для исторической антропологии. Здесь труднодостижимая ментальность средневекового человека (человека эпохи Возрождения / человека раннего Нового времени / человека эпохи Просвещения и т.д.) проявляется в действиях: поступки и высказывания фиксируются, показания очевидцев находят отражение в самых разных документах, слухи и до-

мысли на свой собственный лад свидетельствуют о попадании или непопадании самозванцем в нужную струю. И хотя для интерпретации действий самозванца и тех, кто с ним взаимодействовал, всё равно требуется доскональное знание и эпохи, и конкретно-исторической ситуации для различения общепринятого и исключительно, зыбкое поле предположений и допущений, исходящих из общих свойств человеческой натуры, сменяется на пусть и тернистый путь расчистки многочисленных наслоений, но всё же с определённой почвой под ногами.

Известно, что о самозванце говорят не только его собственные действия, но и реакция окружающих; успех или провал зависят не только и не столько от его личного таланта перевоплощения, сколько от готовности его аудитории увидеть и узнать в нём своё собственное представление о правильном и должном. Герои настоящей статьи – немец Ганс Штаден, генуэзец Джузеппе Адорно и англичанин Энтони Найвет – оказавшиеся в Бразилии XVI в. и решившие выдать себя за французов перед захватившими их в плен индейцами, как раз и стали «проявителями» индейского взгляда на французов как на союзников в Новом Свете. Именно через реакции на заявления чужаков и оказалось возможным выявить представления индейцев, которые иным образом оставались бы непрояснёнными, а в дальнейшем – утраченными, поскольку коренное население атлантического побережья Бразилии не обладало письменностью, а под натиском завоевателей оказалось истреблено или рассеяно. Об этом «видении побеждённых», перефразируя известную книгу Н. Ваштеля об индейцах Перу во время Конкисты¹, мы можем те-

¹ *Wachtel*. 1971. Тот же принцип «посмотреть на предмет глазами другого субъекта» применён в английском переводе названия книги известного бразильского антрополога и историка Э. Вивейруса ди Кастро: оригинальное португальское название «Арауэтэ, каннибальские боги» было заменено на: «Смотреть [на вещи] с точки зрения врага: человек и божество в [традиционном] обществе Амазонии». *Castro*. 1992. Современный немецкий исследователь Франц Обермайер идёт в этом вопросе ещё дальше и рассматривает книгу Ганса Штадена через призму, предложенную М.М. Бахтиным в отношении поэтики Достоевского (герой ведёт в своём сознании диалог с самой собой, и это характеризует его психологию лучше, чем строгая рамка, заданная извне писателем), однако подобная идея применительно к текстам XVI в., как представляется, не должна восприниматься буквально. *Obermeier*. 2011: 132–153.

перь судить только по их поступкам, зафиксированным европейцами; катализатором же таких реакций и оказывается появление «самозванцев».

Поскольку доминирующим (хотя и не единственным) смыслом понятия «самозванец» является идея неподкреплённого должным образом притязания на трон или – шире – на власть и влияние (это проявляется даже в популярном психологическом термине «синдром самозванца»: убеждение индивида, что его успех на самом деле им не заслужен), то применение этого термина по отношению к героям настоящей статьи требует оговорок. Штаден, Адорно и на первых порах Найвет стремились не получить нечто сверх имеющегося, а удержать то, что было; скрывали они собственную сущность под маской не из амбициозных притязаний, но для сохранения жизни. В этом смысле русское слово «самозванец» можно соотнести с идеей «самоназвания» больше, чем «самопризвания» (ср. семантическую разницу между однокоренными «звать», называться, прозываться и «звать, призывать кого-то»).

Ещё одно предварительное замечание относится к фрагментарности истории «самоназванности» персонажей данной статьи. Наиболее полно она представлена лишь в случае Ганса Штадена. Захват его в плен, нахождение там и спасение благодаря выдумке рассказаны им самим и обладают сюжетной законченностью. Поскольку индейцы не верят ему с первого раза, Штаден лихорадочно перебирает варианты в поисках того, который сработает, и – выражаясь языком экспериментальной биологии – предъявляет своим пленителям разные стимулы, на которые те отвечают различным образом. Путь к успеху нелинеен, но именно благодаря этому в истории появляются новые детали, важные для практического выживания Штадена (указания на то, как не надо делать) и чрезвычайно ценные для будущего исследователя. В случае Энтони Найвета эпизод с «самоназванием» является достаточно кратким; индейцы верят англичанину с первого раза, поэтому нужды убеждать их, прибегая к различным приёмам, нет (соответственно, нет и разнообразия реакций на эти заявления). Правда, в отличие от Штадена, Найвет решает извлечь выгоду из ситуации и в определённый момент поступает как настоящий самозванец в политическом значении слова, присваивая не полагающуюся ему власть. Наконец, ис-

тория «самоназвания» Джузеппе Адорно – самая краткая из всех и заключается в эпизоде, рассказанном третьими лицами; финал её неизвестен. Имеющиеся детали относятся только к первичной реакции индейцев на заявление генуэзца. Тем не менее они весьма значимы, т.к., будучи зафиксированы независимо от Штадена, перекликаются с некоторыми элементами его истории и тем самым переводят сведения из разряда уникальных (единичных) в разряд верифицируемых. Заметим, что для повествования о чудесном спасении Штадена благодаря идее назваться чужим именем подтверждение при перекрёстном сравнении особенно важно, ведь исключительность ситуации и естественный для XVI в. провиденциализм, доходящий до экзальтации, вкупе с тем фактором, что выживший публикует свою историю в ожидании благосклонности публики и знатного покровителя, накладывают на свидетельство свой отпечаток. В силу этого рассказ о нескольких неуспешных попытках, окончившихся тем не менее благополучно благодаря настойчивости и вере, может прочитываться и как архетипичное повествование об испытании праведника с соответствующей назидательной окраской. Возможность перекрёстного подтверждения тех или иных деталей как раз и позволяет проводить границу между определёнными фактами и иносказанием.

Нельзя не отметить то обстоятельство, что в реконструированной на следующих страницах истории о том, как иностранцы выдавали себя за французов, удельный вес материала, относящийся к Штадену, значительно превосходит сведения, относящиеся к Адорно и Найвету. Это связано со своеобразием источниковой базы: долгое время свидетельство Штадена вообще было единственным в данном отношении и представляло собой уникальную информацию. Уловка немца для спасения жизни не привлекала специального внимания исследователей, поскольку затмевалась другими яркими элементами его рассказа (в частности, описанием практически «из первых рук» ритуальной антропофагии племени тупинамба́, тупиникинов и родственных им групп)². Наблюдения Штадена, пи-

² Анализ того, как именно Штаден описывал и представлял в Старом Свете ритуальную антропофагию бразильских индейцев см. в: *Schlechtweg-Jahn R.* 1997: 419–437; *Obermeier F.* 2001: 49–72; *Whitehead N. L.* 2000: 721–752; критика подхода Н.Л. Уайтхеда: *Schmölz-Häberlein M., Häberlein M.* 2001: 745–751.

савшего от первого лица и с опорой на непосредственный опыт, побуждали исследователей размышлять над более общими вопросами восприятия инаковости Нового Света, конструировании образа Другого и способами осмыслить и принять эту радикальную непохожесть³. Среди направлений исследования творчества Штадена были также штудии, связанные со сравнительным анализом книг не просто европейских, но именно немецких путешественников в Южную Америку (сопоставление свидетельств Штадена и Ульриха Шмиделя, побывавшего в окрестностях Рио-де-Ла-Платы в середине XVI в.)⁴.

История о том, как Штаден, находясь в плену у индейцев атлантического побережья Бразилии, выдавал себя за француза, не замалчивалась, но, скорее, являлась «проходной» и служила иллюстрацией к рассказам более известных французских путешественников в Бразилию XVI в. Андре Теве и Жана де Лери о плаваниях их соотечественников и о дружеских связях с местным населением в противовес всем усилиям португальцев. Более того, некоторые исследователи делали вывод о том, что спасение Штадена было связано не столько с его ролью якобы француза, сколько с тем, что он начал действовать среди индейцев как шаман (подробнее об этом ниже). Интересно при этом отметить, что сам термин «самозванец» применительно к Штадену практически не использовался. Американская исследовательница А. Меткалф популяризировала в отношении Штадена другое обозначение – «go-between»⁵ (дословно с английского: тот, кто перемещается между мирами, посредник, связной), что перекинуло мостик к исследованиям на сей раз уже французских историков деятельности известных по книгам Андре Теве и Жана де Лери старожилов-переводчиков «truchements»⁶ (речь идет о французах, остававшихся в XVI в. жить среди бразильских индейцев, чтобы в дальнейшем, благодаря знанию языка и

³ *Harbsmeier M.* 1987: 337–356; *Kiening Ch.* 2000: 483–507; *Obermeier.* 2011: 132–153.

⁴ *Smith D.* 1977: 1–19; *Jantz H.* 1976: 91–101; *Neuber W.* 1989:43–64; *Menninger A.* 1992: 63–98; *Harbsmeier M.* 1994; *Kaltischke M.* 1996: 120–151; *Obermeier F.* 2005:73–128.

⁵ *Metcalf.* 2005; *Duffy, Metcalf.* 2012.

⁶ *Gruzinski.* 1992:19–28; *Gannier.* 1999: 24–38; *Gannier.* 2003:1–15; *Bonnote.* 2015:129–148; *Grégoire.* 2024:123–140.

местных реалий, облегчать процесс меновой торговли; термин использовался также и в Канаде на раннем этапе её колонизации).

Перевести эпизод с самоназванием себя французом из разряда «фона» и «подтверждающего свидетельства» в разряд самостоятельного сюжета для разработки позволило обнаружение автором этих строк схожей коллизии в записках английского авантюриста Энтони Найвета (они стали доступны благодаря критическому изданию начала 2000-х гг.) и – в гораздо большей степени – находка, сделанная в опубликованном многотомном корпусе донесений португальских (и не только) иезуитов из Бразилии: очень близкий эпизод с генуэзцем Джузеппе Адорно, ранее, насколько мне известно, не привлекавшей внимания исследователей. Несмотря на краткость историй Найвета и Адорно, их первая – помимо остальных достоинств – ценность заключается в том, что они превратили слова Штадена из уникального свидетельства в верифицированную и чуть ли не серийную информацию. Первоначально эти три эпизода рассматривались мной для изучения «коллективного портрета» французов глазами их индейских союзников⁷, однако благодаря конференции, организованной весной 2023 г. редколлекгией «Одиссея», оказалось возможным вписать рассказ о Штадене, Найвете и Адорно в широкий контекст проблематики самозванчества и взглянуть на приключения европейцев в раннеколониальной Бразилии под другим углом.

Сама идея выдать себя за француза ради спасения жизни была связана со своеобразным раскладом сил в португальской Америке XVI в. До середины столетия Португалия не занималась планомерной колонизацией своих территорий в Новом Свете, поскольку торговля с Индией приносила больше прибыли. Этим воспользовались французы, которые уже с первых десятилетий XVI в. отправляли в Бразилию торговые экспедиции, не создавая при этом постоянных поселений, но завязывая хорошие отношения с определёнными племенами атлантического побережья. Соперничество португальцев и французов продолжалось много лет, хотя португальцы за это время расширяли своё колониальное проникновение, а французы так оставались на уровне единовременных, хоть и регулярных по-

⁷ Окунева. 2012.

сещений. Подобная стратегия низовых контактов частных лиц⁸ долго оставалась достаточно успешной: на её основе даже возникли две недолго просуществовавшие французские колонии в Бразилии. Важно подчеркнуть, что торговые контакты (меновая торговля) французов и индейцев тупинамба приносили выгоду обеим сторонам и были хорошо известны как португальцам (до поры до времени они ничего не могли с этим поделать), так и иным – помимо тупинамба – индейцам побережья.

Франко-португальское соперничество наложило на внутрииндейские междоусобные войны, подчас весьма кровопролитные. Свою роль здесь сыграл и свойственный коренному населению атлантического побережья Бразилии образ мышления, основанный на постоянном противопоставлении «свой–чужой»⁹. Принцип «Друг моего врага – мой враг» воплотился в действии: те, кто поддерживал французов, ненавидел португальцев и их (португальцев) индейских союзников; те, кто терпеть не мог французов, делал это в большей степени из-за того, что их (французов) поддерживали ненавидимые враги из соседней индейской общины. «Дикари, поддерживающие португальцев, воюют с теми, кто держит сторону французов, и наоборот», – отмечал в 1557 г. французский путешественник Андре Теве¹⁰. Соответственно, весь смысл затеи назваться французом был связан с тем, что и Штаден, и Адорно, и Найвет оказались во власти индейцев, тесно общавшихся с французами.

Дихотомия «свой-чужой» во внутрииндейских отношениях выражалась, в числе прочего, в ритуальной антропофагии. Она была строго кодифицирована и распространялась исключительно на захваченных в плен врагов, но никого из европейцев, не понимавших сути столь неутолимой вражды между близкородственными племенами¹¹, не утешала мысль, что стоит им оказаться в плену, как по истечении времени их оглушат дубиной, а тело поджарят на

⁸ В первую половину XVI в. французские мореплаватели и купцы отправлялись в Южную Америку порой даже вопреки прямым запретам королевской власти; во второй половине столетия корона это уже не запрещала, но сама пользовалась «наработками».

⁹ Подробнее о подобном наложении двух видов конфликта: *Whitehead*. 1999: 127–150; *Whitehead*. 1999: 382–441.

¹⁰ *Thevet, Lestringant*. 1997: 158, 159.

¹¹ *Fausto*. 1999: 251–282.

решётке из прутьев и разделят между членами общины – и всё это без особой ненависти к ним лично, но во имя символического воссоединения ранее погибших от рук врагов родичей с теми, кто остаётся в живых.

Идея назваться французом, т.е. другом, которого не следовало убивать, в такой ситуации напрашивалась сама собой. Но одного лишь заявления было недостаточно: и Штаден, и отчасти Адорно столкнулись с необходимостью подтвердить свои слова действиями. Штаден путём проб и ошибок сумел нащупать нужную линию поведения, но не всем так повезло. «Я уже захватил и съел пятерых португальцев: все они утверждали, что являются французами, но это была ложь», – заявил ему предводитель по имени Кониан Беб¹².

Вот как развивалась история самоназванного француза Штадена. Этот уроженец города Хомберг отправился в Новый Свет, поступив на службу испанскому королю, однако после кораблекрушения оказался во владениях португальской короны. Штаден стал нести службу уже другому монарху, поселившись в форте Санта-Катарина (современный бразильский штат (не путать с городом) Рио-де-Жанейро). Отлучившись ненадолго из форта, Штаден оказался захвачен в плен, причём индейцы прекрасно знали, что они нападают именно на солдат из форта, а не на абстрактных европейцев – данное обстоятельство имело большое значение, т.к. на этом участке побережья высаживались и французы. Мысль о том, чтобы придумать себе какую-нибудь связь с ними, пришла Штадену в голову довольно быстро, но индейцы остудили его пыл:

Я сказал им тогда: «Я не португалец, я друг французов и [уроженец] края, который называется Герма-

¹² Здесь и далее сочинение Штадена цитируется по следующему изданию: *Staden*. 2005: 103. Перевод мой – *O.O.*

Среди последних по времени критических изданий книги Штадена назовём: *Hans Staden*. 2007; *Hans Staden's True History*. 2008. Отметим также готовящуюся к изданию на бумаге, а в настоящий момент существующую в электронном виде на личной странице Ф. Обермайера в Интернете новую версию критического издания 2007 г. с переводом на португальский язык: *Hans Staden*. 2023.

Обо всех изданиях и переводах Штадена на европейские языки (а также о переложениях его истории в жанре комиксов, художественных фильмов и т.п.) см.: *Obermeier, Schiffner*. 2023.

нией». Они мне ответили, что я их обманываю; если бы я был другом французов, то не очутился бы вместе с португальцами, ведь они (индейцы) хорошо знали, что французы... были врагами португальцев¹³.

Дальнейшая история «самозванства» Штадена и была заключена между двумя полюсами: доказать, что он не тот, за кого его принимают (он не португалец) и убедить, что он тот, за кого они должны его принять (он француз или родич французов). Аргументами служили то внешний облик, то умение или неумение говорить по-французски, то свойственное французам – по мнению индейцев – поведение, то ссылки на третьих лиц. Индейцы же то склонялись к его доводам, то решительно их отбрасывали, и тогда перед немцем снова маячила перспектива гибели и съедения; таких циклов оказалось несколько, а переходы от весьма вольного толкования характеристики «брат французов» к буквальному её пониманию и обратно даже сейчас кажутся невероятными.

Хронологически последовательность действий Штадена была такова. Его захватили в плен в 1551 или 1552 г. Через три месяца этого плена происходит первое «освидетельствование личности очевидцами»: к похитителям Штадена возвращается их соплеменник, сам сбежавший от португальцев, и знавший о Штадене ещё со времён кораблекрушения. Он сообщает своим, что «некоторое время назад на побережье потерпело крушение [европейское] судно; спасшиеся с него называли себя испанцами и были друзьями португальцев; [Штаден] был среди них». Сам же Штаден, «зная, что в этом краю были французы и сюда прибывали их корабли, продолжал настаивать, что [является] другом французов; [он] молил пощадить его до того времени, как приедут французы и его признают»¹⁴.

Надежда на собратьев-европейцев поначалу не оправдалась. В окрестностях деревни, где удерживали Штадена, действительно появился француз с недавно прибывшего корабля, чтобы выменять европейские товары на индейские. Однако вопреки надежде Штадена на помощь христианина христианину француз не стал ему подыгрывать. Индейцы устроили обоим очную ставку: француз заговорил со Штаденом по-французски, а тот не смог ему ответить.

¹³ *Staden*. 2005: 94.

¹⁴ *Staden*. 2005: 97.

Более того: по словам Штадена, жестокосердный француз заявил по-индейски: «Убейте его и съешьте, этот подонок – португалец, ваш и мой враг». Такое убийственное во всех смыслах утверждение не означало, тем не менее, немедленной расправы; у Штадена оказалось время на то, чтобы в уединении своей хижины запеть псалом в ожидании смерти, проливая обильные слёзы. «Индейцы, видя это, сказали: “Это настоящий португалец! Видите, как он боится смерти?”»¹⁵.

Следующий этап в «установлении личности» Штадена произошел в присутствии предводителя Кониан Беба. После провала первой очной ставки надеяться, как казалось, было не на что, но Штаден и тогда продолжал настаивать на своей версии; неумение отвечать по-французски он объяснил тем, что за время долгого отсутствия на своей мнимой родине забыл язык¹⁶.

Десять лет спустя схожий эпизод с очной ставкой, экзаменованьем пленника на знание французского языка и участием во всём этом французов, которые выступают на стороне обвинения или остаются нейтральными, но не бросаются спасать собрата-европейца, произошёл с генуэзским капитаном Джузеппе Адорно. Об этой истории известно из письма португальского иезуита Жозе де Аншьеты, отправившегося вместе со своим старшим товарищем Мануэлом де Нобрегой к вождям индейцев тамойо в 1563–1564 гг. договариваться о мире. До того, как начать переговоры с иезуитами, – рассказывает Аншьета, – один из вождей обратился к сопровождавшему его французцу и осведомился у него о личности генуэзского капитана. Француз ответил, что это человек, хорошо говорящий по-французски и, по его собственному заявлению, воспитывавшийся во Франции, но не являющийся его личным кровным родственником¹⁷. Последнее замечание перечеркнуло все прочие доказательства близости к французам. «Услышав, что капитан не француз,

¹⁵ *Staden*. 2005: 98. Индейский кодекс чести предписывал пленнику перед смертью никоим образом не показывать страха, а, наоборот, задирать и оскорблять своих будущих палачей. Когда попавшие в плен португальцы молили индейцев о пощаде и зывали к милосердию, индейцы проникались к ним презрением (и всё равно их убивали), а европейцы ещё больше уверялись в варварской жестокости дикарей.

¹⁶ *Staden*. 2005: 103.

¹⁷ Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines. 1965:136.

вождь дал волю своей ярости..., дело принимало опасный оборот, и я счёл нужным предупредить капитана о грозившей опасности», – писал Аншьета¹⁸.

Таким образом, неумение Штадена поддержать диалог по-французски, конечно, сильно осложнило его участь, но и умение Адорно хорошо разговаривать по-французски, да ещё и засвидетельствованное пользующимся доверием индейцев французом, тоже не стало ему охранной грамотой и не послужило причиной немедленно его отпустить. Возможно, пройди Штаден этот лингвистический тест, он тоже не оказался бы на свободе, а получил бы следующее испытание. Судя по рассказу немца, после провала очной ставки и встречи с предводителем Кониан Бебом он вновь получил отсрочку; возможно, индейцы всё ещё не понимали, кто он такой или же ждали нужного момента (судьбой пленника распорядился захвативший его в плен, и именно он решал, когда убивать жертву).

Тем временем одни похитители Штадена заболели, а другим приснились сны, возвещавшие их смерть из-за Штадена. Конечно, это нельзя считать плодом собственных усилий немца по организации своего спасения, в отличие от его заявлений и действий (так, например, немец в первый раз примерил на себя роль «целителя», хотя и без убедительного успеха). В любом случае, самозванец чутко уловил реакцию индейцев и обратил её себе на пользу:

Старухи из деревни, которые больше всего меня изводили, <...> стали успокаиваться и говорить мне: «Мой сын, сохрани мне жизнь. Когда мы плохо с тобой обращались, это было от того, что мы принимали тебя за одного из тех португальцев, что мы ненавидим. Мы уже захватили и съели многих из них, но тогда их бог не рассердился на нас так, как это сделал твой бог из-за тебя; это доказывает нам, что ты не из их числа»¹⁹.

В данном эпизоде перекрёстно подтверждаются два элемента: загадочные болезни, которые появляются у индейцев после контактов с европейцами (эти инфекции могут как озлобить индейцев,

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Staden*. 2005: 115.

так и, напротив, заставить их держаться подальше²⁰), а также описанное другими путешественниками периодическое (само)внушение индейцев, что на них воздействуют злые силы. Когда сторонний европейский наблюдатель при этом не фиксировал объективных причин (наподобие молний, землетрясений, солнечных затмений) для вполне реального страха, он, будучи человеком XVI столетия, логично заключал, что индейцев мучают бесы. В книге французского путешественника Жана де Лери описывались такие эпизоды «бесовских искушений», а одна из иллюстраций к его рассказу (резко выбивающаяся по стилю из всей совокупности гравюр) прямо озаглавлена «Индейцы, мучимые дьяволом». Индейцы в этот момент становились необычайно «податливыми» и хватались за любой способ избавления от воздействия злых сил, так что если европейцы (и португальцы, и французы) рассказывали им в этот момент о крещении как способе усмирения нечистых духов, то индейцы с готовностью его принимали. Правда, после «приступа» они вновь возвращались к прежней жизни, так что Жан де Лери приводил по этому поводу французскую поговорку «Стоит только пройти опасности, как над святым начинают насмехаться»²¹. Португальцы, которые, в отличие от французов, вели целенаправленную миссионерскую работу, весьма огорчались такому непостоянству и пытались с ним бороться²².

На время болезней и сновидений своих похитителей Штаден оставался в промежуточном положении «ни свой, ни чужой». Индейцы не могли решить, француз он или португалец, и на этом этапе в ход пошло обсуждение его внешности: «они не могли окончательно постановить, кто я: у меня, – говорили они, – рыжая борода, как у французов, а у всех португальцев борода чёрная». Эта живописная деталь подтверждается другими европейскими авторами. Так, немецкий торговец, живший на Мадейре, сообщал в 1514–1515 гг., что по сведениям португальских моряков, побывавших в Бразилии, индейцы вспоминают о рыжебородых людях, приплыв-

²⁰ В контексте франко-индейских контактов подобная ситуация была отмечена в годы существования первой французской колонии в Бразилии (1555–1560). – [Barré]. 1878: 384–385.

²¹ Léry. 1999: 387–388.

²² Castro. 1992: 21–74.

ших в Бразилию не на португальских кораблях и одетых не так, как португальцы²³. Несколькими десятилетиями позже, уже ближе к концу XVI века, португалец Габриэл Соареш де Соуза, автор «Трактата с описанием Бразилии в 1587 г.» заявлял, что в некоторых племенах, поддерживавших связи с французами, встречались дети от смешанных браков, унаследовавшие внешность отцов-французов – светлые волосы и светлую кожу, иногда даже с веснушками²⁴. В начале XVII в., уже в другом регионе Бразилии (значительно севернее тех мест, где держали в плену Штадена) французские миссионеры утверждали, что местные племена без труда различают по лицу французов от португальцев²⁵. И хотя тезис о том, что все французы рыжебороды или имеют светлые волосы, кажется сейчас удивительным, он объясняется тем, что отправлялись в Бразилию чаще всего уроженцы Нормандии и Бретани, и именно их внешность индейцы стали считать отличительной особенностью всех французов.

Возвращаясь к остающемуся пока «ни своим, ни чужим» Штадену, отметим, что через некоторое время он вновь столкнулся с тем самым французом, который предложил индейцам убить его и съесть. Тот никак не ожидал увидеть немца в живых, и стал оправдываться тем, что искренне заблуждался на его (Штадена) счёт. Штаден вновь повторил ему всю свою историю и вновь стал просить засвидетельствовать его «не-португальскость» перед индейцами. Француз выполнил просьбу: и поговорил с индейцами, и объявил о собственной первоначальной ошибке, и даже сообщил о намерении забрать пленника с собой туда, где причаливают французские корабли. Увы, это не помогло: изначальный отзыв о Штадене перевесил. Француз, судя по всему, сам был смущён таким оборотом; он всё же очистил свою совесть настоятельным призывом к индейцам не убивать пленника, поскольку «наши» (т.е. французские) друзья дадут за него выкуп²⁶, после чего отбыл восвояси. И хотя во второй раз он выполнил все просьбы Штадена, немец до конца своих злоключений его не простил.

²³ La Gazette de la terre du Brésil. 2000: P. 83.

²⁴ Soares de Souza. 2000: 253.

²⁵ Evreux. 1985: 83.

²⁶ Staden. 2005:117–118.

С этого момента в истории «самопровозглашения» Штаденом себя французом и другом французов начинается новый виток. Немец так ждал подтверждения своей выдумки от третьего лица, так за него боролся, но, когда его получил, радости ему оно не принесло. Оказалось недостаточным ни голословно назвать себя французом, ни выглядеть, как француз, ни даже добиться, чтобы француз назвал его «другом французов». Теперь нужно было ещё и вести себя, как француз в представлении индейцев! Штаден опять провалил тест.

Стоило тому французу уехать, как один из моих хозяев спросил меня: «Что дал тебе твой соотечественник-француз? Почему он не подарил тебе какой-нибудь ножик, который ты бы отдал мне?» [Мой хозяин] очень на меня рассердился; с той поры, как к [моим похитителям] вернулось здоровье, они вновь начали плохо со мной обращаться и говорить, что в конечном счёте французы не намного лучше португальцев, что вновь меня встревожило²⁷.

Итак, из реакции индейцев проступает новая – социальная – составляющая образа француза. Настоящий француз просто обязан вести с индейцами меновую торговлю и привозить им нужные (индейцам) предметы, в первую очередь металлические орудия. Встреченные индейцами французы, действительно, преимущественно занимались вымениванием индейских вещей или продовольствия на почти универсальную «валюту» (ножи, топоры, бусы, зеркала), поскольку целью их нахождения в Бразилии было получение местных товаров, которые пользовались большим спросом в Европе. Именно взаимовыгодная меновая торговля оказалась самой прочной основой всех франко-индейских взаимоотношений в португальской Америке²⁸. И если во французских произведениях 1550-х – 1560-х гг. мы находим прямые утверждения, что меновая торговля с французами является *природным* и исконным занятием индейцев²⁹, то в

²⁷ *Staden*. 2005:118.

²⁸ *Окунева*. 2023.

²⁹ В так называемом «бразильском спектакле» 1550 г., сопровождавшем торжественный въезд французского короля Генриха II в Руан, меновая торговля с французами представлена столь же привычным и повседневным

речах похитителей Штадена по другую сторону Атлантики та же ситуация дана «с индейской стороны»: для них меновая торговля является неперемнным атрибутом как раз французов.

С французской точки зрения, европейские безделушки были универсальной оплатой и индейских товаров для дальнейшей перепродажи, и продовольствия для собственного непосредственного потребления на месте, и услуг. Однако граница между платной услугой и бескорыстным даром не всегда формализована: так, некий француз, оставшийся среди индейцев без запаса безделушек на обмен, умер с голода после того, как выменял у них последнюю рубашку, так что других способов получить продовольствие от индейцев у него не осталось³⁰. Очевидно, что индейцы воспринимали такой обмен как равноценную сделку, которая заканчивается тогда, когда у одной из сторон иссякает обмениваемый ресурс; французский же автор рассказывает о таком эпизоде с трепетом (хотя и не высказывает однозначно негативной оценки), поскольку для него ситуация явно не равна одной лишь торговле. С другой стороны, те же французские путешественники отмечали, что раздача безделу-

занятием индейцев, как охота, отдых в гамаке, сражение с неприятелем. – *C'est la déduction*. 1551: 39v–40r. (гравюра), 40v–41r (текст).

На географических картах французских авторов, где, по традиции того времени, внутри контуров материков часто размещались жанровые сценки, подобный товарообмен показан либо напрямую (изображены торгующие французы и индейцы), либо в неполном виде (индейцы несут товары на обмен) в расчёте на узнаваемость сцены, которую зрители достроят в своём воображении сами – *Rotz*. [1535–1542]: 28r.; [*Vaillard*]. 2000: 39; *Le Testu*. 1555: 45v.

Торговля местными товарами прямо обозначена в качестве характеристики индейских мужчин и женщин в «Сборнике о разнообразии нарядов, находящихся ныне в употреблении в Европе, Азии, Африке и на островах дикарей» (1567): «Их естественным занятием является рубка красного дерева, // Чтобы потом пустить его на продажу» (так описывается «Бразилец»); «Обезьян, а также попугаев // Они предлагают для продажи иностранцам» (характеристика «Бразильянки»). – [*Desprez*]. 1567: без указания номера страницы.

³⁰ Этот эпизод приведён в полемическом по своему характеру сочинении XVI в., поэтому данное свидетельство не вполне нейтрально (хотя критика автора относится не к индейцам, а к тому человеку, который оставил путешественника без товаров на обмен): *Histoire des choses memorables*. 1561: 26.

шек во время посещения индейской деревни есть хороший способ заручиться добрым к себе отношением, а подарить несколько вещей после радужного приёма у индейцев и вовсе является признаком благовоспитанности гостя³¹.

Итак, именно этому поведению должен был подражать Штаден, чтобы его признали французом. Знал ли о таких правилах игры тот заезжий француз, который сначала чуть не приговорил немца к смерти своими заявлениями, а потом заявил индейцам о своей ошибке? Это вполне возможно: он не раз приходил за товарами в индейскую деревню, где держали Штадена, умел говорить по-индейски (живописная деталь: даже с немцем он говорил именно по-индейски³², поскольку, как оба уже выяснили, Штаден не знал французского), а также очень остерегался перейти черту и рассердить индейцев³³. В этом случае поддержка заезжего французского оказалась половинчатой (без подкрепления подарками заявление о «французскости» теряло половину убедительности), а могла и вовсе оказаться своей противоположностью – изощрённым *неоказанием* помощи в опасности. Впрочем, такое предположение не подкреплено доказательствами.

Как бы то ни было, гневные речи похитителей Штадена в адрес французских привезти своим якобы соотечественникам подарков на раздачу индейцам, навели немца на мысль, которая в результате оказалась удачной. Все дальнейшие усилия самозванца-Штадена будут направлены на то, чтобы соответствовать «социальной» роли французского подателя благ и на то, чтобы играть по индейским правилам, невзирая на абсурдность ситуации.

Поскольку форт, из которого в своё время похитили Штадена, располагался не так уж далеко от деревни, где он находился в плену, к индейцам иногда приплывали португальцы (!), предупреждая их о своём визите выстрелом из пушки. Штаден придумал такую схему:

³¹ Такие суждения с разницей в несколько десятилетий высказывали Жан де Лери, побывавший в Бразилии в конце 1550-х гг. и Клод д'Аббиль, оказавшийся там в 1612–1614 гг.: *Léry*. 1999: 460; *Abbeville*. 1614: 286v.

³² *Staden*. 2005: 116–117.

³³ *Staden*. 2005: 117–118.

Я подумал, что португальцы начнут обо мне спрашивать [у индейцев], и, дабы это не укрепило их в мысли, что я португалец, я предварительно рассказал им, что среди этих португальцев у меня есть брат-француз. [...] Когда я увидел приближающийся [корабль из форта], я сказал индейцам, что это мой брат, но они продолжали настаивать, что я был португальцем³⁴.

Не вполне понятным образом Штаден довёл свою выдумку до сведения не только индейцев, но и португальцев с корабля, среди которых действительно обнаружился француз (!) по имени Клаудио Мирандо. Его Штаден «назначил» своим братом. В результате, когда португальский корабль пристал к берегу, португальцы послали за Штаденом со словами, что его спрашивает его брат. Индейцы возвестили это Штадену, но отпускать на разговор «с братом» не хотели – из опасения, что Штаден передаст португальцам план индейцев напасть на форт. С другой стороны, «брат-француз» якобы прислал «брату-Штадену» ящик товаров на раздачу, и препятствовать встрече было бы невыгодно. В результате индейцы привезли Штадена на шлюпке к кораблю, но подняться на борт не разрешили; разговор состоялся «на расстоянии броска камня». Штаден несколько раз в течение разговора напомнил португальцам, что индейцев надо держать в убеждении, что он, Штаден, француз, а также попросил несколько ножей и рыболовных крючков на раздачу³⁵.

Я раздал [индейцам] ножи и крючки со словами: «Вот что дал мне мой брат-француз». [На вопрос, о чём я с ним говорил, я ответил]: «Я старался убедить его [брата-француза] отстать от португальцев и отправиться к нам на родину, чтобы вернуться сюда с кораблём товаров и вознаградить [индейцев], потому что они были хорошими и хорошо со мной обращались» [...] Они стали говорить между собой: «Совершенно очевидно, что это француз; будем с ним впредь обращаться получше». Я позаботился о том, чтобы поча-

³⁴ *Staden*. 2005: 110.

³⁵ *Staden*. 2005: 124–125.

ще им повторять, что вскоре за мной придёт корабль с выкупом³⁶.

Через некоторое время в окрестностях и впрямь возник на сей раз уже французский корабль, и в индейской деревне появились гости, скупавшие местные товары. Один из них, по имени Жак, увидел Штадена и попросил разрешения забрать его с собой. Хозяин Штадена продолжал требовать за него большой выкуп, а сам Штаден рвался на корабль, куда индейцы его не пускали с такими словами: «Это не твои друзья [sic! – *O.O.*], ведь они даже не дали тебе рубашки, чтобы ты не ходил нагим. Ты сам видишь, что им наплевать на тебя». «В конечном счёте, – признавал впоследствии Штаден, – это действительно было так»³⁷.

Положение Штадена пока что неуловимо изменилось. Его по-прежнему удерживали в плену, но теперь уже он сам был нужен индейцам – в частности, чтобы идти с ними на войну; угрозы смерти сменились увещаниями и даже обещаниями отпустить его на корабль, но только после военного похода. Можно предположить, что Штаден получил некоторые функции шамана и был нужен индейцам именно в этом качестве³⁸. Однако немцу отчаянно надоели эти игры; он бросился к шлюпке и добрался до французского корабля, где встретил неожиданный приём:

Когда я захотел подняться на борт, матросы оттолкнули меня со словами, что, если бы они забрали меня вопреки воле дикарей, те взбунтовались бы против них и стали бы их [французов] врагами. Я был вынужден вернуться на берег³⁹.

Уклониться от военного похода с индейцами Штадену не удалось; ему всё время обещали по возвращении отпустить на корабль,

³⁶ *Staden*. 2005: 126.

³⁷ *Staden*. 2005: 131.

³⁸ Шаману полагалось, среди прочего, воодушевлять воинов перед походом обещаниями победы. Когда с расспросами, будет ли грядущая вылазка удачной, обратились к Штадену, он ответил утвердительно только для того, чтобы не раздражать своих похитителей. Когда «предсказание» сбылось, индейцы сочли, что немец лучше их собственных шаманов. *Staden*. 2005: 141.

³⁹ *Staden*. 2005: 133.

но ожидание затягивалось, поскольку после удачной вылазки полагалось устроить большой праздник, во время которого происходила ритуальная антропофагия. Немец, который в начале своих приключений сам был кандидатом на съедение, теперь – судя по его рассказу – демонстрировал какое-то наивный эгоизм, доходящий до жестокосердия: на празднике должны были убить и съесть двух христиан, но Штадена волновала лишь досадная трата времени и проволочка с выполнением обещанного. Когда он узнал, что французский корабль поднял якорь без предупреждения и отплыл, то был вне себя от огорчения, а индейцы утешали его (!), говоря, что этот корабль возвращался за бразильскими товарами каждый год⁴⁰.

В каком качестве Штаден ходил на войну вместе со своими похитителями? Может показаться, что теперь безо всяких заявлений его молчаливо признают кем-то иным: уже не тем пленным врагом, каким он был вначале. Насколько это работает на его образ самоназванного француза? Такая ипостась французов, как «военный союзник индейцев», действительно фиксируется в разных источниках, причём различным образом. Общим остаётся то, что индейцы берут с собой французов на войну с их, индейцев, врагами. У участников первой французской колонии в Бразилии («Антарктическая Франция», 1555–1560) проскальзывают обрывки сведений о том, что руководитель колонии, Н.Д. де Вильганьон, то ли снарядил военную экспедицию против индейцев, враждующих с его союзниками, то ли, наоборот, пытался от неё уклониться, но так, чтобы не разозлить «своих»⁴¹. Жан де Лери, побывавший в колонии, рассказывал, что однажды своими глазами видел военную вылазку индейцев, но не принимал в ней участия, а лишь, оказавшись захваченным общей энергией битвы, несколько раз выстрелил из пистолета, что чрезвычайно воодушевило индейцев⁴². Несколькими десятилетиями позже французский капитан Брюно де Риведу советовал соотечественникам, попавшим в Бразилию, завоёвывать симпатию индейцев красноречивыми заявлениями и жестами: нужно дать по-

⁴⁰ *Staden*. 2005: 146.

⁴¹ «Свой» же приветствовали его прибытие, считая, что французы будут защищать их от их (индейцев) врагов: [*Barré*]. 1878: 379. О предполагаемой вылазке Вильганьона см.: *Lestringant*. 1981: 226.

⁴² *Léry*. 1999: 352.

нять, что вы убили множество врагов (на тот момент уже португальцев и испанцев) – больше, чем пальцев на руках и песка на берегу⁴³. На практике этот совет осуществил англичанин Энтони Найвет: (само)назвав себя французом, он с большим воодушевлением принялся подстрекать индейцев к войне с португальцами, похвально при этом собственными доблестями⁴⁴. А во времена второй французской колонии в Бразилии («Равноденственная Франция» в Мараньяне, 1612–1615) необходимость заручиться военно-политической поддержкой окрестных племён, чтобы обеспечить саму возможность пребывания в этом регионе, привела к активной пропагандистской работе на два фронта: пока в Мараньяне индейцам обещали поддержку против их врагов⁴⁵, в самой Франции «реклама» всего предприятия шла под флагом защиты индейцев от притеснений и ответа на их (индейцев) горячее желание принять у себя француз⁴⁶.

Отвечая образу «француза-военного союзника», Штаден не забывал и об образе «француза-торгового партнёра». Экипаж очередного французского корабля согласился ему в этом подыграть. В заключительной части автобиографического рассказа появляются комические нотки, а «игра во француза» становится уже не способом спасти жизнь, но подтруниванием над недалёкими и наивными (хотя и опасными, если их разозлить) индейцами. Они сами бегут рассказать Штадену о прибытии корабля (впрочем, немец не забывал напоминать им о грядущем выкупе). Формального хозяина немца принимают на борту корабля и развлекают; когда тот вспоминает об обещанном выкупе, его стараются отвлечь и переключить

⁴³ *Rivedoux*. 1996: 96.

⁴⁴ *Knivet*. 2003: 78.

⁴⁵ См., например: *Abbeville*. 1614: 57v, 58; *Evreux*. 1985: 57–59, 141.

⁴⁶ О подобной «рекламной кампании» в самой Франции можно судить по сохранившимся реакциям на неё: под влиянием разговоров о том, что индейцы просят себе француз^{ов}, некоторые простые люди даже завербовались в колонию и отправились в Бразилию (*Preguntas de Antonio Landuzeo Gascon*. 1905: 271). Удивительно, но отзвуки этой кампании дошли до слуха... первых русских послов во Франции, отметивших в отчёте о своей миссии, что индейские послы просят у «французского короля» «помочи на шпанского короля» (на момент событий Бразилия находилась под властью испанских Габсбургов). Подробнее о таком необычном эпизоде см.: *Окунева*. 2015.

внимание. Несколько внешне похожих на Штадена матросов назначают его «братьями». Капитан во всеуслышанье заявляет, что хочет дать Штадену всяких безделушек на обмен и оставить его с индейцами ещё на год, чтобы тот покамест собирал местные товары в преддверии будущего прихода корабля в Бразилию (такая практика действительно существовала и перекрёстно подтверждается)⁴⁷. «Братья» возражают, а капитан делает вид, что пытается их уговорить. «Вся эта сцена разыгрывалась по той причине, что французы хотели распрощаться с дикарями по-дружески», – сообщал Штаден. Усилия увенчались успехом, стороны разошлись наилучшим образом, Штаден остался на корабле, а его бывшему хозяину вручили товаров стоимостью пять дукатов (ножи, топоры, зеркала и гребни), с чем он и отбыл к себе в деревню⁴⁸.

В данной заключительной части рассказа обращают на себя внимание следующие детали. Во-первых, утверждение Штадена в статусе «брата французов». То, что дружеские или союзнические связи с французами обозначались индейцами в терминах родства или свойства – не единичное упоминание; более того, такой способ представления действительности характерен отнюдь не только для индейцев Южной Америки⁴⁹. В приведённом выше эпизоде очной ставки немца с заезжим французом в присутствии предводителя Кониан Беба есть такая деталь: вождь называл того своим сыном⁵⁰. Полвека спустя путешественник из второй французской колонии описывает радость дружественных индейцев от прибытия французских кораблей, применяя несобственно-прямую речь (будто бы от имени индейцев): податель благ, привезший товары на обмен, ради чего индеец готов потрудиться, обозначен как кум (*compère*)⁵¹. В наиболее схожей со штаденовской ситуацией самоназвания себя другом и братом французов и очной ставки с настоящим францу-

⁴⁷ *Metcalf*. 2005.

⁴⁸ *Staden*. 2005: 165–166.

⁴⁹ См., в частности, публикацию материалов обширной конференции «Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни Восточной Европы в древности и средневековье», проведённой Институтом всеобщей истории РАН весной 2024 г.: Восточная Европа в древности и средневековье. 2024.

⁵⁰ *Staden*. 2005: 103.

⁵¹ *Evreux*. 1985:197.

зом генуэзец Адорно вынужден признать, что не имеет родичей-французов⁵², а находящийся при вожде французский «советник» сообщает, что Адорно не состоит с ним, французом, в личном кровном родстве; всё это вызвало у индейского вождя сильный гнев. При этом последовавшее заявление, что он (Адорно) является другом и братом французов, напротив, оказало умиротворяющее действие⁵³. Наряду с этим обозначение «брат» может восприниматься индейцами не буквально: так, они не удивляются наличию у Штадена сначала «брата-француза» в португальской шляпке, а затем «братьев-французов» в экипаже французского корабля. Сами французы на всякий случай добавляют к расширительному толкованию толику буквального: на роль «братьев» из числа матросов выбираются хотя бы немного похожие на Штадена люди⁵⁴.

Вторая интересная деталь в разбираемом эпизоде – это явно выраженное желание французов избежать конфликтов с индейцами и постараться не вызвать их гнев. В рассказе Штадена такой мотив встречается трижды, и каждый раз о нём говорят разные персонажи: заезжий француз, с которым у Штадена была очная ставка; матросы с первого французского корабля, которые не пустили Штадена на борт; моряки со второго французского судна, которые в результате помогли немцу. Все они открыто заявляют о нежелании ссориться с индейцами и наживать себе врагов, т.к. это перекроет возможность меновой торговли в ближайшем планируемом будущем («на следующий год» и т.п.). Помимо голого расчёта, при таком подыгрывании французы сохраняют и настороженное отношение к своим вроде бы друзьям: так, капитан спасшего Штадена судна опасается раздражить хозяина Штадена, чтобы тот не замыслил каких-либо козней, ибо «на эту нацию полагаться нельзя»⁵⁵. Интересно, что французский путешественник Жан де Лери, оказавшийся в ситуации конфликта с индейцами несколькими годами после Штадена, рассуждал совершенно иначе: он как раз не боялся,

⁵² Рассказ известен в передаче португальских иезуитов, и идея кровного родства выражена словом «os pais» (первое буквальное значение – отцы, второе расширительное – близкие родственники).

⁵³ Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines. 1965: 136.

⁵⁴ *Staden*. 2005: 155–156.

⁵⁵ *Staden*. 2005: 155.

что после единичной ссоры индейцы пойдут на французов войной, поскольку в глобальном отношении уже самим индейцам выгодно иметь французов союзниками⁵⁶. Другой французский путешественник того же времени, Андре Теве, весьма точно обозначил такие умонастроения, охарактеризовав союзных индейцев как «американцев, которые называют себя нашими друзьями»⁵⁷. Эта нотка недоверия будет проскальзывать и дальше – там, где французы будут зависеть от индейцев и чувствовать свою уязвимость. Такая «ложка дёгтя» будет маскироваться эмоциональными заявлениями о любви, преданности, дружбе и верности индейцев французам там, где потребуются обосновать право французов посещать Бразилию и основывать колонии, но останется на задворках сознания у практиков (а не только апологетов) колонизации. С этой точки зрения история англичанина Найвета, назвавшегося французом якобы ради спасения жизни, производит отличное от рассказа Штадена впечатление: в ней нет напряженного угадывания реакции индейцев и страха их разгневать, а есть уверенное знание, на какие именно клавиши нужно нажать и какие струны задеть, чтобы получить рассчитанный результат. Обозначив себя в качестве француза, Найвет призывает индейцев вспомнить о том, как его (мнимые) соотечественники хорошо с ними обходились в прошлом, и насколько злыми были португальцы⁵⁸; затем он дожидается того же подтверждения от индейцев⁵⁹ и напоминает о приплывавших в прошлом французских кораблях с товарами; это предсказуемо вызывает вздохи индейцев о том, насколько сейчас им плохо без щедрости французов⁶⁰; наконец, уже сами индейцы просят Найвета отвести их туда, где пристают французские корабли⁶¹. Так самозванец, заявляя о своей слабости, напротив, перехватывает инициативу и сам диктует повестку.

Подводя итог историям самоназванных французов и «братьев французов» в Бразилии XVI в., отметим, что всем трем чужакам

⁵⁶ Léry. 1999: 467.

⁵⁷ Thevet, Lestringant. 1996: 159.

⁵⁸ Knivet. 2003: 78.

⁵⁹ Knivet. 2003: 101.

⁶⁰ Knivet. 2003: 105.

⁶¹ Knivet. 2003: 105.

удалось успешно решить первоочередную задачу – не лишиться жизни в тот момент, когда их только захватили в плен. Реальная степень угрозы может различаться; кроме того, авторское изложение событий, как, например, у Штадена, может подчиняться идее испытания благочестивого и спасения праведного⁶². Доказывая свою «французскость», Найвет (самостоятельно) и Штаден (с помощью третьих лиц) добиваются спасения и освобождения из плена; финал истории с генуэзцем Адорно остаётся неизвестным, однако тот этап, на котором обрывается рассказ, позволяет надеяться на благополучный исход. Успех всех троих «самозванцев» связан с правильным угадыванием ожиданий индейской аудитории, при этом Штаден, как было показано выше, испробовал самые разные варианты, каждый раз корректируя свою линию поведения, а Найвет, как представляется, хорошо знал и собственную партию, и ответные ходы индейцев.

Рассмотрение историй иностранцев, оказавшихся в недружественном окружении и назвавших себя французами для спасения жизни, несомненно, даёт (как было отмечено выше) и повод, и возможность создать на основе реакций и действий индейцев коллективный портрет французов глазами их индейских союзников⁶³. Однако применительно к проблеме самозванцев и феномена самозванчества эти же свидетельства ставят ещё один вопрос. Самозванец, как правило, не может начать свою игру заново после разоблачения: в него могут поверить, а затем разочароваться, но в дальнейшем снова выдавать себя за того же самого персонажа в том же самом окружении бессмысленно. В случае же со Штаденом цикл убеждения–разоблачения повторялся несколько раз, так что одно лишь последовательное описание событий уже наводит на мысль о своеобразной «мерцающей» идентичности чужака. Нельзя не отметить и странное, на взгляд внешнего наблюдателя, сочетание буквализма и проницательности индейцев с их же готовностью закрыть глаза на очевидные логические неувязки в истории Штадена: одни и те же люди способны подметить отличающийся цвет бороды пер-

⁶² О приоритете дидактической составляющей текста Штадена над этнографической см.: *Whitehead*. 2010: 88. О религиозном сознании Штадена и его (сознания) отражении в книге о Бразилии см.: *Raak Tenhuisen*. 2004: 213–254; *Bôas*. 2004: 187–212; *Bôas*. 2008: 7–27.

⁶³ *Окунева*. 2012.

сонажа и то, что его якобы соотечественники не дали ему рубашки (хотя христиане придают такое значение сокрытию наготы), и они же не удивляются тому, что у одного и того же человека повсюду находятся «братья-французы» – что на португальской шлюпке, что на французском корабле (кроме того, те же самые индейцы, настаивавшие на том, что Штаден португалец, поскольку был захвачен на вражеской территории, никак не смущены тем фактом, что именно из португальского форта приходит шлюпка с якобы братом-французом на борту).

Так в Штадене (то благодаря его собственным усилиям, то из-за определённого стечения внешних обстоятельств) индейцы то видят, то перестают видеть самозванца; эта смена статусов, в определённом смысле соответствующая перемещению между разными мирами, происходит независимо от того, что физически Штаден остаётся на одном и том же месте. Впрочем, душой он всё время стремится вернуться – то к португальцам в тот форт, где он нёс службу, то на родину в Европу; там же, сначала рассказывая устно, а затем и перенося на бумагу историю своих приключений в Бразилии, он мысленно вновь возвращается в Новый Свет. Такая идея то буквального, то фигурального возвращения была использована двумя современными американскими исследовательницами сочинений Штадена, озаглавивших так собственную книгу⁶⁴. Однако само название «Возвращение Ганса Штадена» приводит на ум другое знаменитое «Возвращение» – «Возвращение Мартена Герра» Н. Земон Дэвис⁶⁵. И хотя американские исследовательницы, характеризуя поступки Штадена, говорят об «умелой манипуляции словами, притворстве, введении в заблуждение»⁶⁶, не произнося при этом слова «самозванец», одна общая черта у Ганса Штадена и того Мартена Герра, который на самом деле был Арно дю Тилем, есть: окружавшие их люди что в Новом, что в Старом Свете так до конца и не понимали, тот ли это человек, за которого он себя выдаёт...

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

⁶⁴ *Duffy, Metcalf*. 2012.

⁶⁵ *Земон Дэвис*. 1990.

⁶⁶ *Duffy, Metcalf*. 2012: 62.

- [*Barré N.*] Copie de quelques lettres sur la navigation du chevalier de Villegaignon es terres de l'Amérique oultre l'œquinoctial, iusques soubz le tropique de Capricorne; contenant sommairement les fortunes encourues en ce voyage avec les mœurs et façons de vivre des Sauvages du païs; envoyées par un des gens dudit seigneur (1557) // Gaffarel P. Histoire du Brésil français au XVI^e siècle. P., 1878. P. 373–385.
- [*Desprez F.*] Recueil de la diversité des habits, qui sont de présent en usage, tant ès pays d'Europe, Asie, Affrique & Isles sauvages, Le tout fait après le naturel. s.l., 1567.
- [*Vaillard, N.*] [Le Brésil et l'Amérique du Sud jusqu'au Cabo Frio] (carte 11 de l'atlas manuscrit de «Nicolas Vaillard de Dieppe dans l'année 1547») // Montaigne J.-M. Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance. Rouen, 2000. P. 39. Оцифрованное изображение доступно также по адресу: <https://www.moleiro.com/de/atlanten/atlas-vaillard/miniatura/893>.
- Abbeville C. d'*. Histoire de la mission des pères capucins en l'isle de Maragnan et terres circonvoisins ou est traicte des singularités admirables & des Mœurs merveilleuses des Indiens habitans de ce pais Avec les missives et avis qui ont esté envoyez de nouveau par le R. P. Claude d'Abbeville Pedicateur Capucin. Predicatur Evangelium regni in uniuerso orbe. Mat. 24 Avec Privilège du Roy. Paris, 1614. Факсимильное издание: Graz, 1963.
- C'est la déduction du sumptueux ordre plaisantz spectacles et magnifiques théâtres dressés et exhibés par les citoyens de Rouen ville métropolitaine en pays de Normandie, A la sacré Maiesté du Treschristian Roy de France Henry second leur souverain Seigneur, Et à Tresillustre dame, ma Dame Katharine de Medicis, La Roynne son espouze, lors de leur triumphant ioyeuls et nouvel advènement en icelle ville, qui fut es iours de Mercredi et ieuudy premier et second iours d'octobre 1550. Rouen, 1551.
- Carta do Ir. José de Anchieta ao P. Diego Laines; S. Vicente, 8 de Janeiro de 1565 // Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, 1965, vol. IV. P. 136.
- Evreux Y. d'*. Suite de l'Histoire des choses plus mémorables advenues en l'île de Maragnan es années 1613 et 1614 // Evreux Y. d', Clastres H. (ed.). Voyage au nord du Brésil fait en 1613 et 1614. Paris, 1985.
- Hans Staden Historia de duas viagens ao Brasil (1548-1555) / Tradução por Guiomar Carvalho Franco, revisada por Augusto Rodrigues. Com um anexo de fontes ed. de Franz Obermeier 2023. Texto port. da ed. crítica de 2007, prefácio ampliado, com um novo anexo de fontes da época e comentários da iconografia. URL: https://www.academia.edu/111733542/Hans_Staden_Historia_de_duas_viagens_ao_Brasil_1548_1555_ed_Franz_Obermeier_2023?uc-sb-sw=101871356
- Hans Staden's True History. An Account of Cannibal Captivity in Brasil. Edited and translated by Neil L. Whitehead and Michael Harbsmeier. Durham, 2008.
- Hans Staden: Warhaftige Historia. Zwei Reisen nach Brasilien, (1548-1555) / Historia de duas viagens ao Brasil. Kritische Ausgabe / edição crítica: Franz

- Obermeier, Übertragung ins heutige Deutsch: Joachim Tiemann. Tradução ao português: Guiomar Carvalho Franco. Revisão: Augusto Rodrigues, (Fontes Americanae, 1), Kiel, 2007.
- Histoire des choses memorables advenues en la terre du Bresil, partie de l'Amerique australe, sous le gouvernement de N. de Villeg. depuis l'an 1555 jusques a l'an 1558. S. I., 1561.
- Interrogatorio dos prisioneiros francezes do combate de Guaxenduba // Annaes da Biblioteca Nacional de Rio de Janeiro, 1904, vol.26. Rio de Janeiro, 1905. P. 265–276.
- La Gazette de la terre du Brésil. [Nouvelles apportées par un navire qui avait quitté le Portugal pour découvrir la terre du Brésil plus avant qu'elle n'était connue auparavant et qui, à son retour, a abordé l'île de Madère. Ecrit par un bon ami de Madère et envoyé à Anvers], 1514-1515 // La découverte du Brésil. Les premiers témoignages choisis & présentés par Ilda Mendes dos Santos (1500 – 1530). Paris, 2000. P. 83.
- Le Testu G.* Cosmographie universelle, selon les navigateurs tant anciens que modernes, par Guillaume Le Testu, pillote en la mer du Ponent, de la ville francoyse de Grâce. S.l. 1555.
- Léry J. de.* Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil (1578, seconde édition – 1580) / Texte établi, présenté et annoté par F. Lestringant. Paris, 1999.
- Rivedoux B. de.* Histoire véritable de certains voyages périlleux et hasardeux sur la mer (1599) / édition, présentation et notes d'A.-G. Guéguen. Paris, 1996.
- Rotz J.* Boke of Idrography. S.d. [c. 1535–1542].
- Soares de Souza G.* Tratado descriptivo do Brasil em 1587. Belo Horizonte, 2000.
- Staden H.* Véritable histoire et description d'un pays habité par des hommes sauvages, nus, féroces et anthropophages situé dans le nouveau monde nommé Amérique, inconnu dans le pays de Hesse avant et depuis la naissance de Jésus-Christ jusqu'à l'année dernière. Hans Staden de Homberg l'a connu par sa propre expérience et le fait connaître actuellement par le moyen de l'impression à Marbourg chez André Kolben à l'enseigne de la feuille de trèfle, 1557 // Staden H. Nus, féroces et anthropophages. Traduit de l'allemand par H. Ternaux-Compans. P., 2005.
- Thevet A., Lestringant F.* (ed). Le Brésil d'André Thevet. *Les Singularités de la France Antarctique (1557)* Paris, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. 36: Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и культурной жизни. М., 2024.
- Земон Дэвис Н.* Возвращение Мартена Герра. М., 1990.
- Окунева О.В.* Как важно быть французом: взгляд бразильских индейцев XVI в. // Средние века, № 73, вып. 1-2. М., 2012. С. 295–312.

- Окунева О.В.* Мы» и «наши»: французские авторы XVI – начала XVII вв. о союзнических отношениях с бразильскими индейцами // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Выпуск 4 (27). Учёные, знания и власть в колониальных и континентальных империях / под ред. В.С. Мирзеханова, О.В. Окуневой, С.Б. Вольфсона. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000711-1-1>
- Окунева О.В.* Русские послы и бразильские индейцы при дворе Марии Медици и Людовика XIII // Средние века. № 76 (3-4). М., 2015. С. 161—192.
- Окунева О.В.* Повседневные практики общения и меновая торговля между французами и бразильскими индейцами в XVI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Выпуск 3 (125) Том 14 – История повседневности: Запад и Восток Европы. К юбилею О.Е. Кошелевой. URL: <https://history.jes.su/s207987840025148-1-1/>.
- Bôas L. V.* The Anatomy of Cannibalism: Religious Vocabulary and Ethnographic Writing in the Sixteenth Century // Studies in Travel Writing, London, 2008, vol. 12, no 1. P. 7–27.
- Bôas L. V.* Wild stories of a pious travel writer: the unruly example of Hans Staden's Warhaftig Historia (Marburg 1557) // Daphnis, 2004. P. 187–212.
- Bonnote C.* Le truchement dans les récits de voyageurs: interprète et personnage médiateur de l'espace frontalier // Analyses. Revue de littératures franco-canadiennes et québécoise, 2015, vol. 10, № 2. P. 129–148.
- Castro E. V. de.* O mármore e a murta: sobre a inconstância da alma selvagem // Revista de Antropologia, São Paulo, 1992, vol. 35. P. 21–74.
- Castro E.V. de.* From the enemy's point of view, humanity and divinity in an Amazonian society / translated by Catherine V. Howard, Chicago, 1992 [Araweté, os deuses canibais. Rio de Janeiro, 1988].
- Duffy E., Metcalf A.C.* The Return of Hans Staden: a Go-Between in the Atlantic World. Baltimore, 2012.
- Fausto C.* Da Inimizade: Forma e Simbolismo da Guerra Indígena // Novaes A. (ed.) A Outra Margem do Ocidente. São Paulo, 1999. P. 251–282.
- Gannier O.* Traîtres ou alliés: le motif de la loyauté dans l'Histoire d'un voyage fait en la terre du Bresil, de Jean de Léry, et des récits de voyage contemporains // L'Information littéraire, décembre 1999. P. 24–38.
- Gannier O.* Des truchements en Amérique: du «Voyage au Brésil» de Léry aux lectures modernes // Francophonie en Amérique. Colloque de L'Année Francophone Internationale, 26-29 mai 2003. Québec, 2003. P. 1–15.
- Grégoire V.* À l'ombre de Léry et Champlain, l'héroïsme mineur du truchement // Sens-Dessous, 2024, N° 33(1). P. 123–140.
- Gruzinski S.* «S'ensauvager» – Quand des Français du Brésil et du Canada choisissaient de vivre parmi les Indiens (XVI^e et XVII^e siècles) // Cahiers de socio-logie économique et culturelle, 1992, № 18. P. 19–28.

- Harbsmeier M.* Elementary structures of otherness, an analysis of sixteenth century German travel accounts // Céard J., Margolin J.-C. (éds). *Voyager à la Renaissance* (Actes du Colloque de Tours 1983). Paris, 1987. P. 337–356.
- Harbsmeier M.* *Wilde Völkerkunde, andere Welten in deutschen Reiseberichten der Frühen Neuzeit*. Frankfurt, 1994.
- Jantz H.* Images of America in the German Renaissance // Chiappelli F. (ed). *First images of America*, vol. 1. Berkeley, 1976. P. 91–101.
- Kaltischke M.* Das Indiobild der deutschen Konquistadoren Nikolaus Federmann, Philipp von Hutten, Ulrich Schmiedel und Hans Staden im Spiegel ihrer Reiseberichte // Schlüter H. (ed) *Die Anderen, Indianer in Lateinamerika*. Münster, 1996. P. 120–151.
- Kiening Ch.* Alterität und Mimesis: Repräsentation des Fremden in Hans Stadens *Historia* // Huber M., Lauer G. (ed). *Nach der Sozialgeschichte: Konzepte für eine Literaturwissenschaft zwischen Historischer Anthropologie, Kulturgeschichte und Medientheorie*. Tübingen 2000. P. 483–507.
- Lestringant F.* Fictions de l'espace brésilien à la Renaissance: l'exemple de Guanabara // Jacob Ch., Lestringant F. (org.). *Arts et légendes d'espace. Figures du voyage et rhétoriques du monde*. Paris, 1981. P. 205–256.
- Menninger A.* Unter „Menschenfressern“, Das Indiobild der Südamerikareisenden Hans Staden und Ulrich Schmidl zwischen Dichtung und Wahrheit // Beck Th. *Kolumbus' Erben, Europäische Expansion und überseeische Ethnien im ersten Kolonialzeitalter, 1415–1815*. Darmstadt, 1992. P. 63–98.
- Metcalf A.* *Go-Betweens and the Colonization of Brazil: 1500–1600*. Austin, 2005.
- Montaigne J.-M.* *Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance*. Rouen, ASI Communications, 2000.
- Neuber W.* Die frühen deutschen Reiseberichte aus der Neuen Welt, Fiktionalitätsverdacht und Beglaubigungsstrategien // König H.-J. (ed). *Der europäische Beobachter außereuropäischer Kulturen*. Berlin, 1989. P. 43–64.
- Obermeier F.* Bilder von Kannibalen, Kannibalismus im Bild, Brasilianische Indios in Bildern und Texten des 16. Jahrhunderts // *Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas*. 2001, vol. 38. P. 49–72.
- Obermeier F.* Hans Staden und Ulrich Schmidel im brasilianischen São Vicente, Dokumente zu Hans Stadens zweiter Brasilienreise, Dokumente zu Hans Stadens zweiter Brasilienreise und Ulrich Schmidels Rückreise nach Europa // *Jahresbericht des Historischen Vereins für Straubing und Umgebung*, 2005, № 107. P. 73–128.
- Obermeier F.* Na época colonial: a gênese do livro de viagem de Hans Staden (*Historia*, 1557) no cruzamento de discursos alheios // *Anuário de Literatura*, 2011, vol. 16, n. 1. P. 132–153.
- Obermeier F., Schiffner W.* Hans Staden: Warhaftige *Historia* (1557). An annotated bibliography on the work, secondary literature and other aspects. Status: last update 2023 // https://www.academia.edu/51025979/Hans_Staden_Warhaftige_Historia_1557_A_bibliography_updated_version_2023

- Raak Tenhuisen D.R.* Providence and passio in Hans Staden's Wahrhaftig Historia // *Daphnis*, 2004. P. 213–254.
- Smith D.* The German image of America in the Sixteenth century // *Friesen G.-K., Schatzberg W.* (ed). *The German Contribution to the Building of the Americas. Studies in honor of Karl J. R. Arndt.* Hanover (New Hamps.), 1977. P. 1–19.
- Schlechtweg-Jahn R.* The Power of Cannibalisation. Hans Staden's American Travels Account of 1557 // *Gosman M.* (ed). *Propagation of Power in the Medieval West. Selected Proceedings of the International Conference Groningen 1996.* Groningen, 1997. P. 419–437.
- Schmölz-Häberlein M., Häberlein M.* Hans Staden, Neil L. Whitehead, and the Cultural Politics of Scholarly Publishing // *Hispanic American Historical Review*, 2001, vol. 81, № 3–4. P. 745–741.
- Wachtel N.* *La vision des vaincus. Les Indiens du Pérou devant la conquête espagnole (1530–1570).* Paris, 1971.
- Whitehead N.L.* Tribes Make States and States Make Tribes. Warfare and the Creation of Colonial Tribe and State in Northeastern South America // *Ferguson R.B. Whitehead N.L.* (eds.) *War in the Tribal Zone. Expanding States and Indigenous Warfare.* London – Santa Fe, 1999. P. 127–150.
- Whitehead N.L.* Lowland Peoples Confront Colonial Regimes in Northern South America // *Salomon F., Schwartz S.* (eds.) *The Cambridge History of Native American Peoples*, III (2). Cambridge, 1999. P. 382–441.
- Whitehead N. L.* Hans Staden and the Cultural Politics of Cannibalism // *Hispanic American Historical Review*, 2000, vol. 80. P. 721–752.
- Whitehead N.L.* The Ethnographic Lens in the New World: Staden, De Bry, and the Representation of the Tupi in Brazil // *Melian W. S., Palmer Wandel L.* (eds). *Early Modern Eyes.* Leiden-Boston, 2010. P. 81–104.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

А.Д. Щеглов

ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

DOI:10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-9

Аннотация: Вадстенский диарий, летопись Вадстенского монастыря, главной обители биргиттинского ордена, представляет собой одни из интереснейших средневековых нарративных источников средневековой Скандинавии. Рассмотрены типы записей, их назначение, содержащиеся в них сведения. Уделено внимание индивидуальным случаям, сведениям о здоровье и болезнях биргиттинцев, их возрасте, обстоятельствах смерти. Показано, что в целом биргиттинцы жили достаточно долго. Особое внимание в статье уделено вопросу о характере Вадстенского монастыря. Можно ли считать Вадстенский монастырь смешанной женско-мужской обителью, т.н. двойным монастырем – *dubbelkloster*? Или речь идет о двух монастырях за одной оградой? Я показываю, что Вадстенский монастырь следует рассматривать как смешанную конгрегацию. Братья и сестры проживали рядом. Обе общины находились под началом аббатисы. Хозяйство было единым. Мужской и женский конвенты постоянно взаимодействовали. Наименования монахов и монахинь – братья (*fratres*) и сестры (*sorores*) однотипны. Обе общины часто именуется одинаково – «конвент», и нередко употребляется выражение «оба конвента». Степень интеграции женской и мужской частей монастыря была высокой; монастырь являлся единым целым.

Ключевые слова: история Швеции, Средние века, католическая церковь, монастыри, монашеские ордена, анналы.

Одна из интереснейших средневековых скандинавских хроник – Вадстенский диарий, летопись Вадстенского монастыря, главной обители биргиттинского ордена. Монастырь был основан Святой Биргиттой (также – Святая Бригитта Шведская, около 1303–1373) – создательницей ордена. Своей задачей члены данного сообщества считали всеобщее очищение нравов. В откровениях Биргитты Христос сетовал на нравственный упадок мирян и клириков. Высшее духовенство не заботится о Боге и не читает Библию, а занимается изучением церковного права ради наживы. Для исправления нравов

следует неустанно проповедовать учение Христа. Осуществлять эту проповедь должен новый монашеский орден. Биргитте, согласно велению Спасителя, надлежало стать основательницей сообщества.

Вадстенский монастырь был основан на территории земельного владения Вадстена, относившегося к королевскому домену. Оно располагалось на северо-западе области Эстерьётланд, на берегу озера Вэттерн. Первое упоминание о Вадстене датируется 1268 г. Во второй половине XIII в. там был построен королевский дворец, впоследствии пришедший в упадок. В середине XIV в. король Магнус Эрикссон пожелал построить в Вадстене монастырь; земли были пожертвованы общине последователей Биргитты¹. Они начали осваивать заброшенное владение примерно в конце 1360-х. К 1384 г. было построено несколько зданий, которые освятил епископ Линчёпингский; состоялось первое посвящение братьев и сестер в члены монастырской общины².

Устав, согласно биргиттинской традиции, был продиктован Биргитте Христом. Основные ценности ордена – смирение, целомудрие и добровольная бедность. Членам ордена запрещалось иметь собственность; всё необходимое следовало получать от аббатисы. В женской обители должны были находиться 60 монахинь. Мужское братство объединяло 13 монахов, рукоположенных в пресвитеры (в честь 13 апостолов), четырех диаконов и восемь братьев-мирян. Во главе монастыря стояла аббатиса. Руководитель братства – общий исповедник (*confessor omnium*) подчинялся ей, но сохранял самостоятельность в духовных вопросах. Членам братства – священникам и диаконам – надлежало исполнять обязанности наставников монахинь и проповедовать на их родном языке. Покровительство монастырю должны были оказывать епископ диоцеза, на территории которого расположен монастырь, правитель соответствующей страны и папа римский.

В 1370 г. папа Урбан V одобрил учреждение нового ордена. После этого Биргитта совершила паломничество в Святую Землю. На обратном пути скончалась и была похоронена в Риме. В 1374 г. мощи были перевезены в Швецию в Вадстенский монастырь. 7 октября 1391 г. шведская подвижница была канонизирована папой Бонифацием IX. В различных регионах Европы стали возникать монастыри ордена: Парадизо во Флоренции (утвержден в 1392), Сайэн-Эбби (графство Мидлсекс, Англия, основан в 1415), Мари-

¹ Fritz. 2019: 132–133.

² Fritz. 2019: 133–134.

енталь в бухте Пирита близ Ревеля (Эстония, основан в 1407), Нондаль (Финляндия, основан около 1440). Биргиттинские монастыри были основаны и в других странах: Дании, Норвегии, Германии, Нидерландах, Испании, Польше.

Наибольшее значение орден имел для Скандинавских стран. В главной обители – Вадстенском монастыре – была собрана внушительная библиотека. Члены братства переводили богословскую и религиозно-просветительскую литературу, создавали молитвенники, сборники проповедей. Вадстенский монастырь стал крупнейшей и богатейшей монашеской обителью в Скандинавии.

В эпоху Реформации многие монастыри, включая Вадстенский, верные католической Церкви, были закрыты. Однако вскоре, в XVII–XVIII вв., возникли новые обители. Благодаря нескольким сохранившимся с древних времен и новым монастырям орден действует и поныне³.

История биргиттинского ордена и особенно Вадстенского монастыря во многом связана с Вадстенским диарием – летописью биргиттинцев, и отражена в этом памятнике. Указанный памятник, рассказывающий о событиях конца XIV – начала XVI в., по сей день ценится как источник по истории биргиттинского ордена и Швеции в целом⁴.

Название «Вадстенский диарий» является поздним; оно появилось в XVIII в. при публикации источника. Сами биргиттинцы называли свою летопись «памятной книгой» – по-латыни *liber memorialis*, по-шведски *tænkiebok*⁵. Записи делались членами братства. Их имена не указаны, но многие установлены: в основном это монахи, нередко руководители братства, генерал-конфессоры, иногда библиотекари и другие члены *curia fratrum*⁶.

Главные герои – обитатели монастыря. Многие из них были образованны. О нескольких братьях сказано, что такой-то являлся

³ Подробно об истории биргиттинского ордена см.: *Höjer*. 1905; *Brilioth*. 1945; *Çnattingius*. 1963; *Klockars*. 1979; *Studies in St. Birgitta*. 1993.

⁴ Значение Вадстенского диария как источника по истории Биргиттинского ордена (и шире, как памятника по церковной, социальной и политической истории Скандинавии) не раз подчеркивалось специалистами. Вместе с тем, отмечались и недостатки Вадстенского диария (как источника): он довольно субъективен, отражает жизнь монастыря не во всей полноте; его данные необходимо дополнять данными других документов. См.: *Lindqvist Sandgren*. 2021. S. 16.

⁵ См.: *Gejrot C. Vadstenadiariet – brödernas bok*. // *Vadstenadiariet*. 1996 (Далее – *VD*): 22.

⁶ *Gejrot C. Op. cit.*: 24–26.

искусным сочинителем (*dictator*) или переписчиком (*scriptor*). Перепиской ученых трудов и богослужебных текстов занимались и монахини; некоторые из них выступали как переводчики и авторы. Об одной из таких сестер, аббатисе Анне Фикесдоттер, сообщается, что она была очень ученой для женщины (*litteratissima secundum conditionem illius sexus*). Анна Фикесдоттер владела латинским языком, переводила на среднешведский язык жития святых, создала историко-генеалогическое сочинение о своих предках. Другая аббатиса – Маргарета Класдоттер написала исторический труд о Святой Биргитте.

Вадстенский диарий сохранился в подлиннике – пергаменной рукописи, которая (по-видимому, в раннее Новое время) оказалась разделенной на две части⁷. Средневековых списков нет. Формат рукописи – *in quarto*, письмо – позднеготический полукурсив. Обе части хранятся в Уппсальской университетской библиотеке. Первая часть (кодекс С 92) – небольшой манускрипт, содержащий начало Вадстенского диария. При публикации данной части издатель К. Гейрот присвоил записям буквенные обозначения от А до U. Остальные записи Диария содержатся в манускрипте С 89, включающем 116 пергаменных листов. В издании Гейрота эти записи пронумерованы арабскими цифрами.

Вадстенский диарий охватывает промежуток в более чем 200 лет – с 30-х гг. XIV в. до 40-х гг. XVI в. Записи делались в течение примерно 150 лет. За это время последовательно сменились 30 авторов. Некоторые из них не только делали записи, но и исправляли и дополняли то, что написано предшественниками. Имеются записи, сделанные вскоре после описываемых событий. Часто, однако, записи за один или два прошедших года вносились одновременно, единым блоком⁸.

Из 30 создателей Диария 13 известны поименно; они идентифицированы преимущественно путем палеографических исследований. В большинстве это братья, рукоположенные во пресвитеры; некоторые из них являлись монастырскими библиотекарями, некоторые – ризничими; 7 из этих 13 авторов в конце концов стали генерал-конфессорами монастыря. Многие были эрудированными

⁷ См.: VD. S. 26; *Gejrot*. 2015. P. 132. Описание рукописи см: *Andersson-Schmitt, Hedlund*. 1989: 118–120. На протяжении позднего Средневековья Вадстенский диарий хранился отдельно от монастырской библиотеки – в специальном архиве, куда помещались документы монастыря. См. *Fredriksson*. 1997: 6.

⁸ *Gejrot*. 1996: 23

людьми, получили хорошее образование; таковы, например, Иоханнес Бенекени (в миру Юхан Бенекессон), Николаус Рагвальди (Нильс Рагвальдссон), Николаус Амунди (Нильс Амундссон). Особо упоминания заслуживает брат Петрус Магни (в миру Педер Монссон), который вел записи за 1506–1507 гг. Впоследствии он совершил поездку в Италию, являлся зрителем «Дома Биргитты»⁹; вернувшись в Швецию, стал епископом Вестеросским. Петрус Магни получил известность как гуманист, ученый-универсал, автор трудов по земледелию, металлургии, минералогии, горному делу, медицине, военному делу, педагогике.

Латинский текст Вадстенского диария неоднократно публиковался. Первое издание (Э. Бензелиус) вышло в свет в 1721 г.¹⁰, второе (Э.М. Фант) – в 1818¹¹. Спустя 170 лет было опубликовано критическое издание К. Гейрота¹², которое легло в основу издания 1996 г., подготовленного тем же автором. Текст Диария дважды переводился на современный шведский язык – А.В. Лундбергом (1918)¹³ и К. Гейротом (1996). Несколько месяцев назад этот важный памятник был переведен на русский язык¹⁴.

ЦЕЛЬ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ АУДИТОРИЯ

Для чего предназначались записи в Вадстенском диарии, кому они адресованы? Прежде всего, они служат для того, чтобы увековечить память умерших членов братства и фиксировать события жизни монастыря и ордена. Нарративные памятники в Средние века рассматривались как своего рода документы; записи в анналах и хрониках могли классифицироваться как дополнительный источник, подтверждающий те или иные права. Наконец, целью авторов являлась фиксация исторических событий за пределами монастыря.

⁹

«Дом Биргитты» (швед. *Birgittahuset*; лат. *Domus Sanctae Birgittae*; итал. *Casa di Santa Brigida*) – приют для шведских паломников, основанный Святой Биргиттой в Риме во дворце на Кампо-деи-Фиори, который был подарен Биргитте богатой римлянкой по имени Франческа. «Дом Биргитты» стал временным пристанищем для многих паломников из Швеции и других Скандинавских стран, в том числе для представителей шведской интеллигентной элиты.

¹⁰ *Benzelius*. 1721.

¹¹ *Fant*. 1818. Vol. I.

¹² *Gejrot*. 1988.

¹³ *Lundberg*. 1918.

¹⁴ Вадстенский диарий. 2023 (далее – ВД).

Вадстенский диарий являлся документом преимущественно для внутреннего пользования. Показательна следующая запись за 1442 г., № 523 по Гейроту:

«Далее. Брат! Прими к сведению (но смотри, не рассказывай всем подряд), что под землей, [под кирпичным настилом], в пространстве между четырьмя стенами, между спальней и передней, ведущей в трапезную – иначе говоря, меж четырех врат: дверью спальни, дверью передней, дверью новой больницы и вратами церкви (теми, что запираются на ночь) – имеется тайник, представляющий собой сводчатое помещение. Этот тайник предназначен для того, чтобы хранить в безопасности книги, сокровища монастыря и другие предметы (реликварии, потиры и тому подобное) в случае, если в королевстве случится раздор и будет поставлена под угрозу неприкосновенность церкви, или если возникнет опасность нападения внешних врагов и угроза войны. Вход в тайник виден, если удалить кирпичи, лежащие сверху. Отверстие для входа находится в том месте, до которого достают церковные врата, если их отворить»¹⁵.

Автор, таким образом, уверен, что запись будет доступна только братьям внутреннего круга Вадстенской обители. Им он и адресует информацию, приведенную выше.

Закономерен вопрос: почему братья – авторы и редакторы записей – проявляли осторожность, порой удаляли нежелательные записи? Дело в том, что диарий хранился в шкафу, ключ от которого был только у аббатисы. Между членами обители (иногда между братьями и аббатисой) подчас возникали противоречия и разногласия; в этих условиях братья не без оснований опасались, что конфиденциальная информация может быть использована недоброжелателями.

Хотя все записи в Диарии анонимны, в некоторых присутствует авторское «я», повествование ведется от первого лица. Пример – сообщение о судебном разбирательстве по поводу злоупотреблений архиепископа Йоханнеса Герекени:

¹⁵ VD: 236; ВД: 204.

«Обвинения в адрес архиепископа становились все более вескими, и он оставил свой пост, с тем условием, что в текущем году взыщет в свою пользу с архиепископства 300 ноблей, а во все остальные годы, в течение жизни – по 300 дукатов; но, думаю, это условие никто не обязан выполнять»¹⁶.

В рассказ о разбирательстве автор, таким образом, вставил собственное суждение. Ценный пример содержится в записи № 1049 за 1517 год:

«В тот же год, 1517, в день после праздника святого апостола Андрея, братья и сестры собрались в локатории и единодушно избрали генерал-конфессором брата Николауса Амунди, недостойнейшего из людей¹⁷ – в этом я лично ручаюсь! Трудился я с юности; а теперь, когда меня возвысили, мне как-то неловко и тревожно. И с Божьего дозволения в первом же круге указанных выборов все братья отдали голоса за одного человека; так же поступили сорок из сестер. Согласие на итоги выборов дали и все остальные – те, кто ранее голосовал за своих духовников, дабы выразить им почтение»¹⁸.

Данный текст написан самим Николаусом Амунди, который был автором ряда записей в Вадстенском диарии.

РАЗНОВИДНОСТИ ЗАПИСЕЙ

Записи в Вадстенском диарии можно разделить на группы в зависимости от объема и подробности сведений. К первой можно отнести краткие, вторую составляют записи среднего объема, наконец, третью образуют подробные, представляющие собой связанное повествование. Встречаются ретроспективные записи, содержащие

¹⁶ VD: 172; ВД: 156.

¹⁷ *Indignissimus hominem quod protestor manu propria* (VD: 432) В принципе, «недостойный» и «недостойнейший» в таком контексте – топоры; нередко их использовали епископы и аббаты, когда писали о себе (например, *indignus episcopus; indignissimus abbas*). В данном случае можно предположить, что в записи заключена и доля иронии, высказывание отчасти носит шуточный характер.

¹⁸ VD: 432; ВД: 372.

(часто в связи с сообщением о смерти) рассказ о жизни и заслугах члена братства. Вот пример подобного текста (№ 100 по Гейроту):

«Также, в день блаженного папы Григория, когда завершился комплеторий, умерла достопочтенная госпожа, госпожа Сесилия¹⁹, младшая дочь Святой Биргитты. Она была, словно новая Тавифа, исполнена добрых дел, и о ней рассказывают много чудесного. Ибо, еще когда она находилась в утробе матери, случилось так, что один злостный тиран²⁰ обручился с одной из дочерей Святой Биргитты²¹ (поскольку так было угодно ее супругу, а также королю²² и государственным советникам) – почти что против воли упомянутой святой²³, поскольку указанный человек ранее причинил королевству много зла. Из-за этого Биргитта непрестанно проливала слезы – столь горькие, что невозможно описать. И рассказывают, что однажды, когда она горестно плакала, ребенок во чреве воскликнул:

¹⁹ В тексте использован лексический повтор: *venerabilis domina, domina Cecilia*.

²⁰ Рыцарь Сигвид Риббинг из области Халланд, в Средние века – датской провинции на юго-западе Скандинавского полуострова, граничившей со Швецией. В молодости Риббинг занимался пиратством, а затем получил под свое управление Халланд. В Откровениях Биргитты он назван разбойником.

²¹ Сигвид Риббинг обручился со старшей дочерью Святой Биргитты – Мэртой Ульфедоттер, родившейся около 1319 г. Помолвка совершилась между 1334 и 1339 г., бракосочетание состоялось в 1341 г.

²² Королю Магнусу Эрикссону.

²³ По-латыни – *quasi contra voluntatem eiusdem sancte*. Мысль заключается в том, что Биргитта не одобряла указанный брак, но в конце концов дала согласие. Вот как описан этот эпизод в хронике аббатисы Маргареты Класдоттер: «Когда первая дочь Святой Биргитты, по имени Мэретта, достигла совершеннолетия, отец сосватал ее за могущественного господина, которого звали герр Сивид Риббинг; он был очень суровый и жестокий человек, и это тот разбойник, о котором говорится в Откровениях. И тогда Святая Биргитта опечалилась, что ее дочь попадет под власть столь жестокосердного человека, и отказалась войти в покои, где все собрались, чтобы праздновать, а осталась одна с тяжким горем на сердце; а она тогда была беременна госпожой Сесилией. Тогда ребенок, которого она носила во чреве, взмолился: «Дражайшая матушка, не убивай меня!» Она ответила: «Дорогое мое дитя, как же это я тебя убью, ведь Господь дал тебе душу». И тогда она надела свое лучшее платье и вошла, и все были этому рады» – (SRS III: 209–210); (Margaretæ Nicolai filiae... de Sancta Birgitta Chronicon S. 202–203); (Margaretæ Nicolai filiae Chronicon / Ed. E. Benzelius. S. 8–10).

«Дражайшая матушка, не убивай меня!» И потом, когда святая мать Биргитта рожала ее в таких муках, что здоровье ее было в опасности (как указано в ее житии), к ней вошла Блаженная Дева Мария; и все, кто присутствовал, остолбенели от изумления. И Дева Мария прикоснулась ко всем членам роженицы; и когда она исчезла, Святая Биргитта тотчас разрешилась от бремени безо всяких затруднений²⁴. О, сколь счастливы роды, которые удостоились того, что их принимала такая повивальная бабка! В связи с этим можно надеяться, что ту же помощницу госпожа Сесилия повстречала и в смертный час. Похоронили ее рядом с братом, господином Биргером, на северной стороне».

Предание о последних родах Биргитты имело большое значение для биргиттинцев: считалось, что ее муки привели к чудесной помощи Девы Марии, которая способствовала тому, что Биргитта и ее супруг вступили на духовный путь.

ВСТАВНЫЕ ТЕКСТЫ

В Диарии присутствуют и вставные записи. К ним относятся, например, стихи. Самый примечательный поэтический текст в Вадстенском диарии – стихотворение, приведенное под годом 1465. Это запись 762a по нумерации Гейрота²⁵. Стихотворение написано в форме секвенции, распространенной в средневековой литургической поэзии. Оно как бы подводит итог рассказу о политических событиях первой половины 1460-х гг. Идея очевидна: Швеция в отсутствие короля страдает от усобиц магнатов, борющихся за власть и богатства.

Стихотворение было удалено кем-то из редакторов Вадстенского диария. В XX в. текст был почти полностью (за исключением части первой строфы) восстановлен К. Гейротом и впервые опубликован в 1988 г.

²⁴ История об указанном чуде приведена, среди прочего, в Кратком Житии Святой Биргитты – но без упоминания о горе Биргитты, вызванном помолвкой дочери с Сигвидом Риббингом. См. например: (Vita... Birgittae: [14]).

²⁵ VD: 332, ВД: 285–286.

Присутствуют и вставные тексты иного характера. Наиболее интересный – перечень вопросов короля Кристиана I шведским духовным лицам (король хотел, чтобы они де-факто утвердили арест архиепископа, признав тяжесть совершенных им нарушений и справедливость обвинений в его адрес). Полный текст вопросов содержится только в Вадстенском диарии (записи 733–750 за 1463 г.). Приведем начало перечня:

«Может ли король, не признающий над собой в своем королевстве никакую более высокую власть, в отсутствие вышестоящего церковного судьи и до тех пор, пока компетентный судья не рассмотрит дело, взять под стражу или подвергнуть заключению архиепископа или епископа по причине мятежа или нарушения клятвы верности, или по причине преступления против величества – особенно в тех случаях, когда речь идет о положении короля, о его персоне, а также об укреплении или ослаблении всего королевства. И следует ли в подобных случаях руководствоваться клементинским статутом *Si quis suadente dyabolo*²⁶.

Также, может ли привилегия, основанная на упомянутом статуте *Si quis suadente* распространяться на того, кто запятнал себя преступлением против величества, или на клятвопреступника.

Также, надлежит ли руководствоваться данным клементинским статутом, а также статутом *In maligna*²⁷ применительно к преступлениям, которые не рассмат-

²⁶ Норма канонического права, статут, согласно которому тот, кто по наущению дьявола убьет или арестует епископа, объявит епископа вне закона или издаст распоряжение о каком-либо из перечисленных действий, должен быть отлучен от церкви, причем снять указанное отлучение может только папа римский.

²⁷ Имеется в виду один из разделов т.н. Статутов Телье (принятых шведским духовенством на соборе в Телье в 1279 году; см. SDHK 1070). В указанном разделе – «О пленении клириков» (*De captiuacione clericorum*) говорится, в числе прочего, следующее: если мирянин взял под стражу клирика, на все королевство должен быть наложен интердикт, а сам этот мирянин должен быть отлучен от церкви. Начало текста – аллюзия на стих из Нового Завета (1 Ин. 5,19): *Scimus quoniam ex Deo sumus: et mundus totus in maligno positus est* (Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле); отсюда название документа *In maligna*, употребленное в документе, который процитирован в

риваются общим правом; ибо речь идет не о наущении дьявола, а о решении мудрого государя; и проч.»²⁸

Указанные вопросы – ценный источник по истории юридического и общественного положения скандинавского духовенства в середине XV в. Из них следует, что привилегии клира в принципе чтились, но король считал себя вправе в исключительных обстоятельствах нарушать эти привилегии, и в данном случае предъявил обоснования таких нарушений.

ОДИН МОНАСТЫРЬ ИЛИ ДВА?

Вадстенский диарий выступает в качестве принципиально важного исторического источника и тогда, когда речь идет о специфике Вадстенского монастыря и биргиттинского ордена. Один из дискуссионных вопросов таков: можно ли считать Вадстенский монастырь единой женско-мужской обителью, так называемым двойным монастырем – по-шведски *dubbelkloster*? Или же это два сообщества за одной оградой? Вопрос о характере Вадстенского монастыря был поставлен еще в работе Т. Хейера (1905) – фундаментальной монографии, востребованной и цитируемой по сей день. Хейер указывает, что Вадстенский монастырь можно отнести к типу смешанных монастырей, хотя и с оговорками. Исследователь высказывает предположение, что образцом послужил монастырь Фонтевро. С традициями и организацией этого монастыря Святая Биргитта могла познакомиться во время паломничества в Сант-Яго-де-Компостела, маршрут которого пролегал через Францию.

В научной литературе Вадстенский монастырь долгое время классифицировался как смешанный – *dubbelkloster*. В новейшей литературе предпринята попытка оспорить это определение: Вадстенская обитель – это не один монастырь, а два за одной оградой. Братья и сестры были изолированы друг от друга, каждая из общин являлась отдельным коллективом²⁹. Одним из аргументов служит терминология: члены мужского братства именовались не монахами, а

Вадстенском диарии.

²⁸ VD: 314–316; ВД: 272–274.

²⁹ См. замечание Б. Фритц: “Vadstena is sometimes mistakenly described as a double cloister. In reality there were two convents, intended to operate side by side within the abbey walls; in practice, they remained as two completely separate enclosures” – *Fritz*. 2019: 138.

братьями – *fratres*, их община называлась не конвентом, а курией³⁰. Кроме того, не было равным число членов: конвент сестер был гораздо многочисленнее курии братьев³¹.

Возникает проблема критериев. На каких основаниях Вадстенский монастырь причисляют к смешанным монастырям в классической исследовательской литературе? Т. Хейер дает следующее определение: под смешанным монастырем понимается объединение двух консолидированных монастырских общин (конгрегаций или конвентов); одна состоит из монахов, другая из монахинь. Каждая из общин подчиняется собственному руководителю – одна аббату или приору, другая аббатисе. Руководство всем комплексом чаще всего являлось прерогативой аббатисы, в некоторых случаях – обязанностью руководителя мужской фракции³².

В современной немецкой историографии проблематике двойных монастырей посвящена работа С. Хаарлендер³³. Автор указывает три признака принадлежности к двойным монастырям (нем. *Doppelkloster*). Первый – проживание братьев и сестер в непосредственной близости, особенно если речь идет о проживании в одном и том же месте, в одном и том же комплексе зданий. Второй – организационное единство (*organisatorische Einheit*), что подразумевает подчинение обоих конвентов общему начальнику – аббату или аббатисе (причем этот начальник одновременно является руководителем одного из конвентов, а лидер второго конвента соблюдает субординацию по отношению к нему). Третий – экономическое единство: хозяйство обоих конвентов является общим³⁴.

Вадстенский монастырь соответствовал указанным критериям. Братья и сестры проживали рядом, за единой оградой. Оба конвента находились под началом аббатисы. Хозяйство было общим; и сестры, и братья участвовали в хозяйственной деятельности монастыря, доходы употреблялись во благо обоих конвентов. Учет всех доходов и расходов вела аббатиса, которой помогали братья. О хозяйственных делах монастыря аббатиса регулярно давала отчет обоим конвентам. В качестве участника рынка Вадстенский монастырь выступал как единый субъект.

³⁰ “The men’s yard was not called the cloister (*monasterium*), but rather the presbytery (*curia*) and contemporary documents referred to the men not as monks (*monachi*) but as brethren (*fratres*) – Fritz. 2019: 138.

³¹ Ср.: Nyberg. 1991: 69–89; Lindquist Sandgren. 2021: 43–44.

³² См.: Höjer. 1905: 36.

³³ Haarländer. 2002: 55–69.

³⁴ Haarländer. 2002: 56.

Остается прокомментировать вышеупомянутые возражения современных медиевистов. Действительно, женская и мужская части монастыря были разделены внутренней стеной. Тем не менее, мужской и женский конвенты постоянно взаимодействовали. Совершались общие богослужения, проводились общие собрания. Братья читали сестрам проповеди, принимали исповедь. При аббатисе имелся совет из наиболее авторитетных братьев и сестер. Наряду с контактами, предусмотренными уставом, имело место неформальное общение.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о названии членов вадстенского мужского братства, затронутый в вышеупомянутой работе Б. Фритц. Действительно, вадстенские биргиттинцы, как правило, именовались братьями (*fratres*). Но, во-первых, это общее характерное название монахов средневековых орденов. Во-вторых, в свою очередь и монахини именовались сестрами – *sorores*; таким образом, термины, употреблявшиеся в отношении биргиттинцев и биргиттинок, однотипны. В-третьих, к вадстенским братьям применялся и термин *monachus*³⁵.

Что касается обозначения сообщества братьев – «курия», следует заметить, что этот коллектив также именуется «конвент», и нередко применительно к женской и мужской частям монастыря употребляется выражение «оба конвента».

Таким образом, нет оснований для того, чтобы отказываться от характеристики Вадстенского монастыря как двойного, женско-мужского. Степень интеграции женской и мужской частей монастыря была высокой; монастырь являлся единым целым.

БИРГИТТИНЦЫ: СОБЫТИЯ, КАЗУСЫ, СУДЬБЫ

Необычны судьбы некоторых биргиттинцев, о которых рассказано в Диарии. Так, о сестре Катарине Магнуздоттер мы узнаем, что она была турчанка; ее захватили в плен христиане, и в конце концов она стала монахиней³⁶. Члена братства – Андреаса Олави – взяли в плен сарацины, жестоко мучили и трижды продавали, пока его не выкупил за огромную сумму испанский епископ,

³⁵ См. следующий пример – запись 132 за 1405 год: *Item, de eodem: cum semel, postquam factus fuit monachus, infirmaretur...* (И вот еще о нем: после того, как он стал монахом, он однажды заболел...) – VD: 94.

³⁶ VD: 142.

сподвижник святой Биргитты и редактор ее откровений. Дальнейшая судьба Андреаса Олави описана так:

«После этого он вновь направился в Рим – на сей раз с господином Магнусом Петри – ради канонизации Святой Биргитты, и оставался в Риме до тех пор, пока папа не совершил торжественную канонизацию, как сказано выше. Тогда он возвратился в монастырь и до конца дней своих вел святую и похвальную жизнь. За шесть дней до его кончины дьявол подверг его многочисленным и разнообразным мучениям и искушениям. Два дня он был словно лишен рассудка, и тогда дьявол показал и перечислил ему все грехи, которые тот совершил с младых лет, и таким образом хотел довести его до отчаяния. Но он освободился от этого наваждения по милосердию Божьему и, наверное, благодаря заступничеству Его достойнейшей матери, а также святой Биргитты. И придя в себя, он истово и необычайно смиренно исповедовался во всех грехах, которые перечислил дьявол, несмотря на то что ранее, и в Риме, и на родине, и в здоровом состоянии, и в больном, исповедовался достаточно внимательно и благочестиво. И в день смерти, перед кончиной, он принял причастие и почил в мире»³⁷.

Эти, и многие другие записи в Вадстенском диарии содержат уникальные исторические казусы, дающие читателю представление не только о деятельности, но и о менталитете и психологии средневекового человека – в частности, средневекового монаха.

Вот судьба Юхана Петерссона – одного из первых членов общины. О ней рассказано в записи № 132. В миру он был вэпнаром (младшим рыцарем).

«Этот брат... первым начал строительство монастыря в усадьбе Вадстена (в то время пустой и брошенной жителями) по предписанию Блаженной Биргитты. И я сам слышал из его уст, что, когда указанный Юхан Петерссон находился в Риме с Блаженной Биргиттой, которая еще пребывала в мире сием, госпожа Биргитта сказала ему: “Мой дорогой Юхан, когда

³⁷ VD: 70.

ты вернешься в Швецию, отправься к Вадстенской усадьбе; построй дома – такие, какие нужно, и оставайся там до тех пор, пока я, по Божьему произволению, не прибуду к тебе. Ибо там надлежит построить монастырь”. Он возразил: “Госпожа моя, у меня ведь жена и дети; не могу я стать монахом». А она в ответ: «А ты и жену возьми с собой в Вадстену. А малюток твоих я возьму к себе и о них позабочусь. А ты направься к господину Николаусу, епископу Линчёпингскому; он даст тебе грамоту, которую выправит относительно того участка, и сам по моему поручению поможет тебе во всех делах”.

И вот этот Юхан Петерссон вернулся в Швецию и мужественно, ревностно начал строительство в Вадстене; и так строил в течение пяти лет. Ему помогал Тумас, епископ Векшенский; он и жил постоянно у него, покуда госпожа Катарина и все прочие не вернулись из Рима в Вадстену с мощами Блаженной Биргитты, которая к тому времени скончалась. Малютки его все до единого в скором времени умерли. И вот что он мне рассказал по секрету. Построил он несколько домишек и попросил жену и мать (которая все еще была жива), чтобы они пришли вместе с ним в Вадстену. Но те отказались и заявили, что в монастырь не пойдут. Тогда он вернулся и продолжил работу, которую начал. Около Рождества Господня он снова направился к ним и стал уговаривать, чтобы они последовали за ним. Те стали отказываться и отговариваться; тогда он чуть ли не впал в ярость и сказал так: “Отдайте мне половину детей на воспитание. Вы ведь хорошо знаете: то, что я обещал госпоже Биргитте, я не брошу и доведу до конца; и я дождусь ее возвращения”. Тогда мать сказала ему: “Дорогой мой сын, не гневайся! Мы готовы последовать за тобой, куда тебе угодно; но мы не спешили, потому что хотели испытать, насколько твердо твое намерение”».

Интересна судьба Петера Портного – также одного из первых членов обители (запись № 133):

«Он был человеком великого благочестия и воздержания. Никто никогда не видел, чтобы он сидел без дела; он то шил и чинил одежду братьев, то копал землю, работая в саду, то молился и прислуживал в церкви. И чем бы он ни был занят, всё время читал молитвы. Обет молчания и статьи устава он соблюдал в высшей степени тщательно; и часто с разрешения конфессора облачался во власяницу. Однажды он пришел в Рим (там в то время находилась Святая Биргитта, которая еще была жива) и собирался затем совершить паломничество в Святую Землю. И поскольку Святая Биргитта тогда нуждалась в деньгах, она попросила, чтобы он дал ей деньги, которые имел при себе, и вернулся в Швецию, чтобы там друзья Святой Биргитты возвратили ему долг. Он тотчас так и поступил, и возвратился в Швецию, и когда ему вернули долг, совершил задуманное паломничество в Святой Иерусалим. Однако он держал все это в тайне и никому не рассказывал о своем паломничестве, потому что не хотел, чтобы кто-то знал об этом его путешествии и о других его добрых делах».

ПОСЕТИТЕЛИ МОНАСТЫРЯ

Жизнь монахов и монахинь протекала в стенах обители. Но из Вадстенского диария мы узнаем и о контактах биргиттинцев с внешним миром. Это, например, общение с линчепингскими епископами, которые производили визитации, разясняли какие-то вопросы, выявляли нарушения. Вот запись об одной из визитаций:

«В тот же год³⁸, в день Святого Эгидия господин Канутус, епископ Линчепингский, вошел в конвент сестер, чтобы совершить визитацию; его сопровождали два члена капитула: господин Матиас, настоятель кафедрального собора, и Олавус Паули, каноник. Епископ задержался в зале капитула сестер почти на 9 часов; никогда он не выполнял подобные обязанности столь тщательно, как в этот раз. И относительно усовершенствований он создал грамоту, из которой мож-

³⁸ 1419.

но уяснить, о каких вопросах тогда шла речь. На следующий день он вошел в обитель братьев, где тоже произвел кое-какие усовершенствования»³⁹.

По предположению Т. Хейера, скрупулезность епископа могла быть вызвана тем, что месяцем раньше из монастыря сбежал брат *ab intra*, обокрав монастырь (о чем также есть запись в Диарии). Это вызвало скандал, поэтому епископ на сей раз проявил строгость⁴⁰.

Упомянутый акт визитации, датированный 1 сентября 1419 г. (тем же днем, что и запись в Вадстенском диарии) сохранился в оригинале и в списках. В акте указано, что в ходе визитации выявлены нарушения: аббатиса и монахини без разбора принимали от мирян подарки, в том числе женские украшения; миряне получали доступ в помещения монастыря, закрытые для посторонних; сестры беседовали с мирянами в недозволенные часы; за нарушения не наказывали одинаково строго; аббатиса не составляла вовремя отчет о доходах и расходах; дарения монастырю не исследовались на предмет того, каким образом имущество досталось дарителю; не соблюдалось равенство при раздаче порций за трапезой. Епископ предписывает строго блюсти устав в том, что касается перечисленных пунктов. Сестрам дается ряд указаний, в первую очередь такое: все грамоты, касающиеся важных дел, должны скрепляться печатью конвента исключительно с ведома и согласия всех сестер. Все замечания, сделанные сестрам, распространялись и на братьев. Кроме того, братьям было дано и особое указание: к числу так называемых «старших» – *seniores* следует относить не тех, кто старше по возрасту, но тех, кто превосходит других зрелостью нравов⁴¹.

Монастырь посещали короли, королевы, регенты; их визиты, зафиксированные на страницах Вадстенского диария, почти всегда представляют собой интересные исторические казусы. Вот описание одного из посещений королевы Маргреты I, правительницы Дании, Швеции и Норвегии:

«Далее... госпожа королева Маргарета, среди прочих дружеских бесед, под конец доверительно общилась братьям в их локутории⁴²: «Одной женщине

³⁹ См. SDHK 19346; *Höjer*. 1905: 324.

⁴⁰ *Höjer*. 1905: 323.

⁴¹ См.: SDHK 19346; Ср.: *Höjer*. 1905: 323–324.

⁴² Монастырское помещение, отведенное для бесед.

представлялось, что она в опасности, столь великой, что эта женщина уже не надеялась на какое-либо избавление, кроме смерти. Тогда некая достойнейшая дама, одетая в серое, пришла к отчаявшейся и сказала: “Возлюби вадстенских братьев, и избавишься от этой опасности!” Женщине стало лучше, и она вознесла благодарность Богу и Святой Биргитте». И госпожа королева прибавила: «Настанет время, и я открою вам имя этой женщины». Братья же, будучи опытны, поняли, что королева говорила о себе».

Во время следующего визита Маргрета была принята в биргиттинское братство, получив грамоту о причастности духовных заслуг монастыря:

«Далее, в вечер перед Рождеством Господним, госпожа королева Маргарета, о которой говорилось выше, прибыла в Вадстену, где оставалась со своей свитой до времени после октавы Благовещения⁴³ – из благочестия и для того, чтобы получить отпущение грехов. И в один из последних дней своего пребывания она смиренно попросила, чтобы монастырь выдал ей грамоту о принадлежности к братству, чтобы она являлась как бы сестрой и была причастна к духовным благам монастыря; и такую грамоту она получила⁴⁴. В последний же день своего пребывания в монастыре, собрав в локутории сначала сестер, затем братьев, благочестиво поцеловала каждому руку в знак того, что стала сестрой. Некий брат-мирянин, протягивая королеве руку, по обычаю прикрыл руку плащом перед тем, как прикоснулся к ее руке. “Ни в коем случае!” – восклик-

⁴³ 13 января.

⁴⁴ Грамота датирована 13 января 1404 г. и сохранилась в списке; она создана от имени аббатисы и генерал-конфессора. Содержание таково: Маргарету принимают в братство (*confraternitas*) и делают сопричастной благ, которые Бог посылает монастырю за его духовные заслуги; монастырь обещает молиться за упокой души королевы после ее смерти. См. SDHK 16217; SD 411. S. 13. Известны еще несколько подобных грамот, выданных монастырем мирянам и клирикам; эти документы различаются в объеме и в деталях, но содержат характерные общие моменты: такой-то или такая-то за заслуги перед монастырем принимается в братство и делается причастным (причастной) духовных заслуг монастыря; монахи и монахини обещают молиться за его (ее) душу после смерти. См.: SDHK 16448, 17619, 15692, 25524.

нула королева. “Поддай мне неприкрытую руку, ведь я теперь твоя сестра”»!

Не менее колоритны (и интересны с исторической точки зрения) описания визитов короля Карла Кнутссона. Вот отрывок из записи, где рассказано о том, как дочь короля Биргитта Карлсдоттер получила посвящение в монахини Вадстенского монастыря:

«...король Карл с короной на голове вошел в хоры братьев, и оставался там в течение всей церковной службы, облаченный в белую тунику и рясу. И когда настало время читать Евангелие, он сам произнес: *Dominus vobiscum*⁴⁵ и *Sequencia sancti evangelii secundum Iohannem*⁴⁶. Когда присутствующие ответили: *Gloria tibi Domine*⁴⁷, далее продолжил господин Николас, прочитав весь отрывок до конца».

Король Карл, таким образом, по случаю посвящения дочери в монахини не только был допущен в закрытую для посторонних часть монастыря, но и принял участие в литургии, на время уподобившись духовному лицу.

Вообще, казусы, связанные с посещениями Вадстенского монастыря, разнообразны и колоритны. Так, крестьянин Хемминг пришел, чтобы поделиться своими мнениями по неким духовным вопросам – и был признан еретиком:

«Хемминг, простой крестьянин, предъявил братьям у врат монастыря некие статьи, из которых одни заключали в себе преступления против веры, другие – против канонических установлений, третьи – против Устава Спасителя; и этот человек называл себя посланцем Пречистой Девы. Указанные статьи переписали и вручили епископу, чтобы он учинил разбирательство в отношении упомянутого Хемминга на предмет ереси. Епископ вызвал его к себе, предписав явиться в Линчепинг; когда тот прибыл, его обвинили в ереси и заключили в темницу. Там он постился и отрекся от всех статей, отказавшись от своих заблуждений и согласившись исполнить епитимию. Его епитимия заключалась

⁴⁵ «Господь с вами» (лат.).

⁴⁶ «Чтение святого Евангелия от Иоанна» (лат.).

⁴⁷ «Слава Тебе, Боже» (лат.).

в следующем: епископ, клир и весь народ совершили крестный ход вокруг церкви, а он шел вслед за ними, обнаженный до пояса, с вязанкой дров на спине и с зажженной свечой в руках, и во всеуслышание объявлял, что его следует приговорить к сожжению на костре, если он снова впадет в ересь. Такую же епитимию упомянутый Хенрик исполнил и в монастыре во время крестного хода, совершенного братьями, в воскресенье *Oculi*. А перед этим брат Магнус зачитал ему его статьи, и он отрекся от своей ереси».

Один из самых интересных посетителей монастыря – иностранец, магистр по имени Роберт, который, прибыв в Швецию, представлялся папским посланником: «Он был незадолго до того рукоположен папой в епископы, но столь тщательно это скрывал, что об этом никто не мог узнать; однако нескольким людям он об этом сообщил в доверительной беседе. Верховный понтифик послал его в Шотландию по важным делам, касающимся положения церкви. Но он так чтит Святую Биргитту, что сначала направился в Вадстенский монастырь, к ее мощам». Перед этим он посетил Линчёпингский кафедральный собор:

«Там он совершил много примечательных дел: прежде всего, разъяснил довольно трудное *questio* о Воплощении Господнем⁴⁸; затем истолковал Евангелие от Иоанна: “Вначале было Слово”. И настолько тонко и искусно все объяснил, что все, кто его слушал, признали: никогда им не доводилось слушать человека, рассуждавшего подобным образом и говорившего так мудро».

Мы не знаем, что именно магистр Роберт рассказывал линчёпингским клирикам. Но судя по темам (Воплощение Господне, Бог как логос) можно предположить, что на его рассуждения повлияли идеи неоплатонизма. Может быть, с этим и было связано впечатление, которое гость произвел на слушателей.

После этого Роберт устремился в Вадстену. «Затем он направился в Вадстенский монастырь, и когда прибыл в Шеннинге, снял обувь, и так, босиком, пошел пешком к монастырю, хотя равнина

⁴⁸ *Questio* (средневеков. лат.) – распространенная в Средние века форма ученого сочинения, где аргументы излагались в виде ответов на предполагаемые вопросы и возражения.

покрылась снегом, сугробы были по колено, и в тот день стоял такой мороз, какого не случалось за весь истекший год⁴⁹. Один из каноников, сопровождавших его из Линчёпинга, на коленях взмолился, чтобы он не губил себя. Тот весело ответил: “Отойди от меня, сатана!” И они направились дальше пешком, сбились с пути и ушли на добрую милю в сторону; но он не отказался от того, что начал, пока не достиг монастыря».

В Вадстене гость поведал о видении, которое его посетило:

«В числе прочего он рассказал о чуде, которое Бог сотворил с ним благодаря заслугам Святой Биргитты. Это произошло так: в день Святого Климента он находился в море между Пруссией и Швецией, и поднялась такая буря, что все уже не чаяли остаться в живых. И несколько раз купцы уже собирались выбросить товары за борт. Но магистр Робертус убедил их не делать этого, и сказал так: “Будем, братья, уповать на помощь Святой Биргитты и дадим ей обет, что совершим паломничество к ее мощам, как только достигнем шведской гавани”.

Все дали такой обет; сам же он пребывал как бы не во сне и не наяву; у него словно захватило дух, и он узрел, что находится в некоей часовне, где священник служит мессе у главного алтаря. И он увидел справа от алтаря женщину, облаченную во вдовый наряд: в черном плаще, серой тунике и белом платке; а сзади нее стояли братья и сестры и молились. Он тоже взял в руки зажженную свечу, приблизился к алтарю, поднявшись по нескольким ступеням, поставил свечу в углу алтаря и удалился. Тотчас же он пришел в сознание и увидел, что буря утихла. И он восхвалил Бога и славную невесту Его, ибо Бог соизволил содейть все это ради нее. В конце концов он прибыл в Вадстену, вошел в часовню, и оказалось, что эта часовня имеет тот же вид, что и та, которую он узрел в море. И так он еще более убедился в достоверности своего видения и в том, что заслуги Святой Биргитты спасли его от гибели».

⁴⁹ Расстояние между Шеннинге и Вадстеной составляет примерно 15 км.

У визита магистра Роберта была деловая сторона; о ней тоже имеется сообщение в Диарии:

«...он явился в локуторий братьев и рассказал конфессору и братьям о том, что с ним произошло, о цели своего путешествия, о том, как он чтит Святую Биргитту, о том, какие милости господин папа вновь оказал Ордену Святого Спасителя, и о положении дел в римской курии».

Эти сведения подтверждаются документально. 1 февраля 1406 г. Роберт в присутствии свидетелей (двух клириков – пробста и приходского настоятеля, а также бургомистров и бюргеров Вадстены⁵⁰) объявил, что папа Иннокентий VII утвердил все прежние привилегии Биргиттинского ордена, а также новые. Об этом со слов Роберта был составлен акт нотарием Лаврентиусом Финвиди, клириком Линчёпингского диоцеза. Роберт именуется себя епископом, лицензиатом теологии, секретарем и легатом Иннокентия VII⁵¹.

СМЕРТЬ И БОЛЕЗНИ

Одна из актуальных тем современной медиевистики – смерть и отношение к ней в Средние века. В этой связи представляют интерес сведения о вадстенских братьях и сестрах.

Диарий в целом рисует биргиттинцев как людей доброжелательных, обходительных и деятельных. Но смерть для них – главный момент, кульминация; земная жизнь – приготовление к уходу в иной мир. Показательна запись о сестре Ингеборг Хартлевсдоттер:

«Трижды после поступления в монастырь имела она видения, в которых звучал призыв: “Приготовься, ибо близится твой смертный час”! После этого она усердно, непрестанно и горячо молилась. И хотя она и раньше набожно молилась, теперь она стала молиться еще более истово и смиренно, желая в смертный час причаститься Тела Господня; и эту ее просьбу милосердный Бог исполнил. Ибо всю ночь она лежала словно в смертных муках. И сестры вновь и вновь влагали в ее руки зажженную свечу, и снова и снова полагали,

⁵⁰ Торгово-ремесленное поселение Вадстена, обязанное своим возникновением монастырю, в начале XV века времени получило статус торгового города.

⁵¹ См. SDHK 16645.

что она уже умерла. Но когда зазвонили к утрени, она ненадолго вернулась к жизни и сказала сестрам: “Не бойтесь: я не умру, покуда не причащусь тела Господа моего Иисуса Христа”. И вот, когда братья начали утренью, вошел конфессор, чтобы причастить ее Тела Господня. И так, во время утрени сестер, украшенная множеством добродетелей, она, как мы свято верим, вошла в небесный храм и усопла в Господе, и в тот же день была похоронена».

Брат Лаврентиус Боэции, до того, как стал биргиттинцем, являлся настоятелем приходской церкви.

«Но воспылав божественным жаром, он бросил всё и вступил в орден. А перед смертью, в течение более чем полугода, он трудился, будучи тяжело больным: у него был жар и кашель. И вот настал его смертный час; за несколько дней до того он своим совершенно высохшим телом принял причастие. И покинув сей жалкий мир, он счастливо отошел к Господу, который, как мы свято верим, удостоит его вечного венца».

Брат Ако, епископ Вестеросский и монах биргиттинского ордена, приезжает из Вестероса в Вадстену, чтобы окончить дни.

«Почувствовав, что близится смерть, он смиренно попросил, чтобы его внесли в монастырь, и там несколько дней терпел смертные муки. Приняв таинства от генерал-конфессора, облаченный в рясу с капюшоном, он лежал на соломенном тюфяке на полу монастырской больницы; в пятнадцатые календы мая, то есть во вторник вслед за вторым воскресеньем после Пасхи, он почил в Господе».

Нередко в связи с записями о смерти упомянуты болезни, от которых умирают вадстенские братья и сестры. Чума 1495 г., о которой рассказано в Диарии, унесла жизни биргиттинцев – членов Вадстенской обители: брата Хенрика Магнуссона и четырех сестер – Биргитты Юхансдоттер, Анны Хенриксдоттер, Маргареты Оттадоттер и Рагнильд Уннесдоттер. Об этом упомянуто в записях № 916–930. Из других заразных заболеваний неоднократно упомянута проказа. Кристина Рёриксдоттер (запись 138 за 1406 г.) на шестом году жизни в монастыре заразилась проказой, болезнь продолжа-

лась около четырех лет; в Диарии сказано, что Кристина мужественно переносила недуг. О сестре Рамборгис Андриسدоттер написано, что она несколько лет болела проказой, жила отдельно. Долгое время была поражена проказой сестра Марина (запись № 346); сестру Биргитту Клаусдоттер (запись № 943) постигла какая-то разновидность проказы.

Упомянут случай чахотки (сестра Ингеборг Юхансдоттер, запись 291). С вирусными инфекциями, очевидно, связаны неоднократно упомянутые в Диарии симптомы жара и кашля и лихорадки. Так, в записи 111 (1401 г.) сообщается, что сестра Кристина Брюнгольфсдоттер целый год страдала от жесточайшей лихорадки. У брата Андреаса Людекини в течение последних трех лет жизни была лихорадка (запись 186, 1410 г.). Из прочих болезней и симптомов упоминается хроническая головная боль; сообщается о болезнях ног (записи 198, 442, 707). Несколько раз упомянут паралич (записи 132, 329, 356, 580). В одной записи (794) сказано, что брат два года был прикован к постели вследствие апоплексического удара. Из прочих болезней названы потеря зрения (292, 851, 1026), перелом ноги (292), эпилепсия (1032).

Иногда биргиттинцы умирают после продолжительной болезни, иногда – скоропостижно. Порой смерть наступает вследствие несчастного случая, особенно при падении во время работ на крыше или под потолком. Из ряда записей следует, что вадстенские братья нередко заболели в связи с поездками в Финляндию, Норвегию, Данию, Италию, Англию, Эстонию, а также в связи с дальними путешествиями по Швеции; указанное относится и к монахам зарубежных биргиттинских монастырей, посещавшим Вадстенскую обитель. Очевидно, сказывались физические и психологические нагрузки, перемена места и климата.

СРОК ЖИЗНИ – ФИЗИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ

Вадстенский диарий содержит, в числе прочего, ценные данные (точные и приблизительные, прямые и косвенные) относительно продолжительности жизни членов братства, а также мирян – паломников и благодетелей. В некоторых случаях указана точная или приблизительная продолжительность жизни. Основательница ордена Святая Биргитта умерла в 68 или 69 лет (запись 30; нумерация записей здесь и далее дана по изданию К. Гейрота). Долгожительницей являлась сестра Рамборг – она прожила 110 лет. Диарий под-

черкивает, что она оставалась в ясном сознании до самой смерти (запись 111 за 1401 год). Юхан Петерссон (запись 132, год 1405) прожил почти 90 лет. За 8 лет до смерти он был парализован. Упомянутый Юхан Петерссон в миру был вэпнаром (категория младшего рыцарства), а затем стал одним из строителей монастыря и первых членов биргиттинского братства. Столько же – 90 или почти 90 лет жил рыцарь Карл Тофтский, один из ведущих шведских магнатов конца XIV – начала XV в (запись 154, год 1407). Долго жил брат Иоханнес: он умер в 84 года, прослужив 41 год на должности диакона (запись 562). Такой же срок прожил брат Эрикус Иоханнис, он умер на 85 году жизни (запись 577).

О некоторых людях приведены приблизительные сведения: «умер в преклонных летах», «умер в глубокой старости»:

Запись	Год	Имя, должность	Сведения о возрасте, в котором умер
48	389	Гудмарус Фредерици, пре-свитер	Почил, достигнув преклонного возраста

102	399	Бундо, настоятель приходской церкви	Умер в преклонных годах
117	402	Катарина Челларсдоттер, сестра	Умерла, достигнув старческого возраста
127	404	Кристина Тюста («Молчаливая»), сестра <i>ab extra</i>	Женщина добродетельной жизни и преклонных лет
136	405	Маргарета, сестра <i>ab extra</i>	Умерла в глубокой старости
175	409	Грета, сестра, одна из первых монахинь ордена, вдова Бенгта-стекольщика, брата-мирянина <i>ab intra</i>	Умерла в преклонных годах
283	417	Грегориус, брат <i>ab intra</i> , пресвитер, вел аскетический образ жизни	Умер, утомленный старостью
455	436	Каролус, брат <i>ab intra</i> , диакон	Муж чистосердечный и престарелый
584	448	Стафан Ларссон, брат-мирянин <i>ab intra</i>	Одряхлев, оставил должность ризничего, на которой находился много лет, и помогал на кухне
934	498	Брат Канутус	Умер, утомленный старостью
943	500	Элисабет Альбректсдоттер	Долго болела, но умерла в глубокой старости

Из Вадстенского диария мы кое-что узнаём о судьбе, характере и эмоциональных состояниях некоторых из этих стариков. О Гудмарусе Фредерици (в миру – Гудмаре Фредрикссоне) сказано:

«Он был капелланом святой Биргитты и сопровождал ее в паломничестве из Рима в Святую Землю; он являлся одним из тех, кто перенес останки Святой Биргитты вместе со всем прочим из Рима в Вадстену. Он был пламенным проповедником; почил в мире, достигнув преклонного возраста».

О сестре Катарине Челларсдоттер говорится следующее:

«Также, на следующий день после октавы праздника Зачатия Блаженной Девы, умерла сестра Катарина Челларсдоттер, достигнув к тому времени старче-

ского возраста. Она была простой, праведной и богобоязненной женщиной⁵². И, подобно тому, как пишут о Святом Мартине, никто никогда не видел, чтобы эта монахиня сердилась или ругалась; а если над кем-то подшучивала, никто не принимал это всерьез»⁵³.

О брате Юхане Петерссоне в числе прочего говорится:

«после того, как он стал монахом, он однажды заболел, и его посетил господин Иоханнес Прест, который тогда был вице-конфессором. Они немного поговорили, и среди прочего больной сказал: “Господин, каждый день, прежде чем отойти ко сну, я проливаю слезы”. Один человек, стоявший рядом, сказал: “Это чудо: он может проливать слезы непрерывно. А вот я, увы, совсем не способен плакать”. “Да, уж таким он уродился, – ответил вице-конфессор, – его совсем трудно растрогать до слез”».

И еще о нескольких братьях и сестрах сказано, что они умерли, утомленные старостью. Это сестра Маргарета Юхансдоттер, кухарка (запись 991), брат Эрикус Иоханнис (запись 994), сестра Хелена Ларсдоттер, кухарка (запись 1003). Мать и отчим Ингеборг, сестры *ab extra*, почили в глубокой старости; о самой Ингеборг сообщается, что она 30 лет жила в святом вдовстве (запись 130).

В преклонном возрасте умирали и многие, о которых сказано, что они принадлежали к числу первых, кто вступил в орден – то есть вступил в общину *de facto* вскоре после смерти Биргитты или даже при ее жизни, либо был одним из первых, кто официально вступил в освященную обитель (с середины 1380-х). К ним относятся, например, сестра Катарина из области Халланд (в то время находившейся под властью Дании). Катарина была одной из первых сестер ордена; о ней также говорится, что она 60 лет жила в святом вдовстве (запись 109, год 1400). Ее тетка, Катарина Брюнхольфсдоттер, была женой и помощницей Юхана Петерссона, уже

⁵² *Mulier simplex et recta et timens Deum*. Аллюзия на библейский стих (Иов 1,1): *Et erat vir ille simplex et rectus ac timens Deum* (указано К. Гейротом; см. VD S. 82). Ср. русский синодальный перевод: «и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен».

⁵³ В житии Святого Мартина говорится: «Никто никогда не видел, чтобы он гневался, чтобы он печалился или чтобы он смеялся». См. комментарий К. Гейрота, VD: 82.

упомянутого нами долгожителя – строителя первых монастырских зданий, и принадлежала к числу первых сестер Вадстенского монастыря. Причиной смерти явилась жесточайшая лихорадка, от которой Катарина Брюньольфстдоттер страдала целый год (запись 111, год 1401). Вот еще примеры сведений о братьях и сестрах, принадлежавших к числу первых:

Запись	Год	Имя, должность	Сведения о вступлении в орден
133	1405	Петер Портной, брат-мирянин	Один из первых братьев-мирян
261	1416	Брат Стеркарус, пресвитер	Один из первых, кто вступил в орден
292	1418	Маргарета Карлсдоттер, сестра	Одна из первых
324	1421	Катарина Герексдоттер, сестра	Одна из первых
340	1422	Агнес, сестра, родом из Норвегии	Одна из первых
362	1425	Рагнильд Лаурентии, сестра <i>ab intra</i>	Одна из первых
366	1426	Ингегерд Магнусдоттер, сестра <i>ab intra</i>	Одна из первых
367	1426	Сигрид Бусдоттер, сестра <i>ab intra</i>	Одна из первых

К той же категории – первые члены ордена – относятся несколько сестер и братьев, умерших в конце 1420-х гг. или еще позже. Гертруда Андерсдоттер, сестра *ab intra*, скончалась в 1427 г. (запись 371); том же году умер брат-пресвитер Мартинус (запись 381). В 1428 г. умерли еще несколько сестер из числа первых: Ингеборг Ларсдоттер, сестра *ab intra* (запись 383), Ингеборг, сестра *ab extra* (запись 388), Рагна Юхансдоттер, сестра *ab intra* (запись 390). В 1429 г. скончалась Йирид, сестра *ab intra* (запись 397).

Некоторые из первых членов ордена умерли еще позже. В 1430 г. умерла сестра по имени Хельга (запись 407). В 1431 г. скончалась сестра Маргарета Иоансдоттер по прозвищу Вальска. Она была родом из Италии и прибыла в Вадстену в 1374 г., когда были доставлены из Рима мощи Святой Биргитты (см. запись 424). К первым членам Вадстенского монастыря и биргиттинского ордена относились сестры Маргарета Педерсдоттер (год смерти 1438, запись 481) и Гертруда Бенктсдоттер (1439, запись 484). В 1443 г.

умерла Ботильд Магнусдоттер. О ней Вадстенский диарий сообщает следующее:

«Она была одной из первых сестер, вступивших в этот орден, и являлась набожной девой; это следует из того, что она постоянно усмиряла свою плоть розгами. И хотя из-за старости и болезни не могла читать, все же стремилась читать и ходить в церковь» (запись 536).

Еще одна сестра, Катарина Педерсдоттер, также принадлежала к числу первых; она провела в Вадстенском монастыре 65 лет и умерла в 1450 г.

Вообще, Вадстенский диарий нередко акцентирует тот факт, что сестра такая-то долго жила во вдовстве. Это отчасти связано с тем, что сама Биргитта являлась вдовой (обстоятельство, которое подчеркнуто в житиях, хрониках и проповедях, посвященных Святой Биргитте⁵⁴). К таким сестрам относится сестра Катарина из Сёдерчёпинга (запись 72); она была одной из первых, кто вступил в орден и 20 лет жила во вдовстве. Абатиса Маргарета Будоттер умерла в 1397 г. (запись 92); она долго пребывала в святом вдовстве (*diu in sancta viduitate vixerat*). И об умершей в 1394 г. сестре Брюнильд, родом из Норвегии (запись 81), мы узнаём, что она долго жила во вдовстве (*diu in viduitate steterat*). Сестра *ab extra* по имени Доттер прожила более 20 лет в святом вдовстве после смерти мужа, который в свою очередь долгое время являлся братом *ab extra* (запись 197).

В записях, сделанных примерно в 1450-е – 1470-е гг. мы встречаем особую категорию сестер: «одна из старейших» – *una de senioribus*. Слово *senior* в средневековом латинском языке могло указывать как на возраст, так и на статус в коллективе или социуме, и нередко значения взаимосвязаны: старший по возрасту был и старшим по положению. Как можно убедиться, речь идет о втором поколении сестер – тех, кто вступил в общину в первой трети XV в.:

Запись	Год	Имя, должность	Принадлежность к поколению сестер	Год вступления в общину
764	1465	Эльсебю Ханнесдот-	Одна из старейших	1408-?

⁵⁴ В частности, в проповеди папы на канонизации Биргитты. Темой проповеди явился библейский стих *Viduat eius benedicens benedicam...* «Вдову его благословляя благословлю...» (лат.). См. в частности: *Vita abbreviata*. 1553: [5]; *Borgehammar*. 1993: 304–305; 310.

		тер, сестра	сестер	
767	1465	Анна Бюлов, сестра	Одна из сестер, которых можно причислить к старейшим (<i>una quasi de senioribus sororibus</i>)	1418
769	1465	Сесилия Педерсдоттер	Одна из старейших сестер	1412
802	1470	Ингеборг Асгерсдоттер, сестра	Одна из старейших	1416
803	1470	Маргарета Арвидсдоттер, сестра Вадстенского монастыря, несколько лет являлась аббатисой монастыря Нодендаль	Одна из старейших	1423
825	1476	Ингрид Олафсдоттер, сестра	Одна из старейших	1426

Положение старших сестер, повторим, было почетным; старшие сестры, в частности, входили в совет при аббатисе. Однако старость могла в определенных случаях являться помехой: в преклонном возрасте аббатисы и генерал-конфессоры слагали с себя полномочия. Старость могла рассматриваться как нежелательное обстоятельство при избрании на должность аббатисы. Вот запись за 1456 г.:

«Также, в субботу перед праздником Святого Михаила была вновь предпринята попытка произвести выборы аббатисы. И в аббатисы была избрана сестра Катарина Ульфсдоттер, одна из старейших. Но хотя все было исполнено по правилам, конфессор не пожелал одобрить избрание новой аббатисы: она, мол, слишком старая, и так далее»⁵⁵.

Подобное деление на старших и младших *de facto* существовало и в мужской части вадстенской общины. Молодому генерал-

⁵⁵ См.: *Gejrot*. 1996: 288.

конфессору Иоханнесу Боркварди, энтузиасту и талантливому проповеднику, пришлось уйти с должности.

Подробности событий таковы. Через несколько месяцев после избрания в генерал-конфессоры (и вскоре после утверждения в должности), 23 января 1444 г. Иоханнес Боркварди выступил перед аббатисой и конвентом сестер и призвал ревностно блюсти устав и жить в соответствии с монашескими обетами; письмо с таким же содержанием он направил в Финляндию, в монастырь Нодендаль. Спустя некоторое время, 19 мая 1444 г. Иоханнес Боркварди добровольно сложил полномочия. Причины неизвестны, но можно предположить, что он подвергся критике в связи с вышеупомянутой проповедью и письмом; также возможно, что ему завидовали как талантливому и эрудированному проповеднику. За ним сохранили место прелата (здесь: одного из наиболее авторитетных членов ордена), но подвергшись нападкам со стороны одного из братьев, он оставил и эту должность⁵⁶.

Не все обитатели Вадстенского монастыря жили долго. В среднем возрасте – 34 года – умерла сестра Маргарета Ларсдоттер (в миру аристократка из рода Пуке), а также брат Каролуос Андреэ (умер в 45 лет). Несколько человек, упомянутых в диарии, умерли молодыми. Это сестра Биргитта Карлсдоттер (дочь короля Карла Кнутссона), брат-мирянин Магнус и похороненный в Вадстене рыцарь Томас ван Витцен, о котором в диарии написано, что он был «совсем еще юноша».

Так или иначе, в Вадстенском диарии немало упоминаний о членах ордена, которые умерли примерно на 50 году монастырской жизни или позже. Относительно этих членов общины можно с уверенностью заключить, что они дожили до старости. Это относится, например, к Каролуосу, брату-диакону, который умер на 50 году монастырской жизни и таким образом прожил не менее 74 лет. Сестра Маргарета Йенисдоттер умерла на 53 году пребывания в монастыре, Эстрид Гуннарсдоттер – на 52; следовательно, первая из них прожила не менее 70 лет, вторая – не менее 69. Брат Эрикус Иоханнис состоял в ордене более 57 лет, из них 23 – на должности генерал-конфессора. Сестра Бенгта Гуннарсдоттер, аббатиса, провела в монастыре более 65 лет, сестра Кристина Гуннарсдоттер – 61, сестра Рагнильд Гертсдоттер – 68, Кристина Карлсдоттер Браск – 66, Анна Фикесдоттер Бюлов – 55. Эти и многие другие братья и сестры умерли в пожилом возрасте или даже в глубокой старости.

⁵⁶ См.: *Silfverstolpe*. 1898: 85–86; *Höjer*. 1905: 312–313.

Сколько жил член Вадстенской обители в среднем? В отношении большинства вадстенских братьев и сестер точный подсчет невозможен, поскольку отсутствуют сведения о дате рождения. Все же имеются сестры и братья, точный или хотя бы приблизительный возраст которых известен из Вадстенского диария или из других источников. Вот данные о сестрах *ab intra*:

Имя, должность	Дата рождения	Дата поступления в монастырь	Дата смерти	Продолжительность жизни (точно или приблизительно)
Катарина Ульфсдоттер, аббатиса, дочь Св. Биргитты	1331 или 1332		1381	50
Ингегерд Кнутсдоттер, аббатиса		1374, в возрасте 18 лет		56
Йердека Хартлефсдоттер, аббатиса			22.01.1438	67
Ингеборг Гертсдоттер, аббатиса		1408 в возрасте 11 лет	14.10.1465	68
Рамборг Брудесдоттер, сестра			05.09.1401	110
Биргитта Карлсдоттер, сестра			14.04.1469	20
В среднем, приблизительно				62

Аналогичные данные имеются и в отношении некоторых братьев *ab intra*:

Имя, должность	Дата рождения	Дата поступления в монастырь	Дата смерти	Продолжительность жизни (точно или приблизительно)
Эрикус Иоханнис, генерал-кон-			11.11.1447	85

фессор				
Иоханнес Иоханнис, генерал-кон- фессор	1429		27.01.1482	53
Гудмарус Фредерици, брат			09.02.1389	42
Финвидус Симонис, брат ab intra	начало 1350-х		28.03.1424	73
Николаус, брат ab intra			26.07.1409	89
Мартинус Лаврентии, брат ab intra	начало 1340-х (S.S. 106)		29.08.1427	87
Иоханнес Петри, брат			18.09.1405	90
Иоханнес Иоханнис, брат-пресви- тер			29.03.1446	84
Каролюс Ан- дрез			18.06.1414	44
Каролюс Ан- дрез (млад- ший)	1390		начало ап- реля 1451	60
Андреас Кризманны, брат			14.07.1487	52
В среднем				69

Мы можем, таким образом, констатировать, что монахи и монахини Вадстенского монастыря жили достаточно долго. Их продолжительность жизни вполне сопоставима с продолжительностью жизни современного человека.

КОНТАКТЫ С ВНЕШНИМ МИРОМ

Интерес представляют и сведения о контактах монастыря с внешним миром, приведенные в Диарии. Они в значительной степени связаны с историей ордена, с основанием биргиттинских монастырей и связями между ними. Многократно упоминается Рим – в связи с паломничествами Святой Биргитты и ее последователей, а также в связи с поездками биргиттинцев в Римскую курию по делам монастыря и ордена⁵⁷. Флоренция упомянута несколько раз – в связи со строительством биргиттинской обители Парадизо и ее деятельностью⁵⁸. Ревель (Таллин) назван в тех записях, где рассказано об основании монастыря Мариенталь и о контактах Вадстенской обители с указанным монастырем⁵⁹. Многочисленны записи о Финляндии (в то время части Шведского королевства), в особенности, когда речь идет о биргиттинской обители Нодендаль. Имеются и упоминания об Англии – в контексте духовных связей Вадстенского монастыря и обители Сайэн-Эбби, а также в связи с политико-династическими связями Англии и союзной шведско-датско-норвежской монархии под властью Маргреты и Эрика Померанского. Часты упоминания о скандинавских странах – соседях Швеции. Так, среди братьев и сестер Вадстенской обители имелось немало уроженцев Дании и Норвегии⁶⁰.

В Диарии многочисленны сведения о городах и местностях Швеции. Стокгольм многократно упомянут в связи с внутренними и внешними войнами и другими политическими событиями. Кроме того, о Стокгольме и других городах сообщается в записях о пожарах и других бедствиях. Не в последнюю очередь города упоминаются в связи с состоявшимися там съездами господ – херредагами.

Нередки на страницах диария сообщения о городах – центрах диоцезов: Вестеросе, Скаре, Векше, Або. Многие из этих сообщений содержат сведения о прибытии епископов в Вадстену по тор-

⁵⁷ См. записи 3, 30–31, 43, 48, 50–51, и далее по тексту.

⁵⁸ См., например, записи 82, 88, 131–132, 143.

⁵⁹ См., например, записи 149, 151.

⁶⁰ Следует вместе с тем отметить, что упоминания некоторых стран, краев и городов, напротив, немногочисленны. Один раз упомянут Париж: оттуда вадстенским биргиттинцам были доставлены труды по истории, богословию, латинскому языку. Присутствует одно упоминание о Шотландии: туда направлялся магистр Роберт, папский легат и почитатель Биргитты, посетивший Вадстенский монастырь. Единжды упомянута Прага: в ее университете учился брат Иоанн Кароли. В Вадстенском диарии нет сведений о Руси; такое нечасто встречается в шведских нарративных памятниках. Во многих хрониках и анналах Швеции присутствуют сведения о походах на Русь, о конфликтах, спорах, переговорах и соглашениях.

жественным случаям. Некоторые из епископов и сами были биргиттинцами – монахами Вадстенской обители. Из центров диоцезов особенно часто упоминается Линчёпинг; с епископами и капитулами линчёпингского диоцеза у Вадстенского монастыря имелись контакты на протяжении всей истории Вадстенской обители.

В целом Вадстенский диарий богат сведениями о контактах Вадстенского монастыря с различными городами и местностями Эстерьётланда – провинции, на территории которой расположена обитель. Среди прочего, это сведения о контактах с ближайшими соседями монастыря: городами Вадстеной и Шеннинге, а также с ближними церковными приходами и близлежащими земельными владениями.

ИТОГИ

Мы рассмотрели множество записей Вадстенского диария, из которых некоторые являются особо содержательными и ценными, другие – типичными для данного памятника. На приведенных примерах можно убедиться, что указанный источник в тематическом отношении многофункционален: он служит поминальной книгой и одновременно монастырской хроникой, включает в себя сведения по истории Церкви и по политической истории Швеции (в некоторых случаях систематизированные, образующие цельное повествование), а также содержит весьма примечательные вставные тексты, различные по жанру. Нами изучены записи, содержащие сведения о здоровье, болезнях, продолжительности жизни братьев и сестер Вадстенского монастыря; в частности, мы показали, что биргиттинцы жили достаточно долго, их продолжительность жизни примерно такая же, что и у современных людей. Уделив особое внимание вопросу о типологии Вадстенского монастыря, мы привели аргументы в пользу того, что не следует отказываться от традиционного определения Вадстенского монастыря как смешанного, женско-мужского. В целом проведенное нами исследование Вадстенского диария демонстрирует перспективность сравнительного изучения нарративных источников различных регионов Европы, показывает, насколько богаты могут быть ресурсы подобных памятников.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Щеглов А.Д. (Пер., предисл, примеч.)* Вадстенский диарий: Хроника монахов-биргиттинцев. М., 2023.
- Щеглов А.Д. (Пер., предисл, примеч.)* Вадстенский диарий: Хроника монахов-биргиттинцев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2024.
- Олаус Петри* Шведская хроника / Перевод, послесловие, комментарии А.Д. Щеглова. М., 2012.
- Benzelius E. (Ed.)* Diarium Vazstenense ab ipsis initiis monasterii ad ejusdem destructionem. Uppsala, 1721.
- Fant E.M. (Ed.)* *Scriptores rerum svecicarum medii aevi*, Uppsala, 1818. Vol. I.
- Gejrot C. (Ed.)* Diarium Vadstenense: The memorial book of Vadstena Abbey. A critical edition with an introduction. Stockholm, 1988.
- Holloway J.B. (Ed.)* Saint Bride and her book. Cambridge, 2000.
- Lundberg A.W. (Utg.)* Vadstena klostres minnesbok. Stockholm, 1918.
- Olaus Petri* Samlade skrifter. Uppsala, 1917. Bd. IV.
- Vadstenadiariet. Latinsk text med översättning och kommentar / Utg. C. Gejrot. Stockholm, 1996.
- Vita abbreviata praedilectae sponsae Christi Birgittae de Regno Sueciae / [Ed. Olaus Magnus]. Roma, 1553.

ЛИТЕРАТУРА

- Andersson-Schmitt M., Hedlund M.* Mittelalterliche Handschriften der Universitätsbibliothek Uppsala. Katalog über die C-Sammlung. Uppsala, 1989.
- Borgehammar S.* Birgittabilden i liturgin // Heliga Birgitta: Budskapet och förebilden. Stockholm, 1993.
- Brilioth Y.* Predikans historia. Lund, 1945.
- Cnatingius H.* Studies in the Order of St. Bridget of Sweden. Uppsala, 1963.
- Fredriksson A.* Vadstena klostres bibliotek: en analys av förvärv och bestånd. Uppsala, 1997.
- Fritz B.* The history and spiritual life of Vadstena Abbey // A Companion to Birgitta of Sweden and her legacy in the Later Middle Ages / Ed. M.H. Oen. Leiden, Boston, 2019. P. 132–133.
- Gejrot C.* Diarium Vadstenense: A late medieval memorial book and political chronicle // Collegium: Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Helsinki, 2015. P. 132.
- Haarländer S.* „Schlangen unter den Fischen“. Männliche und weibliche Religiösen in Doppelklöstern des hohen Mittelalters // Frauen und Kirche / Hrsg. S. Schmitt. Stuttgart, 2002. S. 55–69.
- Höjer T.* Studier i Vadstena klostres och birgittinordens historia intill mitten af 1400-talet. Uppsala, 1905.
- Klockars B.* I Nädens dal. Klosterfolk och andra c. 1440–1590. Helsingfors, 1979; Studies in St. Birgitta and the Birgittine Order. Salzburg, 1993.
- Lindqvist Sandgren E.* Birgittinerna och deras bilder. Uppsala, 2021.

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

Доминик Олариу

ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ*

DOI 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-10

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, как возник портрет в средневековой Европе. Вразрез с распространенной точкой зрения, согласно которой первые индивидуализированные изображения появляются не раньше XV в., Доминик Олариу датирует их рождение XIII в. Автор статьи утверждает, что в создании реалистичных изображений человека существенную роль сыграла не прерывавшаяся со времен Античности традиция изготовления посмертных масок, а также ритуал бальзамирования трупов и выставления их напоказ для публичного обозрения. Как показывает Олариу, благодаря этим практикам устанавливались параллели между выставленным напоказ телом усопшего и изображением его внешней телесной оболочки, в том числе надгробной скульптурой. Все эти процессы способствовали появлению жизнеподобных портретов.

Ключевые слова: посмертные маски, бальзамирование трупов, похоронные церемонии, зарождение средневекового портрета.

Согласно Иоганну Вольфгангу фон Гёте, портрет обладает совершенно необъяснимой притягательной силой для зрителя. Обычно он остаётся в нашей памяти главным образом как прекрасное произведение искусства, пленяющее нас, прежде всего, встречей с Другим, запечатленной в изображении, магия которого остаётся безграничной для нашего разума. Однако реалистичные изображения индивидов не всегда оказывали такое же воздействие. Когда они возродились в позднее Средневековье, то поначалу в них пропали другие качества¹.

* Это эссе представляет собой расширенную версию моей статьи «Körper, die sie hatten – Leiber, die sie waren. Totenmaske und mittelalterliche Grabskulptur», опубликованной в кн.: *Quel corps? Eine Frage der Repräsentation* / Hg. Hans Belting, Dietmar Kamper, Martin Schulz. München, 2002. S. 85–104.

¹ О средневековом портрете см.: *Castelnuovo*.1993; *Büchsel, Schmidt*. 2003; *Büchsel*. 2003; *Groebner*. 2007; *Maines*. 2007; *Little, Sauerländer*. 2006; *Paravicini*

Как известно, античность придерживалась миметического принципа изображения человека, который мы обнаруживаем не только в поэзии, но и в трудах историков². О возрождении этой традиции в Средние века мы можем говорить с гораздо меньшей определенностью: считается, что в этот период ее не было, но, как здесь будет показано, она бытовала уже с XIII в. Я сосредоточу свое внимание на индивидуальном, основанном на принципе сходства, узнаваемом по чертам лица изображении человека, часто называемом портретом. Однако в дальнейшем я буду осознанно избегать использования этого термина, поскольку в настоящее время не существует точного и единообразного определения понятия «портрет». Для того, чтобы определить, что такое портрет, привлекают различные и часто противоречивые критерии – такие, как формат (например, только бюст) или средство выражения (только графические искусства)³.

Bagliani. 2007; Perkinson. 2009; Olariu. 2009; Turel. 2011: 163–182; Gaier, Kohl, Saviello. 2012; Olariu. 2014; Belting. 2017; Gaucher-Rémond. 2016.

² Мифы, в которых мы имеем дело с принципом сходства, например, миф о Нарциссе, говорят сами за себя (*Овидий*. Метаморфозы. Кн. III, ст. 339 ff; *Филострат Старший*. Картины. Кн. 1. Гл. 23). См. также, напр.: *Ювенал*. Сатиры. Кн. III. Гл. VIII, ст. 1–40. Об античных источниках и литературе об античном портрете см. статью Кристи Бельтинг-Им: *Belting-Ihm. 1996: 995-1016*; Об истории римского портрета см. также: *Von Heintze. 1974.*

³ Тщательные формулировки основаны на признании того факта, что точные определения всеобщего понятия «портрет» очень изменчивы. Немецкое слово «Bildnis» (портрет) также имеет неопределенное значение. См. следующие дефиниции: *Meyers enzyklopädisches Lexikon* (S. 126): «Портрет – бюст, лицевое изображение человека (Brustbild, Gesichtsbild eines Menschen)»; *Brockhaus*. S. 380–382: «1. об.: граф. изобр., портрет человека, в том числе фотоснимок; исследование персонажа (1. allg.: bildl. Darst., Bildnis eines Menschen, auch photogr. Aufnahme; Charakterstudie.); 2. Изобразит. искусство: портрет, изображение человека в искусстве. В зависимости от образа человека той или иной эпохи портрет располагается между сверхиндивидуальным, социальным, индивидуально-физиогном. и психол. изображением (2. bildl. Kunst: Bildnis, künstl. Darstellung eines Menschen. Je nach dem Menschenbild einer Epoche ist das Bildnis zw. überindividueller, sozialer, individuell-physiognom. und psychol. Wiedergabe angesiedelt.); французский словарь *Le Grand Robert* (p. 986): «Изображение реального человека, и особенно его лица, в рисунке, живописи, гравюре (Représentation d'une personne réelle et spécialt., de son visage, par le dessin, la peinture, la gravure); рисунок, картина, гравюра... изображающие одного (или нескольких) человек с индивидуальными чертами (dessin, tableau, gravure ... représentant un (ou plusieurs) être(s) humain(s) individualisé(s)..)»; французский словарь *Grand Larousse* (p. 4399): «Изображение кого-то средствами живописи, рисунка, скульптуры или фотографии (Image donnée de quelqu'un par la peinture, le

Критерий степени сходства дает возможность обсудить изображение человека. Однако здесь я не хочу специально рассматривать различные уровни сходства в жизнеподобных портретах. Скорее, я принимаю сходство в анализируемых работах как данность, поскольку концентрируюсь на технике создания слепков, которые являются знаками-индексами⁴. Я обращаю внимание на использование погребальной маски начиная с XIII в. и на ее роль в качестве своего рода «интерфейса» между ритуалом погребения и надгробными изображениями.

Слепки лица неоднократно рассматривались аргумент в пользу существования реалистичных изображений человека в переходный от Средневековья к Новому времени период. Особенно это касается посмертных масок, ведь большинство изображений людей в Средние века появлялось на надгробных плитах. Поскольку у нас нет четких доказательств их использования, то до сих пор преобладает мнение, что в позднем Средневековье еще не существовало жизнеподобных изображений лица⁵. Попробуем выяснить, справедливо ли это заключение! По крайней мере, что касается материалов, из которых в древности преимущественно делали слепки лица, а именно гипса и воска, оба они настолько просты в приготовлении и использовании, что, вероятно, всегда были доступны в христианский период. Вместе с тем это чрезвычайно хрупкие материалы, и потому неудивительно, что не сохранился ни один средневековый образец. Правда, до нас дошли римские посмертные маски, но это, несомненно, связано с тем, что в Древнем Риме традиция их

dessin, la sculpture ou la photographie)». *Shorter Oxford English Dictionary* (p. 2291) дает среди прочих и сегодняшние дефиниции: «Изображение или силуэт человека или животного, главным образом лица или головы и плечей, созданные при помощи рисунка, живописи, фотографии и т. д.; подобие; вещь или человек, который представляет, символизирует или напоминает другую вещь или другого человека; изображение, представление, подобие (A representation or delineation of a person or animal, esp. of the face or head and shoulders, made by drawing, painting, photography, etc.; a likeness; a thing which or person who represents, typifies, or resembles another; an image, a representation, a likeness)». *Encyclopedia Universalis* (p.751–756) обращает внимание на трудности точной дефиниции.

⁴ Конечно, я знаю о разной степени схожести слепков, но предполагаю, что они узнаваемы.

⁵ См., напр., приложение в кн: *Gardner*. 1992: 172–175; См. также: *Giesey*. 1960: passim. Похоже, что в последнее время существование портретов позднего Средневековья время от времени признается. См.: *Syson*. 2008: 14; *Falimir*. 2008: 66.

изготовления – прямо-таки повседневная – была гораздо более распространенной, чем в Италии и Франции XIII в.⁶

Самыми ранними европейскими масками усопших, которые дошли до нас после Античности, являются маски святого Бернардина Сиенского († 1444) и Брунеллески († 1446)⁷. О так называемой посмертной маске Данте († 1321) до сих идут споры⁸. Однако литературные источники уже ранее сер. XV в., хотя и не прямо, говорят о масках усопших. Как отмечают Юлиус фон Шлоссер и Харальд Келлер, уже на похоронах Карла VI (1422 г.) появляется некий мастер Франсуа из Орлеана, которому было поручено «раскрасить его голову и лицо, которые были наилучшим образом вылеплены и сделаны с натуры (т.е. с настоящего лица. – Д.О.)» (*de mettre en couleur le chief et visage d'iceluy moslé et fait sur son propre visage et après le vif le plus proprement que on a peu*)⁹. Обратите внимание, что это словоупотребление аналогично тому, которое встречается в более поздних счетах королевского двора, где есть четкие указания на то, что маски усопшего изготовлялись – например, в счетной книге Карла VII Французского († 1461)¹⁰. Также в завещании, составленном в 1403 г. за три года до того, как он был убит, Людовик Орлеанский предписывал сделать *remembrance* его лиц и рук для своей надгробной скульптуры¹¹. Такой «сувенир» имеет смысл только в том случае, если речь идет об отпечатках тела. Иначе осталось бы непонятным, почему руки упоминаются отдельно. Это указание находит свое отражение в руководстве «Il libro dell'Arte» Ченнино Ченнини (написано в 1390-х гг.), где уже де-

⁶ О древнеримских посмертных масках см.: Drerup. 1980: 81–129; Didi-Huberman. 2000: 59–83. О средневековых восковых изображениях см. малоизвестное исследование, основанное на письменных источниках и проливающее свет на частое использование воска в Античности и Средние века: Le Breton. 1894: 247–303.

⁷ Arasse. 1982: 311–332; Arasse. 1977: 189–263; Giesey. 1960: 204. О посмертной маске см.: Siebert. 2017. Но о средневековой посмертной маске автор ничего нового не сообщает.

⁸ Обширный список литературы см. в кн.: Didi-Huberman. 1994: 383–432, примеч. 22–34.

⁹ Von Schlosser. 1911: 193; Keller. 1939: 261. Общий итог см. в кн.: Prost. 1887: 322–330, 235–242.

¹⁰ Le Breton. 1894: 276: «за отливку в форме и отпечаток лица усопшего господина» («...pour avoir moulé et empreint le visage du dict feu seigneur...»).

¹¹ «J'ordonne que la remembrance de mon visage et de mes mains soit faicte sur ma tombe en guise de mort.» Keller. 1939: 261.

тально описывается создание гипсовых отпечатков лица и рук¹². Конечно, Ченнини фиксирует лишь процесс создания слепков живых людей, но это не означает, что его руководство не могло бы также указывать на создание посмертной маски усопшего. В конце концов, для этого требовалось меньше мер предосторожности, таких как, например, обеспечение поступления воздуха. Итак, прежде всего констатируем, что, по крайней мере, к 90-м гг. XIV в. процесс создания отпечатка и миметического образа лица был известен и описан.

Но я думаю, что отливка слепка в натуральную величину была в обиходе задолго до конца XIV в.: как показывает фольклор, по крайней мере со времен сказок, переданных братьями Гримм, запись и сравнение народных традиций позволяет заглянуть в эпоху, намного более раннюю, чем время их записи. Тот факт, что слепки лиц могли быть также из воска, подтверждается письмом Карла VI от 1389 г., в котором содержится указание выплатить некому парижскому купцу Дину Рапонд 160 золотых франков за создание восковой фигуры в натуральную величину¹³. Вероятно, это было одно из тех реалистичных вотивных изображений, которые, как нам сообщают хроники, были созданы сначала во Флоренции, а затем и в других частях Европы в процессе циркуляции рассказов о чуде 1252 г.¹⁴. Прежде всего непомерно высокая цена королевской восковой фигуры позволяет сделать предположение об исключительно высоком качестве работы¹⁵. От 1351 г. мы также имеем сведения о папе Клименте VI, который заказал позолоченную восковую голову, «отлитую по образу и подобию папы» (*formatum ad similitudinem papae*)¹⁶.

¹² Cennini. 1978. О Cennino Cennini см. также: Löhr, Weppelmann. 2008.

¹³ «A Dyne Raponde, marchand et bourgeois de Paris la somme de 160 fr. d'or pour une ymage de cire qu'il a fait faire de notre grandeur et mettre en un tabernacle devant S. Pierre de Luxembourg [in Avignon]». – Цит. в кн.: Gay. 1928 (статья «Effigie»).

¹⁴ Warburg. 1902; Didi-Huberman. 1994; Siebert. 2017: 88–94. Речь идет о чуде, которое произошло в 1251 г. во Флоренции. Художнику, писавшему для церкви *Santissima Annunziata* образ Богоматери, не удавалось передать ее черты. Измученный тщетными усилиями, он забылся сном, а когда очнулся, увидел представшую перед ним вживе Богоматерь (примеч. переводчика).

¹⁵ Сравним цены: в 1351 г. папа Климент VI заплатил в Авиньоне 24 су за вотивную статую своего племянника Гийома II де Бофора. В 1385 г. при Карле V 22 су были равны одному золотому франку. См.: De Wailly. 1857.

¹⁶ Faucon. 1884: 413.

Заслуга Юлиуса фон Шлоссера заключалась в том, что он привлек внимание к совокупности взаимосвязанных аспектов, включавших маски усопших, скульптурные изображения умерших (*effigies*), техники бальзамирования и похоронные церемонии французских королей. Для Шлоссера связующим звеном стала погребальная церемония, для проведения которой требовалось естественное или искусственное тело и которая была известна в очень похожем виде в античности¹⁷. Я бы хотел обратить внимание на то, что аналогичные обычаи существовали в XIII в. в Италии при папском дворе. Ниже я еще расскажу о сходстве ритуала, но сначала хочу отметить, что в тот период как к северу, так и к югу от Альп, начали все чаще выставлять тело усопшего напоказ. Для этой демонстрации использовались специальные методы бальзамирования, чтобы противодействовать разложению тела до его окончательного захоронения. В обращении было несколько техник, одна из которых – обертывание тела в заранее смоченные в воске бинты. Эта техника в основном применялась для транспортировки покойников на большие расстояния, но, как мы увидим, подобным же образом готовили и тела усопших для выставления их напоказ.

Что касается использования воска (и гипса) в Средние века, то не стоит забывать, что в области медицины существуют свидетельства преемственности – через Аравию – древних лечебных практик. Симон из Генуи, личный врач папы Николая IV и капеллан папы Бонифация VIII, в XIII в. демонстрирует знакомство с трудами Диоскорида и Галена (I–II вв. н. э.). В своем сборнике «*Clavis sanationis*», который он составлял, начиная с 60-х гг. I в. н. э., врач собирает и объясняет не только латинские и греческие, но и арабские специальные сведения, и поэтому может приписывать воску несколько целебных свойств. Среди прочего он сообщает, что воск обладает сильным обезвоживающим эффектом – именно поэтому его издревле применяли для лечения некоторых заболеваний – а также, что по этой самой причине воск обеспечивает долговременное сохранение трупов и потому его часто используют в случае их перемещений¹⁸.

¹⁷ *Von Schlosser*. 1911:177 ff. Тему подхватил и продолжил Карло Гинзбург, пытаясь точнее определить статус этих *effigies* во французском обществе. *Ginzburg*. 1992: 2–23. См. также более понятную и отчасти более подробную франкоязычную версию статьи в кн. *Ginzburg*. 2001: 73–88; Итальянский оригинал опубликован в кн.: *Ginzburg*. 1998: 82–99.

Информация Симоны переключается с исключительно интересным эпизодом перенесения тела королевы Анны, супруги Рудольфа I Габсбурга. Прежде чем скончаться в Вене в 1281 г., она завещала, чтобы её похоронили в Базеле. Для транспортировки покойной ее внутренности были удалены, а брюшная полость наполнена пеплом и песком. Затем тело было завернуто в пропитанные воском ткани и одето в драгоценные шелковые одежды. Во время перевозки труп находился в деревянном гробу, который был герметично закрыт, будучи помещен во второй железный гроб. Предположительно, в обоих гробах голова королевы была видна через окно, поскольку сразу после смерти на ее голову поверх белой шелковой ткани уже была возложена корона. Такое окно в гробу изображено на позднейшей болонской фреске (после 1408 г.) Джованни из Модены¹⁹. О Ричарде II, короле Англии († 1400) также известно, что его «незащищенная голова от нижней части лба до горла» была видна через люк в свинцовом гробу в течение всего времени транспортировки из Понтефракта в Лондон²⁰. Во всяком случае на похоронной церемонии в Базеле тело королевы было выставлено в соборе для публичного обозрения.

В Кольмарской хронике перенос тела усопшей описывается следующим образом:

«После этого тело было доставлено в Базель на 40 лошадях и, как полагали, с большой суммой денег [...] Король же приказал епископу Базеля торжественно похоронить усопшую королеву. После этого епископ пригласил в Базель регулярных каноников и светских священнослужителей. Их было около 1200 человек, все они держали в руках свечи и торжественно встре-

¹⁸ О Симоне из Генуи см. введение в кн.: Paravicini Bagliani. 1991. О пояснениях Симона по поводу воска см.: *Sylvaticus*. 1540: 179.

¹⁹ Джованни из Модены «Перенос тела св. Петрония». Фреска, созданная после 1408 г., находится в капелле Болоньини в базилике Сан Петронियो в Болонье.

²⁰ Авторы следующей книги (*Harvey, Mortimer*. 2003:41) ссылаются на текст Томаса из Оттерберна (*Otterbourne*. 1732: 229: «Cujus corpus per loca celeberrima, quae interjacent, à Pontefracto usque ad London deportatum fuit et ostensum ea pars saltem corporis, per quod cognosci poterat, facies scilicet ab ima parte frontis usque ad guttur.» – «Его тело несли через самые известные населенные пункты между Понтефрактом и Лондоном, и на всеобщее обозрение представлялась только та его часть, которую можно было идентифицировать, а именно лицо от нижней части лба до горла».

тили королеву в процессии с драгоценными облачениями, и перенесли ее тело в более крупный монастырь. Там три епископа служили мессу, во время которой тело королевы, положенное в гробницу, было показано всем присутствующим. После отпевания тело снова положили, и аббаты доставили его к месту погребения под громкий плач знати, и там его похоронили»²¹.

Бальзамирование королевы из династии Габсбургов позволяет нам сделать несколько выводов. Во-первых, что было возможно сохранение тела в течение длительного времени, в данном случае с 16 февраля по 20 марта 1281 г., т.е. в течение 32 дней. Во-вторых, этот пример показывает, насколько опробованным, вероятно, был метод бальзамирования: сохраняющая и поддерживающая оболочка должна была быть тугой, плотно прилегающей и ровной, иначе было бы нельзя одеть тело. Во всяком случае руки и голова оставались свободными, чтобы имелась возможность облечь усопшую в драгоценное праздничное одеяние. После застывания воска, который придавал трупу дополнительную жесткость, тело монархини должно было напоминать куклу, восковую фигуру, те самые королевские *effigies*, о которых мы знаем, начиная с XIV в. Такая восковая обработка приближалась к слепку тела. По сути, это был отпечаток в натуральную величину, который не снимался, а прилипал к телу, но его изготовление требовало тех же технических навыков, что и гипсовый слепок.

²¹ «Post hec Regina moritur, exenteratur, et venter eius sabulo et cineribus impletur. Post hec facies eius balsamo linitur, totumque corpus eius panno cereo circumdatur, ac sericis vestimentis induitur preciosis. Caput eius albo serico peplatur, et corona sibi superponitur deaurata. Post hec in arcam, ex fago peroptime factam, supina, manus super pectus positas, imponitur, et ferreo clauditur instrumento. His expletis, in Basileam cum equis quadraginta ducitur, et ut credebatur, cum pecunia copiosa. Fuerunt autem in comitatu suo fratres Predicatorum 2, Minorum 2, et dominae quas tres currus ducere potuerunt, adiunxerunt autem se eis homines circiter quadringenti. Rex autem mandavit episcopo Basiliensi, ut reginam defunctam solenniter sepeliret. Episcopus clericos regulares et seculares invitavit Basileam. Convenerunt igitur circiter mille ducenti, qui omnes candelas in manibus habebant et regine in processione cum ornato (1281 Mart. 20) precioso solenniter occurrerunt, et ad maius monasterium pertulerunt. Tribus episcopis ibidem divina celebrantibus, regine corpus in tumba positum erigitur, et omnibus presentibus ostenditur, et post missam deponitur et per abbates ad fossam tumuli deportatur et cum fletu nobili sepelitur. [...]»

—— Chronik von Colmar.1826 : 253.

Процедура, которой подверглась смертная оболочка габсбургской знатной дамы, в 1281 г. должна была быть тем более усовершенствованной, что тогда она отнюдь не была новинкой, а практиковалась по крайней мере уже более полувека.

Уже с 1226 г. у нас имеются сведения о консервации воском. Речь идет о бальзамировании короля Франции Людовика VIII, скончавшегося 8 ноября в Оверни, в замке Монпелье. Впервые после целого века французский монарх ушел из жизни не по соседству с Парижем, а во многих днях пути от него. Для того чтобы замедлить разложение тела во время транспортировки, внутренности короля удалили, тело посыпали солью и, наконец, покрыли упомянутой восковой оболочкой и защитным слоем из бычьей кожи²². Усердный бенедиктинец Дом Друон вел дневник во время эксгумации в 1793 г., и к тому же Александр Лемуар сделал рисунок, который зафиксировал состояние костей (Рис. 1)²³. Ткань, впитавшая воск и покрывшая почти все тело, хорошо различима. Затем сверху наложили кожу животного. Показательно, что ноги, руки и, прежде всего, голова не были покрыты восковой тканью.

Особое внимание я хотел бы обратить на отсутствие заботы о прическе монарха. Неужели руки, ноги и, прежде всего, величественные черты лица были недостойны сохранения? Или за этим скрывалось нечто такое, что имело глубокий смысл? Данные о Людовике VIII скудны, но в других случаях они оказались более красноречивыми. Например, уже упоминавшийся хронист из Кольмара объясняет, какой особой обработке подвергалось лицо королевы Анны. Он информирует нас, что *totum corpus*, то есть все тело, обволакивал восковой слой, но лицо королевы сначала было вверено некоему бальзаму. Безусловно, речь идет о специальной процедуре сохранения черт лица, которым в траурной церемонии, вероятно, предписывалась особая роль. Тот факт, что, хотя лицо Людовика VIII оставалось открытым, на его голову была возложена вышитая золотой нитью диадема с атласной калоттой, свидетельствует не о беспечности, а об особом внимании. Следовательно, лицо отнюдь

²² «Corpus autem defuncti regis fecerunt multo sale condiri, et in abbatia illa viscera tumulantes, relinquitur corpus linteaminibus ceratis coriisque taurinis jusserunt involvi...» Цит. по кн.: *Erlande-Brandenburg*. 1975: 30, примеч. 2; Автор опирается на Мэтью Пэриса: *Matthaeus Parisiensis*. 1876: 116–118.

²³ «Das Tagebuch von Druon» издан в кн.: Baron de Guilhermy. 1848: 55–83. Рисунок Александра Лемуара находится в музее Лувра (cabinet de Dessins, Album Lenoir RF 5282 fol. 14 (cl. Mus. nat.).

не покрывали воском.

В конце XIV в. Фруассар рассказывает, как в 1391 г. Гастон де Фуа был точно так же законсервирован воском и, разумеется, был пронесен сквозь толпы людей к месту погребения с непокрытым лицом. Равным образом тела Роберта Артуа († 1317) и Агнессы Французской († 1359) были облечены в жесткий восковой корсет²⁴. Во время похоронной процессии Филиппа Прекрасного († 1315) и Бланку Наваррскую († 1390) несли с открытыми лицами²⁵.

Врачи того времени, со своей стороны, сообщали о важности сохранения лица. Ги де Шолиак († 1368), великий хирург первой пол. XIV в. и личный врач папы Климента VI (1342–1352), объясняет в своем учебнике «*Chirurgia magna*», как нужно действовать, чтобы оставить в неприкосновенности лицо высокопоставленных персон на срок до восьми дней.²⁶ Его ученик Пьетро Арджеллата († 1423), который самостоятельно бальзамировал папу Александра V († 1410), наглядно описывает, что руки, ноги и лицо папы должны оставаться непокрытыми во время выставления его тела напоказ²⁷. Наконец, наиболее значимым является отчет Анри де Мондевиля († ок. 1320 года), хирурга короля Филиппа Красивого, который считал сохранение лица важнейшим аспектом бальзамирования облеченных властью лиц, а также отводил лицу важное место в официальных погребальных церемониях иерархически организованного общества.

«Существует три способа приготовления тел к захоронению. Какие-то из них – например, тела бедняков или некоторых богатых людей – вообще не требуют обработки или требуют только очень простой обработки для защиты их от разложения. Их необходимо похоронить летом в течение трех дней и зимой в течение четырех дней. Другие – такие, как тела людей среднего достатка, как, например, рыцарей и баронов, напротив, должны быть обработаны в целях предот-

²⁴ *Alexandre-Bidon*. 1993: 190, 198, 203

²⁵ *Erlande-Brandenburg*. 1975:19. О Бланке Наваррской см.: *Alexandre-Bidon*. 1993:203.

²⁶ *De Chauliac*. 1890. tract. VI, doct. I, cap. VIII: «De facie tenenda detecta, usque ad octo dies, in quibus corpora consueverunt alterari et putreferi . . . »

²⁷ *Pietro Argellata*. 1513, lib. V, tract. XII, cap. III, f. 108v: «Et ego dico quod iste modus non debet fieri in summo pontifice quia manus et pedes debent videri et similiter facies.»

вращения их разложения. Наконец, третьи тела должны быть обработаны, поскольку их лицо остается непокрытым — это короли, королевы, папы и прелаты»²⁸.

Анри, по его собственным словам, получил знания от Вильгельма из Брешии, папского лекаря Бонифация VIII (1294–1303), Бенедикта XI (1303–1304), Климента V (1305–1314) и Иоанна XXIII (1316–1334). Папская курия и французский двор активно обменивались медицинским опытом. Таким образом, все указывает на то, что лицо сановников приобретало все большее значение. Хотя тела правителей и раньше подвергали поверхностному бальзамированию и выставляли напоказ перед похоронами, но только начиная с XIII в. их мертвые тела все чаще выставлялись для публичного обозрения на более длительное время²⁹.

Постоянно расширяющийся церемониал отражал возросшее значение мертвого тела в обрядах, причем лицо, даже больше, чем обнаженные руки (а иногда и ноги), играет важную роль. Лицо, помимо прочего, служило доказательством смерти и представляло человека как личность, которой были адресованы обряды. Следовательно, можно предположить, что лицо королевы Анны, как и в упомянутых примерах, было видно в то время, когда ее тело выставляли напоказ в церкви. О бальзамировании без воска не могло быть и речи, поскольку врачи того времени утверждали, что черты лица начнут разлагаться самое позднее через восемь дней после обработки простым бальзамом.

Вернемся к погребальной маске: описанный метод восковой отливки позволяет считать, что в XIII в. владели знаниями о слепке лица, и не только потому, что техники в принципе совпадают, но и в силу того, что как бальзамирование, так и отпечаток с натуры основываются на одном и том же намерении – как можно дольше

²⁸ Цит. по кн.: *Paravicini Bagliani*. 1997: 136. Оригинал текста см. в кн.: *Pagel*. 1892: tract. III, doct. I, cap. 7.: «Et istorum corporum praeparandorum tres sunt modi, quorum quaedam pauca aut nulla praeparatione corruptionis praeservativa indigent sicut pauperum et quorundam divitum, infra tres dies in aestate aut infra quatuor in hieme debeant sepeliri. Alia sunt quae praeparatione indigent, sicut homines mediocris status, ut milites et barones, alia facie discooperta, sicut reges et reginae, summi pontifices et praelati.»

²⁹ См. о техниках бальзамирования французских регентов: *Erlande-Brandenburg*. 1975: 27–31.

сохранить лицо. Возможно, что создание такого слепка лица не упоминается в ранних источниках постольку, поскольку он был частью бальзамирования всего тела и не делался отдельно, например, в художественных целях. Это также показывает, что отсутствие художника во время смерти персоны не может, как утверждалось ранее, служить доказательством того, что погребальная маска при этом не изготавливалась³⁰. Проведение консервации с помощью воска входило в обязанности врачей, когда это касалось светских правителей. Что касается папской курии, то здесь источники не столь однозначны. За бальзамирование отвечали разные лица, чьи обязанности могли меняться на протяжении веков: врач, аптекарь и две особые группы клириков – пенитенциарии и элемеозинарии³¹ – были первыми, кому доверяли подготовку мертвого тела к погребению. Кроме того, именно они разбирались в методах изготовления слепков. Врачи и пенитенциарии, разумеется, всегда находились рядом со своим государем, даже в путешествиях. Использование слепков лиц для изготовления надгробных статуй представляется тем более вероятным, что в Италии, где впервые появляются веристические надгробия, все они точно воспроизводят ситуацию, служившую поводом для консервации воском, а именно – выставление мертвого тела для публичного обозрения.

Теперь обратим наше внимание на заальпийскую область. Широко обсуждаемый пример изготовления погребальной маски – надгробная статуя Изабеллы Арагонской на ее могиле в соборе Козенцы на юге Италии. В исследовании, проведенном в 1990-х гг., приводились аргументы против использования маски в этом случае, но, как мне кажется, не совсем убедительные³². Французская королева Изабелла, супруга Филиппа III Смелого, погибла в результате несчастного случая в Италии, возвращаясь из похода Людовика Святого в Тунис в 1271 г. Хроника Сабы Маласпины рассказывает нам, как беременная на шестом месяце Изабелла, пы-

³⁰ См., напр., Gardner. 1992: 174; Giesey. 1987: 306.

³¹ *Элемеозинарий* (лат. *elemosinarius*) – должность раздачика милостыни в Римско-католической церкви, а также при дворах европейских монархов. *Пенитенциарий* – священник, исповедующий кающихся в особых случаях по поручению римского папы или епископа. *Примеч. переводчика.*

³² Gardner. 1992: 173–4; в этой работе Гарднер принял точку зрения, которую он уже сформулировал в кн.: Gardner. 1988: 29–60, особенно 47ff. Более тщательно я исследовал эту погребальную скульптуру в кн.: *Olariu*. 2014: 269–278.

таясь пересечь разбушевавшуюся после сильных дождей реку, упала с коня и получила при этом смертельные раны.

«Королева была тяжело ранена в результате сильного удара. Вследствие этого падения она получила серьезный перелом, рану живота и тяжело повредила нерожденного ребенка [...] Поэтому ее привезли полумертвой (*semiviva*) в Козенцу, где она родила искалеченного мальчика. Ее муж вместе с родственниками надеялись, что сын поправится, но он умер, а вскоре после него скончалась и сама королева»³³.

Взглянув на скульптуру Изабеллы (рис. 2, 3, 4), мы понимаем, насколько хорошо переданы индивидуальные черты лица. Это становится еще более очевидным, если сравнить эту скульптуру с французскими изображениями, особенно с другой надгробной статуей королевы, установленной в Сен-Дени над ее перевезенными во Францию останками (рис. 5). Различия между ними трудно переоценить. В Козенце у королевы глаза закрыты и очень выпуклы, тогда как во Франции фигуры умерших изображались в то время с открытыми глазами. Голова Изабеллы слегка наклонена в одну сторону, тогда как во французской скульптуре она едва смещена от центральной линии. Нос плоский, длинный и заостренный. Узкий рот едва шире носа, в то время как во Франции он значительно выходит за крылья носа. Только на левой половине лица рот явно приподнят. Подбородок сильно выступает вперед и образует глубокую впадину между ним и нижней губой. Эти различия тем более поразительны, что лица современных скульптуре Изабеллы француз-

³³ *Malaspina*. 1726: Sp. 861. «[...] Sed instante hyeme, uxor ipsius Philippi filia Regis Aragonum [...] volens sub Marturanensi civitate super execrescentem pluvialibus imbribus fluvium utero gravido pertransire, praesumta quadam virili audacia pereundi, equo corruit procumbente de sella; previa tum multitudine militum occurrente submersa non extitit, sed propter metum casus offensa lethaliter, et in ipso casu confracta, laesusque fuit uterus, antequam perveniret ad lucem, et offensus graviter partus nondum a maternis visceribus segregatus. [...] Quapropter Cusentiam civitate semiviva traducitur, ubi tandem masculino abortivit in partu. Nam viro cum multitudine quorum Procerum convalescentiam eius sibi studiosus expectante vel mortem, Regina ipsa demum persolvit quod a natura receperat post abortum, et cum partu, quem a maternis visceribus casus violentia secuerat non completum, in majori tumultu Ecclesia Cusentina. [...] Fit sibi sepultura perpulchra digna memoria, materiae ac artis concertatione glorifica; [...]».

ских фигур столь идеализированы и схематизированы, что зачастую их трудно отличить друг от друга.

Однако для обсуждения погребальной маски, помимо явно индивидуализированных черт лица в Козенце, важна также трещина в камне, расположенная на правой щеке королевы. Она была обнаружена при осмотре гробницы Эмилем Берто в конце прошлого века, и он сразу же решил, что это и есть рана, которая стала причиной смерти Изабеллы³⁴. Позже было справедливо подчеркнуто – на основании химического анализа, проведенного в 50-е гг. XX в., – что это всего лишь разорвавшаяся в туфе жила, которая никоим образом не может представлять возможную рану королевы³⁵. Это якобы доказывало, что в качестве модели для статуи не использовался натуральный слепок. Несхожесть обеих половин лица объяснялась так: художник пытался удалить жилу в камне выдолбив ее, но затем отказался от этого плана, когда понял, что она была глубже, чем предполагалось³⁶.

Однако мне кажется, если обратить внимание на выражение лица регентши, то можно предложить другое, более правдоподобное объяснение. Во-первых, совершенно невозможно, что королевский скульптор продолжал высекать дефектный камень, который должен был изображать саму правительницу, не заменив его, тем более если трещина находится прямо на лице королевы. Как мог художник, якобы пытавшийся устранить дефект в камне, оставить величественное лицо деформированным? Эта идея должна быть полностью отброшена, когда мы также узнаем от нашего историка, что это была *per pulchra sepultura ... materiae et artis concertatione glorifica*, то есть выдающаяся по красоте гробница, в которой материал и исполнение вступили в славное соревнование друг с другом. Неполноценный памятник как результат величественного художественного соревнования на самом деле не имеет смысла.

С тех пор как Берто сделал свое открытие, большинство исследователей сосредоточили свое внимание на форме трещины, признав, что она напоминает рану, и тем самым упустив из виду другие аспекты. Однако выражение лица, несомненно, несет в себе

³⁴ Bertaux. 1898: 265–276, 369–378.

³⁵ Gardner. 1992: 173–174; Gardner. 1988: 47ff. О химическом анализе см.: Martelli. 1950: 9–22, 14–15.

³⁶ Той же точки зрения придерживались другие исследователи. См.: Erlande-Brandenburg. 1968: 7–36; Erlande-Brandenburg. 1975: 169–170; Bauch. 1971: 227–258, 252.

признаки тяжелой травмы, хотя и на другой, левой стороне лица. Симптомы настолько очевидны, что лицевой хирург может легко обнаружить тяжелое внутричерепное поражение левой стороны лица, приводящее к обширной гематоме. Деформация лица, вызванная отеком, простирается от, несомненно, сломанной нижней челюсти через скуловую дугу до левой глазницы. Обширный кровоподтек загибает левый уголок рта кверху. Таким образом, асимметрия половинок лица возникает из-за травматического изменения левой, поврежденной стороны, а не из-за сделанного скульптором углубления на правой стороне. Эти симптомы также соответствуют описанию Маласпиной внешнего вида Изабеллы после несчастного случая. Прежде всего употребленный в описании ее внешнего вида после падения термин *semiviva* (полумертва) – это означает, что жизненно важные органы, такие как сердце, легкие и т. д., все еще функционировали, но она была мертва в том смысле, что находилась без сознания, – указывает на серьезную черепно-мозговую травму. На фотографии пациента на современном фото (рис. 6) видно все еще типичное смещение угла рта вверх с несколько уменьшенным отеком левой половины лица после травмы подбородка и левой нижней челюсти.

Что касается жилы, которая, несомненно, растрескалась после завершения надгробного памятника из-за впитанной ею влаги, то следует предположить, что она либо была в то время незаметно расположена чуть ниже обрабатываемой поверхности, либо что не раздражала ваятеля, так как скульптура должна была быть раскрашена³⁷. Итак, из всего вышесказанного я хочу сделать вывод, что посмертная маска была в ходу в 1271 г. и могла использоваться для изготовления надгробных статуй. Применение погребальной маски также объясняет, почему Изабелла изображена с закрытыми, а ее муж Филипп – с открытыми глазами. Выбранный в результате состязания надгробный памятник – настолько непохожий на мемориал в Сен-Дени – надо полагать, лучше всего соответствовал требованиям того времени. В самом деле, индивидуализированные погребальные фигуры стали создаваться в Италии не позднее 70-х гг. XIII в.

Первая надгробная фигура, дошедшая до нас в Италии после Античности, и в то же время первая, имеющая явно индивидуализированные черты лица, – это фигура папы Климента IV (1265–

³⁷ Ср. *Martelli*. 1950: 10. Мартелли нашел остатки краски на скульптуре.

1268) (рис. 7). Я не буду вдаваться в подробности, достаточно сказать, что такой тип изображения долгое время не мог существовать в Италии, если вообще существовал³⁸. Скульптура папы возвышается в центре настенной гробницы, покрытой балдахином, в церкви Сан-Франческо в Витербо. Как мы знаем из церемониальных книг того времени, фигура с точностью до мельчайших подробностей изображает публичное возложение тела покойного папы в церкви³⁹.

Это подтверждают, например, находки, сделанные при переносе смертных останков другого папы, Бонифация VIII в 1605 г. Среди прочего, были обнаружены те самые *spinulae aurae saphirris preciosis ornatae, quarum una in medio pectoris, altera in armo sinistro aderant*, то есть золотые иглы, украшенные драгоценными сапфирами, одна из которых находилась посреди груди, а другая на левом верхнем плече. Они воспроизведены на надгробной скульптуре Бонифация VIII в точности так, как были найдены на бранных останках во время эксгумации⁴⁰. Можно упомянуть и другие особые детали, и возникает вопрос, не указывает ли эта тщательная реалистичность деталей в одежде погребальной фигуры на реалистичность черт лица.

Изможденное лицо истощенного пожилого папы Климента IV поражает физиогномическими чертами (рис. 8). Высокий лоб с сильно развитой и выступающей лобной костью сморщен у корня носа. Раскосые закрытые глаза глубоко западают между угловатым краем лба и набухшими слезными мешками и удлиняются в боковых бороздах у уголков глаз. Внизу огромные скулы доминируют над впалыми щеками, которые переходят в толстую морщинистую кожу над нижней челюстью. Большие уши низко посажены и торчат в стороны из-за надетой тиары, подчеркивая впечатление уродства, придаваемого трупю. На лице папы можно распознать признаки боли и раскаяния, но слегка приоткрытый рот, неподвижный, как у окоченевшего мертвеца, все же торжествует над ними.

Это подробное описание призвано проиллюстрировать, насколько лицо римского епископа индивидуализировано и отличается от скульптур того времени. Во Франции, например, где надгробная скульптура начала появляться уже в конце XII в. с изображениями в Фонтевро, головы изображены в одинаковой, схематизиро-

³⁸ Herklotz. 1985: 104, 143, 164–170; Bauch. 1971: 238ff.; Bauch. 1976 Ladner. 1970: 143–165; Gardner. 1992: 36–37; Keller. 1939: 277ff.

³⁹ Herklotz. 1990: 217–248, 231.

⁴⁰ Strand. 1966: 145–202, 193.

ванной и идеализированной манере. Это позволило говорить о них как о примере «величественной монотонности мертвецов» (*majestueuse monotonie des morts*)⁴¹. Отвратительная близость к реальности мимики папы должна поражать еще и потому, что она полностью контрастирует с тем, что можно было бы ожидать от изображения самого высокого лица того времени. Великолепная дорогостоящая гробница, выполненная в понтификальной традиции прославления из самых дорогих материалов с мраморным декором в стиле Космати, для которой по старому обычаю был найден и использован античный саркофаг, построена в готическом стиле, современном для Италии. Однако она совершенно не сочетается с реалистичными, но чрезвычайно неприглядными чертами Климента IV, от которого скорее можно было бы ожидать идеализированного лика⁴².

Здесь нам следует упомянуть об обычае курии бальзамировать папских труп. Бальзамирование, естественно, происходило сразу после смерти папы, дабы предотвратить разложение. Однако теснота похоронной церемонии позволяла подготовить тело только во время отдельного, интимного мероприятия в папских личных покоях сразу после смертельного исхода. Этот ритуал был оставлен так называемым пенитенциариям и элемузиариям. В погребальном обряде XIV в. омовение, бальзамирование, завертывание в консервирующее полотно и облачение трупа в понтификальные одеяния входят в число обязанностей пенитенциариев⁴³. Кстати, навыки бальзамирования у пенитенциариев и элемузиариев схожи с навыками у врачей. Как мы уже слышали, в консервации церковного государя участвовали и врачи. Ги де Шолиак, с которым мы уже встречались, сам объяснял, что получил свой метод бальзамирования у аптекаря Якобуса, «который готовил многих римских епископов (к похоронам)»⁴⁴. Передача знаний от папского двора к фран-

⁴¹ *Focillon*. 1938: 232.

⁴² О повторном использовании античных саркофагов для папских гробниц см.: *Herklotz*. 1985: *passim*.

⁴³ Речь идет о церемониале захоронения, описанном Пьером Амейлем в 1385–90 гг. *Rollo-Koster*. 2020: 113–129. См. также: *Paravicini Bagliani*. 1997: 135ff; *Göller*. 1907–1911: 143ff. «[...] debent omnes penitentiarum [...] corpus [...] lavare et cum pannis stuppe vel bombace et aliis, que necessaria fuerint, se aptare [...] postmodum involuto corpore in munda syndone [...]» (*Göller*. 1907–1911: 145–6).

⁴⁴ *De Chauliac*. 1890: tract. VI, doct. I, cap. VIII: « [...] ut dicebat Jacobus apothecarius, qui multos Romanos pontifices praeparaverat [...] »

цузскому королевскому двору, о которой здесь идет речь, показывает, как техника погребальной маски могла распространяться через государственные границы и таким образом применяться в художественной сфере. Итак, мы видим в курии тот же подход, который уже встречался при королевском дворе. Наконец, в путеводителе XVII в. сообщается, что даже покрытие расплавленным воском после предварительного натирания определенными мазями позволяло сохранить лицо в неприкосновенности, и это, кстати, было принято в традиционной практике⁴⁵. Здесь мы снова имеем указание на то, что в ретроспективе более позднего периода процесс создания помертвой маски сближается с процессом сохранения трупа.

Не так давно, в воскресный день 2001 г., в праздник Святой Троицы у всей мировой общественности был повод подивиться успешному бальзамированию тела папы. Глава церкви Иоанн Павел II по случаю беатификации папы Иоанна XXIII инициировал его эксгумацию и перенесение в собор Святого Петра. Ровно через 38 лет после кончины папы его тело перевезли в хрустальном белоснежном гробу (рис. 9) и выставили в центре площади. В это время Иоанн Павел II служил мессе, в течение которой он вспоминал о высокоуважаемом церковном деятеле. Папа, скончавшийся 3 июня 1963 г., был мумифицирован в ночь своей смерти в ходе шестичасовой процедуры профессором медицины Дженнаро Голья. Личный врач папы позвонил профессору вскоре после восьми часов вечера. Незадолго до этого Анджело Джузеппе Ронкалли (так звали папу в миру) скончался в своей постели в папском дворце в возрасте 82 лет. Два часа спустя Голья уже сидел перед дверью спальни. Ему еще предстояло набраться терпения: скульптор Джакомо Манцу находился рядом с папой, чтобы снять слепок лица для бронзовой помертвой маски. Голья все еще мог видеть следы масла, которые скульптор оставил на лице. Профессор (*Professore*) забальзамировал тело консервирующей жидкостью, рецепт изготовления которой он не раскрыл. Во время эксгумации Ватикан был поражен состоянием нетронутого тлением тела покойника. Несмотря на это, эксперты церковного государства покрыли кожу лица и руки трупа тонким слоем воска для постоянной экспозиции в стеклянном гробу. Однако под одеждой все тело нужно было покрыть более толстым слоем воска. Этот пример сложной церковной инсценировки, вероятно, дает нам лишь слабое представление о

⁴⁵ Penicher. 1699 : 114, 193–94; см. также: *Sucquet*. 1862; *Sucquet*. 1872.

том, какие обстоятельства могли сопутствовать смерти церковного государя в XIII в. Несмотря на семь столетий, разделяющих эти события, бальзамирование Иоанна XXIII демонстрирует тот эффект, который могут произвести подобные церемонии возложения покойника и сегодня. В прошлые времена они, вероятно, имели еще большее значение. И наконец, мы снова сталкиваемся с традицией покрывать лицо воском, которое в случае с Иоанном XXIII подтверждает, что оно может позволить проявиться чертам лица – так что церемония выставления напоказ (*Ostentation*) королевы Анны Габсбург, королей и пап могла выглядеть именно так. Как знаменательно, что папа Иоанн XXIII представлен в той же манере и позе, что и его средневековые предшественники! Даже новое восковое покрытие на сохранившемся теле служителя Бога, кажется, несет в себе смысл. Слегка обиженный *Professore* не видел причин для покрытия тела воском – ведь оно прекрасно сохранялось в склепе на протяжении 38 лет. Гольа, вероятно, не вполне осознавал пресловутую «силу привычки» и важность незыблемых традиций Ватикана. Мне кажется, что здесь мы имеем дело с намеренным продолжением древнего обряда, суть которого следует видеть в попытках повысить ценность папского тела.

Давайте погрузимся в глубокое прошлое. Гробница, приписываемая в последние годы кардиналу Герардо Ландриани († 1445) в базилике Сан-Франческо в Витербо – в нескольких шагах от гробницы Климента IV – содержала фреску над саркофагом, изображающую церемонию похорон священнослужителя (рис. 10)⁴⁶. Каменный гроб, который мы видим сегодня, представляет собой эрзац XVII в. Однако несомненно, что оригинальный саркофаг находился на том же месте; вероятно, на нем также была изображена погребальная фигура, похожая на фигуру папы Климента IV⁴⁷. Таким образом, фреска и саркофаг находились в прямой зависимости друг от друга, роспись повторяла прежнее публичное возложение тела во время заупокойной мессы и являлась, так сказать, комментарием к погребальной скульптуре. Поэтому мы можем предположить, что погребальные статуи, – такие, как изваяние папы Климента IV, – на

⁴⁶ Фреска удалена. Мне пока не удалось определить ее нынешнее место хранения. О фреске см.: *Herklotz*. 1990.

⁴⁷ *Ladner*. 1970: 195–205; *Gardner*. 1992: 70–72.

самом деле непосредственно связаны с телом, выставляемом во время погребальных церемоний.

Уже упоминалось, что литературные описания церемониала похорон, включая ритуал возложения тела у надгробных памятников, совпадают. Бальзамирование воском подтверждает это соответствие, создавая, так сказать, место стыковки между ними, что позволяло перенести черты лица с одного тела на другое (каменное). Это приводит к сопоставлению трупа, лежащего на земле, и надгробной статуи. Индивидуальное сходство объединяет их. Но как же тогда интерпретировать этих каменных двойников? Разве они не предпочли бы функционировать так же – если бы только это было возможно – как настоящий труп Иоанна XXIII, вечно покоящийся за бронированным стеклом? Предполагаемое использование посмертной маски для изготовления статуи, воспроизведение определенной ситуации, кажется, подтверждает это. Скульптура взяла на себя функцию выставленного напоказ трупа и увековечила его. Значение папы и церкви изменилось с XIII в. Сегодня *papa vivo* в прозрачной усыпальнице скорее привлекает внимание паломников и верующих.

Но почему не были приукрашены фигуры Климента IV и Изабеллы Арагонской? Можно ли было свести к минимуму уродливость лежащей фигуры Климента IV, деформацию лица Изабеллы? Эти вопросы возникают с позиций современности, а не позднего Средневековья. В этом эссе я попытался подчеркнуть значение тела определенных лиц. Папа считался заместителем Христа, а высшие клирики – заместителями папы. Король (королева) был (а) «героем Средневековья», по выражению Жака Ле Гоффа⁴⁸. Обе группы правителей считались добродетельными. В Средние века также существовало понятие, связывавшее добродетель с физической красотой. Кардинал Бозо, биограф папы Александра III (около 1159–1181 гг.), так описывает триумфальное возвращение папы в Рим в марте 1178 года: «Тогда все увидели его (папы. ——— Д.О.) лицо как лицо Христа, чье место Он занимает на земле»⁴⁹. Но уродливые черты праведных людей и признаки их старения можно также расценить как проявление добродетели. Для Фомы Аквинского (1225–1274), например, стигматы святых, которые они получили в борьбе за христианскую веру, считаются не физическими увечьями, а зна-

⁴⁸ Wolf. 1990: 74–78 (см. главу «Vicarius et Imago Christi»). Le Goff. 2004.

⁴⁹ Duchesne. 1892 : 446: «... oculos omnium vultum eius intuentes tamquam vultum Iesu Christi cuius vices in terries gerit...»

ками чести, ибо в раю эти следы на их воскресших телах будут свидетельствовать об особом статусе таких людей⁵⁰. Поэтому не было ничего неприемлемого в том, чтобы выставлять умершего добродетельного человека с обезображенной внешностью, будь то труп или погребальная фигура, если верили в его выдающиеся моральные качества.

Агостино Паравичини Бальяни показал, насколько сильно смерть папы ввергала человечество в глобальный кризис того времени, гораздо сильнее, чем это мог бы сделать умерший король – ведь его гибель затрагивала весь мир, а не только одно королевство.

«Ужас, который вызывает смерть папы, уникален и ни с чем не сравним, он несет в себе универсальное послание. Если умирает папа, “каждый боится конца своей собственной жизни, страх пробирает до самых внутренностей”. [...] Если король умирает, одно королевство теряет главу. Но если папа умрет, весь мир потеряет своего отца», – пишет Паравичини Бальяни, цитируя великого итальянского учителя Церкви Петра Дамиани (†1072)⁵¹.

Высказывания Дамиани, – это, конечно, высказывания человека своего времени, включенного в определенные обряды и обычаи. Именно по этой причине общие наблюдения Роберта Герца об обычаях смерти в начале прошлого века особенно показательны применительно к Средневековью:

«[...] Внутри определённого общества шок, вызванный смертью, существенно варьируется по своей интенсивности в зависимости от социального характера покойного [...]. Когда умирает лидер или высокопоставленный чиновник, настоящая паника охватывает всю группу»⁵².

По мнению Герца, смерть не только прекращает физическое существование, но в то же время разрушает социальную сущность,

⁵⁰ *Thomas Aquinas. Summa Theologiae: III q. 54, a. 4, respondeo.*

⁵¹ Текст Дамиани (*Petrus Damiani. 1989: 190, 192*). Цит. по кн.: *Paravicini Bagliani. 1997: 22*).

⁵² *Hertz. 1928: 81.*

отпечатавшуюся в физическом индивидууме. Это спроецированное существо было конституировано обществом посредством обрядов посвящения, соразмерных социальной значимости покойного; его уничтожение равносильно святотатству.

«Общество с утратой человека не просто теряет одну из своих единиц; скорее, его фундаментальный взгляд на жизнь, его собственное самосознание оказываются затронутыми»⁵³.

Вот почему резкий уход папы должен был регулироваться с помощью ритуалов, «которые превращали биологическое событие в социальный процесс» – а значит, в процесс контролируемый – дабы справиться с вакуумом до избрания нового папы⁵⁴. Виктор Тернер показал, до какой степени развитие литургии не соответствовало реальному устройству церкви⁵⁵. Итак, пышное и помпезное возложение тела покойника свидетельствовало о соответствующем масштабе бедствия для верующих и церковной политики. Нельзя отрицать, что выставление трупа для публичного обозрения было частью похоронного ритуала. Но интересно также посмотреть, какие другие церемонии сопровождали его. Прежде всего, помпезная центральная часть всей погребальной церемонии, в рамках которой происходила кульминация обряда – это отпущение грехов. Именно к этому событию или к уже опущенному в землю телу покойника отсылают памятники⁵⁶. Однако в тот же момент наиболее ярко проявлялась идея о вакансии апостольского престола и о его переходе от ушедшего преемника викария св. Петра к следующему. Сразу после смерти понтифика его личная свинцовая печать разбивалась, но папская печать с изображениями св. Петра и Павла передавалась новоизбранному главе Церкви. В том же смысле трактат Париса де Грасси о церемониальной смерти объясняет, что функции наместника Христа прекращаются со смертью папы и передаются коллегии кардиналов до новых выборов⁵⁷. Точно так же закрытие лица папы в конце церемонии возложения тела следует понимать, как ритуал прощания с индивидом, примирение с ним, освобождающее место для преемника. Это также еще раз подчеркивает значимость

⁵³ Hertz. 1928: 84.

⁵⁴ Ginzburg. 1992: 8.

⁵⁵ Turner. 2000.

⁵⁶ Paravicini Bagliani. 1997:159–60; Herklotz. 1990: 229.

⁵⁷ Herklotz. 1990: 231.

лица. Ритуал похорон папы, существовавший, вероятно, с нач. XII в., со временем становился все более пышным, а в 1274 г. был введен обряд *novendiale* (обязательного девятидневного траура), и подобные изменения шли рука об руку с процессом повышения ценности тела папы и самого папства. С этой точки зрения кризис верующих после смерти Папы вполне объясним, так как они сталкиваются с дилеммой: как примириться с потерей своего лидера и продолжить существование Церкви. Эти процессы легко считываются, но, как объяснил Герц, они были еще более сокрушительными для тех, кого они затрагивали.

Надгробная фигура папы не представляла понтифика, она являлась его вторым телом (изображением – *effigies*), как это было у королей, и она исполняла его обязанности во время междуцарствия, поскольку в момент смерти церковного государя институт папства передается кардиналам. Скорее, именно визуализация ритуала позволяла справиться с вакансией папского престола и тем самым продемонстрировать преемственность Святого Престола и Церкви. Как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, *фигура смерти* пропагандировала *продолжение существования*, поскольку она напоминала о церемонии, которая делала возможным преодоление кризиса. Таким образом, понятно, почему надгробная статуя могла быть изготовлена спустя годы после смерти папы. Именно по этой причине папская статуя могла носить тиару – важнейший папский знак отличия, несмотря на то, что на выставленном трупе фактически была только митра⁵⁸. Это вполне объяснимо: ведь так же, как не была разбита печать Петра и Павла, так и знак Святого Престола не мог быть предан земле. Погребение ограничивалось захоронением литургического головного убора папы, символа его сана римского епископа. Надгробие же представляло собой символ непрерывной преемственности св. Петра и Церкви. Поэтому на центральной оси различных папских гробниц изображалась голова Петра, первого наместника Христа, или самого Иисуса.

Между тем сами надгробные памятники стали частью настоящего общественно-религиозного ритуала, о чем свидетельствуют чудеса, происходившие у папских гробниц. В этой связи переходы в поведении по отношению к выставленному напоказ трупу и его каменному двойнику были, по-видимому, плавными. Например, те-

⁵⁸ Herklotz. 1990: 231.

ло Климента IV († 29 ноября 1268 г.), начало творить чудеса в день смерти последнего:

«Народ, тронутый его святостью и его чудесами, стекался к его святому трупу (*sacrum cadaver*), чтобы увидеть, прикоснуться и поцеловать его»⁵⁹.

Однако в случае с Григорием X (1271–1276), чудес, совершенных у гробницы в Ареццо, накопилось так много, что они были записаны на пергаментной табличке, которую повесили рядом с ракой⁶⁰. Когда Мартин IV († 1285) умер в Перудже, чудесные исцеления происходили и во время его погребения в соборе. Впоследствии сама гробница стала местом чудес и даже привлекла внимание двух городов, которые вели переговоры о её перемещении как о престижном предмете⁶¹.

Эти процессы связывают с догмой о пресуществлении (1215), с чем я хотел бы согласиться⁶². Возможно, достоин внимания тот факт, что о первых индивидуализированных погребальных скульптурах в Италии мы узнаем только после Евхаристического чуда в Больцано и последующего введения праздника Тела Христова в 1264 г. В то время вера в конкретную телесность, по-видимому, ещё не была достаточно распространена среди верующих; однако она достигла своего пика после того, как было провозглашено, что на глазах и в руках священника, сомневавшегося в реальном присутствии Святых Даров, освящённая гостия превратилась в плоть и кровь, так что даже корпорал⁶³ оказался пропитанным кровью.

БИБЛИОГРАФИЯ

⁵⁹ См. *Hyacinthus*. 1615. Этот текст частично опубликован в кн.: Propylaeum ad Acta Sanctorum. 1685: 2, 54*. «Indeque populi ejus sanctitate ac miraculis moti ad ejus sacrum cadaver visendum tangendum et deosculandum confluere.» Текст цитируется в кн.: *Ladner*. 1970: 154–155.

⁶⁰ *Ladner*. 1970: 174, 1753

⁶¹ *Paravicini Bagliani*. 1997:140–41.

⁶² *Belting*. 1982: 35–53; *Belting*. 1981: passim; *Belting*. 1990: passim; *Ginzburg*. 1992: 19 f.

⁶³ В литургических ритуалах католической церкви корпорал (лат. *Corporale*) – квадратное полотно, которое раскладывается на алтаре во время Евхаристической литургии и на котором на протяжении всего служения находятся патена с гостиями и чаша с вином. Обычно оно изготавливается из белого льняного материала. Название происходит от латинского *Corpus Christi* – Тело Христова. *Примеч. переводчика.*

ИСТОЧНИКИ

- Acta Sanctorum, Propylaeum Maii: Daniel Papebroch, S. J. Conatus Chronico-Historicus ad Catalogum Romanorum Pontificum. Antwerpen, 1685.
- Argellata Pietro* Chirurgia. Venetiis, 1513.
- Cennino Cennini* Le livre de l'art ou Traité de la peinture par Cennino Cennini, mis en lumière pour la première fois avec des notes par le chevalier de G. Tambroni. Traduction, notes et éclaircissements de Victor Mottez, précédée d'une lettre d'Auguste Renoir (facsimile издания 1923). P., 1978 (1-е франц. изд. 1858; 1-е итал. изд. 1821).
- Chronik von Colmar / Hg. v. Ph. Jaffé //MGH SS. Hannoverae, 1861. Bd. 17. S. 240–270.
- De Chauliac Guy* La Grande Chirurgie ... composée en l'an 1363 (Chirurgia magna). P., 1890.
- Duchesne L.* (Hg.), Le liber pontificalis. P., 1886–1892. Bd. 1–2.
- Hyacinthus* De Nobilibus O.P., Handschriftliche lateinische Chronik von S. Maria in Gradis zu Viterbo. Verfaßt 1615.
- Matthaeus Parisiensis.* Chronica majora. / Ed. H.R. Luard. L., 1876. T. 3 (Rolls series. Vol. 57)
- Duo rerum Anglicarum scriptores veteres, viz. Thomas Otterbourne et Johannes Whethamstede, ab origine gentis Britannicae usque ad Eduardum IV., e codicibus mss. antiquis nunc primus eruit Tho. Hearnius. Hg. v. Thomas Hearne. 2 Bde. Oxonii 1732, Bd. 1, 229.
- Pagel J. L.* (Hg.) Die Chirurgie des Heinrich von Mondeville (Hermondaville) nach Berliner, Erfurter und Pariser Codices zum ersten Male. /Berlin, 1892.
- Penicher L.* Traité des embaumements selon les anciens et modernes, avec une description de quelques compositions balsamiques et odorantes. P., 1699.
- Petrus Damiani* Die Briefe / Hg. K. Reindel. München 1983-1989. Bd. 1–3.
- Sabae sive Malaspiniae* rerum sicularum, liber V, capitulum III, in: Muratori: Rerum Italicarum Scriptores, Bd. VIII, Milano 1726, Sp. 861.
- Sucquet J.-P.* De la conservation des traits du visage dans l'embaumement. P., 1862.
- Sucquet J.-P.* De l'embaumement chez les anciens et chez les modernes et des conservations d'anatomie normale et pathologique. Aurillac 1872.
- Sylvaticus Mattheus* Opus pandectarum medicine Matthei Sylvatici ... Cui accedit Simon Januensis, Venetiis 1540.
- Thomas von Aquin.* Summa Theologiae.

ЛИТЕРАТУРА

- Alexandre-Bidon D.* Le corps et son linceu // *Idem* À réveiller les morts. La mort au quotidien dans l'Occident médiéval. Lyon, 1993.
- Arasse D.* Saint Bernardin ressemblant: la figure sous le portrait // Atti del simposio internazionale Cateriniano – Bernardiniano. Siena 1982. P. 311–332/
- Arasse D.* Fervebat pietate populus: art, dévotion et société autour de la glorification de Saint Bernardin de Sienna // Mélanges de l'École Française de Rome (Moyen-Âge et Temps Modernes). 1977. Vol. 89. P. 189–263.

- Baron de Guilhermy F.* (éd.) Monographie de l'église royale de Saint-Denis. Tombeaux et figures historiques. P., 1848.
- Bauch K.* Die Anfänge des figürlichen Grabmals in Italien // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1971. Bd. 15. S. 227–258.
- Belting H.* Das Bild und sein Publikum im Mittelalter. Form und Funktion früher Bildtafeln der Passion. Berlin, 1981.
- Belting H.* Die Reaktion der Kunst des 13. Jahrhunderts auf den Import von Reliquien und Ikonen // Belting H. (Hg.), Il medio Oriente e l'Occidente nell'arte del XIII secolo (Atti XXIV Congresso Internazionale Storia dell'Arte 2). Bologna, 1982. P. 35–53
- Belting H.* Bild und Kult. Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 1990.
- Belting H.* Face and Mask. A Double History. Princeton, 2017 (1-е изд. 2013).
- Belting-Ihm C.* Imagines Maiorum // Reallexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1996. Bd. 17. Sp. 995–1016.
- Bertaux É.* Le tombeau d'une Reine de France à Cosenza en Calabre // Gazette des Beaux-Arts, 1898. Sér. 3. Vol. 19. P. 265–276, 369–378.
- Büchsel M.* Die Entstehung des Christusporträts. Mainz, 2003.
- Büchsel M., Schmidt P.* (Hg.), Das Porträt vor der Erfindung des Porträts. Mainz, 2003.
- Castelnuovo E.* Portrait et société dans la peinture italienne. P., 1993 (1-е изд. *Idem.* Il significato del ritratto pittorico nella società // Storia d'Italia. 17 vol. Torino, 1973. Vol. 5/2. P. 1031–1094.
- De Wailly N.* Mémoire sur les variations de la livre tournois depuis le règne de Saint Louis jusqu'à l'établissement de la monnaie décimale. P., 1857.
- Didi-Huberman G.* Ressemblance mythifiée et ressemblance oubliée chez Vasari // Mélanges de l'École Française de Rome (Italie et Méditerranée). Rome 1994. T. 106. No 2. P. 383–432.
- Didi-Huberman G.* Image-matrice. Histoire de l'art et généalogie de la ressemblance // *Idem* . Devant le temps. P., 2000. P. 59–83.
- Drerup H.* Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts, römische Abteilung. 1980. Bd. 87. S. 81–129.
- Erlande-Brandenburg A.* Le tombeau de Saint Louis // Bulletin monumental. 1968. T. 126. P. 7–36.
- Erlande-Brandenburg A.* Le roi est mort. Genève, 1975.
- Falomir M.* Das höfische Porträt // Ibid. L. Campbell, M. Falomir, J. Fletcher, L. Syson (Hg.). Die Porträt-Kunst der Renaissance, Stuttgart 2008. S. 66–79.
- Faucon M.* Documents inédits sur l'église de la Chaise-Dieu // Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques. P., 1884. P. 383–443, 413.
- Focillon H.* Art d'Occident. Le Moyen Âge roman et gothique. P., 1938.
- Gaier M., Kohl J., Saviello A.* (Hg.) Similitudo. Konzepte der Ähnlichkeit in Mittelalter und Früher Neuzeit. München, 2012.
- Gardner A.* Princess among Prelates: A Fourteenth-Century Neapolitan Tomb and Some Northern. Relations // Römisches Jahrbuch für Kunstgeschichte. 1988. Bd. 23–24. S. 29–60.
- Gardner J.* The Tomb and the Tiara. Curial Tomb Sculpture in Rome and Avignon in the Later Middle Ages. Oxford 1992.

- Gay V.* Glossaire archéologique du Moyen Âge et de la Renaissance. P., 1928. T. 2.
- Gaucher-Rémond É.* Autoportrait et représentation de l'individu. Louvain-la-Neuve, 2016.
- Giese R. E.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva, 1960.
- Giese R. E.* Le Roi ne meurt jamais: les obsèques royales dans la France de la Renaissance. P., 1987.
- Ginzburg C.* Repräsentation – das Wort, die Vorstellung, der Gegenstand // *Freiburger*. 1992. T. 53. S. 2–23.
- Ginzburg C.* Occhiacci di legno. Nove riflessioni sulla distanza. Milano, 1998.
- Ginzburg C.* À distance. Neuf essais sur le point de vue en histoire. P., 2001.
- Göller E.* (Hg.) Die päpstliche Pönitentiarie von ihrem Ursprung bis zur ihrer Umgestaltung unter Pius V (Bibliothek des Kgl. Preuss. Historischen Instituts in Rom, Bde. 3, 4, 7, 8). 2 Bde. in je 2 Teilen. Rom, 1907–1911. Bd. I–I.
- Groebner V.* Who are you? Identification, Deception and Surveillance in Early Modern Europe. New York, 2007 (1-е изд. 2004).
- Harvey A., Mortimer R.* The Funeral Effigies of Westminster Abbey. Woodbridge, 2003 (1-е изд. 1994).
- Herklotz I.* Das mittelalterliche Grabbild. Figürliche Grabmäler des 11. bis 15. Jahrhunderts in Europa. Berlin, 1976.
- Herklotz I.* «Sepulcra» e «monumenta» del medioevo. Roma, 1985.
- Herklotz I.* Paris de Grassis *Tractatus de funeribus et exequiis* und die Bestattungsfeiern von Päpsten und Kardinälen in Spätmittelalter und Renaissance // *Skulptur und Grabmal des Spätmittelalters in Rom und Italien. Akten des Kongresses «Scultura e monumento sepolcrale del tardo medioevo a Roma e in Italia»* (Rom, 4. – 6. Juli 1985). Wien, 1990.
- Hertz R.* Mélanges de sociologie religieuse et Folklore. P., 1928.
- Keller H.* Die Entstehung des Bildnisses am Ende des Hochmittelalters // *Römisches Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 1939. Bd. 3. S. 227–365.
- Ladner G.B.* Die Papstbildnisse des Altertums und des Mittelalters. Città del Vaticano, 1970, 1984. Bd. 1–3.
- Le Breton G.* Essai historique sur la sculpture en cire // *Précis analytique des travaux de l'Académie des Sciences, Belles-Lettres et Arts de Rouen*. Rouen, 1894. P. 247–303.
- Le Goff J.* Héros du Moyen âge, le saint et le roi. P., 2004.
- Little Ch., Sauerländer W.* Set in stone. The Face in Medieval Culture. New Haven, 2006.
- Maines C.* (ed.) Contemporary Approaches to the Medieval Face. New York 2007 (special issue, *Gesta*. 46/2).
- Olariu D.* (éd.) Le portrait individuel. Réflexions autour d'une forme de représentation, XIII^e-XV^e siècle. Bern, 2009.
- Olariu D.* Genèse de la représentation ressemblante de l'homme. Reconsidérations du portrait à partir du XIII^e siècle. Bern, 2014.
- Paravicini Bagliani A.* Medicina e scienze della natura alla corte dei papi nel duecento. Spoleto, 1991.
- Paravicini Bagliani A.* Der Leib des Papstes, München, 1997.
- Paravicini Bagliani A.* (éd.) Le portrait. La représentation de l'individu. Florenz, 2007. (Micrologus' library. Vol. 17).

- Perkinson S.* The Likeness of the King. Chicago, 2009.
- Prost B.* Quelques documents sur l'histoire des arts en France d'après un recueil manuscrit de la bibliothèque de Rouen // Gazette des beaux arts. 1887. 2e période. № 35. P. 322–330; № 36. P. 235–242.
- Rollo-Koster J.* Communicating Unity during the Great Western Schism (1378–1417): Pierre Ameil and Papal Funerals // Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia). 2020. T. 31. P. 113–129.
- Siebert M.* Totenmaske und Porträt. Der Gesichtsabguss in der Kunst der Florentiner Renaissance. Baden-Baden, 2017.
- Strand A. A.* Giacomo Grimaldis Bericht über die Öffnung des Grabes Papst Bonifaz' VIII. (1605 // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1966. Bd. 61. S. 145–202.
- Syson L.* Zeugnis von Gesichtern, Gedenken an Seelen // L. Campbell, M. Falomir, J. Fletcher, L. Syson (Hg.). Die Porträt-Kunst der Renaissance, Stuttgart, 2008. S. 14–31.
- Turel N.* Living pictures: Rereading 'au vif', 1350-1550 // Gesta. 2011. T. 50/ 2. P. 163–182.
- Turner V.W.* Das Ritual: Struktur und Antistruktur, Frankfurt 2000 (1-е изд.: *Turner V.* The ritual process: structure and anti-structure. L., 1969).
- Von Heintze H.* Römische Porträts. Darmstadt, 1974 (Wege der Forschung. Bd. 348).
- Von Schlosser J.* Geschichte der Porträtbilderei in Wachs. Ein Versuch // Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien, 1911. S. 171–258 (2-е изд.: *Von Schlosser J.* Tote Blicke. Geschichte der Porträtbilderei in Wachs. Ein Versuch. Hg. von T. Medicus. Berlin, 1993. 180 S.)
- Warburg A.* Bildniskunst und florentinisches Bürgertum. Leipzig 1902.
- Wolf G.* Salus populi romani. Die Geschichte römischer Kultbilder im Mittelalter. Weinheim, 1990.
- Wolf-Dietrich L., Weppelmann S.* (Hg.), Fantasie und Handwerk. Cennino Cennini und die Tradition der toskanischen Malerei von Giotto bis Lorenzo Monaco. Ausst.-Kat. München, 2008.

СПРАВОЧНИКИ

- Brockhaus-Enzyklopädie. 24 Bde. 19 Aufl. Mannheim, 1992. Bd. 17.
- Encyclopaedia universalis / Éd. A. Aubry. 52 vols. 2 éd. P., 1995. Vol. 18.
- Grand Larousse de la langue française. / Ed. L. Guibert, R. Lagane, G. Niobey. 7 vols. 2ème éd. P., 1989. Vol. 5.
- Le Grand Robert de la langue française. / Éd. R. Alain et R. Paul. 2-ème éd. 6 vols. P., 2001. Vol. 5.
- Meyers enzyklopädisches Lexikon. / Hg. G. Drosdowski. 32 Bde. 9 Aufl. Bd. 19. Mannheim, 1977. Bd. 19.
- Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / Ed. W. R. Trumble, A. Stevenson. 2 vols. 5th ed. Oxford, 2002. Vol. 2.

Перевод с нем. С.И. Лучицкой



Рис. 1. Состояние останков Людовика VIII при эксгумации. Рисунок Александра Лемуара, 1793 г.



Рис. 2. Изабелла Арагонская. Надгробная статуя. Козенца, кафедральный собор (деталь), до 1276 г. Явно виден отек на правой (с точки зрения зрителя) стороне.



Рис. 3. Изабелла Арагонская (см. рис. 2). Видны длинный острый нос, приподнятый уголок рта и заостренный подбородок.



Рис. 4. Изабелла Арагонская (см. рис. 2). Видны смещённая вправо от центральной оси нижняя челюсть и опухшая половина лица.



Рис. 5. Надгробная скульптура. Сен-Дени, кафедральный собор (деталь) ок. 1275 г.



Рис. 6. Пациент с типичным смещением уголка рта при отеке после травмы подбородка и нижней челюсти на левой стороне лица.



Рис. 7. Надгробная фигура Климента IV. Витербо, базилика Сан-Франческо (деталь).



Рис. 8. Надгробная Надгробная скульптура Климента IV., Витербо, Сан-Франческо, не позднее 1271 г.



Рис. 9. Выставление напоказ тела усопшего Иоанна XXIII на площади Святого Петра при его перемещении в день Пятидесятницы, 3 июня 2001 года.



Рис. 10. Фреска изображающая погребение видного священнослужителя. Витербо, базилика Сан-Франческо (деталь).

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Нэнси Бисаха

ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД*

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-11

Аннотация: в статье на широком историческом фоне рассматриваются необычные обстоятельства смерти папы Пия II (Эней Сильвио Пикколомини) в 1464 г. в порту Анконы. Понтифик прибыл туда пешком с целью отправиться в крестовый поход, который он собирался сам возглавить. Нэнси Бисаха пытается объяснить неординарный поступок понтифика, изучая, с одной стороны, личные мотивы папы, а с другой – религиозные и политические процессы, которые повлияли на его решение. Как показывает автор статьи, попытка Пия II организовать общеевропейский собор в Мантуе в 1459 г. и его дальнейшие усилия по организации нового крестового похода были реакцией на турецкую экспансию и захват турками Константинополя в 1453 г.

Ключевые слова: Пий II, крестовый поход, гуманизм, падение Константинополя в 1453 г., собор в Мантуе 1459 г.

13 августа 1464 г. папа Пий II (Эней Сильвио Пикколомини) принял причастие и в последний раз обратился к кардиналам, уещивая их продолжить начатое им дело: «Горе вам, горе вам, если вы оставляете дело Бога», – предупреждал он за несколько часов до того, как умер во сне¹. На первый взгляд смерть Пия II была похожа на смерть многих пап, которые были до и после него. Но обстоятельства его кончины не были ни мирными, ни обычными: он умер не в одной из папских резиденций, но вдали от дома в порту Анконы, откуда собирался отправиться в им же объявленный и подготовленный крестовый поход.

Казалось, это был странный, неожиданный конец для человека, который большую часть своей жизни был гуманистом, поэтом и бюрократом. Известный своим здравомыслием в политике и тонким юмором, Эней никогда не был воином, как и не был теологом или святым. Ему довелось насладиться всеми благами долгой ка-

¹ Перевод выполнен по оригиналу: *Bisaha N. Pope Pius II and the Crusade // Crusading in the Fifteenth Century: Message and Impact / Ed. N. Housley. L., 2004. P. 39–52.* Перевод публикуется с разрешения автора. *Schwoebel. 1969: 65.*

рьеры в качестве доверенного секретаря и дипломата, который путешествовал по Европе со своим начальством или по его поручению. Отказываясь на протяжении многих лет занять какие-либо церковные должности, он вступил в Церковь только по достижении среднего возраста, когда произвел на свет двух детей и написал дерзкие любовные стихи и прозу.

Вдобавок ко всему в момент своего финального путешествия он был стар и очень болен. Почему в то время, как многие папы довольствовались тем, чтобы призывать к крестовому походу, Пий почувствовал себя обязанным участвовать в одном из них? В этом очерке я попытаюсь объяснить, какие личные обстоятельства привели его в Анкону и какие религиозные и политические процессы способствовали тому, чтобы он выбрал этот путь. Смерть Пия в Анконе все еще может казаться эксцентричной, вызывающе необычной, а кому-то нехарактерно возвышенной для той эпохи, но она может рассказать нам многое о Европе XV в. и о жизни этого человека².

Вполне можно утверждать, что решение Пия самому отправиться в крестовый поход было наивысшим проявлением его естественной, хотя и доведённой до крайности, одержимости священной войной и ненавистью к османским туркам, которую он пронёс через всю жизнь³. Пий привлек внимание к турецкой угрозе уже в 1436 г. на Базельском соборе⁴.

Эней также неоднократно лоббировал крестовый поход в своих письмах, написанных до и после падения Константинополя 29 мая 1453 г. Он призывал понтификов Николая V и Каликста II и среди прочих императора Фридриха III организовать или взять на себя руководство крестоносной экспедицией на Восток. Одним из его первых официальных действий в качестве папы была организация общеевропейского собора в Мантуе с единственной целью подготовить широкомасштабный крестовый поход. Он полагал, что если бы ему удалось найти способ сплотить разьединенных евро-

² Для К.М. Сеттона Пий II, решившийся во что бы то ни стало отправиться в заморскую экспедицию, — один из самых величественных образов Кватроченто. См. кн.: *Setton*. 1978: 261.

³ См. обзор размышлений Пия и его сочинений на эту тему в кн.: *Helmrath*. 2000: 79–137. Я также обращаюсь к анализу взглядов Пия в кн.: *Bisaha*. 2004.

⁴ См.: *Setton K.M.* Op. cit. P. 201, примеч. 12.

пейцев и выставить на поле боя достаточно большую армию, то турок можно было бы разгромить или по крайней мере остановить их продвижение. Когда, несмотря на все его тяжкие труды, крестовый поход так и не стал реальностью, он попытался инициировать процесс, отправившись (или грозя отправиться) сам.

Но был ли то естественный ход вещей или взгляды Энея на турок и крестовый поход изменялись с течением времени, особенно после его избрания папой? Было бы уместно начать отвечать на эти вопросы с рассмотрения нескольких его трудов, написанных до того, как он стал папой. Его отклики на падение Константинополя представляют собой образцы самой страстной риторики. В тот момент Эней был епископом Триеста и Сиены, но все еще служил в качестве секретаря у Фридриха III. Глубоко встревоженный завоеванием византийской столицы, он написал письма Николаю V и Николаю Кузанскому, в которых выражал праведное негодование по поводу надругательств над братьями-христианами и их святынями и призывал действовать в защиту христианской Церкви и Европы. Такое же место было уделено в письмах и влиянию осады на ученость и культуру. Повторяя папе свои рассказы об уничтожении бесчисленных книг во время осады, Эней оплакивал это событие как «еще одну смерть Гомера и Платона»⁵.

Он подробно сообщает об этих утратах в своем письме Кузанцу. Что за люди, спрашивает он, стали бы нападать на ученость? Ксеркс и Дарий «воевали с людьми, а не с буквами», и древние римляне высоко ценили ученость греков, несмотря на то что завоевали их страну. Но при турках, утверждает он, греческая ученость непременно погибнет⁶. У Энея, как и многих других гуманистов, рассказы о жестоком разорении столь богатого города, особенно его библиотек, вызывали в воображении картины разграбления Рима в V в. н. э. и последующих «темных веках»⁷.

Интерес Энея к крестовому походу и его приверженность этой идее – как и у других гуманистов – значительно возросли после падения Константинополя⁸. Ему не пришлось долго ждать, что-

⁵ Der Briefwechsel. 1918: 200.

⁶ Ibid. 209.

⁷ О взглядах гуманистов на турок см.: *Bisaha N.* 1995: 111–207.

⁸ Или, как утверждает Джоакино Папарелли, «это добавило новых дрожжей в его церковную карьеру». См.: *Paparelli.* 1978: 114.

бы применить свое красноречие на деле. В течение следующих двух лет Фридрих III поручил ему выступать с речами от его имени на сеймах Регенсбурга (Ратисбонны), Франкфурта и Винер-Нойштадта, где обсуждались планы крестового похода. Его речи, произнесенные в Регенсбурге и Франкфурте, передавались из уст в уста, а позже были напечатаны⁹.

В ней Эней более конкретно говорит о недавних потерях и о территориях, которые находятся на грани завоевания турками, а также об отчаянной необходимости для христиан объединиться против неверных. И все же Эней обсуждает тот же круг тем, оплакивая как утраты христиан и христианской веры, так и утраты западной культуры. Константинополь был великим городом, столпом Римской империи и центром выдающейся учености. В то время как некоторые утверждали, что турки происходят от троянцев и поэтому имеют право на то, чтобы претендовать на древнее наследие, Эней лаконично отвергает эту идею:

«Турки на самом деле не происходят, как многие считают, от азиатов, которых они называют троянцами; римляне, происходящие от троянцев, не питали ненависть к литературе».

Истинными предками турок, по его мнению, являлись дикие скифы¹⁰.

Сознавая, что тирадой, направленной против уничтожения учености, он может оттолкнуть от себя слушателей и/или читателей из числа воинов, Эней утверждает, что и солдат не должна оставлять безразличными угроза, которую турки представляют для литературы – ведь как иначе героям увековечить свои подвиги?¹¹ Таким образом, он манипулирует желанием собственной аудитории обрести как награды небесные, так и земную славу.

Эти работы показывают, что беспокойство Энея по поводу турецкого наступления было многогранным. Он беспокоился о по-

⁹ Ц. фон Мартелс и Р. Митчелл утверждают, что речь, произнесенная во Франкфурте, была напечатана. См.: *Von Martels*. 2003: 220; *Mitchell*. 1962: 396, примеч. 105. М. Мезерв и М. Симонетта также заявляют, что франкфуртская речь была напечатана. См.: *Pius II*. 2004: 396, примеч. 5.

¹⁰ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 681. О турко-троянском вопросе и других идеях о происхождении турок см.: *Heath*. 1973: 453–471; *Meserve*. 2000: 409–426.

¹¹ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 681; *Von Martels*. 2003: 220.

следствиях для своей веры, что видно из его пространного обращения к аудитории о том, насколько более существенным был их долг перед Христом, который страдал, умер за них и искупил их, чем перед князьями, родственниками и друзьями, за которых они охотно сражались. Он также говорит о безопасности христианского мира и Европы, особенно Венгрии и Далмации. Но самая оригинальная и страстная часть проповеди – та, где Эней выступает в качестве гуманиста и с большим чувством изображает турок как орудие разрушения культуры. Он, кажется, способен понять их противостояние Европе и даже христианской вере, но он чуть ли не озадачен тем, зачем они подвергают опасности литературу. Единственный возможный для него ответ таков: турки являются являются варварами и, следовательно, представляют невиданную со времен ужасных «темных веков» угрозу для Европы.

Красноречие и политический опыт Пия, не говоря о его страстной поддержке крестовых походов, обратили на себя внимание преемника Николая V, папы Каликста III (1455–1458)¹². В 1456 г. Эней стал кардиналом, а в 1458 г. был избран папой. То был стремительный и ошеломляющий взлет к вершине церковной иерархии – ведь священный сан он принял всего лишь 12-ю годами раньше. Отсутствие богатства и влиятельных родственников он компенсировал талантом и дипломатическим мастерством.

Кардиналы и правители, которых они представляли, считали его разумным и сговорчивым; его страстная и открытая поддержка крестовых походов также способствовала выдвижению его кандидатуры. Энергичная поддержка Каликстом III войны против турок помогла христианам достичь побед при Белграде, Метилене и Лемносе¹³.

Эней, обладавший исключительными познаниями в европейской политике и дипломатической ловкостью, казался подходящим человеком для того, чтобы сохранять и поддерживать импульс крестового похода. Но мог ли сан папы изменить личность Энея и его отношение к туркам? Имя, которое он выбрал при избрании, – неоднозначное послание. Папа Пий I (ок. 142 – ок. 155) яростно защищал правоверие от еретиков – таких, как Маркион и др. Возможно, Эней желал подражать ему в защите веры. Более вероятно, что на выбор его имени повлиял Вергилий, который часто называл

¹² Mitchell. 1962: 103–105.

¹³ Housley. 1992: 102–104.

главного героя своего эпического произведения «благочестивый (pius) Эней»¹⁴. Поскольку сделанный папой выбор имени не дает нам четких ответов, посмотрим на его действия в отношении крестового похода.

Первоначальные усилия Пия по организации крестового похода органично вписывались в русло его прежней жизни государственного деятеля и оратора. Вместо того, чтобы опубликовать буллу о крестовом походе и оставить своим легатам право ее распространять, Пий объявил вселенский собор, единственная цель которого заключалась всего лишь в подготовке крупномасштабного крестового похода – собор, на котором он собирался председательствовать¹⁵. Как он сказал своим кардиналам, в его намерение входило «попросить совета тех, чья помощь ему нужна»¹⁶. Изначально Пий был готов разделить свои усилия по подготовке и контролю крестового похода с другими; он смотрел на собор как на транснациональную задачу, требующую масштабного планирования, такта и терпения. В Мантуе требовалось очень много терпения.

Собор должен был открыться 1 июня 1459 г., но к этой дате собралось не так уж много делегатов. В своей вступительной речи Пий пожурил правителей за задержку отправки представителей или за отправку ничем не примечательных делегатов, которые не обладали полномочиями принимать решения или давать обещания:

«Христиане не так сильно озабочены религией, как мы думали. Мы весьма загодя определили дату собора. Никто не может сказать, что времени было слишком мало; никто не может сослаться на трудности путешествия. Мы, старые и больные, бросили вызов Апеннинам и зиме»¹⁷.

Папа начинал осознавать, насколько мало уважения вызывали его указания. Тем не менее, Пий решил подождать в Мантуе, уговаривая правителей немедленно отправить послов. Вопреки желанию

¹⁴ Об этом и об изменчивой природе идентичности и самовосприятии Энея см.: *Izbicki*. 2003: 187–203.

¹⁵ О соборе в Мантуе см.: *Setton*. 1978: P. 201–14; *Paparelli G.* Op. cit. P. 157–71; *Mitchell R.* Op. cit. P. 119–46.

¹⁶ См.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 117.

¹⁷ *Ibid.* P. 191.

своих кардиналов он почти четыре месяца ждал, пока придут делегаты¹⁸.

К осени наконец-то прибыло большинство представителей. Итальянцы показали себя лучше всех, не в последнюю очередь благодаря личному появлению и декларативным обязательствам герцога Франческо Сфорца из Милана¹⁹. Хотя по-прежнему недоставало поддержки не-итальянцев (за исключением заметной фигуры Филиппа Доброго), Пий был настолько доволен присутствием и отношением собравшихся делегатов, что продолжил подготовку своего крестового похода. Он начал эти приготовления с еще одной речи, которая получила широкое распространение и позднее была опубликована²⁰.

Хотя цели Пия в Мантуе во многом сходны с теми, которые он преследовал на имперских сеймах 1454–1455 гг., эта его речь отличается по ряду аспектов. В противоположность предыдущим, мантуанская почти не содержит упоминаний о турках, представляющих собой варварскую угрозу учености и западной культуре. Он также не углубляется в детали, рассказывая о древних скифах – предполагаемых предках турок. Когда он действительно рассуждает об античном прошлом, он обращается к героическим греко-римским образцам военной доблести и чести²¹. Похоже, Пий смещает акцент в сторону религиозных вопросов. Он описывает, как христианский мир все больше окружают силы ислама, которые завоевали Иерусалим и теперь угрожают Европе. Он перечисляет совершенные турками в Константинополе зверства, а также рассказывает о продолжающемся уничтожении церквей и творимых турками актах богохульства против Христа. Пий даже подробно обсуждает происхождение ислама, очерняя его как основанную шарлатаном секту,

¹⁸ *Ibid.*: 192–193. Об опасениях Флоренции на соборе в Мантуе и в дальнейшем см.: Black 1985: 249–259.

¹⁹ Позднее Франческо Сфорца вызвал горькое разочарование Пия, отказав ему в просьбе возглавить крестовый поход и помешав его попыткам проповедовать крестовый поход на подвластной герцогу территории. См.: Simonetta. 2003: 147–170.

²⁰ Aeneas Silvius Piccolomini. 1967: 905–914.

²¹ Пий приводит примеры справедливой войны в Трое и Карфагене и помощи Рима союзникам. Он также обсуждает древние победы западных держав над ижеженным Востоком. Следует также отметить классическую структуру самой его речи. См.: Heath. 1986.

проповедующую наслаждения и насилие, что резко контрастирует с праведностью и чистотой христианства.

Еще одна религиозная тема – сила молитвы. Здесь Пий ссылается среди прочих на библейские примеры Моисея и Юдифи, а также на недавнюю чудесную победу христианских войск под Белградом. Армию, защищавшую балканский город, возглавляли яркие лидеры – проповедник Джованни да Капистрано и генерал Янош Хуньяди, но она сильно уступала по численности туркам и состояла в основном из крестьян. «Они все же победили турок, – заявляет Пий, – борясь с врагом не столько сталью, сколько верой»²².

Несмотря на многие различия между собором Пия и Клермонским собором, риторика крестового похода звучит на протяжении всей его речи как эхо проповеди Урбана II в Клермоне²³, породившей Первый крестовый поход. Подобно Урбану, Пий сетует на осквернение Святой земли и гибель христиан на Востоке, в то время как верующие сражаются друг с другом в Европе. В традиционной риторике крестового похода он призывает свою аудиторию «не брять оружие друг перед другом, а защищать Церковь, религию и христианскую веру от вторжений варваров и неверных»²⁴. Его описание зверств в Константинополе также напоминает мощный слог проповеди Урбана II: храмы оскверняют, мощи оскорбляют, священников убивают, а женщин насилуют. Еще более выразительные ассоциации с Первым крестовым походом просматриваются в его упоминаниях об участниках этой исторической кампании:

«О, если бы здесь были Готфрид, Балдуин, Евстахий, Гуго Великий, Боэмунд, Танкред и другие великие люди, которые когда-то вклинились в турецкие боевые порядки и силой вернули Иерусалим, они бы не позволили нам говорить так долго, но поднялись бы, как тогда, в присутствии нашего предшественника

²² *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 909. О сражении под Белградом см. *Setton*. 1978: 173–181; *Housley*. 1992: 103–104.

²³ Целью Клермонского собора была реформа, а не крестовый поход. В конце собора Урбан II созвал большое число мирян и клир и произнес свою знаменитую воодушевляющую речь. Таким образом, речь Урбана II стала для многих в толпе волнующим сюрпризом.

²⁴ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 905. В другом месте он использует термин «civilia bella»: *Ibid.*: 907.

Урбана II, и страстно закричали бы: “Этого хочет Бог! [Deus vult]!”»

Здесь Пий не первый раз обращается к Первому крестовому походу, но впервые эта тема занимает в его крестоносной проповеди столь важное место в ущерб излюбленному гуманистическому противопоставлению культуры варварству.

Почему произошел этот сдвиг? Очевидно, в 1454–1455 гг. Эней выступал как епископ и государственный секретарь, а в 1459 г. – как высший авторитет в Церкви и во всем христианском мире. В 1454–1455 гг. он призывал к крестовому походу под руководством императора, а в 1459 г. – к сплочению христиан под руководством папства. И тем не менее, несмотря на изменения в жизни Пия, аудитория, к которой он обращался, была очень похожа – это были делегаты, представляющие интересы правителей, которых он просил посвятить себя общему делу крестового похода. Возможно, он пытался убедить свою аудиторию в том, что он – нужный в этот переломный период христианскому миру папа-крестоносец и лидер, а не легкомысленный поэт, до сих пор вызывавший у многих подозрения и опасения.

Если так оно и было, то его речь в Мантуе была преднамеренной попыткой скрыть свою личность гуманиста и возвыситься до статуса поэта-крестоносца. Однако попытка вжиться в эту новую роль представляется несколько неловкой; он повторяет уже высказанные им самим и другими аргументы в ущерб более оригинальному материалу²⁵. Несмотря на его заявления о том, что его трехчасовая речь захватила аудиторию, это было, вероятно, не лучшее его выступление²⁶.

Как мы увидим, став папой, Пий не отказался от своих интересов в сфере классической и светской культуры, но в папских речах, буллах и письмах, посвященных туркам, он отдает предпочтение религиозной и традиционной риторике крестового похода. Страстные тирады о невозполнимом ущербе для учености, произнесенные во время проповеди защиты веры, были бы, вероятно, неверно истолкованы. К тому же за несколько лет до того он попытался вдох-

²⁵ *Von Martels*. 2003: 222.

²⁶ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 251. Пий делал аналогичные заявления и о других своих речах и произведенном ими эффекте.

новить аудиторию своими соображениями о культуре, образовании и даже героической славе, но после того, как аплодисменты и комплименты стихли, никаких желаемых результатов не последовало. Его решение произнести речь в стиле Урбана кажется, было рассчитано на то, чтобы возродить дух 1095 г. Тем не менее, Пий, похоже, был не настолько наивен, чтобы думать, что он получит такой же сердечный отклик. Сразу после того, как он произнес фразу первых крестоносцев «*Deus vult!*», он отметил вопиющий контраст между Клермоном и Мантуей: «Вы спокойно ждете окончания нашей речи и, кажется, не тронуты нашими увещеваниями»²⁷.

Собор в Мантуе закончился в январе 1460 г. Несмотря на то, что Пий получил многочисленные заверения в готовности прислать корабли, деньги, наемников и собранную десятину, стало ясно, что эти обещания были в лучшем случае ненадежными. Годы опыта научили Пия распознавать уклончивость и отсутствие доброй воли. Его решение опубликовать папскую буллу «*Ehexcabilis*» в том же месяце было отчаянной попыткой заставить правителей исполнять обещания, по крайней мере, касательно сбора десятин на своей территории²⁸. Этот и другие шаги Пия навлекли на него критику за то, что он отказался от прежней приверженности концилиаризму; его также обвиняли в том, что крестовый поход был для него плохо замаскированной попыткой захвата власти²⁹. Но это кажется маловероятным, если принять во внимание его более демократичный подход к власти в Мантуе. Сегодня большинство ученых согласны в том, что желание Пия достичь большего единства христиан, особенно в борьбе против турок, оставалось непоколебимым, несмотря на предпринимаемые им, казалось бы, противоположные усилия в этом направлении³⁰. Несмотря на все разочарования Пия, привед-

²⁷ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 914. Также, по утверждению Пия II, перед тем как произнести свою речь, он заявил посланникам Филиппа Бургундского, чтобы они не ожидали крестового похода на уровне Готфрида Бульонского или Конрада III. См.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 215.

²⁸ *Setton*. 1978: 214.

²⁹ См. дискуссию об искренности Пия в кн.: *Schwoebel*. 1971. О более критичных взглядах на Пия II см.: *Cardini*. 1979: 71–72; *Babinger*. 1978: 198–199.

³⁰ В то время как некоторые историки считают, что Пий использовал крестовые походы как средство достижения папской власти, М. Мезерв и М. Симонетта заявляют, что он мог также использовать доктрину папского превосходства для достижения европейского единства и организации

шие к изданию буллы, она отражает его веру в авторитет папского престола, способного заставить христиан участвовать в походе, даже если папе самому не удалось вдохновить их на это своей личной харизмой. После собора в Мантуе Пия был поглощен волнениями на Апеннингах, что не давало ему больших надежд на крестовый поход, пока эти проблемы не будут решены³¹. Тем не менее, он продолжал активно писать на все темы, что видно по его знаменитым «Запискам о достопамятных деяниях» (*Commentaria rerum memorabilium*). Будучи своеобразной смесью исторических записок, автобиографии, рассуждений об обществе, поэзии, и даже эпоса, они отражают творческий потенциал Пия, живость его ума и эклектизм³². Рассказывая от третьего лица о своей деятельности в качестве папы, он приводит пространные отступления по истории стран и городов, откровенные характеристики отдельных личностей, пышные описания итальянской сельской местности и даже замечания о любительских археологических исследованиях. Однако, несмотря на широту, откровенность и остроумие «Записок», большинство пассажей о наступлении турок отличаются заметной сдержанностью. Они встречаются реже и не так подробны, как можно было бы ожидать, учитывая заявление Пия о том, что «среди всех лелеемых им в сердце целей ни одна не была ему дороже, чем пробудить турок и объявить им войну»³³. Фактически в период между началом 1460 г. и 1463 г. он редко их упоминает. Его длительное молчание и бездействие можно рассматривать как нежелание брать на себя обязательства. Но скорее оно проистекает из его представления о том, что не стоит затевать небольшую крестовую экспедицию, а для крупной военно-религиозной экспедиции необходимы согласованные действия или по крайней мере мир между итальянцами. Никто не осознавал последствия такого без-

крестового похода против турок. Какими бы перспективными ни казались когда-то идеи концилиаризма и имперского лидерства, они давно провалились, тогда как масштаб поставленной им цели крестового похода никогда не уменьшался. См.: *Pius II*. 2004: XIV.

³¹ Описание Пием II его недавних забот и его веры в то, что путь для крестового похода отныне расчищен, см. в кн. 12. его «Записок о достопамятных деяниях».

³² Подробнее о «Записках о достопамятных деяниях» см.: *Pozzi*. 1991: 151–162; *Lacroix*. 1991: 133–149.

³³ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 115.

действия лучше, чем сам Пий II, о чем он откровенно говорил своим кардиналам, признаваясь, что подобный застой приводил его в отчаяние³⁴.

Когда Пий II в своих «Записках» сосредотачивается на турецкой тематике, его язык заметно более сдержан, чем в ораторских выступлениях. Он обычно называет их просто «турками», «турецкой расой» или иногда «врагами креста». Мало что говорится о турках как о варварах, готовых разрушить западную цивилизацию. Если принять эти отрывки на веру как простое свидетельство настроений и действий Пия II, то мы увидим, что его подход к туркам был поразительно трезвым; папа демонстрирует спокойное, сдержанное и продиктованное тактическим и даже политическим расчетом отношение к взрывоопасной проблеме. Более вероятно, что в данном случае Пий II намеренно избегал рассуждать о турках как о варварской угрозе культуре, и это было частью его плана представить себя достойным религиозным лидером крестового похода. Хотя «Записки» выстроены в хронологическом порядке, и их структура местами не отшлифована, это сочинение не является простым дневником; его композиция хорошо продумана, и оно призвано прославлять и защищать понтификат Пия. Как папа он обычно изображается в благоприятном, если не идеальном, свете³⁵. Полеты риторической фантазии могли только отвлекать читателя своим неистовством и создавать ощущение хаоса вместо порядка, к которому он стремился.

Поскольку папские речи, письма и его «Записки» не давали Пию возможности высказаться о турецком наступлении с точки зрения гуманиста, он нашел подходящий выход для таких размышлений в своих исторических трудах, в частности, в «Азии», которая была частью намного ранее запланированной и частично завершенной работы «Космография»³⁶. В «Азии» он обсуждает угрозы для христианской веры и ущерб христианской вере, но также уделяет много времени изучению турок со светской и культурной точки зрения. Как ни странно, эта работа была позитивно воспринята как «новая», в отличие от современных хроник, авторы которых про-

³⁴ Ibid.: 822.

³⁵ См.: Pius II. 2004: XVII; См. также: *Lacroix*. 1991.

³⁶ *Vollmann*. 2003: 42–43.

должали ссылаться на апокалиптическую мысль и миф³⁷. История турок была темой, которая интересовала Пия многие годы; он часто ссылался на их предполагаемые древние скифские корни, дабы добавить полемического накала своим письмам и речам.

В «Азии» он развивает эти положения. Ссылаясь на таких авторов, как Иордан и некий «Aethicus», он описывает скифов как «жестокый и бесчестный народ, предающийся любым видам сексуальных извращений, завсегдагай борделей, пожиратель отвратительных вещей: мяса кобыл, волков, стервятников и, что еще ужасней, исторгнутых из чрева человеческие зародыши»³⁸. Стоит отметить акцент Пия на варварстве скифов – он считал, что их турецкие потомки мало изменились за прошедшие столетия и фактически были обречены на то, чтобы вновь и вновь повторять все эти дикости³⁹.

Продолжая тему происхождения турок, Пий, дойдя до истории Оттоманской династии, подчеркивает темное происхождение Османа I. Ислам ожидаемо изображается в мрачных и враждебных красках как фальшивая религия, которая поощряет плотские удовольствия, но противится учености⁴⁰. Цель Пия заключается в том, чтобы представить турок-османов преступными и низкими во всех отношениях – от их происхождения до религии, которую они исповедуют. Они разрушили некогда процветавшую христианскую территорию Малой Азии, ввергнув ее в варварство.

Тем не менее, стоит отметить, что взгляд Пия на современную ему Азию не вполне отрицательный; за турками и мусульманами Западной Азии обитают народы, наделенные более многообещающими качествами. Если турки как помеха будут устранены, эти народы могут быть приведены к Христу⁴¹. Короче говоря, «Азию» можно рассматривать как продолжение гуманистической мысли Пия о турках и исламе. Подобные заявления отражают более светскую оценку, хотя и несут на себе отпечаток культурного шовинизма.

³⁷ Ibid.: 54.

³⁸ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 307. Пий II считал, что Aethicus был античным автором, но на самом деле он был писателем VII в. См. об этом: Heath. 1973: 456–457.

³⁹ *Meserve*. 2003: 24.

⁴⁰ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 385.

⁴¹ *Vollmann*. 2003: 53.

Пий вновь обращается к религиозной тематике в своем неоднозначно оцениваемом письме к Мехмеду II, где он предлагает султану обратиться в христианство в обмен на его официальное признание и папскую поддержку. Многие восприняли письмо буквально и рассматривают его как краткое, но яркое свидетельство смягчения отношения Пия к туркам и крестовому походу. В другом своем исследовании я подробно доказывала, что данное письмо не следует считать искренней попыткой обратить Мехмеда II в христианство⁴². На самом деле, оно было предназначено для христианской аудитории и написано, скорее всего, в пропагандистских целях. Большая часть письма посвящена полемическому изложению учения ислама и защите христианских догматов. Как и в папских проповедях о крестовых походах, богословское содержание письма весьма условно. Вера Пия была крепкой, но он избегал участия в дебатах и придерживался буквы христианского вероучения в трактовке отцов Церкви⁴³.

Повторяя религиозные темы, к которым он обращался в других своих работах, Пий пытался напомнить христианам о богатых традициях, которые они должны были утратить, а также о зле, которое будет навязано им религией турок. В письме есть несколько сильных моментов – как то, гуманистическая похвала Европе за ее превосходство в военном деле и образовании, – но главным содержанием, похоже, является попытка Пия позиционировать себя в качестве религиозного авторитета. В этом отношении письмо Мехмеду II вписывается в контекст большинства работ Пия, которые он как папа писал о крестовых походах.

На данный момент представляется, что как только Пий II стал папой, он с маниакальной одержимостью принялся разделять, с одной стороны, свою риторику и, с другой стороны – свои интересы в отношении турок. Он очень серьезно воспринимал те моменты, когда ему приходилось говорить *ex cathedra* о крестовых походах, и пытался придать своим словам серьезный и авторитетный тон, видимо, не полагаясь на то, что гуманистическая риторика в сфере культуры и истории сама сделает это за него. Потому Пий может показаться очень расчетливым в своем подходе к крестовому походу.

⁴² См. мою статью: *Bisaha*. 2002: 183–200. Недавнее издание письма и его перевод см. в кн.: *Pius II*. 1990.

⁴³ *Von Martels M*. 2003: 205–17; *The Commentaries of Pius II*. 1951: XXVIII.

ду: он рядился в одежды набожного папы-крестоносца, когда это было удобно, но порой находил более подходящий антураж, дабы излить свой гуманистический гнев против турок. Может ли это означать, что должность папы изменила не столько личность Пия, сколько его тщательно сконструированный общественный имидж?

Была ли планируемая им крестоносная экспедиция пиар-ходом, направленным на укрепление его авторитета в качестве духовного лидера войны? Менее циничное объяснение противоречивой природы его письма заключается в том, что, по крайней мере, в том, что касается крестового похода, его новая церковная должность уже не сочеталась с прежними светскими увлечениями. Восхождение Пия на папский престол, вероятно, заставило его поразмышлять, почему победа над турками была так важна; как папа он вряд ли мог назвать в качестве причины защиту культуры или стремление к славе. Было ли его решение отправиться в крестовый поход признаком того, что духовная сторона победила и что он искал поддержки Бога для своего крестового похода?

Как свидетельствуют «Записки» Пия и даже его булла о крестовом походе, он – по крайней мере, изначально – не представлял себе крестовый поход как некое индивидуальное донкихотское путешествие. Не был он безнадежно наивен и относительно реакции, которую надеялся вызвать. Причины, по которым Пий собирался отправиться в крестовый поход, были при всем их драматизме более осознанными и рациональными. Он говорил об этой идее еще в 1461 г. в тайном письме дожу Венеции, но только в марте 1462 г. начал предпринимать шаги в этом направлении⁴⁴. Он объяснил ход своей мысли шести доверенным кардиналам: отправившись в крестовый поход, он бы заставил герцога Бургундского Филиппа Доброго выполнить данное им в 1453 г. обещание – сразаться с турками при условии, что его будет сопровождать еще один заметный христианский государь.

После многих неудачных попыток найти такого князя Пий II решил, что сыграет эту роль сам: «Мы призовем Бургундию следовать за нами, государем и понтификом, и мы потребуем выполнения его обета и клятвы. Никакого оправдания ему не будет. Более великий, чем король или император, наместник Христа объявит

⁴⁴ *Setton*. 1978: 235.

войну»⁴⁵. Если бы он только смог убедить Филиппа Доброго выйти на поле боя, другие бы вскоре последовали за ним. Король Франции отправит по крайней мере 10 000 человек; венгры и венецианцы также внесут свой вклад, учитывая их интересы в регионе. Наконец, к армии крестоносцев присоединятся воины со всей Европы⁴⁶.

Там, где давление не дало результатов, сочетание доброй воли и чувства стыда, как он надеялся, могло помочь ему добиться успеха. Когда в сентябре 1463 г. он объявил свой план всем своим кардиналам, то заявил следующее:

«Мы полны решимости немедленно начать войну против турок и делом и словом призвать христианских князей следовать за нами. Может быть, когда они увидят, как их господин и отец, Папа Римский, викарий Иисуса Христа, старый и больной, отправляется на войну, им будет стыдно оставаться дома»⁴⁷.

Он повторил эту идею, хотя в гораздо более мягкой форме, в своей булле «Езекииль пророк», где он спрашивал, какое оправдание будет достаточным, когда он — «старый, слабый и больной» отправится в этот поход, а вы, которые молоды, здоровы и крепки, будете прятаться дома»⁴⁸. Исходя из этих слов, можно утверждать, что Пий был мастером убеждения, замышлявшим побудить или заставить людей участвовать в крестовом походе. Он начинает меньше походить на мечтателя и больше на умного тактика, делающего ставку на то, что честь и рыцарство не умерли.

Пий также реалистично оценивал возможные достижения крестового похода. Он не надеялся на огромную волну новобранцев, которые по его приказу отправятся громить турок; он был бы доволен спасением Венгрии, оплота христианства, от дальнейших потерь⁴⁹. Кроме того, Пий не ожидал полного единства во время экспедиции. Другие государства начали жаловаться на лидерство Ве-

⁴⁵ The Commentaries of Pius II. 1951: P. 517.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 918.

⁴⁹ *Schwoebel*. 1971: 60–61; The Commentaries of Pius II. 1951: 214.

неции в предполагаемом крестовом походе, опасаясь, что она завоеует всю Грецию и нацелится на Италию.

Но Пий верил, что если в крестовом походе удастся отвоевать Грецию у турок, то бесправные балканские христиане вскоре поднимутся, чтобы вернуть свои земли, тем самым не давая Венеции сосредоточить в своих руках слишком много власти⁵⁰. Несомненно, Пий был замечательным оратором; его смелый план начал приносить плоды. Венецианцы, хотя и с опозданием, но прибыли в Анкону. Многие отдельные крестоносцы из северной Европы также ждали в Анконе, пока чума не заставила их покинуть город. Французский король Людовик XI отговорил от участия в крестовом походе Филиппа Бургундского, но тот послал отряд из 3 000 человек. Даже Франческо Сфорца послал небольшой отряд⁵¹. Тем не менее в решении Пия самому отправиться в крестовый поход есть нечто выходящее за пределы простой стратегаемы. Как бы проникательно и бесстрастно он ни оценивал пользу от такого поступка для его заветной экспедиции, он казался глубоко озабоченным тем, насколько далеко ему пришлось зайти, чтобы вызвать реакцию своей христианской паствы. Он не всегда так поддавался унынию. Во время конклава, на котором он был избран папой в 1458 г., он дал понять, что знает о фактах взяточничества в высших кругах Церкви и что в случае своего избрания он будет этому противостоять.

Другой наиболее вероятный претендент на папский престол, кардинал Руана, был сказочно богат и обладал хорошими связями, но не был известен честной жизнью. В отличие от него, Эней был беден и искренен. Он, казалось, был оптимистом в отношении возможности реформирования Церкви изнутри, хотя больше с помощью увещаний, чем жестких мер⁵². Его речь во время конклава, а также его разочарование в Николае V, который не смог в 1453 г. спасти Константинополь, свидетельствуют о вере Энея в то, что волевой и честный папа мог бы обратить вспять неудачи в Церкви и в крестовых походах.

⁵⁰ The Commentaries of Pius II. 1951: 816.

⁵¹ См.: Housley. 1992: 108-9; Mitchell. 1962: 233.

⁵² Живой рассказ Пия о его возражениях кардиналам по поводу избрания подходящего с точки зрения морали кандидата см. в кн. 1. «Записок о достопамятных деяниях». О неудавшихся попытках Пия II реформировать Церковь см.: Pastor. 1898: 269–278.

После нескольких лет пребывания на апостольском престоле его бравады заметно поубавилось; Пий не мог не осознавать, насколько запятнанным стал имидж папства и духовенства. Он объяснял это шестерым доверенным кардиналам в марте 1462 г. Его посылы были осмеяны князьями; новость о введении десятин встретили угрозами созвать новый собор; продажа индульгенций была признана проявлением жадности.

«Люди думают, что наша единственная цель – нажить золото. Никто не верит в то, что мы говорим. Подобно неплатежеспособным торговцам мы остались без кредита. Все, что мы делаем, выставляют в худшем свете»⁵³.

Тем не менее, он не был готов отказаться от поиска «определенного плана общего спасения». Эти обстоятельства не побудили Пия отказаться от крестового похода, но заставили считать его еще более важным делом, чем ранее. Оставаясь способом защитить христианский мир от внешних врагов и одновременно объединить его, крестовый поход давал теперь возможность одним махом очистить или реформировать христианство. Пий надеялся, что его личное участие в крестовом походе восстановит веру христиан в своих священнослужителей и вдохновит их на убедительный военный ответ на турецкое наступление.

Каково было эмоциональное состояние Пия посреди всего этого? Его разочарование в нравах духовенства было глубоким и затронуло его лично; он остро чувствовал, что обязан помочь исцелить Церковь своим примером. Выполняя эту задачу, он большей частью казался спокойным и решительным (хотя и утомленным постоянным сопротивлением, с которым ему приходилось сталкиваться), но при этом не скрывал уязвимость и неуверенность в собственных силах. Как он говорил своим кардиналам в 1462 г.,

«мы провели многие бессонные ночи в размышлениях, ворочаясь с боку на бок и оплакивая несчастья и бедствия нашего времени ... в тиши дней и ночей мы все больше и больше склоняемся к этому решению»⁵⁴.

⁵³ The Commentaries of Pius II. 1951: 516.

⁵⁴ The Commentaries of Pius II. 1951: 516.

Он не утверждал, что был напрямую вдохновлен Богом в своем решении, но его поиск предполагал молитву и страдание, а также выработку стратегии. В его булле о крестовом походе от октября 1463 г. присутствует трогательная атмосфера смирения и человечности, которой не было в ораторской речи в Мантуе. Он признавал, что власть турок возросла и борьба не будет легкой, но все же призывает верующих последовать за ним⁵⁵.

Тон Пия в отношении крестового похода был еще более смиренным в частной речи, обращенной к кардиналам (сентябрь 1463 г.). В упомянутом выше отрывке, где понтифик говорит о том, как стыдит братьев по вере, оказывая на них давление в целях привлечения на свою сторону, он проявляет себя очень человечным и несколько неуверенным: «Нехорошо говорить: “Идите”; возможно, они будут лучше слушать, если им сказать: “Придите”. Мы решили попытаться»⁵⁶. Произнося эти слова, Пий как бы сбрасывает с себя мантию облеченного властью иерарха и примеряет одеяние обычного священника. Слова папы также свидетельствуют о его неуверенности в результате, но вместе с тем решимости продолжать попытки и довериться Богу. Он уже не так твердо верит в то, что может достичь успеха там, где Николай и другие потерпели неудачу, но в этой попытке готов пожертвовать всем, даже своей жизнью. Хотя Пий и собирался вступать в сражение, он хорошо знал, что само путешествие было слишком большим испытанием для его хрупкого здоровья.

Он продолжает:

«Если таким методом не побудить христиан к войне, мы не знаем другого. Мы полны решимости следовать по этому пути. Мы знаем, что это будет тяжким бременем для нашей старости и что в каком-то смысле мы идем на верную смерть. Но мы не отказываемся. Мы полагаемся на Бога»⁵⁷.

Его слова о том, что он полагается на Бога, кажутся и молитвой о сохранении его жизни в течение утомительного путешествия, и молитвой об успехе крестового похода. Таким образом, ближе к

⁵⁵ *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 915, 917.

⁵⁶ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

⁵⁷ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

концу понтификата крестовый поход Пия стал глубоко личным актом, а также тщательно продуманной демонстрацией веры перед паствой, которую он решил направлять своим примером.

В решении Пия отправиться в крестовый поход есть также что-то от классической эпической модели – эта идея наиболее ярко отражена в его «Записках». Пий стал считать себя героем-одиночкой или воссоздателем христианского и светского Рима, возвращающим ему его прежнюю славу⁵⁸. Как он говорит в «Записках»:

«Когда-нибудь мы должны умереть, и неважно, где, лишь бы умереть достойно». Эти слова свидетельствуют о том, что он стремится к героической смерти, облагороженной бесстрашием и самопожертвованием. Но это еще не все, чего он желает; он тут же добавляет: «Блаженны те, кто умирают в послушании Господу. Благородная смерть искупает дурную жизнь»⁵⁹.

Здесь он представляет себя одиноким кающимся христианином, жаждущим спасения и искупления всех своих грехов у Бога. Независимо от того, привел ли его крестовый поход к более масштабному наступлению турок или к спасению Церкви, Пий, похоже, искал мученичества как средства примириться с Господом — по мере того, как истекал срок его понтификата, он все более отчаянно пытался угодить Богу⁶⁰.

Сомнения Пия в собственной способности организовать достаточно большой крестовый поход можно заметить и по другим признакам, указывающим на его стремление застраховать свои ставки. Один из таких примеров – церемония встречи мощей (главы) святого Андрея в Риме. Впечатляющее прибытие этой важной греческой реликвии, привезенной бежавшим из Мореи византийским деспотом Фомой Палеологом, стало драматической демонстрацией той угрозы, которую для христианской веры представляло турецкое наступление. Даже мертвые не были в безопасности перед лицом неверных. Важно отметить, что Фома прибыл с

⁵⁸ См. интригующую и убедительную интерпретацию «Записок» в статье М. Поцци: *Pozzi*. 1991:151–162.

⁵⁹ *The Commentaries of Pius II*. 1951: 824.

⁶⁰ См. вступительную статью в кн.: *The Commentaries of Pius II*. 1951: XXXI.

реликвией за несколько месяцев до того, как Пий послал за ней, и процессия прошла до того, как был готов реликварий для ее размещения. Единственное, что совпало с процессией во времени, было решение Пия отправиться на крестовый поход – оба события произошли весной 1462 г.⁶¹

Кажется, Пий надеялся, что св. Андрей придаст новый импульс его ослабевшей крестоносной экспедиции и положит начало ее новому этапу. Возможно, итальянцев могла бы мотивировать их преданность культуре святых; участвуя в крестовом походе, они могли бы дать обет могущественному апостолу и обрести его заступничество. Еще одним способом, которым Пий страховал свои ставки, была постоянная угроза анафемы. Булла «*Ehercabilis*» была одной из форм такого принуждения; в булле 1463 г. говорится о других таких средствах. В ней Пий произносит мощные проклятия в адрес тех, кто мешает его крестовому походу⁶². Эти действия резко контрастируют с его мягкими призывами потенциальным крестоносцам присоединиться к нему. Они также свидетельствуют о его твердой вере в силу папских угроз, даже если они выявляют сопротивление, с которым он ожидал столкнуться.

Решение Пия сопровождать свой крестовый поход, кажется, было обусловлено многими желаниями, которые все играли более или менее равную роль в его мыслях и сердце. Он рассматривал этот шаг с политической точки зрения, как средство, чтобы вдохнуть новую жизнь в свою заглухнувшую крестоносную экспедицию. Это было также средство реформ для измученного злоупотреблениями общества христиан. Наконец, это была глубоко личная и рискованная миссия. Он надеялся, что этим поступком сможет искупить свою вину и угодить Богу. Трудно ответить на вопрос, намеревался ли Пий довести свой крестовый поход до конца. По крайней мере один из его современников полагал, что понтифик собирался найти предлог для того, чтобы остановиться в южной Италии, где бы он задержался на неопределенный срок, пока крестовый поход продолжится без него⁶³. Однако решение Пия идти

⁶¹ *Ibid.*: 525. 540. Г. Габель считает эти события «слишком просчитанными заранее». *Ibid.*: XXIX.

⁶² *Aeneas Silvius Piccolomini*. 1967: 922. См. также: *The Commentaries of Pius II*. 1951: 517–518.

⁶³ *Von Martels*. 2003: 226–227; *Simonetta*. 2003: 169–70.

почти до Анконы без Филиппа Доброго говорит о многом. Если в 1463 г он знал, что путешествие опасно для его здоровья, то к 1464 г. у него было мало надежды, что он переживет его.

Рассматривая эволюцию отношение Пия к крестовому походу на протяжении многих лет, можно заметить определенную закономерность. Вначале у него были ярко выраженные мирские заботы по поводу защиты западной культуры и цивилизации. После его избрания на папскую должность эти конкретные опасения, казалось, отступили на задний план, тогда как его приверженность к крестовому походу как религиозному мероприятию усилилась. Отвечая на поставленный выше вопрос о том, было ли возобладание религиозного начала личным мотивом или простой уловкой, можно сказать, что, как представляется, в этом было немного и того, и другого. Неуклюжий пируэт Пия, совершенный им в начале понтификата, вероятно, был в большей степени с риторическими приемами и пропагандистскими задачами, но его убеждение в божественной праведности крестового похода и приверженность традиционному благочестию, кажется, возростали по мере пребывания на папском престоле⁶⁴. Он, возможно, действительно надеялся на чудо, несмотря на то, что считал себя недостойным его.

Возможно, самое ясное послание, которое можно вынести из маневров Пия в его подходе к крестовым походам – это его отчаянный поиск способа тронуть сердца христиан и вызвать их уважение. С этой целью он пытался использовать дипломатию, красноречие, принуждение, собственный пример, даже идею мученичества. Тем не менее, несмотря на свое разочарование, он никогда полностью не терял надежды; его смерть можно рассматривать как последний сильный жест с целью доказать верующим, что духовенство (и его призывы) заслуживают уважения.

Пий не питал иллюзий относительно обращения Мехмеда II и турок, и тем более не пробовать обратить их в свою веру, но искренне верил в силу христианства. Его усилия по организации крестовых походов можно трактовать как попытки передать эту веру пресытившимся верующим. Мы никогда не узнаем, оправдалась ли бы авантюра Пия, посрамив или вдохновив соответствующее число

⁶⁴ К.М. Сеттон полагал, что крестовый поход Пия II был мотивирован в большей степени религией, чем политикой или гуманизмом. См.: *Setton*. 1 978: 270.

новобранцев, но, если бы это было ему под силу, он вполне мог бы их дожидаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Aeneas Silvius Piccolomini Opera quae extant omnia.* 1967.
Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini // Fontes rerum austriacarum / Hrsg. R. Wolkan. Vienna, 1918. Bd. 68.
Pius II. Epistola ad Mahomatem II (Epistle to Mehmed II) / Ed. and trans. A.R. Васа. NY, 1990. P. 13–39.
Pius II. Commentaries / Ed. M. Meserve and M. Simonetta. Cambridge; Mass., 2004. Vol. I.
The Commentaries of Pius II / Ed. F. A. Gragg, L. C. Gabel. Northampton; Mass., 1951. Vol. 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Babinger F.* Mehmed the Conqueror and his Time. / Transl. R. Manheim. Princeton, 1978 (1-е изд. 1953). P. 198–199.
Bisaha N. Pope Pius II's Letter to Sultan Mehmed II: a Reexamination // *Crusades.* 2002. № 1. P. 183–200.
Bisaha N. Pius's views of the Turks in Creating East and West: Renaissance Humanists and the Ottoman Turks. Philadelphia, 2004.
Black R. Benedetto Accolti and the Florentine Renaissance. Cambridge, 1985. ъ
Cardini F. La repubblica di Firenze e la crociata di Pio II // *Rivista storica della chiesa in Italia.* 1979. Vol. 33. № 4.
Haskins J. Renaissance Crusaders: Humanist Crusade Literature in the Age of Mehmed II // *Dumbarton Oaks Papers.* 1995. Vol. 49. P. 111–207.
Heath M. J. Renaissance Scholars and the Origins of the Turks // *Bibliothèque d'humanisme et renaissance.* 1973. Vol. 41. P. 453–471.
Heath M. J. Crusading Commonplaces: La Noue, Lucinge and Rhetoric against the Turks. Geneva, 1986.
Helmrath J. Pius II. und die Türken // *Europa und die Türken in der Renaissance* / Hrsg. B. Guthmiiller and W. Kuhlmann. Tübingen, 2000. S. 79–138.
Housley N. The Later Crusades, 1274–1580: from Lyons to Alcazar. Oxford, 1992.
Izbicki T. M. «Reject Aeneas!» Pius II on the Errors of his Youth // *Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464)* / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 187–204.
Lacroix J. I Commentarii di Pio II fra storia e diaristica // *Pio II e la cultura del suo tempo* / Ed. L. R. Secchi Tarugi. Milan, 1991. P. 133–149.

- Meserve M.* From Samarkand to Scythia: Reinventions of Asia in Renaissance Geography and Political Thought // Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464) / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 187–204.
- Meserve M.* Medieval Sources for Renaissance Theories on the Origins of the Ottoman Turks' // Europa und die Türken in der Renaissance / Hrsg. B. Guthmiiller and W. Kuhlmann. Tübingen, 2000. P. 409–436.
- Mitchell R.* The Laurels and the Tiara: Pope Pius II 1458–1464. L., 1962. Vol. 1.
- Paparelli G.* Enea Silvio Piccolomini: l'umanesimo sui soglio di Pietro. Ravenna, 1978.
- Pastor L.* The History of the Popes from the Close of the Middle Ages. L, 1898 (2d ed. 1900). Vol. 3.
- Pozzi M.* Struttura epica dei Commentarii // Pio II e la cultura del suo tempo / Ed. L.R. Secchi Tarugi. Milan, 1991. P. 151–162.
- Schwoebel R.* The Shadow of the Crescent: The Renaissance Image of the Turk (1453–1517). NY, 1969.
- Schwoebel R.* Pius II and the Renaissance Papacy // Renaissance Men and Ideas / Ed. R. Schwoebel. NY, 1971.
- Setton K. M.* Papacy and the Levant (1205–1571). Philadelphia, 1978. Vol II: The Fifteenth Century.
- Simonetta M.* Pius II and Francesco Sforza. The History of Two Allies // Pius II – 'El piu expeditivo pontifice': Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405–1464) / Ed. Z. Von Martels and A. Vanderjagt. Leiden; Boston, 2003. P. 147–170.
- Vollmann B.K.* Aeneas Silvius Piccolomini as a Historiographer: Asia // Ibid. P. 41–54.
- Von Martels Z.* More Matter and Less Art. Aeneas Silvius Piccolomini and the Delicate Balance between Eloquent Words and Deed // Ibid. P. 205–228.

Пер. с англ. С.И. Лучицкой.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.Г. Авдеев

АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН, ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-12

Аннотация: в статье исследуется жизненный путь кашинского служилого человека Андрея Семёновича Бедова. В Смутное время он последовательно служил Лжедмитрию II, после его смерти присягнул королевицу Владиславу, затем вместе с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким примкнул к ополчению Прокопия Ляпунова. В начале царствования Михаила Фёдоровича Андрей Бедов занимался восстановлением кашинских поместий и с помощью фиктивной сделки с архиепископом Тверским Арсением Елассонским перевёл одну из поместных деревень в вотчину. В 30-е гг. XVII в. Андрей Бедов, получив чин московского дворянина, занимал пост воеводы в Твери, участвовал в Смоленской войне, позднее занимал административные должности в Москве. Андрей Бедов был тесно связан с Троицким Макарьевым Калязиним монастырём, делая в него щедрые вклады, а в 1641 г. принял там монашеский постриг с именем Авраамий. Как келарь обители, с 1644 по 1647 гг. он руководил возведением стен вокруг обители и сделал на их строительство крупный вклад. Умер Андрей / Авраамий Бедов 9 февраля 1650 г., распределив имущество, поместья и вотчины между близкими родственниками, людьми из своего окружения, а также монастырями и храмами Кашинского уезда.

Ключевые слова: история России в XVII в., Кашинский уезд, кашинские служилые люди Бедовы, Троицкий Макарьев Калязин монастырь, духовная грамота, вклады в монастыри, монастырское строительство.

Ход истории сплетается из родственных, дружеских, возрастных, деловых, нередко – нейтральных или даже враждебных – связей между людьми, иногда – складывающихся спонтанно из взаимных симпатий и антипатий, иногда – приводимых в движение государственной машиной. Эти связи являются основными внутри- и межгрупповыми скрепами, которые соединяют исторические события с индивидуальными судьбами. Примером тому – жизненный путь одного из служилых людей Кашинского уезда Андрея

Семёновича Бедова (ум. 1650 г.), который возможно восстановить на основе архивных документов и эпиграфических памятников. Интерес к его жизни диктуется тем, что биографии подобных Бедову «рядовых» свидетелей эпохи сравнительно редко становятся предметом исследования и не попадают на страницы знаменитой серии «Жизнь замечательных людей».

В настоящее время значительная часть исследований традиционно рассматривает служилых людей Московской Руси как социальную (vs сословную) группу¹. Реже появляются труды, посвящённые биографиям отдельных представителей этого сословия как непосредственным участникам исторического процесса². Однако описания *curriculum vitae* уездных дворян этой эпохи, быть может, не оставивших значительного следа в истории России, но сыгравших заметную роль в жизни своей «малой родины», немногочисленны. Мой интерес к личности Андрея Семёновича Бедова появился во время работы над научным проектом «Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum», включавшей комментирование вошедших в него эпиграфических памятников, в том числе и просопографического характера³.

По семейному преданию, род кашинских служилых людей Бедовых вёл начало от «выезжева их родимца ис Цесарской земли чесна рода Бедья Ульфа немчина, а во крещенье Патрекея», который в 1371/72 г. поступил на службу к св. князю Дмитрию Донскому и получил за выезд сельцо Игнатьево с деревнями под Кашинем (факт сомнительный, несмотря на существование ввозной грамоты в списке 1506 г.)⁴.

Год рождения Андрея Бедова неизвестен. В его духовной грамоте, составленной 24 сентября 1644 г. (Прил. 4. Л. 509), и Кормовой книге Калязина монастыря указано, что Андрей был крещён 17 октября на день памяти прпмч. Андрея Критского⁵. Его отец, Семён

¹ Напр.: Бенцианов. 2019; Козляков. 2018.

² Напр.: Кабанов, Рабинович. 2022.

³ Научный проект «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» осуществляется при поддержке ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSDA. Научный руководитель проекта – д.и.н., проф. А.Г. Авдеев, технический руководитель — Ю.М. Свойский. Код доступа: <https://www.cir.rssda.su/>.

⁴ АСЭИ. 1964: 190, № 175. По мнению А.В. Антонова, акт фальсифицирован. См.: Антонов. 2002: № 210; ср.: Родословные росписи, 2022: 258.

⁵ «Кормовая книга». 1892: 28 (место хранения подлинника: ТГОМ КЗМ ОФ. № 909). Благодаря данной публикации за этим источником в историографии

Иванов сын Бедов, был записан в Тысячную книгу как недельщик⁶ по Кашину с поместным окладом в 150 четей земли⁷. Позднее он упоминается как служилый человек по Кашину, вероятно, участвовавший в Ливонской войне⁸. В 1571/72 г. Семен Иванович был писцом данной грамоты Никиты Васильева сына Борисова Калязину монастырю на деревни в Чудском стане Кашинского уезда⁹. В 1591–1592 гг. – недельщик по Кашину с поместным окладом в 150 четей земли. В конце жизни Семён Бедов принял постриг в Калязине монастыре с именем Сергей¹⁰.

Как и отец, Андрей Бедов начинал службу по Кашину. Поколенная роспись Бедовых, поданная в сентябре 1686 г. в Палату родословных дел, сообщает, что он и его брат Борис служили «царю Василью Ивановичю, и после того служили в Смутное время под Москвою. И Ондрей был ранен многожды»¹¹. Потомки, однако, умолчали, что с осени 1608 г. Андрей Бедов находился в тушинском лагере и был направлен в Пошехонский уезд, признавший Лжедмитрия II, «для государевых запасов». По пути А. Бедов узнал, что его поместье «на Волге» в Кашинском уезде было разграблено бандой «загонных людей» и, как он писал в челобитной, направленной гетману Лжедмитрия II Яну Петру Сапеге, «что было осталось <...> животишек моих, и то испродал все и взял с собою в Пошехонье». Чрезмерные поборы и злоупотребления «государевых» сборщиков возмутили вологжан, которые в декабре того же года изгнали тушинцев и направили отряды в поддержку восставших Галича и Костромы. В этой ситуации Андрей Бедов «послал в Кашин к батюшке своему к Семену к Бедову человека своего Свят-

укрепился термин «Кормовая книга», что неверно. Л. 3–76 данной рукописи занимает Вкладная книга Калязина монастыря, после чего идут два пустых листа (Л. 77–78), а Кормовая книга занимает л. 79–272, после которых на л. 273–279 почерком XIX в. записано «Раскрытие обстоятельств исцеления расслабленной женщины предстательством преподобного Макария Калязинского чудотворца и почивающего под спудом митрополита Серапиона, со слов самой исцеленной».

⁶ Служилый человек, выполнявший различные поручения при судебных органах, дипломатических миссиях и др. учреждениях. В данном случае обязанности Бедова конкретно в источнике не указаны.

⁷ Тысячная книга. 1950: 230.

⁸ Родословные росписи. 2022: 259.

⁹ Акты Троицкого Калязина монастыря. 2007: 178, № 173.

¹⁰ ТГОМ КЗМ ОФ. № 909. Л. 173, 237.

¹¹ Родословные росписи. 2022: 259.

ку Яковлева со всеми своими животами, и послал с ним сто двадцать рублей денег, да два осетра живых, да два осетра просол(ь)ных, да три рыбицы белых, да двадцать шесть линей, да щук, да судочков с десятков, да три кринки меду, да пять ведр вина». Однако по дороге Суятка был дочиста ограблен паном Яном Очковским, тушинцем, самовольно собиравшим налоги в Угличском уезде. Возымела ли действие жалоба Андрея Бедова, неизвестно (Прил. 1).

После распада Тушинского лагеря А. Бедов, вероятнее всего, бежал с Лжедмитрием II в Калугу, а после гибели самозванца в декабре 1610 г. вместе с главой калужского «правительства» князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким присягнул королевичу Владиславу. В марте 1611 г. А. Бедов с бывшими тушинцами, собранными Д.Т. Трубецким, примкнул к ополчению Прокопия Ляпунова. Позднее Андрей Бедов шесть недель находился на земской службе во Втором ополчении под Москвой, затем вместе со стольником и воеводой князем Андреем Сулешовым был послан на службу в Торжок.

Деревня Барыково, Филиппцево тож, насчитывавшая 170 четей земли и числившаяся за Андреем Бедовым в поместье, несколько раз меняла владельцев и владельческий статус. До её выделения в поместье Семёну Бедову оно являлось вотчиной некоего «греченина» (грека) Матвея Костентинова. После смерти отца деревня перешла к Андрею Бедову, но за время его отсутствия деревней завладел кашинский служилый человек Илья Урусов, указавший в челобитье на излишек поместных земель, числившихся за их прежним владельцем в Кашинском и Тверском уездах. В июне 1611 г. князь Д.Т. Трубецкой, возглавлявший Совет всей земли, провёл сыск (расследование) по челобитью Андрея Бедова и по его результатам возвратил деревню Барыково в его поместное владение (Прил. 2). Вернувшись в Кашинский уезд, в 1613/14 г. Андрей Бедов купил у архиепископа Арсения (Елассонского), поставленного на Тверскую и Кашинскую епархию в феврале или марте 1613 г.¹², вотчинную деревню Барыково, Филиппково тож, в Чудском стане Кашинского уезда. Но эта же деревня ранее числилась за Андреем Бедовым как поместная. Очевидно, имела место фиктивная сделка. Противоре-

¹² О времени пребывания Арсения (Елассонского) на Тверской кафедре см.: Авдеев. 2020: 14–17.

чившая закону и сложившейся практике, она позволила Андрею Бедову перевести поместные земли в вотчинные (Прил. 3. Л. 93).

В 1614/15 г., как и многие участники ополчений, Андрей Бедов получил прибавку к поместным землям в Суходольском стане Кашинского уезда – половину села Константиновского и две трети деревни Сташино, пришедшие в упадок в годы Смуты, а также ряд пустошей (Прил. 3. Л. 702 об.–705). В соседнем Тверском уезде в 1611–1615 гг. он владел поместным сельцом Полянским и пустошами¹³.

Согласно разбору служилых городов, проведённому в 1621/22 г., реальное земельное жалованье Андрея Бедова, дворового служилого человека по Кашинскому уезду, составляло 700 четей земли, на которых «сидели» 8 крестьян и 13 бобылей, «а на государеве службе без государева жалованья мочно быть на обышном конишке; а з жалованьем, с своим окладом будет на среднем коне»¹⁴. Впрочем, обнищавшим дворянином Андрей Бедов не был: спустя год после разбора он сделал первый вклад в Калязин монастырь в размере 100 руб., что даже позже считалось значительной суммой¹⁵.

Сравнение результатов разбора 1621/22 г. с Писцовой книгой вотчинных и поместных земель письма Порфирия Бестужева и подьячего Данилы Брянцева, составленной в 1628/29 г. (Прил. 3), за 7 лет Андрею Бедову более или менее удалось восстановить хозяйство. При этом в 1626 г. он имел более высокий статус и числился кашинским служилым человеком по выбору с поместным окладом в 750 четей земли¹⁶. В его вотчинных и поместных землях числилось уже 23 крестьянина, однако число бобылей увеличилось до 15. Перепись выявила 11 «сшедших безвестно» крестьян с семьями. Барыково, Филиппково тож, бывшее в 1611 г. деревней (Прил. 2), сменило статус на сельцо: за прошедшие 16 лет владелец обустроил там вотчинный двор с усадьбой (Прил. 3. Л. 91 об.). Позднее, как видно из духовной Андрея Бедова, в селе Константиновском, где в 1628/29 г. стояла церковь «бес пен(ья)» (Прил. 3. Л. 702 об.), уже велось богослужение (Прил. 4. Л. 512об.–513). Очевидно, возросло и благосостояние некоторых крестьян, которые могли делать вклады в Калязин монастырь. Так, в старейшей части Синодика этой обители упоминается «Род Андрея Бедова крестья-

¹³ *Матисон.* 2023: 20.

¹⁴ *Сторожев.* 1894: 7–8. № 10; см. также: Прил. 2.

¹⁵ «Кормовая книга». 1892: 27.

¹⁶ «Подлинные» боярские списки. 2015: 98.

нина Феодора: Мартьяна»¹⁷. Оба имени уверенно отождествляются с жителями поместного села Грибанова на Суходоле, братьями Федькою и Мартынкую Ивановыми, названными в Писцовой книге 1628/29 г. (Прил. 3. Л. 10 об.).

Особо выделяю принадлежавшую Андрею Бедову половину деревни Коренево «в родственной вотчине». Для его рода она имела первостепенное значение, так как по семейному преданию была дана «за крещенье <...> немчину нашему Ульфу»¹⁸. В 1628/29 г. в ней числились один крестьянский и один бобыльский дворы (Прил. 3. Л. 93). Духовная грамота Андрея Бедова, составленная в 1644 г., после принятия им пострига, называет в ней уже четыре крестьянских двора. Видимо, желая сохранить принадлежавшую ему часть сельца за родственниками, Андрей Бедов передал её женам своих братьев Степана и Матвея с условием разделить крестьянские дворы поровну (Прил. 4. Л. 517 об.–518).

Духовная грамота Андрея Бедова позволяет частично восстановить отрасли его возрождённого вотчинного хозяйства в первой половине 40-х гг. XVII в. В его основе лежало выращивание зерновых («жита») – ржи, овса, пшеницы и других культур, а также скотоводство и сенозаготовки. Подсобную роль играли винокурение и пивоварение.

Основной рабочей силой были крепостные крестьяне. Духовная грамота фиксирует не названную в проанализированных выше источниках категорию зависимых людей – холопов, 6 человек мужского пола, из них один – с женою и детьми (Прил. 4. Л. 522–523). Скорее всего, они обрабатывали господскую пашню и занимались хозяйской «животиной», но при этом держали собственное хозяйство – имели лошадей, коров и запасы хлеба.

После смерти Андрея Бедова (на момент кончины – инок Авраамия) холопов должны были отпустить на волю вместе с семьёй, своим скотом и зерном, а также дарованными холоповладельцем денежными средствами (Прил. 4, л. 522–523). Этот обычай на Руси был известен издавна, но его причины по-разному объяснялись в отечественной историографии. Дореволюционные исследователи считали решающим фактором благочестие холоповладельцев, желавших получить молитвенников по душе, советские – сводили к

¹⁷ ТГОМ КзМ ОФ. № 920. Л. 187 об.

¹⁸ АСЗ. 2008: 21, № 25 (закладная кабала 1531/32 г.).

явлениям экономического и социального плана¹⁹. Последнюю точку зрения, как не соответствующую историческим реалиям, отвергли С.Б. Веселовский и А.А. Зимин. Исследователи видели в обычае отпуска холопов на волю явление, схожее с делавшимся в монастыри вкладами на помин души, подчёркивая при этом важную роль духовенства в составлении и утверждении завещаний²⁰.

С начала 30-х гг. XVII в. карьера Андрея Бедова шла в гору. В 1631/32 г. он был пожалован в дворяне по московскому списку с поместным окладом в Кашинском уезде в 400 четей земли и денежным окладом в 27 руб., выплачивавшимся в Устюжской четверти²¹. В этом же году Андрей Бедов был «в табунах у ардобазарцев, кои пришли к Москве, воеводою», то есть контролировал татар, торговавших в Москве степными лошадьми²². И в этом же году он сделал второй вклад в Калязин монастырь, также в размере 100 руб.²³ А во 141-м [1632/33] году он же, Андрей, был во Твери воеводою²⁴, и велено ему быть полковым воеводою и идти под Белую для опасения от пол(ь)ских людей». В ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. польская крепость Белая, стоявшая на берегу реки Обши (приток Западной Двины), была взята русскими войсками. Под командованием воеводы князя Фёдора Фёдоровича Волконского в 1634 г. её гарнизон, насчитывавший тысячу человек, выдержал 59-дневную осаду 30-тысячного королевского войска и сорвал план Владислава IV двинуться на Москву²⁵.

Отбив воеводство в Твери, Андрей Бедов с 1636 по 1641 г. «сидел на Житном дворе» – государственном хранилище хлебных запасов, подчинённом приказу Большого Дворца²⁶. Видимо, контроль за торговлей лошадьми, воеводство в Твери, военные трофеи²⁷ и работа на Житном дворе – составили основу благосостояния Андрея Бедова. В 1638 г. он купил у ярославского гостя вотчи-

¹⁹ См.: *Колычева*. 1971: 143–144.

²⁰ *Веселовский*. 1947: 219; *Зимин*. 1967: 71.

²¹ Боярская книга 1629 года. 2022: 177; ср.: *Иванов*. 1853: 55; Родословные росписи. 2022: 259.

²² СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 65. s.v. ордобазарець. 2.

²³ «Кормовая книга». 1892: 27.

²⁴ Дата подтверждается «подлинным» боярским списком 1632/33 г. («Подлинные» боярские списки, 2015: 524). А.П. Барсуков относит воеводство А.С. Бедова в Твери к более позднему времени, между 5 июня 1635 и 1636/37 г. (*Барсуков*. 1901: 230).

²⁵ Подробнее см.: *Богатырёв*. 2015: 47–51.

²⁶ Родословные росписи. 2022: 259.

ну – сельцо Мишино с пустошами в Лутосенском стане Дмитровского уезда, позднее оценённую в 1 тыс. рублей²⁸. Вероятно, часть накопленных средств Андрей Бедов позднее вложил в строительные работы в Калязине монастыре, распределил между кашинскими храмами и обителями на помин души, а часть передал близким и родственникам.

В 1641 г. Андрей Бедов оставил службу и, как и отец, 14 июня принял постриг в Калязине монастыре с именем Авраамий²⁹. Из грамоты Алексея Михайловича, направленной в Калязин монастырь 19 марта 1646 г., известно, что он стал келарем обители сразу после пострига по назначению Михаила Фёдоровича. Это же подтверждает и Кормовая книга Калязина монастыря, где Авраамий Бедов в качестве келаря впервые упоминается в 1641/42 г.³⁰ Видимо, на выбор государя повлиял военный, административный и хозяйственный опыт новопостриженного инока, а, может быть, и протекция дьяка Ивана Афанасьевича Гавренева. По должности келарь входил в совет 12 старцев при игумене, поэтому инок Авраамий Бедов в монастырских документах именуется старцем.

В день пострига, 14 июня, Авраамий Бедов сделал крупный вклад – поставил у раки прп. Макария лампаду ценой в 5 руб., «а в ней неугасимая свеща держать ему, а по его смерти держати неугасимая свеща изъ казны, покамест сия обитель стоит, а за то дал вотчину свою», сельцо Мишино в Дмитровском уезде, оценённое в 1000 руб.³¹ Авраамий Бедов и позднее делал богатые вклады в обитель, предназначавшиеся для кормового поминовения его родственников: «конь сер за двадцать рублев, да мерин рыж за пять рублев, да шатер. Да возок под сукном лазоревым за двадцать рублев, да ризы камчатныя лазоревы, камка адамашка, оплечье отлас золотной турской, опушка отлас двоеличный, подложены зенденю зеленою на пятнатцать рублев, да крест обложен серебром чеканным благословенный, обложен тканью и жемчугом с камнемъ, а в середках крест деревянн, кипарисный за пятнатцать рублев, а всего

²⁷ Военнопленным, ставшим холопом Андрея Бедова, вероятно, следует считать упомянутого в духовной грамоте татарина Данила (Прил. 4. Л. 522).

²⁸ Записные вотчинные книги Поместного приказа. 2010: 407, № 5982; «Кормовая книга». 1892: 28.

²⁹ Дата пострига Андрея Бедова названа также в боярских списках. См.: Иванов. 1853: 55.

³⁰ «Кормовая книга». 1892: 28.

³¹ «Кормовая книга». 1892: 28.

вкладу с вотчиною дано 1205 рублей, да <...> к прежним своим вкладам дал сто рублей, и за тот вклад пети по нем панихида собором октября в 17 день и на братию ставити корм»³².

Круг упомянутых в духовной грамоте ближайших родственников Андрея (Авраамия) Бедова сведён в генеалогическую таблицу (Илл. 1). Из прямых родственников наиболее близким к нему человеком был племянник, Самсон Борисович Бедов, которому дядя завещал вотчинное село Барыково и семейный архив. Самсон родился около 1627/28 г., так как по разбору 1630/31 г. числился среди трёхлетних недорослей, которые «поместьем и деньгам не верстаны же, в службу не успели, а живут у отцов своих, и у дядь, и у братьи»³³. Впрочем, завещанной вотчиной он пользовался недолго: Самсон Бедов умер от ран под Копосью (ныне агрогородок Копысь в Оршанском р-не Витебской обл. Белоруссии), в ходе русско-польской войны занятой царскими войсками в августе 1654 г.³⁴

Среди служилых людей круг ближнего общения Андрея (Авраамия) Бедова составляли кашинские дворяне. На первом месте в духовной грамоте назван Иван Афанасьевич Гавренев, его главный душеприказчик. В начале 20-х гг. XVII в. тот также служил по Кашинскому уезду и, возможно, с того времени оба дворянина были знакомы, что пригодилось Андрею Бедову во время службы в Москве. Стремительную карьеру Ивана Гавренева обеспечила женитьба на дочери князя Василия Фёдоровича Волконского Евфимии. В 1628/29 г. он уже был думным дьяком, а с 5 августа 1630 г. руководил Разрядным приказом. С 1 сентября 1640 г. он возглавлял Печатный приказ и занял первое место в иерархии думных дворян³⁵. Его знакомство с Андреем Бедовым не прервалось и после пострига последнего и сыграло не последнюю роль в монастырском строительстве.

Из кашинских дворян, входивших в ближний круг общения, Авраамий Бедов упоминает в духовной грамоте Андрея и Ивана Григорьевых детей Зыковых, которых он называет своими братьями – вероятно, будучи с ними в той или иной степени родства (Прил. 4. Л. 505, 513 об., 519). Их отец, Григорий Иванович Зыков, служил по Кашину. Оба сына попали в разбор 1621/22 г., также по Кашину, впоследствии стали дворянами по московскому списку.

³² «Кормовая книга». 1892: 28.

³³ *Сторожев.* 1894: 58, 60. № 307.

³⁴ Родословные росписи. 2022: 259.

³⁵ Подробнее см.: *Авдеев.* 2019: 203–207.

Андрей «ранен многожды при прежних государех» и в 1654 г. был воеводой в Осколе. Не забыл Авраамий Бедов и про других Зыковых – двоюродном брате Андрея и Ивана Антипе Фёдоровиче (Прил. 4. Л. 519–519 об.) и их внучатом племяннике Тихоне Ивановиче (Прил. 4. Л. 21)³⁶.

В духовной также упомянут Степан Никитин сын Лихачёв (Прил. 4. Л. 519 об.), которого Авраамий Бедов также называет своим братом, возможно, как и он служивший по Кашину.

Ближний круг общения Авраамия Бедова показывает, что основными скрепами, создающими прочность корпорации служилых людей Кашинского уезда, были семейные, дружественные, соседские и земляческие связи, которые так или иначе находили отражение в духовных грамотах.

В дальний круг общения Авраамия Бедова, относящийся, вероятно, ко времени воеводства в Твери, входил Семён Заборовский, единственный раз упомянутый в духовной (Прил. 4. Л. 518 об.). Возможно, он идентичен Семёну Ивановичу Заборовскому, который начал службу служилым человеком по Твери, а позднее неоднократно занимал воеводские должности, при Алексее Михайловиче получил чин думного дворянина, а в царствование Фёдора Алексеевича был пожалован в окошничие³⁷.

Сам Андрей Бедов, вероятно, не был женат. В поколенной росписи он назван бездетным³⁸. Однако в духовной грамоте он упоминает свою «Богом данную» дочь Екатерину Юрьевну с детьми – судя по отчеству, вероятно, удочерённую или воспитывавшуюся в его доме сироту. Из актов Калязина монастыря известно, что не названный в духовной Евстифей, внук Андрея Бедова (возможно, сын его падчерицы), в 1659 г. требовал вернуть ему 100 руб., якобы положенных дедом в обитель на сбережение, но получил их только по распоряжению Алексея Михайловича (Прил. 5).

Став келарем Калязина монастыря, Авраамий Бедов одной из главных своих обязанностей считал строительство стен обители. Свидетельством этому являются две строительные надписи, смонтированные справа и слева от въездной арки обители (Илл. 2).

³⁶ Родословные росписи. 2020: 329; также: *Сторожев*. 1894: 9, № 16; 19, № 65; *Барсуков*. 1901: 218.

³⁷ Родословные росписи. 2017: 239–240. В справочнике А.В. Матисона по тверскому дворянству Семён Заборовский не отмечен, но указан его сын Иван (*Матисон*. 2023: 100).

³⁸ Родословные росписи. 2022: С. 259.

В первой (С1R0688) начало строительных работ отнесено к 1622/23 г., что по времени совпадает с первым вкладом будущего келаря Авраамия размером в 100 руб., сделанным в этом году в обитель. В 1630/31 г. он сделал новый вклад, также в размере 100 руб.³⁹ В духовной же грамоте старец сообщает, что к 1644 г. он выделил из своих средств «на ограду каменную и на стенной камен(ь) и на известь и на кирпич шесть сот дватцат(ь) сем(ь) рублей дватцат(ь) пят(ь) алтын три ден(ь)ги» – в пересчёте на рубли и копейки – 627 руб. 76,5 коп. Общая же сумма вклада Бедова (с учётом стоимости вотчины), озвученная в духовной, достигла 1842 руб. (Прил. 4. Л. 508 об. – 509)⁴⁰. Отсюда понятно, почему вторая надпись, справа от арки (С1R0687) (Ил. 2), называет старца Авраамия строителем монастырских стен, то есть человеком, который финансировал и контролировал эти работы⁴¹.

Хронология строительных работ в Калязине монастыре – тема отдельного исследования. Отмечу здесь основные вехи, известные из различных источников. В мае 1634 г. был отремонтирован и заново освящён Троицкий собор, пострадавший в Смутное время⁴². Из благословенной грамоты архиепископа Тверского и Кашинского Ионы, выданной на строительство храма Рождества Христова в Калязине монастыре, известно, что в 1636/37 г. в обители была возведена каменная колокольня – первая каменная постройка после Смутного времени⁴³. Челобитная Авраамия Бедова, поданная Алексею Михайловичу в декабре 1647 г., сообщает, что до начала строительства стен в монастыре велись работы по ремонту храмов и хозяйственных строений⁴⁴. Грамота же Михаила Фёдоровича старицкому воеводе Афанасию Ощерину определённо свидетельствует о том, что работы по возведению стен начались в 1641/42 г., когда ке-

³⁹ «Кормовая книга». 1892: 27.

⁴⁰ В челобитной, поданной в декабре 1647 г. Алексею Михайловичу, Авраамий Бедов называет иную сумму – 1600 руб. (Авдеев. 2024: 394).

⁴¹ Подробнее см.: Авдеев. 2024: 378–412.

⁴² Дата устанавливается по антимиусу, найденному И.Ф. Никольским в конце 30-х гг. XX в. в столбе престола Троицкого собора: «Освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церкви Святые Живоначальные Троицы. Освящена бысть церковь сия в лето 7142, индикта 2го, мая в 22 день, на память святого мученика Василиска, при благоверном царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руссии и при архиепископе Ефимии Тверском и Кашинском и при игумене Ионе» (Никольский: л. 16).

⁴³ Изд.: Череев. 1859: 251–252. № 9.

⁴⁴ Изд.: Авдеев. 2024: 392–393.

ларем Калязина монастыря стал Авраамий Бедов. В этом году из Старицы была отправлена первая партия известняка, причём келарь добился его беспошлинного вывоза⁴⁵. В духовной грамоте старец отметит:

«Дал я вкладу на завод на ограду каменную и на стеной камен(ь) и на известь и на кирпич шесть сот дватцат(ь) сем(ь) рублей дватцат(ь) пят(ь) алтын три ден(ь)ги» (Прил. 4. Л. 508 об. – 509).

В 1644 г. дело, однако, было далеко до завершения, и в духовной Авраамий Бедов в случае его смерти завещал завершить строительство Ивану Гавреневу (Прил. 4. Л. 523), что свидетельствует о прямом участии думного дворянина в продвижении работ. В 1646 г. старец вошёл в конфликт с игуменом Иоанном и жаловался царю Алексею Михайловичу, что тот

«ничево не строит, и росправу в монастыре и в монастырьской вотчине делат(ь) не дает, и монастырьских людей и крестьян велит сажат(ь) в чеп(ь) без вины и без сыску и на конюшне бит(ь) без милости, и по судебным делам указ чинит(ь) не дает».

В ответ царь повелел:

«И как к вам ся наша грамота придет, и ты б, игумен, в Колязине монастыре ведал церков(ь) Божию и церковной чин, а в монастырьские дела ни в какие не вступался. А ты, келарь, старец Аврамей, Колязинь монастырь ведал во всем и строил и монастырьские дела всякие и росправы чинил монастырьским всяким людем один, а в церковное ни во что не вступался»⁴⁶.

Строительство завершилось осенью 1647 г. Результат работ «видел» второй после царя человек в государстве – боярин Борис Иванович Морозов, видимо специально посетивший Калязин монастырь⁴⁷. Масштаб же проведённых работ хорошо представлен на фотографиях дореволюционного и советского времени (Илл. 3), поскольку обитель была уничтожена в ходе строительства Угличской

⁴⁵ Изд.: *Авдеев*. 2024: 394–395.

⁴⁶ Изд.: *Авдеев*. 2024: 393–394.

⁴⁷ Изд.: *Авдеев*. 2024: 394–395.

ГЭС в 1939–1940 гг. Так с лица земли был стёрт главный итог жизни Андрея Бедова, архитектурный памятник мирового значения.

Последние годы жизни старца не отражены в источниках. «Во 158 [1650] году февраля в 9 де(нь) судом Божиим дяди моего родного, Колязина монастыря келаря старца Аврамия Бедова не стало», – свидетельствовал его племянник Самсон Бедов⁴⁸. В Кормовой книге обители поминовение по Авраамию Бедову записано под 9 февраля⁴⁹, хотя в духовной старец завещал поминать его и в день тезоименитства – 17 октября. Вероятнее всего, Авраамий Бедов был похоронен в Калязине монастыре – согласно его духовной «подле матушкина гроба» (Прил. 4. Л. 505 об.).

Каким же человеком был Андрей (Авраамий) Семёнович Бедов? Как кажется, его характер состоял из крайностей, легко уживавшихся друг с другом. Любитель быстрой наживы, способный обойти закон, хороший управленец и военный, умевший завести нужные знакомства и извлечь из них выгоду, рачительный хозяин, – словом, имел те качества, которые немало помогали росту его благосостояния. Заботливый родственник, он не забывал о благосостоянии своих живых близких и о молитвах за усопших и поддерживал их личное благочестие. Впрочем, и сам Авраамий Бедов, будучи и сам человеком благочестивым, проявил традиционную заботу о своей посмертной участи и поминовении ближайших родственников. А о пожертвовании бóльшей части состояния на монастырское строительство можно сказать словами сборника «Статир», созданного в конце XVII в.: «Поистинне сей муж боголюбивый тщится Господа угостити, не о златых сокровищах внимает, но славу Божию размножает, да воздаст ему Господь за рукотворенный сей храм»⁵⁰. И во всех этих качествах характера – весь Андрей (Авраамий) Семёнович Бедов.

В приложениях даны уже изданные и впервые публикуемые документы, наиболее полно характеризующие жизненный путь и характер Андрея / Авраамия Семёновича Бедова, а также его окружение⁵¹.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 13. Ч. 1. Столбцы Приказного стола. № 47. Л. 420.

⁴⁹ ТГОМ КЗМ ОФ. № 909. Л. 117.

⁵⁰ РГБ ОР. Ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева). № 411. Ч. 2. Л. 246.

⁵¹ Источники, кроме оговорённых, публикуются с сохранением орфографии подлинника. Раскрытые титла не оговариваются. Буквенная цифирь передаётся арабскими цифрами. Мягкий знак после выносных букв поставлен

Приложения

1. 1609 г. Челобитная Андрея Семёнова сына Бедова гетману Яну Петру Сапеге о своём имуществе, разграбленном в Угличе паном Яном Очковским и об освобождении из заточения своего дворового человека Суятки Яковлева.

Государю м[ил]ость пану гетману Яну Петру Павловичю Сопѣгѣ бьет челомъ государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи холопъ Ондрюшка Семеновъ сынъ Бѣдовъ.

Жалоба, государь, мнѣ на пана Яна Очковского: дѣялось, государь, нынѣшняго сто семнадцатая году, посланъ былъ я в Пошехонье для государевыхъ запасовъ, а помѣстейцо было у меня царское жалованье въ Кашинскомъ уѣздѣ на Волгѣ, и я, государь, заѣхалъ въ свое помѣстьишко, изъ табору ѣдучи, и что осталось у загонныхъ людей животишек моихъ, и то испродалъ все и взялъ съ собою отъ загонныхъ людей в Пошехонье.

И нынѣшняго, государь, 117го году, декабря въ 8 день въ Пошехонѣ замутилося отъ вологодцкихъ воровъ, и я, государь, поѣхалъ былъ къ государю въ полки съ тою воровскою грамотою и съ прямыми вѣстями. И мнѣ, государь, попали встрѣчу изъ государева полку пана Бобовского роты панъ Григорей Дедерка, и съ иными панами, да воротили меня назадъ в Пошехонье. И я, государь, отъ тѣхъ вологодцкихъ воровъ и отъ пошехонскихъ послалъ в Кашинъ къ батюшкѣ своему къ Семену къ Бѣдову человѣка своего Суятку Яковлева со всѣми своими животами, и послалъ с нимъ сто двадцать рублевъ денегъ, да два осетра живыхъ, да два осетра просолныхъ, да три рыбицы бѣлыхъ, да двадцать шесть линей, да щукъ, да судоковъ съ десятокъ, да три кринки меду, да пять ведръ вина. И какъ, государь, будетъ тотъ мой человѣкъ Суятка на Угличѣ, и того моего человѣка поймали и привѣли къ пану Очковскому на дворъ. И тотъ, государь, панъ Янъ Очковской человѣка моего Суятку ограбилъ и тотъ мой животъ и деньги и платье поималъ къ себѣ, и человѣка моего вѣлѣлъ пытать невѣдомо про што, и велѣлъ былъ его, того моего человѣка всадити въ воду, для моихъ денегъ и животовъ. Ино, государь, заѣхали твоего гетманского полку панъ Филонъ Турчиновичъ да панъ Оѳонасей Волкъ, и онѣ человѣка мо-

в скобках.

его въ воду всадить не дали. И нынѣча, государь, сидеть на Угличѣ въ каменномъ погребѣ.

Милостивый пане гетмане, вели моего человека выкинуть вонъ изъ тюрьмы и тѣ мои деньги отдать.

Смилуйся, пожалуй!

Подлинник: Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собр. С. В. Соловьёва). Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 195.

Публ.: ДАИ. 1846: 276, № 158; Русский архив, 2012: 427–428, № 314.

Публикуется по изданию: Русский архив, 2012: 427–428. № 314.

2. 1611 г. Июнь. – Указная грамота от воевод бояр князя Дмитрия Тимофеевича Заруцкого, Ивана Маргтыновича Заруцкого и думного дворянина и воеводы Прокофия Петровича Ляпунова (Поместного приказа) в Кашин губному старосте Степану Екимову об отказе Андрею Семёнову сыну Бедову в поместье деревни Барыково с пустошами в Кашинском уезде.

Список з грамоты, что дана по совету всей земли.

Великие Российские державы Московского государства от бояр и вое[вод], от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да от Ивана М[арты]новича Заруцкого да от думного дворянина и воеводы, от Прокофья Петровича Ляпунова в Кашин губному старосте Степа[ну] Екимову.

Бил нам челом Андрей Семенов сын Бедов: приехал де он на земскую службу под Москву с первыми людьми вместе и жил де на службе шесть недель, и после де того послан он с стольником и воеводою со князем Юрьем Сулешевым на земскую службу в Торж[ок]. И за ним де, за Ондреем, было в Кашине поместья двесте [пять]десять четвертей, и¹ ис того де ево поместья взято у него девяносто четвертей и отдано старой помещице Марфе Павловской жене Бедова за то, что сын у нее в полону жив. А ныне де за ним, за Ондреем, осталось поместья в Кашине сто шестьдесят четвертей. И без [не]го де о том ево поместье бил челом ложно кашинец Илья Урусов, а сказал, что за ним, за Ондреем, поместья в дву городех шес[ть]сот[ь] четвертей. И за ним де, за Ондреем, поместья в Кашине сто шест[ь]десят четвертей, да во Твери двести четвертей, и обоего триста шестьдесят четвертей, и что де было за ним, за Ондреем, в поместье греченина Матвеева вотчина Костентинова деревня Бары-

ково с пустошми сто четвертей. А Илья де Урусов о том его поместье, о деревне Барыкове бил челом, а сказал, что в том ево поместье сто семдесят четвертей. И по его де ложному челобитью та деревня Барыкова отдана ему, Илье, за сто с[ем]десять четвертей. И тот де Илья, взяв ево поместье, съехал с службы и ныне живет дома. А в сыску кашинцы дворяне и дети боярские, Лучанин Шишков с товарищи сорок три человека, сказали, что Илья Урусов, взяв Андреево поместье Бедова, в Кашин с службы съехал.

И мы по совету всеи земли, велели Ондрею Бедову то [его] поместье, что отдано Илье Урусову, отдать ему назат, по [тому], что Илья с службы съехал. И как к тебе ся грамота прид[ет], и ты б, взяв с собою тутошних и сторонних попов и дьяконов и старост и целовалников, и лутчих крестьян, сколко пригож, в Кашинской уезд в деревню в Барыково, что было отдано Илье Урусову, ехал, да то поместье, деревню Барыково с пустошми, а в них пашни с[то] семдесят четвертей, отказал бы еси прежнему помещику Андрю Бедову х кашинскому да х тверскому ево поместьем к двемсот [шес]тидесять² четвертям в ево оклат в шестьсот четвертей по пр[е]жьней даче, а Илью Урусова и его людей ис того поместья высла[л] вон, и крестьяном слушать ево ни в чем не велел. А отказныя книги за своею рукою прислал бы еси к нам в полки въ Помесной приказ.

К сей грамоте думной дворянин и воевода Прокофей Петрович [Ля]пуновъ печать свою приложил, лета 7119¹ июня в [..]³ день.

А позади пишет:

Диак Гарасим Мартемьянов.

Справ[ил] Яков Обросимов].

Текстологический комментарий. ¹В ркп. пропущено. ²В ркп. [шес]тидесять. ³В ркп. число утрачено.

Списки: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 18. Д. 97. Л. 5–6 (список 1680-х гг.); Д. 169. Л. 149 об. – 151 об. (1850-е гг.).

Публ.: *Акты XIII–XVII вв.* 1898: 319–312. № 299; *АСЗ.* 2008: 22–23. № 26 (с восполнением утраченных частей текста по списку 1850-х гг.).

Публикуется по изданию: *АСЗ.* 2008: 22–23. № 26 с упрощённой орфографией.

3. 1628/29 г. Писцовая книга вотчинных и поместных земель Кашинского уезда письма Порфирия Бестужева и подьячего Данилы Брянцева.

[Чудский стан]

(л. 10 об.) За кашинцом са Ондрѣемъ Семеновым сыном Бедова въ помѣстьѣ (деревня) Грибанова на Суходоле, а в ней крестьян: (во дворе) Ивашко Тимоѳѣев сынъ Акакеев з детми с Тимошкою да с племянником с Матюшкою Павловым; (во дворе) Артюшко Иванов сын з братьею съ Ѳед(ь)кою да с Мартынком, у нево ж двоюродной брат Ѳил(ь)ка Васил(ь)ев; (во дворе) бобыл(ь) Ивашко Власьевъ (л. 11) с племянником с Дан(ь)кою Ондрѣевым, прозвище Кошка, да с Панкою Гур(ь)евым. Пашни паханые дватцат(ь) двѣ чети с осминою, и перелогом и лѣсом поросло пятнатцат(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. Сѣна ж полдватцат(ь) копен. Половина (деревни) Гречниковой впусе пашни перелогом и лѣсом поросло пятнатцат(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. Сѣна десят(ь) копен. (Пуст) Светино, пашни перелогом и лѣсом поросло сем(ь) чети с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сѣна дватцат(ь) копен. И всево за Ондрѣем Бедовымъ в помѣстьѣ деревня живущая, да пол деревни пустые, (л. 11 об.) да пустошь, а в них два двора крестьянских, двор бобыл(ь)ской, пашни паханые и перелогом и лѣсом поросло средние земли шездесят чети в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пятдесят копен. А платитъ с живущего с четверика пашни, а сошново пис(ь)ма в живущие и впусе пол пол чети сохи, и не вошло в сошное пис(ь)мо две чети с осминою пашни.

А то ево помѣстьѣ писано за ним по ево, Ондрѣеве, скаске.

(л. 12) За ним же в помѣстьѣ в Суходол(ь)ском стану.

(л. 91 об.) За кашинцомъ са Ондрѣемъ Семеновым сыном Бедова старинная вотчина сел(ь)цо Борыкова, а Филипково тож, а в ней: двор вотченников, да людцких дворов: (во дворе) Васка Васил(ь)ев сынъ Невѣров, (во дворе) Степан сын Ѳедоров, да крестьян(л. 92)ских дворов: (во дворе) Васка Исаков с братьею с Корнейком, да с племянником с Васкою, да с Томилкою Евдокимовыми дет(ь)ми; (во дворе) Осипко Яковлев с племянником съ Ѳеткою Денисовым; (во дворе) бобыл(ь) Гарасимко Иванов с затем с Мит(ь)кою Григорьевым, да с ним же во дворѣ Мит(ь)ка Ѳедоров сынъ Ташлыков с сыном с Коняшкою; два двора пустых: Сав(ь)ялка Григорьева да Ларки Семенова да Фомки Баукина да Трен(ь)ка Кривоногово, сбежали безвѣсно. Пашни паханые тритцет(ь) шесть

чети, да перелогом и лѣсом поросло четырнатцат(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пят(л. 92 об.)натцат(ь) копен. Да пустошей: (пустошь) Стройцыно, пашни перелогом и лѣсомъ поросло дватцет(ь) одна чет(ь) в поле, а в дву по тому ж, сѣна пятнатцет(ь) копен; (пустошь) Ташлыково, пашни перелогом и лѣсомъ поросло дватцат(ь) чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна десят(ь) копен; пол(пустоши) Кошелева, пашни перелогом и лѣсомъ поросло четыре чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна четыре копны; (пустошь) Вертяшкино, пашни перелогом и лѣсомъ поросло пять чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна пят(ь) копен.

(л. 93) А владѣет он тою вотчиною по купчей архиепископа Тверскаво 122^г году.

За ним же, са Ондрѣемъ родственные вотчины: полсел(ь)ца Толстинково, а на ево половину пашни паханые и перелогом и лѣсом поросло двенатцет(ь) чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна десет(ь) копен; половина (дрв) Кореневы, а на ево половину (дворов) крестьянских: Тимошка да Ос(ь)ка Ивановы, (во дворе) бобыл(ь) Якушко Захар(ь)евъ с братом съ Якушкою Еремѣевым да с племянником с Макаркомъ. (л. 93 об.) Пашни паханые десет(ь) чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна же пол пяти копен. (Пустошь) Орехово, пашни перелогомъ и лѣсом поросло пят(ь) чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна пят(ь) копен.

И всево са Ондрѣемъ Бедовымъ в вотчине сел(ь)цо, да пол сел(ь)ца, да пол деревни, да четыре пустоши, а в них двор вотчинников, два двора люцких, три двора крестьянских, два двора бобыл(ь)ских, пашник паханые и перелогом и лѣсом поросло средние земли сто тритцет(ь) четыре чети въ (л. 94) поле, а в дву по тому ж, сѣна шездесят четыре копны. А платит з живущей с полуосмины без полчетверика, а сошного писма в живущей и в пусе пол чети сохи и перешло са сошным пис(ь)мом девет(ь) чети пашни.

А та вотчина писана са ним по правой грамоте 122^г году, да на то выпишь губнова старосты.

[Суходольский стан]

(л. 702 об.) Село Костентиновское на рекѣ на Кашине, а в нем церковь во имя Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Исуca Христа древяна клѣтцки, пустѣ стоит бес пѣн(ь)я, а на церковной семле (место) поповское пустое.

(л. 703) Половина тово села Константиновского в помѣстье за кашинцом са Ондрѣемъ Семеновым сыном Бедова. А на его поло-

вину двор помѣщиков, а в нем живет приказщик Ивашко Васил(ь)ев сын, (во дворе) бобыл(ь) Томилко Богданов. Пашни паханые и перелогом и лѣсом поросло тритцат(ь) пят(ь) чети в поле, а в дву по тому ж, сѣна по рекѣ по Кашине пят(ь)десят копен, лѣсу в кол и в жердь две десятины.

Две трети деревни Сташино, а на ево двѣ трети крестьян: (во дворе) Гришка Неѣдов з дет(ь)ми съ Ос(ь)кою да с Кирюшкою, жа с племянники с Трошкою да съ Ивашкою Мартьяновскими дет(ь)ми; (во дворе) Илюшка Ондрѣвъ з братом с Окинкою да с племян(л. 703 об.)ником с Ъвашкою Филиповым сыном Королевым; да бобыл(ь)ских: (во дворе) Ивашко Васил(ь)ев с зятем с Перѣилком Ерѣмолиным, у нево ж племянник Ивашко Игнат(ь)ев с зятем с Левкою, да вдова Соломанидка Ивановская жена съ сыном с Якункою; да пят(ь) дворов пустых крестьянских: Неустройка Борисова, да Жданки Семенова с пасынки с Гришкою да с Ѳед(ь)кою Гавриловыми, да Исачки Гаврилова, да вдовы Полагейки Ондрѣвские жены Синов(ь)ева. Пашни паханые десят(ь) чети в да перелогом и лѣсом поросло (л. 704) дватцет(ь) чети с третником в поле, а в дву по тому ж, сѣна по рекѣ дватцет(ь) копен.

Да пол(пустоши) Беркачева, пашни перелогом и лѣсомъ поросло семь чети в поле, а в дву по тому ж. (Пустошь) Щербакова, пашни перелогом и лѣсом поросло дватцет(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. (Пустошь) Подмощье пашни перелогом и лѣсомъ поросло десет(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. (Пустошь) Шклово, пашни перелогом и лѣсом поросло десет(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. (Пустошь), что былъ починокъ Степанково, пашни перелогом и лѣсом поросло пят(ь) чети бес третника в поле, а в дву по том ж, сѣна пять копень.

Всево са Ондрѣм (л. 704 об.) Бедовым в помѣсье пол села, да двѣ трети деревни, да четыре пустоши, да полпустоши, а в них двор помѣщиков, два двора крестьянских, три двора бобыл(ь)ских, пят(ь) дворов пустых. Пашни паханые и перелогом и лѣсом поросло средние семли сто семнатцат(ь) чети в поле, а в дву по тому ж. Сѣна семдесет пят(ь) копен, лѣсу двѣ десятины. А платит з живущего с полуосмины бес полчетверика пашни, а сошного пис(ь)ма в живущем и в пуге пол чети сохи, ј не дошло в сошное пис(ь)мо осми чети перелогом пашни.

(л. 705) А то его помѣсье писано са нимъ, за Ондрѣмъ, по государеве грамоте 123^г году и по его, Ондрѣве, скаске.

За ним же, са Ондрѣемъ, помѣсье в Чюцком стану.

Подлинник: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 137. Л. 10 об. – 12, 91 об. – 94, 702 об. – 705.

Публикуется впервые.

4. 1644 г. Сентября 24. Духовная грамота келаря Калязина монастыря Авраамия Бедова.

(л. 504 об.) Список з духовной слово в слово.

Во имя Отца и Сына и Святаг(о) Духа.

Се аз, раб Божий, инокъ старецъ Аврамей Бедов, Живоначал(ь)ные Троицы Колязина монастыря келар(ь), пишу сею въ изусную память(ь) *(л. 505)* своимъ целымъ умомъ и разумом, кому нынѣ что дат(ь) и на ком что всят(ь).

А приказываю душу свою поминат(ь) государя царя и великого князя Михаила Ѡеодоровича всеа Русии, думному дьяку Ивану Оѡнас(ь)евичу Гавреневу да брату своему Ондрѣю Григор(ь)евичю Сыкову, да племяннику своему родному *(л. 505 об.)* Самсону Борисову сыну Бедову, да в Колязине монастыре игумену Иванну, да казначею старцу Иосиѡу, да священникам, отцу моему духовному старцу Иосиѡу, да священнику старцу Раѡаилу, да уставщику старцу Антонию, да дьякану старцу Ирinarху.

И как по мою душу Богъ сошлет, и имъ пожаловати тело мое грѣшное похоронит(ь) подле матушкина гроба и четыредесятницу и псалтыр(ь) говорит(ь) велет(ь) на гробу моемъ до сорочинъ непрестанно, а четыредесятница по мне велет(ь) петь в дву пределах, да третию в соборе. А на *(л. 506 об.)* четыредесятница дат(ь) шесть рублев, а ото псалтыри дат(ь) двенатцат(ь) рублев. А на погребение дат(ь) игумену пол полтины, а священникам и дьяконом дат(ь) по гривне, а редовой брат(ь)и два алтына. Да на погребение ж дат(ь) за сто пят(ь) рублев. А на третины и на девятины *(л. 507)* по три рубли, а на полусорочины и на сорочины по пяти рублев. А пива и вина варит(ь) да привосить из вотчины из Барыкова. А милостину дават(ь) на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины игумену по гривне, а священникам и дьяконом и дьячком по полу-гривне, а рядовой брат(ь)и по алтыну.

Да дал я *(л. 507 об.)* вкладу в домъ Живоначал(ь)ные Троицы и великого чудотворца Макария в Колязин монастырь купленную свою вотчину в Дмитровском уѣзде деревню Мишнево со крестоя-

ны и с пустошми и с {х}лѣбом² и со всѣми угод(ь)и. А крепости на ту мою вотчину отданы в казну в Колязинъ монастырь.

Образ Живоначал(ь)ные Троицы (л. 508) обложен серебромъ, посолочен оклад; да образ Пресвятыя Богородицы Тихвинские обложенъ серебромъ, оклад солочен з гривною, с цаты из золотых и з жемчюги и с пеленою; да образ Сергиѣво видение, обложен серебром, оклад позолочен; да образ Алеѣя человека Божия, обложен серебромъ; (л. 508 об.) да образ страстотерпцов Христовых Бориса и Глѣба обложен серебром, оклад солочен, да крест на кипарисе обложен серебром, чеканной, солочен с женьчюги дать в Колязин же монастырь.

Дал я вкладу на завод на ограду каменную и на стенной камен(ь) и на известь и на кирпич шесть сот дватцат(ь) сем(ь) рублей (л. 509) дватцат(ь) пят(ь) алтын три ден(ь)ги, и всего моего вkladу в Колясине монастыре дано денег и с вотчиною тысеца восемь сот сорок два рубли дватцат(ь) пят(ь) алтынъ три ден(ь)ги. И меня им са тот вклад игумену и священникам с брат(ь)ею поминат(ь) по двожды на год, на имянины октября в седьмнадцат день, (л. 509 об.) да на преставление, и в кормовые книги написат(ь), и на брат(ь)ю столы ставит(ь) и брат(ь)ю кормит(ь) и родители мои поминат(ь) по кормовым книгамъ и по записке.

Да приказчиком моим дат(ь) по мнѣ во Твер(ь)¹ преосвященному Ионе, архиепископу Тверскому и Кашинскому десят(ь) рублей да шуба собол(ь)а (л. 510) под камкою чешноичатею, да на собор на четыредесятницу десят(ь) рублей.

Да отцу моему духовному, ключарю Иосиѡу два рубли.

Да прежде сево при архиепискупе Еуѡимие дал я дватцат(ь) рублей, да в Покровском монастыре на Угличъ дано вкладу дватцат(ь) рублей, да на че(л. 510 об.)тыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладонъ и на вино церковное рубль. Да в Рябов монастырь на четыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладонъ и на вино церковное рубль.

Да в Капшен монастырь дат(ь) на четыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладонъ и на вино церковное (л. 511) рубль.

Да в Кашин к Николе чудотворцу в Клобуков монастырь дат(ь) на четыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да в Дмитровской монастырь дат(ь) на четыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да в Ширинской монастырь дат(ь) на че(л. 511 об.)тыредесятницу дат(ь) два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да в Стретенской монастырь дат(ь) на тыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины в Стретенской (л. 512) монастырь дават(ь) игумень по два алтына, сестрамъ по алтыну.

Да в Кашине дат(ь) в собор на тыредесятницу два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да к Успенской Пречистые Богородицы в городе на тыредесятницу со всѣмъ два рубли.

Да в Семеновской монастырь дат(ь) сорокоусту (л. 512 об.) и с управою церковною полтора рубли.

Да к Николе в Карцоу дат(ь) сорокоусту два рубли, да на свечи и на ладон и на вино церковное рубль.

Да в село Кожино дат(ь) на тыредесятницу и с управою церковною два рубли.

Да в Костентиновское дат(ь) на тыредесятницу и с управою церковною полтора (л. 513) рубли без гривны.

Да что есть в Кашине храмов, и дат(ь) на все церкви на третины и на девятины и на полусорочины и на сорочины на обедни по всемъ храмом и на понахиды по полугривне.

Да благословляю а приказчиков своих, думного дьяка Ивана Оюнас(ь)евича Гавренева образ на кипарисе (л. 513 об.) складни Седмицы, обложено серебромъ и позолочен. Да брата своего Ондрѣя Григор(ь)евича Зыкова благословляю образ Арсения епископа Тверского да княз(ь) Михаила Ярославича Тверских чюдотворцов на одной цкѣ, обложен сребромъ, оклад солоченой, да дватцат(ь) рублей денег.

(л. 514) Да благословляю племянника своею родного Самсона Борисова сына Бедова образ Пречистые Богородицы Тихвинские подоб(ь)е путной в серебре скан(ь)ю; да образ великого чюдотворца Николы обложень серебромъ с гривною, позолочень, в киоте; да образ преподобного чюдотворца Макария Колязинскогъ, (л. 514 об.) обложен серебром, оклад золочен, да образ великомученикъ Гурия и Самона и Авива, да великомученик Мины и Виктора и Викентия, да великомученицы Парасковей на одной цкѣ, обложен серебром, оклад солочен.

Да благословляю а племянника своего (л. 515) в Кашинском уѣзде в Чютцком стану купленую своею вотчиною, селцом Барыковым, а Филипково тож, со всѣми угод(ь)и и с пустошми и со всѣми крестьяны и со всѣмъ хлѣбом. А ис хлеба, как по мою душу Богъ сошлет, вина сидет(ь), (л. 515 об.) да пива варит(ь), да возит(ь) в Колязин монастырь и в Кашин и в монастыри на поминки, да поит(ь) и кормит(ь) священницы и нищих.

Да племянницу свою, а Самсонову жену, благословляю шубою кун(ь)ю под камкою, круживо серебряное.

Да что есть в Барыкове рухледи, кубы и котел, и темь (л. 516) благословляю племянника своего Самсона.

Да что есть у меня в Колязине монастыре серебряных судов, и из тѣх судов в Колязинъ монастырь всят(ь) половина, другая половина серебряных судов взят(ь) себѣ племяннику моему Самсону.

Да что есть у меня в Колязине монастыре (л. 516 об.) со мною оловенных³ судов, оловеников и кумганов и блюд оловеных и сковородок белых и торелок, и те все суды взят(ь) племяннику моему Самсону.

Да племяннику моему Самсону взят(ь) после меня помѣсные и вотчинные всякие грамоты и наказы.

А из тѣх моих судов дать ему Степану Бедову кумганъ, (л. 517) которой бол(ь)ши, да два блюда, да торелочка, да сковоротка белая.

Да Матвѣю Бедову дат(ь) кумганецъ мален(ь)кой, да два блюда оловяных, да торелка, да сковоротка белая.

Да Степана Бедова благословляю образ Макарей Чюдотворец на золоте. Да Матвѣя Бедова благословляю образ Макарея ж чюдотворец на золо(л. 517 об.)те.

Да их жон благословляю вотчиною, половиною деревни Кореневи, четыре двора крестьянских. И разделит(ь) имъ та моя вотчина, изверстав крестьян пополамъ. Да имъ по дватцет(ь) рублей денег, да по дватцет(ь) чети хлѣба, ржи и овса и жита и пшеницы. А имъ велѣть по мнѣ служит(ь) четыре(л. 518)десятница.

Да сестру свою родную Марѳу Семеновну благословляю образ Успение Пречистые Богородицы на солоте, да образ Ивана Предтечи, обложен серебром, оклад солочен, венец розной с гривною; да образ Козмы и Демьяна, да Кира Иванна на одной цке, обложено серебром, оклад золочен, да пятьдесят рублей (л. 518 об.) денег. А ис тех денег дано дватцат(ь) рублей.

Да благословляю Семена Саборовского образ Живоначал(ь)ные Троицы и великого чюдотворца Макария Колязинского на золоте, да пятнатцат(ь) рублей денег, да пят(ь) четей ржи.

Да благословляю племянницу свою Мавру и с сыном еѣ Борисом образ великого (л. 519) чюдотворца Макария Колясинског(о), да пятнатцат(ь) рублей денег. А ей велѣт(ь) по мнѣ служит(ь) четьредесятница.

Да благословляю брата своего Ивана Григор(ь)ева сына Сыкова образ чюдотворца Макария да пятнатцат(ь) рублей денег. А ему велѣт(ь) по мнѣ служит(ь) четьредесятница.

Да Онтипу Сыкова благословляю (л. 519 об.) образ чюдотворца Макария да пятнатцат(ь) рублей денег. А ему велет(ь) по мнѣ служить четьредесятница.

Да бра{та}³ своево Степана Никитича Лихачева благословляю з дет(ь)ми образ чюдотворца Макария да дватцат(ь) рублей денег. А ему велет(ь) по мнѣ служит(ь) четьредесятница.

Да Степанове (л. 520) сестре Ул(ь)яне пят(ь) рублей денег.

Да сестру свою Ул(ь)яну Яковлевну благословляю з дет(ь)ми образ чюдотворца Макария да пятнатцат(ь) рублей денег. А ей по мнѣ велет(ь) служить четьредесятница.

Да Ламановской жене старице Маремьяне дат(ь) пять рублей.

Да благословляю Богом даною (л. 520 об.) свою дочь Екатерину Юрьевну с дет(ь)ми образ Алеѣѣ митрополита, обложен серебром, да пятдесят рублей денег.

Да Устинию Алеѣеву дочер(ь) Батюшкова благословляю образ Василия Кесарийскаго да Василия Блаженнаго на одной цке, обложен серебром, да десят(ь) рублей денегъ.

(л. 521) Да Богдановы дочери Кожина десят(ь) рублей денег.

Да Тихону Зыкову пят(ь) рублей денег.

Да благословляю старицу Сундулѣю Брехову с сыном еѣ, с Васильемъ образ чюдотворца Макария да дватцат(ь) рублей денег. А имъ по мнѣ велет(ь) служит(ь) четьредесятница.

Да Гавриловым (л. 521 об.) детем Зыкова пят(ь) рублей.

Да приказщиком взят(ь) по кабале на Юрье Батюшкове с товарищи дватцат(ь) рублей.

Да людей моих Михайла Семенова с женою и з дет(ь)ми отпустит(ь) на волю, а денег ему дать три рубли. А что у него есть мое-

го жалованья, плат(ь)я, лошадей и коров и хлѣба, а то все перед ним.

(л. 522) Да татарина Данила отпустит(ь) на волю, а дат(ь) ему два рубли денег да конь старой карей, да что есть у нево моего жалованья животины, и то все перед ним.

Да человека моего Еремѣя Елисар(ь)ева отпустит(ь) на волю, а дат(ь) ему два рубли денег, а что у нево есть лошадей и коров, и то все перед ним.

(л. 522 об.) Да человека моего Первова отпустит(ь), да дат(ь) ему рубль денег, а что есть у нево животины, и то перед ним.

Да Терешке Иванову сыну Смердову дат(ь) рубль денег, а Татьяна отпустит(ь) на волю, а дат(ь) ей рубль денег, а что есть у ней животины, и то перед нею.

А Оерос(ь)ку отпустит(ь) на волю, а дат(ь) ей (л. 523) рубль денег, а что есть у ней животины, и то перед нею.

Да пожаловат(ь) Ивану Аюнас(ь)евичю мой приказ попомнит(ь), делат(ь) велет(ь) ограда каменная после моего живота.

Да что есть у меня плат(ь)я роздат(ь) по моей душѣ на поминок игумену Иванну: шуба лис(ь)я лапчатая под сукном под ста медом под зеленым.

(л. 523 об.) Да отцу моему духовному священнику Иосиѳу шуба бел(ь)я хрептовая под киндяком, да ряска суконная вишнева.

Да священнику Раваилу шуба мерлужчатая под киндяком под лимоннымъ, ряска тавтяная, да полка теплая, бархатъ чернь.

Да старцу Мисаилу Гаврилову шапочка теплая бархатная, да ряска черная, (л. 524) да манат(ь)я, да рубль денег.

Да дьякону Илинарху шуба бел(ь)я черев(ь)я под оленям.

Да дьякону Иосиѳу ряска черная.

Да казначѣю старцу Иосиѳу шуба боран(ь)я новая да шапочка бархатная холодная.

Да конюшему старцу Тихону Неврюеву полтина да шапочка холодная бархатная.

Посел(ь)скому старцу Антонию полтина.

Да чашнику да подкеларнику по полтине.

Да слугамъ Ивану Игнат(ь)еву да Ивану Моковѣеву по рублю.

Да племянницамъ моим (л. 524 об.) Ѳекле да Мар(ь)е Борисовым дочерям Бедова по десяти рублев.

Дат(ь) черному попу Бөрѣму дат(ь) пят(ь) рублев са то, что ему стало убытка во Твери.

Да что пенных денег имано на слугах и на крестьянех, и те денги казначью розат(ь) все по росписке, на комь что всято.

Да келейнику моему Якову дат(ь) полтина.

А подлинную духовную грамоту писал по приказу келаря старца Аврамия Бедова Колязина монастыря (л. 525) слушка Ивашка Игнатъевъ лѣта 7153^г году сентября въ двадесят четвертый день.

А у подлинной духовной назади пишет:

К сей духовной игумен Иванъ руку приложил.

К сей духовной Иван Гавренев руку приложил.

К сей духовной Вндрѣй Сыков руку приложил.

К сей духовной сына своево духовног(о) (л. 525 об.) келаря старца Аврамия руку приложил поп Иосио.

К духовной Колязина монастыря келар(ь) чернецъ Аврамии Бедов руку приложил.

К сей духовной дяди своево родног(о) Колязина монастыря келаря старца Аврамия Бедова племянникъ родной Самсонъ Бедов руку приложилъ.

К сей духовной казначей старец (л. 526) Иосио руку приложил.

К сей духовной дьякон Иринарх руку приложил.

Чернецъ Антоней руку приложил.

А назади у списка написано: к сему списку с ызусные Самсонъ Бедов руку приложил, а подлинную взял к себѣ.

И по сему списку з духовные написано.

Текстологический комментарий: ¹Испр. из Трерь. ²В ркп. 1-я буква пропущена. ³Предпол. буква исправлена. ³В ркп. бра.

Список начала 50-х гг. XVII в.: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 4 (Делопроизводственные книги Поместного приказа, Вотчинной коллегии, Вотчинного департамента). Д. 5998. Л. 504 об. – 526.

Публикуется впервые.

5. 1655 г. Июля 8. Грамота царя Алексея Михайловича о возвращении кашинцу Ефтифею Бедову ста рублей, данных в Калязин монастырь на сохранение его дедом Аврааимом Бедовым.

(л. 157) СѢ царя и великого князя Алеѣѣя Михайловича всеа Великия и Малыя ꙗ Бѣлыя Россиі самодержца в Колязин монастырь архимариту Сергию да келарю старцу Лаврентью с брат(ь)ею.

В нынѣшнем во 167^м году июня въ 24 де(нь) бил челом намъ, великому государю, кашинецъ Еөтиөѣй Бедов: в прошлых де годѣх положено дѣда ево умершаго¹ келаря старца Аврамя Бедова в Колясине монастыре на збережение сто рублей денег, а вы де² в тѣх ден(ь)гах не сапираетесь, а без нашего, великого государя, указу тѣхъ денег вы отдат(ь) не смѣете, и нам³, великому государю, пожаловати б, велѣт(ь) тѣ дѣда ево, келаря старца Аврамя, ден(ь)ги отдат(ь) ему, Еөтиөѣю, и о том бы к вам в Колясин велѣтъ дат(ь) нашу, великого государя, грамоту.

И какъ к вам ся наша, великого государя, грамота придетъ, а будетъ дѣда ево, Еөтиөѣева, келаря старца Аврамя Бедова положено у васъ в Колясине монастыре на збережение ств рублей, и приказаны ему отдат(ь) (*л. 158*) и ему, Еөтиөѣю, тѣ ден(ь)ги дѣда ево, келаря старца Аврамя, сто рублейъ из монастырьские казны выдать, а у него всят(ь) в тѣхъ ден(ь)гахъ отпись.

Писан на Москве лѣта 7167г(о) июля в 8 день.

(*л. 157 об.*) В Колясин м(о)н(а)ст(ы)рь архимариту Сергию да келарю старцу Лаврентию с брат(ь)ею.

⁴167г(о) июля в 30 де(нь) привез грамоту Еөстегнѣй Самсонов с(ы)нь⁴.

⁵Дяк Петръ Малѣгин⁵.

⁶Правил Ромашко Стеюнев⁶.

Текстологический комментарий. ¹1-я буква вписана позже.

²Под строкой. ³Посл. буква испр. из а. ⁴4Вторым почерком. ⁵⁻⁵Третьим почерком. ⁶⁻⁶Четвертым почерком.

Подлинник: РГАДА. Ф. 1193 (Троицкий Калязин монастырь). Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 76. Л. 157–158.

Публикуется впервые.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. Ч. I: 1257–1613 гг. М., 1898.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. / Сост. А.В. Антонов. Т. IV. М., 2008.

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и др. Т. III. М., 1964.
- Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / Сост. С.Н. Кистерёв, Л.А. Тимошина. М.; СПб., 2007.
- Боярская книга 1629 года / Публ. Е.Н. Горбатова // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Матисон. М., 2022. С. 63–254.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846.
- Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / Авт. и сост. А.В. Антонов, В.Ю. Беликов, А. Берелович, В.Д. Назаров, Э. Тейра. М., 2010.
- «Кормовая книга» Колязина монастыря / С предисл. члена Тверской учёной архивной комиссии И. А. Иванова. Тверь, 1892.
- «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов, Сборник документов / Сост. Е.Н. Горбатов. М., 2015.
- Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (Б, Г, Е, К–Я) / Публ. Е.Н. Шibaева // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 11 / Научн. ред. А.В. Матисон. М., 2022. С. 255–432.
- Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: провинциальное служилое дворянство (Алексин, Арзамас, Белёв, Белозерск, Боровск, Великие Луки, Верея, Владимир, Вологда, Волоколамск, Воротынский, Вязьма, Галич, Дмитров, Калуга, Кашин, Кашира, Козельск, Коломна, Кострома, Медынь, Мещера (Шацк), Можайск, Муром, Мценск, Нижний Новгород) / Публ. Л.Е. Шibaева // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Матисон. М., 2020. С. 269–423.
- Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 2 / Гл. ред. А.В. Матисон. М., 2017. С. 176–282.
- Русский архив Яна Петра Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012.
- Сторожев В.Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 3: Состав старицкого и кашинского дворянства по десятиям XVII века. Тверь, 1894.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.Г.* Намогильная плита Евфимии Васильевны Гаврениной // «По пути времени...». 2017–2018. Вып. 7. Сост. поисково-исследовательский отряд «Путник». Тверь, 2019. С. 194–209.
- Авдеев А.Г.* Арсений Елассонский – архиепископ Тверской и Кашинский // Поволжский вестник науки. 2020. № 3 (17). С. 14–17.
- Авдеев А.Г.* Стены Калязина монастыря: хроника строительства и строители // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Вып. 16. Тверь, 2024. С. 378–412.
- Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // РД. Вып. 8. М., 2002.
- Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления в Московском государстве XVII столетия. СПб., 1902.
- Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019.
- Богатырёв А.А.* Возвращение потерянных «отчин». Героическая оборона русским гарнизоном крепости Белая во время её осады поляками. 1634 г. // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 47–51.
- Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947.
- Зимин А.А.* Отпуск холопов на волю в Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. // Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 9: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник памяти Ивана Ивановича Смирнова / Отв. ред. Е. Н. Носов. Л., 1967. С. 55–71.
- Иванов П.И.* Алфавитный список фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1^{-м} отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемой должности. М., 1853.
- Кабанов А.Ю., Рабинович Я.Н.* «Прямые» и «кривые» Смутного времени в России. М., 2022.
- Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.
- Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971.
- Матисон А.В.* Дворянство Тверского уезда XVI – начала XVIII веков. Справочник. М., 2023.
- Никольский И.Ф.* Калязин монастырь: Исторический очерк // ГНИМА им. А.В. Щусева. Фонд хранения архитектурных архивов. Ф. 52 (архив А.М. Харламовой). Оп. 1. Д. 27. КПоф–4804/27.

Чередеев К., *прот.* Биографии Тверских иерархов от начала существования Архиепископской кафедры в г. Твери и до ныне. Тверь, 1859.

Список сокращений

АСЗ – Акты служилых землевладельцев конца XV – начала XVII вв. Т. I–IV. М., 1998–2008.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и др. Т. I–III. М., 1952–1964.

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. Т. I–XII. СПб., 1841–1872.

ОР – Отдел рукописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Москва.

РГБ – Российская государственная библиотека. Москва.

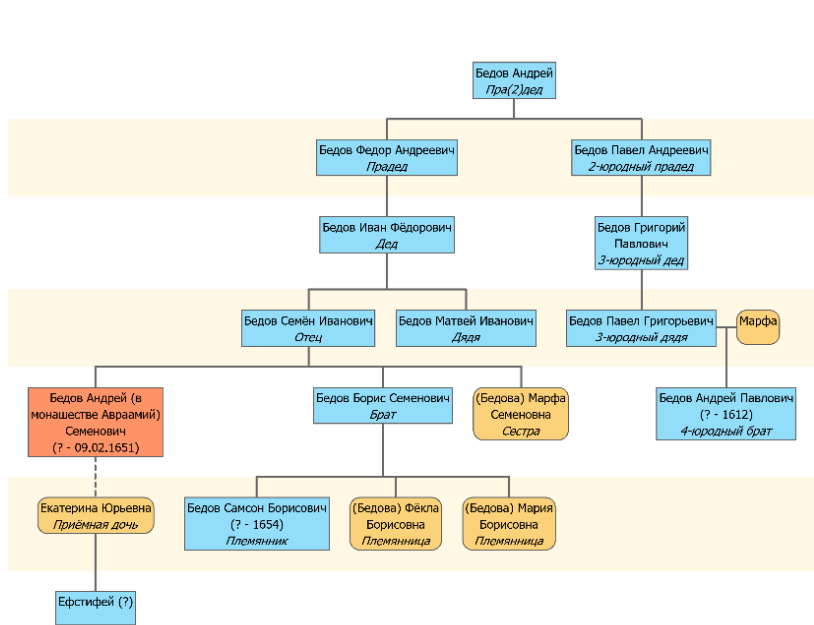
РД – Русский дипломатарий. М.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, 31. М., 1975–2019. Вып. 30. М.; СПб., 2015 (издание продолжается).

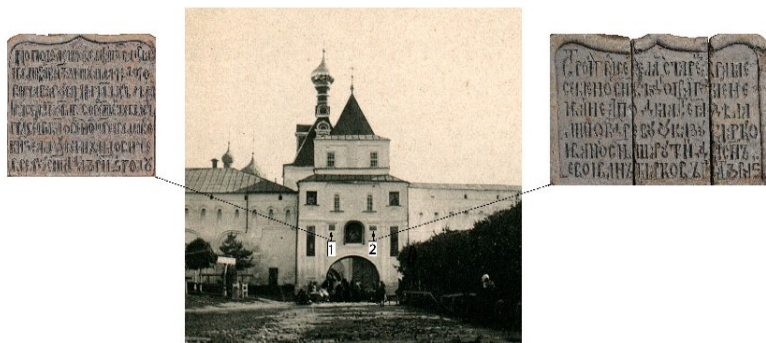
СПБНИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН («Дом Н.П. Лихачёва»)

ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей

CIR — Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей // <http://cir.rssda.su>.



Илл. 1. Родственные связи Андрея Семёновича Бедова, во иноцех Авраамия



Илл. 2. Троицкий Макарьев Калязин монастырь. Въездные врата. 1647 г.
Фото начала XX в. с указанием на местоположение строительных надписей.

Макарьевский Калязин монастырь



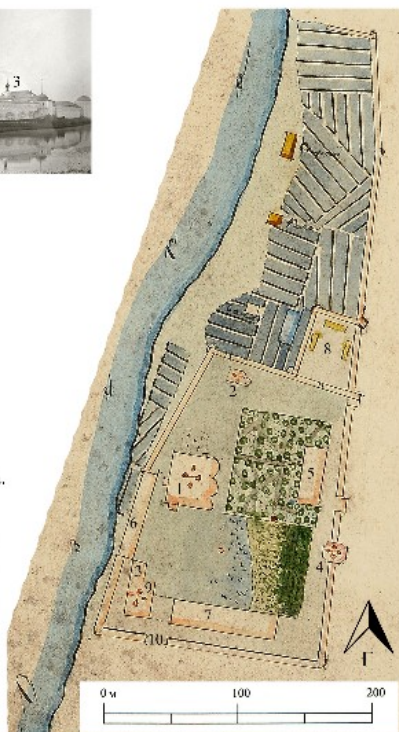
А. Западная стена. Вид с юго-запада.
Фото начала XX в.



Б. Северная стена. Вид с северо-запада.
Фото 30-х гг. XX в.



В. Южная и восточная стены. Вид с юго-востока. Фото начала XX в.



Г. План монастыря. До 1884 г.

Цифрами обозначены: 1. Троицкий собор; 2. Церковь Алексея человека Божия; 3. Сретенская церковь с трапезной; 4. Колокольня; 5. Архимандричий корпус; 6. Дом для наместника и казначея; 7. Дом для братских келий; 8. Двор с конюшнями; 9. Церковь Бориса и Глеба; 10. Надвратная Макарьевская церковь; 11. Успенская церковь

Илл. 3. Стены Троицкого Калязина монастыря на фотографиях дореволюционного и советского времени. Сост. А.Г. Авдеев, А.С. Зиганшина.

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

И.М. Супоницкая

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-13

Аннотация: воспоминания двух российских эмигранток, анархистки Эммы Гольдман и социалистки Анжелики Балабановой, недавно изданные в России, рисуют картину становления власти большевиков после октябрьского переворота, открывая малоизвестные моменты революции 1917 г. Гольдман, депортированная из США, показала роль анархистов в революционной России, представлявших не хаотичную силу, но социалистическое движение, которое предлагало вместо диктатуры пролетариата иной путь революции – развитие самоуправления, к чему призывали М. Бакунин и П. Кропоткин. Анархисты, как и другие оппоненты большевиков, были уничтожены.

А. Балабанова, член Итальянской социалистической партии и РКП(б), секретарь Исполкома Коминтерна, сосредоточила внимание на методах партийной работы большевиков, их влиянии на международное социалистическое движение. Приехав в Россию, чтобы содействовать рождению республики рабочих и крестьян, Гольдман и Балабанова вскоре вынуждены были покинуть ее, разочаровавшись в политике советского государства.

Ключевые слова: революция, анархизм, большевики, диктатура, разочарование.

«В ночь на 21 декабря 1919 года вместе с двумястами сорока восемью другими политическими заключенными я была депортирована из Америки. Хотя всем было известно, что нас ждет депортация, мало кто действительно верил, что Соединенные Штаты будут полностью отрицать свое прошлое как убежище для политических беженцев, некоторые из которых жили и работали в Америке более тридцати лет. ...Под усиленным военным конвоем мы поднялись на борт “*Бьюфорда*”. Двадцать восемь дней мы были заключенными. Часовые у дверей нашей каюты днем и ночью, ча-

совые на палубе в те часы, когда нам ежедневно позволяли дышать свежим воздухом. ...Но настроение у нас было приподнятое – перед нами была Россия, свободная, новая Россия»¹.

Так известная анархистка Эмма Гольдман описала свою депортацию в советскую республику. Ее воспоминания о двухлетнем пребывании в Стране Советов, которые до сих пор не переведены на русский язык, вместе с недавно опубликованной по-русски автобиографией, а также мемуарами другой эмигрантки, Анжелики Балабановой, позволяют иначе взглянуть на возникновение большевистского режима, разрушая привычные представления².

Хотя Балабанова была социалисткой, а Гольдман – анархисткой, у них много общего. Обе в конце XIX в. порвали с ортодоксальными еврейскими семьями, уехав на Запад за свободой и образованием, недоступными женщинам в России. Они отличались сильным независимым характером, обостренным чувством справедливости и никогда не отступали от своих принципов. Обе посвятили жизнь борьбе за создание нового общества – социализма на своей родине и в других странах; не признавали частной собственности, помогали нуждающимся. У каждой было много встреч с известными политиками и литераторами: у Балабановой – с А. Бебелем, Р. Люксембург, К. Либкнехтом, Б. Муссолини, В. Лениным; у Гольдман – с И. Мостом, П. Кропоткиным, Дж. Лондоном, Ю. Дебсом, Дж. Ридом. Балабанова и Гольдман познакомились в большевистской России в 1920 г. и беспристрастно описали советский режим, посвятив ему значительную часть воспоминаний (Гольдман прожила в России два года, Балабанова – четыре). Вернувшись на родину с желанием помочь ее возрождению, они постепенно превратились в непримиримых врагов советской власти и навсегда покинули страну.

Эмма Гольдман (1869–1940) родилась в Ковно (ныне Каунас), отец стремился выдать ее замуж в пятнадцать лет и был против ее образования; швырнув однажды учебник французской грамматики в огонь, заявил, что еврейская дочка «должна знать, ... как пригото-

¹ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. L., 1925. P. 1–2.*

² *Goldman E. My Disillusionment in Russia. L., 1925; Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018; Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки, 1897–1938. М., 2007.*

вить фаршированную рыбу... и как нарощать мужчине побольше детей»³. Она рано начала работать, в 16 лет решила вместе с сестрой эмигрировать в Америку, пригрозив покончить с собой, если отец не отпустит. Но и там, в Рочестере, жила тяжело, трудясь на швейной фабрике 10,5 часов в день за два доллара пятьдесят центов в неделю, чего не хватало даже на пропитание. Одно из ее первых сильных впечатлений в Новом Свете – трагические события в Чикаго в мае 1886 г. Когда 1 мая рабочие объявили забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня, полицейские открыли огонь, убив и ранив несколько человек. На митинге памяти жертв 4 мая на площади Хеймаркет (Сенной рынок) кто-то бросил в полицейских бомбу, от взрыва и беспорядочной стрельбы полиции погибли свыше десяти полицейских и рабочих, многие получили ранения.

Хотя виновных не установили, власти обвинили анархистов, пятерых из них приговорили к смертной казни (11 ноября 1887 г. четверых повесили, пятый перед этим покончил самоубийством). В 1893 г. губернатор Иллинойса признал их невиновными. Второй Интернационал в 1889 г. объявил 1 мая Международным днем трудящихся. Эмма ходила на все митинги, читала газеты о «чикагской бойне», ставшей «переломным событием» в ее жизни – она «ознаменовала рождение моей гражданской позиции»⁴. Гольдман стала анархисткой.

В Нью-Йорке познакомилась с Александром Беркманом, племянником известного народника и революционера М.А. Натансона. Они, полюбив друг друга, на всю жизнь остались единомышленниками и друзьями; вместе посещали лекции немецкого иммигранта Иоганна Моста, бывшего члена Социал-демократической партии Германии, депутата рейхстага. Мост, разочаровавшись в парламентской деятельности, не приносившей реальных результатов, предпочел анархизм. В Америке он не раз попадал в тюрьму, но, выйдя на свободу, продолжал разъезжать с лекциями по стране, привлекал пламенными речами сторонников; среди них оказались Гольдман и Беркман. И. Мост агитировал перейти от парламентских разговоров к активной борьбе за изменение капиталистического общества – «пропаганде действием», вплоть до насилия, чтобы

³ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2015. Ч. 1. С. 19.

⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2018. Ч. 3. С. 37.

побудить рабочих к революции. Последовав его призыву, Александр решил убить управляющего сталелитейной компании Э. Карнеги Генри Фрика, который в конфликте с забастовщиками в Гомстеде в Пенсильвании нанял частный вооруженный отряд Пинкертона; в результате столкновения погибли рабочие. Но Беркман лишь ранил Фрика, и был приговорен к 22 годам тюрьмы, отсидев 14 лет.

В Америке Э. Гольдман занялась самообразованием, читала социалистическую литературу, которой снабжал учеников И. Мост. На взгляды российских иммигрантов повлияли также идеи М. Бакунина, П. Кропоткина, народолюбцев. Они восторгались Софьей Перовской, «новыми людьми» из романа Н. Чернышевского «Что делать?». Заметив у Эммы ораторский талант, Мост подготовил ее к публичным выступлениям. И хотя Гольдман высоко ценила ум и образование своего учителя, их пути вскоре разошлись. Мост не поддержал поступок Беркмана, пренебрежительно отозвавшись о нем. Разъяренная Эмма однажды во время выступления отхлестала его нагайкой, ведь он сам призывал к подобным акциям.

Гольдман действительно превратилась в пламенного оратора, проповедуя в пуританской Америке атеизм, стала противницей государства, частной собственности, института брака. Анархизм, утверждала она, —

«философия нового общественного строя, основанного на свободе, не ограниченной никакими человеческими законами: согласно этой теории, все формы правления основываются на насилии и поэтому ложны, вредны и не нужны»⁵.

Анархизм

«выступает за освобождение человеческого ума от владычества религии, за освобождение человеческого тела от владычества собственности, за освобождение от оков и стеснений правительства, ...за порядок, основанный на свободной ассоциации людей в целях производства истинного общественного богатства, за порядок, гарантирующий каждому человеку свобод-

⁵ Гольдман Э. Что такое анархизм // Гольдман Э. Анархизм. М., 1920. С. 43-44.

ный доступ к земле и полное пользование всеми необходимыми для жизни вещами, сообразно личным желаниям, вкусам и наклонностям»⁶.

Она много ездила по Соединенным Штатам и странам Европы с лекциями, посвященным различным темам, – анархизму, патриотизму, государству, свободе и правам человека, эмансипации женщин, положению политических заключённых. Во время экономического кризиса 1893 г. на массовом митинге на Юнион-Сквер в Нью-Йорке она обратилась к безработным:

«Мужчины и женщины! Вы понимаете, что Государство – ваш злейший враг? Это машина, которая калечит вас, чтобы закрепить власть хозяев. ...Государство – опора капитализма, и смешно ожидать от него возмещение ущерба. ...Выходите к дворцам богачей и требуйте работы. Если они не дадут вам работы, – требуйте хлеба. Если они откажут вам и здесь – заберите хлеб. Это ваше священное право!»⁷.

Гольдман была арестована и осуждена на год тюрьмы по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам. На суде заявила, что «не ожидала справедливого приговора от капиталистического суда. Суд может сотворить со мной самое худшее, но мои убеждения он изменить бессилён»⁸. Она получила известность как «красная Эмма» и самая опасная анархистка Америки; автор нескольких книг и мемуаров, Гольдман издавала радикальный журнал «Мать Земля».

Однажды после лекции об анархизме к ней подошел молодой человек и попросил посоветовать книги на эту тему. Это был польский иммигрант Леон Чолгош, о котором вскоре узнал весь мир: 6 сентября 1901 г. он стрелял в президента США Уильяма Мак-Кинли. Гольдман арестовали по подозрению в пособничестве в убийстве, хотя она больше не видела Чолгоша, и вскоре из-за отсутствия доказательств была отпущена. При Т. Рузвельте против анархистов был принят закон, Эмма превратилась в изгоя общества, не могла снять жилье,

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. М., 2015. Ч. 1. С. 151–152.

⁸ Там же. С. 162.

устроиться на работу. В 1917 г. ее и Беркмана приговорили к двум годам тюрьмы за антивоенную пропаганду. Эдгар Доктороу, му жизни Америки начала XX в., вывел среди своих героев Гольдман, всегда готовую к очередному аресту. В мемуарах она призналась: уходя на митинг, брала с собой книгу, чтобы было чем заняться в тюрьме⁹.

Во время первой волны антикоммунизма – «красной угрозы», вызванной революцией в России, правительство Соединенных Штатов, опасаясь ее влияния, в декабре 1919 г. депортировало в советскую республику коммунистов и анархистов на корабле «Бьюфорд» (Vuford), названном «Красным ковчегом», среди них были Эмма Гольдман и Александр Беркман. Их лишили американского гражданства, но Гольдман не подала апелляцию, объяснив: «Меня манила советская Россия»¹⁰. Так после тридцатилетнего проживания в США они вновь оказались на родине.

Анжелика Балабанова (девичья фамилия Ройзман, 1877–1965) возвратилась в Россию, узнав о февральской революции 1917 г. К этому времени она была известным деятелем международного социалистического движения, членом ЦК Итальянской социалистической партии, редактором газеты «Аванти!» («Вперед!»). В отличие от Гольдман, Анжелика родилась в состоятельной еврейской семье Чернигова, не знала бедности и нужды. Мать, властная женщина, готова дочь к замужеству, дала ей домашнее воспитание, необходимое для светской дамы (хорошие манеры, языки, музыка, танцы). Но Балабанова вспоминала о детских годах как о времени «бунта – бунта против матери, гувернанток, условностей и ограничений...»¹¹. Чтобы избавиться от опеки деспотичной матери, она настояла на учебе в школе, где у нее обнаружили «поразительные лингвистические способности», которые позже ей пригодились.

После школы, несмотря на скандалы и проклятия матери, Анжелика окончательно порвала с семьей и в 1897 г. уехала учиться в либеральный Новый университет в Брюсселе, где читали лекции известные ученые, в том числе М. Ковалевский. Она отказалась от своей доли в наследстве, договорившись со старшим братом, что

⁹ Там же. С. 232.

¹⁰ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. P. 2.

¹¹ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 10.

тот будет высылать небольшие деньги на скромную жизнь. «Передо мной, – писала она, – лежало осуществление всех моих девичьих грез: университет, знания, свобода, возможность придать какой-то смысл моей жизни»¹².

Получив степень доктора философии и литературы, Балабанова отправилась в Германию изучать экономику, затем в Италию, где увлеклась социалистическими идеями, марксизмом, слушала лекции философа А. Лабриолы. В 1900 г. она вступила в Итальянскую социалистическую партию, работала пропагандистом среди итальянских эмигрантов в Швейцарии, превратившись в одного из самых популярных лекторов, чему способствовало знание пяти иностранных языков. На 9 конгресс Второго Интернационала в Базеле в 1912 г. итальянская социалистическая партия делегировала двоих, в том числе Анжелику. Ей пришлось переводить речь своего товарища по очереди на французский, немецкий и английский языки, все слушатели, включая представителей прессы и гостей, встали со своих мест и зааплодировали. Только когда присутствовавший при этом Август Бебель, один из основателей Социал-демократической партии Германии и Второго Интернационала, вышел вперед и обнял ее, она поняла, что аплодисменты предназначались ей. «Товарищ Балабанова, – сказал он, – слушая вас, я чувствовал, что слышу и вижу живое воплощение интернационала»¹³.

Однажды на митинге после своего выступления она заметила плохо одетого молодого человека, как оказалось, безработного, бездомного и голодного; он был малообразован, хотя раньше работал учителем начальной школы в Романье. Анжелика прониклась к нему сочувствием, познакомила с марксизмом, социалистической литературой, поддержала в партийной работе, о чем позднее пожалела. Это был Бенито Муссолини.

«Едва ли я могла себе представить в тот вечер, что начинаю общение, которое десять лет спустя приведет к таким горьким последствиям, что отчасти благодаря моей помощи и сочувствию жалкий бродяга после того собрания в Лозанне встанет во главе движения, которому я отдала свою жизнь, и что он окажется

¹² Там же. С. 8.

¹³ Там же. С. 95.

виновным в самом позорном предательстве нашего времени. Но никто не мог бы увидеть в этом смущенном, нервном двадцатилетнем юнце человека, который правит Италией сегодня»¹⁴.

Позднее она разорвала с Муссолини все отношения и голосовала за его исключение из партии.

О революции в России давно мечтали, ее ждали. Из кружка народников, организованного Марком Натансоном и Николаем Чайковским, «дедушкой русской революции», вышли Петр Кропоткин, Софья Перовская, Екатерина Брешко-Брешковская. Они верили в неизбежность изменений и готовы были отдать за них жизнь. После неудачи «хождения в народ» часть народников перешла к террору, но и он тоже оказался безрезультатным. За убийство императора Александра II пятеро народовольцев, в том числе Андрей Желябов, тридцати лет, Софья Перовская, двадцати семи лет, были повешены. «Мы затеяли большое дело, – сказала однажды Перовская Кропоткину. – Быть может, двум поколениям придется лечь на нём, но сделать его надо»¹⁵. Перед казнью она писала матери, успокаивая ее:

«Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»¹⁶.

Вера Фигнер в сентябре 1884 г. заявила на суде, приговорившем ее к смертной казни:

¹⁴ Там же. С. 52–53.

¹⁵ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С. 300.

¹⁶ Перовская С.Л. Письмо к матери, 22 марта 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://narovol.narod.ru/Person/perovsk.htm> (дата обращения – 10.04.2024).

«Я часто думала, могла ли моя жизнь ...кончиться чем-либо иным, кроме скамьи подсудимых? И каждый раз отвечала себе: нет!»¹⁷.

Смертный приговор был заменен бессрочной каторгой.

Американского путешественника Джорджа Кеннана, отправившегося в 1885–1886 гг. в Сибирь, чтобы выяснить, почему русские нигилисты бросили бомбу в царя-освободителя Александра II, поразила «неколебимым мужеством» Екатерина Брешко-Брешковская:

«Господин Кеннан, мы можем умереть в ссылке, и наши дети могут умереть в ссылке, и дети наших детей могут умереть в ссылке, но к чему-нибудь это приведет в конце концов»¹⁸.

Осознанно шел на смерть 27-летний Иван Каляев, убивший в 1905 г. московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича:

«Я отдал всего себя делу борьбы за свободу рабочего народа, с моей стороны не может быть и намек на какую-либо уступку самодержавию, и если в результате всех стремлений моей жизни я оказался достоин высоты общечеловеческого протеста против насилия, то пусть и смерть моя венчает мое дело чистотой идеи. Умереть за убеждения – значит звать на борьбу, и каких бы жертв ни стоила ликвидация самодержавия, я твердо уверен, что наше поколение кончит с ним навсегда... Это будет великим торжеством социализма, когда перед русским народом откроется простор новой жизни, как и перед всеми, кто испытывает вековой гнет царского насилия»¹⁹.

¹⁷ *Фигнер В.Н.* Последнее слово, 1884 // Процесс 14-ти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1884fig14.html> (дата обращения – 10.03.2024).

¹⁸ *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). 2 тт. СПб, 1999. Т. 2. С. 90.

¹⁹ *Савинков Б.* Воспоминания террориста // *Савинков Б.* Избранное. М., 1990. С. 100.

Таким же был взгляд немецкого социалиста Августа Бебеля:

«И если в ходе этой великой битвы за освобождение рода человеческого нам суждено пасть, то те, кто сейчас находится в задних рядах, шагнут вперед; и мы падём с сознанием своего выполненного долга и с убеждением, что цель будет достигнута, как бы ни боролись или ни сопротивлялись силы, враждебные гуманизму. Мир наш, несмотря ни на что».

Эти слова Балабанова, высоко ценившая Бебеля, взяла эпиграфом к книге «Моя жизнь – борьба»:

«Ни один человек в довоенном революционном и рабочем движении, – писала она, – никогда не достигал такого авторитета, как Бебель, и никто не был так любим рабочими во всем мире»²⁰.

Она и сама думала так же:

«Я горжусь тем, что жила и работала вместе с мастерами, создававшими новый общественный порядок. Многие из них сейчас мертвы или потерпели поражение, находясь в изгнании или в своих собственных странах. Но их место займет новое поколение, чтобы на фундаменте, который мы заложили, строить более мудро и более успешно»²¹.

Противники самодержавия придерживались разных взглядов (народники, марксисты, социалисты, анархисты) и разных методов борьбы (терроризм, парламентская деятельность, социальная революция), но все хотели одного – свержения царистского режима в России. Тогда появились профессиональные революционеры, бросившие ради своей главной цели учебу, престижную работу (Н. Чайковский, М.А. Натансон, В. Волин); одни сидели в тюрьмах, получая туберкулез, рано умирали; другие скрывались от преследований, за границей возникли колонии российских эмигрантов. Некоторые включились в международное социалистическое движение, как Э. Гольдман, А. Беркман, И. Гурвич в США, В. Серж

²⁰ Балабанова А. Указ. соч. С. 91.

²¹ Там же. С. 335.

(псевдоним В. Кибальчича), В. Волин во Франции, А. Балабанова в Италии; М. Бакунин и П. Кропоткин стали фигурами мирового масштаба.

Эмигранты следили за событиями в России, способствуя развитию революционного движения, подобно народнику Феликсу Волховскому, с юности прошедшему через тюрьмы и сосланному в Сибирь, где в Томске познакомился с Джорджем Кеннаном (позднее написал предисловие к книге американца «Сибирь и ссылка»). Волховский в 1889 г. бежал из Сибири, жил в Лондоне, редактировал журнал «Free Russia», а после гибели друга по «хождению в народ», С.М. Степняка-Кравчинского (тот шел к нему в гости и попал под поезд), руководил всеми изданиями Фонда вольной русской прессы. Вместе с Н. Чайковским Волховский участвовал в тайной отправке оружия в 1905 г. на пароходе «Джон Графтон» для организации восстания в Москве и Петербурге. Вернувшись в Россию во время революции 1905 г., Ф. Волховский вел агитацию среди солдат. Тогда же из Америки приехали другие эмигранты, в том числе социалист И. Гурвич, известный экономист и публицист; бывший земец П.А. Тверской (псевдоним П.А. Дементьева) с намерением баллотироваться в Государственную Думу. В опубликованной программе Тверской ратовал за усиление местного самоуправления, развитие народного образования. Начавшаяся реакция заставила их снова покинуть страну.

Революции в России долго ждали две женщины, Эмма Гольдман и Анжелика Балабанова.

«Всю жизнь маяком для меня была героическая борьба России за свободу, – вспоминала Эмма Гольдман. – Революционное рвение замученных мужчин и женщин, которое не могли подавить ни крепость, ни *каторга*, вдохновляло меня в самые темные часы. Когда весть о Февральской революции пронеслась по всему миру, мне захотелось поспешить в страну, сотворившую чудо и освободившую свой народ от векового ига царизма»²².

²² Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 2. (курсив автора).

Однако октябрьский переворот приняли не все эмигранты. «Я всегда знала, что большевики – марксисты, – писала Гольдман. – В течение тридцати лет я боролась с марксистской теорией как с холодной, механистической, порабащивающей формулой»²³. И все же с началом интервенции в России она выступила в защиту русской революции, оправдывая большевиков, в которых видела «воплощение практического духа революции, несмотря на их теоретический марксизм». Узнав в тюрьме о посещении США в 1918 г. Брешко-Брешковской и ее кампании против большевиков, Гольдман в письме призывала «маленькую бабушку русской революции», как называла ее (в 1904 г. она в Америке помогала Брешковской собирать деньги на революцию), «не предавать то дело, которому она посвятила всю свою жизнь»²⁴. Эмма полагала, что большевики действовали в интересах народа.

«Я приехала в Россию, охваченная надеждой найти возрожденную страну, с ее людьми, полностью посвятившими себя великой, хотя и очень трудной, задаче революционного преобразования. И я пылко надеялась, что смогу принять активное участие в этой вдохновляющей работе»²⁵.

Как и многие на Западе, Гольдман видела в Советской России «землю обетованную» («promised land»), первую в мире республику рабочих и крестьян. Американские журналисты Альберт Р. Уильямс и Джон Рид, оказавшиеся во время октябрьского переворота в России, приветствовали его. Рид восторженно рассказал об увиденных событиях в книге «Десять дней, которые потрясли мир». Большевицкий переворот вначале воспринимался как продолжение «великой русской революции». Но вскоре появились сомнения. Разгон Учредительного собрания, где преобладали эсеры, а не большевики; разгул насилия новой власти и жестокость действий ВЧК, нетерпимость к любой оппозиции, чьи представители (эсеры, меньшевики, анархисты) оказались в тюрьмах, как при царизме, или перешли на нелегальное положение, подобно лидеру левых эсеров, поддержавших большевиков, М. Спиридоновой, – все это

²³ Ibid. P. XIV.

²⁴ Ibid. P. XV.

²⁵ Ibid. P. XI.

заставило Е. Брешко-Брешковскую, И. Гурвича и др. вновь эмигрировать, поскольку они не приняли режима большевиков. Налеты на анархистов с 1918 г. вынудили Кропоткина перебраться в г. Дмитров, подальше от центральной власти. Ему, как и писателю В.Г. Короленко, с которым на Украине встречалась Гольдман, приходилось тратить много сил и времени, спасая людей от ВЧК и расстрела.

«Тревожные мысли», по словам Эммы, начали одолевать её, она постоянно натыкалась на противоречия и мучительно пыталась развеять свои сомнения, обращаясь в поисках ответа к разным людям: Г. Зиновьеву, М. Горькому, А. Коллонтай, А. Луначарскому. «Подобно лучу света в темное царство», к ней в комнату ворвался Джон Рид – «всё тот же прежний, жизнерадостный, жаждущий приключений Джек», (так называли его американцы), которого Эмма знала еще в Америке. Рид «настаивал на том, что темные стороны большевистского режима неизбежны. Он горячо верил, что Советское правительство выйдет из своих узких партийных линий и вскоре создаст коммунистическое содружество»²⁶. Однажды он сказал Гольдман: «Я выучил одно сильное и выразительное русское слово «расстрелять!».

«Перестань, Джек! – воскликнула Эмма. – Это слово звучит ужасно и из русских уст, а от твоего американского акцента у меня просто кровь стынет в жилах. С каких это пор массовые казни стали единственным революционным методом? ...Наверное, я сошла с ума, – продолжала Эмма, – или же не понимаю смысла революции. Естественно, я никогда не думала, что ей могут быть безразличны жизнь и страдания человека, и у нее не будет иных методов, кроме массовых убийств. Пятьсот жизней, отнятых буквально за день до отмены смертной казни, ты называешь оплошностью, я же считаю это подлым и трусливым преступлением, худшим из произвола, совершенного именем революции»²⁷.

Гольдман спросила у председателя Петроградского совета Г. Зиновьева, почему город замерзает, когда около Петрограда пол-

²⁶ Ibid. P. 11.

²⁷ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 123–124.

но леса? «Да, топлива хватает, – отвечал он, – но что толку? Мы в осаде; людей нет, тяги нет, откуда же взяться лесу в городе?» «А жители? – не унималась я. – Разве нельзя обратиться к ним с призывом взять топоры и веревки и привезти дрова – самим же себе? И разве это не сплотит людей и не настроит их за вас?» «Это облегчит их страдания, – отвечал Зиновьев, – но отвлечет от первоочередных задач». «В чем же они состоят?» – спросила Эмма. «В том, чтобы сосредоточить всю власть в руках передового пролетариата и авангарда революции, – объяснил Зиновьев, – то есть Коммунистической партии». «Дорогой ценой достанется вам эта власть», – заметила она. «Увы, это так, – кивнул он, – но единственная действенная сила в революционную эпоху – это диктатура пролетариата. Анархия и самостоятельность местных советов, пропагандируемые вашими вождями, возможно, принесут пользу в будущем, но не здесь и не сейчас, не в России, которую Деникины и Колчаки спят и видят, как бы раздавить и уничтожить всю страну! А ваши соратники пекутся о судьбе одного-единственного города». Эмма удивилась: «То, что в полуторамиллионном Петрограде население уменьшилось до четырехсот тысяч человек, было, по мнению коммунистов, пустяком... Я вышла от этого человека, убежденного в непререкаемой мудрости партии, нашедшего теплое местечко в созвездии марксистских небожителей и считающего себя одним из его главных светил, в полном отчаянии»²⁸.

На вопросы Эммы Горький в личной беседе ответил:

«Вы опытная революционерка, а посему должны знать, что революция – дело мрачное и безжалостное. Бедная Россия отстала и неразвита, а ее жители, веками пребывавшие во тьме невежества, – самый грубый и ленивый народ в мире. ...Революция разбила представления о крестьянине как о наивном добряке, показав, что он может быть жесток, скуп, ленив и необуздан в своей садистской радости; ...Однако всё это следствия, а не главная причина, корни которой уходят в грубость и отсталость русского народа, ...в России нет культурных традиций и общих ценностей, нет уважения к человеческим правам и к самой жизни, и это

²⁸ Там же. С. 121–122.

невозможно изменить ничем, кроме как принуждением и силой, к которым веками привыкали русские люди».

«От этих ужасных слов в адрес всего русского, – призналась Гольдман, – у меня перехватило дыхание»²⁹.

Ответы на беспокоившие ее вопросы Эмма получила на встрече с петроградскими анархистами, узнав другой взгляд на русскую революцию и большевистский режим. Приглашенная на их конференцию, она удивилась, что ее единомышленники собирались тайком в темном укромном месте. Там ей рассказали «о предательстве революции большевиками. Рабочие балтийских заводов говорили о своем порабощении, кронштадтские матросы выражали свою озлобленность и негодование на людей, которым они помогли прийти к власти и которые стали их хозяевами»³⁰. Сообщили о цензуре, красном терроре и репрессиях, о переполненных тюрьмах, насилии над рабочими и крестьянами. Она не хотела верить, возразив: «Разве насилие не было неизбежно в революции и не было навязано большевикам интервентами?» Ей с возмущением ответили: «Переоденься, чтобы большевики тебя не узнали; возьми брошюру Кропоткина и попробуй распространить ее на советском собрании. Скоро увидишь, правду ли мы тебе сказали»³¹. Большевик Зорин, засмеявшись на рассказ Эммы, парировал: «Свобода слова – буржуазное суеверие. В революционный период не может быть свободы слова»³².

«Пламенную бунтарку», как она себя назвала, больше всего поразили «царившая всюду несправедливость», неравенство в распределении продуктов. «Существовало тридцать четыре вида пайков, и это при декларируемом коммунизме!» Самый лучший – в столовой Смольного для членов партии; пайки жильцам Первого Дома Советов (гостиница «Астория»), где жил Рид, были намного лучше, чем пайки рабочих на фабриках. Для коммунистов существовала особая больница со всеми современными удобствами, а остальные медицинские учреждения не имели даже самого необходимого. Это неравенство остро чувствовали простые люди. Слуги, работавшие в «Астории», хотя их называли товарищами, негодова-

²⁹ Там же. С. 126–127.

³⁰ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 12.

³¹ Ibid. P. 13.

³² Ibid. P. 14.

ли: «Для того ли мы сделали революцию..., чтобы покончить с господами? Зиновьев не больше нас, и на большее он не имеет права»³³.

То же услышала Гольдман в Москве из разговоров с людьми на улице. Эмма заключила, что «силы, приведшие к русской революции, остались для этих простых людей *terra incognita*, но сама революция глубоко проникла в их души. Они ничего не знали о теориях, но верили, что ненавистного *барина* (хозяина) больше не будет, и теперь *барин* снова был перед ними.

«У *барина* есть все, – говорили они, – белый хлеб, платье, даже шоколад, а у нас ничего нет. Коммунизм, равенство, свобода, – издевались они, – ложь и обман»³⁴.

Первое впечатление от Москвы – большое количество военных и множество мужчин в кожаной одежде с оружием. В Петрограде о ЧК говорили со страхом и ненавистью, но там чекисты не бросались в глаза. В Москве, казалось, они были везде.

«Москва – военный лагерь, – объяснил Рид. – Везде шпионы, бюрократия самодержавная. Я всегда чувствую облегчение, когда выезжаю из Москвы. ... Петроград – город пролетарский и пронизан духом Революции. Москва всегда была иерархической»³⁵.

Перед отъездом Гольдман в Москву Рид посоветовал ей обратиться за помощью к Анжелике Балабановой, которая неохотно согласилась, зная европейских анархистов, большинство из них казались ей утопистами, не умеющими оценить объективные условия. Но Рид высоко отозвался о мужестве Гольдман и Беркмана, дав Балабановой почитать брошюру с их речами в судах, где они объясняли свою антивоенную позицию.

«Я нашла Балабанову, – пишет Эмма, – в маленькой унылой комнате, лежащей, свернувшись калачиком, на диване. Она не располагала к себе, если не счи-

³³ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 113; Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 15–16.

³⁴ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 24. (курсив автора).

³⁵ Ibid. P. 22.

тать ее глаз, больших и светящихся, излучающих сочувствие и доброту. Она приняла меня весьма любезно, как старого друга, и тотчас же заказала неизбежный самовар. За чаем мы говорили об Америке, о рабочем движении там, о нашей депортации и, наконец, о России»³⁶.

Внезапно Эмма разрыдалась.

«В потоке слез, – вспоминала Анжелика, – она вылила передо мной все свое потрясение и разочарование, горечь от случаев несправедливости, свидетелем которых она стала и о которых слышала. Пятьсот казненных революционным правительством за один раз! Тайная полиция под стать старорежимной охранке! Подавление, преследование честных революционеров – все эти ненужные страдания и жестокость – разве для этого свершалась революция?»³⁷.

Анжелика пыталась объяснить неизбежность трагического в революции, произошедшей в отсталой стране, «хотела развеять сомнения, поселившиеся и в ее душе». Она обещала организовать встречу с Лениным, о которой просили Гольдман и Беркман. Эмма знала, что, несмотря на слабое здоровье и загруженность работой, Балабанова находила время помогать нуждающимся, раздавая свой паек и обходясь минимальным.

В Москве к Гольдман обращались люди разных политических взглядов: анархисты, левые эсеры, кооператоры и знакомые по Америке, вернувшиеся в Россию; все «были обескуражены, некоторые даже озлоблены», рассказывали одну и ту же историю о «чудесном духе, который вел народ вперед, о возможностях масс, о роли большевиков как выразителей самых крайних революционных лозунгов и их измене революции после захвата ими власти», о преследовании их товарищей, расстреле невинных людей. Они объясняли методы большевиков «непониманием характера и нужд русского народа, их безумной одержимостью диктатурой, которая есть даже не диктатура пролетариата, а диктатура небольшой группы

³⁶ Ibid. P. 26.

³⁷ Балабанова А. Указ. соч. С. 266.

над пролетариатом»³⁸. Когда она заговорила о народных Советах и выборах, ее собеседники улыбнулись: «Выборы! Таких вещей в России не бывает, если не называть выборами угрозы и террор. Только за счет этого большевики получают большинство. Несколько меньшевиков, эсеров или анархистов проскальзывают в Советы, но они не имеют ни тени шанса быть услышанным». Картина выглядела мрачной, но Эмма все еще «цеплялась за свою веру»³⁹.

На конференции московских анархистов в марте 1920 г. Гольдман узнала об участии анархистов в русской революции. В июльском восстании 1917 г. кронштадтских моряков возглавлял анархист Е. Ярчук, Учредительное собрание было разогнано анархистом Анатолием Железняковым; анархисты неизменно находились на переднем крае, воевали на всех фронтах. Анархист Нестор Махно, возглавивший крестьянскую повстанческую армию в Украине, – рассказали в Петрограде, – помог разбить Деникина и в критический момент спас Москву и революцию⁴⁰. Они фактически помогли большевикам взять власть, «делали важную работу в министерстве иностранных дел и во всех других департаментах. ...Пять месяцев спустя, в апреле 1918 г. использовалась артиллерия, чтобы разрушить Московский клуб анархистов и подавить их прессу. Анархисты стали первыми жертвами. С тех пор преследования анархистов никогда не прекращались»⁴¹.

Когда организаторы конференции попросили Беркмана и Гольдман подписать резолюцию с обращением к советскому правительству освободить заключенных анархистов и легализовать анархистскую образовательную деятельность, Эмма была крайне удивлена: анархисты должны просить, чтобы какое-либо правительство узаконило их инициативу? Но она «все еще верила, что советское правительство было, по крайней мере, до некоторой степени выразителем революции»⁴².

Современный исследователь анархизма, В.В. Дамье, отмечает активное участие анархистов и анархо-синдикалистов в русской революции (группы «Голос труда», «Новый голос труда», Российская

³⁸ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 29–30.

³⁹ Ibid. P. 30.

⁴⁰ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 116.

⁴¹ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 31.

⁴² Ibid. P. 32.

конфедерация анархо-синдикалистов, Конфедерация «Набат» и т.д.). Анархисты поддержали Советы, которые они рассматривали не как государственный орган партийного представительства, а как инструмент беспартийной самоорганизации и самоуправления трудящихся на производстве и по месту жительства⁴³. Такого же взгляда на Советы придерживались Кропоткин, Волин, Гольдман и Беркман.

Балабанова попросила Ленина принять Гольдмана и Беркмана, передав брошюру с их выступлениями, и вскоре получила ответ.

«Дорогой товарищ, – писал он, – я прочитал брошюру с огромным интересом (слово «огромный» он подчеркнул три раза). Не могли бы вы договориться с Э.Г. и А.Б. о встрече и привести их ко мне на следующей неделе? Я пришлю за вами машину»⁴⁴.

Они встретились в Кремле в начале марта 1920 г., Ленин похвалил их речи в суде: «Какая великолепная возможность пропаганды. Это означает, что стоит идти в тюрьму, раз суды могут так успешно быть превращены в форум». «Я чувствовала на себе, – пишет Гольдман, – его холодный пристальный взгляд, пронизывающий меня, как будто он размышлял над тем, как меня можно использовать»⁴⁵.

Она подняла тему анархистов в России и показала Ленину письмо, полученное ею от Мартенса, советского представителя в Америке, где он утверждал, что анархисты в России наслаждаются полной свободой слова и прессы. Здесь же узнали, что множество анархистов в тюрьме, а их пресса запрещена. «Анархистов? – воскликнул Ленин. – Чепуха! Кто рассказывает вам эти байки, и как вы можете в них верить? В тюрьмах у нас сидят не анархисты, а махновцы и всякие бандиты»⁴⁶. Беркман передал Ленину резолюцию конференции московских анархистов, тот обещал рассмотреть ее на ближайшем заседании ЦИК. Гольдман отказалась сотрудничать с советским правительством, пока ее товарищи находятся в тюрьме. «Но относительно свободы слова, – заметил Ленин, – это

⁴³ *Дамье*. 2001: 30.

⁴⁴ *Балабанова А.* Указ. соч. С. 267.

⁴⁵ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. P. 33.

⁴⁶ *Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 153.

есть, конечно, буржуазное понятие. В революционный период не может быть никакой свободы слова»⁴⁷.

«Свобода слова, свобода прессы, духовные достижения столетий, что они значили для этого человека? – подумала Гольдман. – Пуританин, он был уверен, что лишь только его схема могла спасти Россию. Правы были те, кто служил его планам, остальных нельзя было терпеть. Хитрый азиат, этот Ленин. Он знает, как играть на слабых сторонах людей лестью, наградами, медалями. Я убедилась, что его подход к людям чисто утилитарный, для достижения своего плана он мог избавиться от них. Действительно ли революция была его планом?»⁴⁸.

Близкое мнение о Ленине сложилось у Беркмана:

«“Практичный идеалист”, стремящийся к осуществлению своей коммунистической мечты любыми средствами и подчиняющий ей все этические и гуманитарные соображения. Человек, искренне убежденный, что дурные методы могут служить благим целям и оправдываться ими. Иезуит революции, который заставит человечество стать свободным в соответствии с его интерпретацией Маркса. Короче, решительный революционер в духе Нечаева, тот, кто пожертвует большей частью человечества, если понадобится, чтобы обеспечить триумф социальной революции»⁴⁹.

Гольдман удивило, что многие большевики, даже Ленин, надеются на скорую революцию на Западе. Один из первых его вопросов был: «Когда можно ожидать социальную революцию в Америке?» Об этом часто спрашивали и раньше, но ей было странно слышать такой вопрос от Ленина. Ей казалось невероятным, что человек его информированности так мало знает об американских условиях. Ленин признался, что, хотя жил в Европе много лет, так и не научился говорить на иностранных языках, поэтому беседа шла на

⁴⁷ Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 33.

⁴⁸ Ibid. P. 34.

⁴⁹ Berkman A. The Bolshevik myth: (Diary 1920–1922). N.Y., 1925. P. 92.

русском языке. Большевики произвели на Эмму впечатление наивных людей

«в их оценке мира за пределами России. Действительно ли их представление было настолько ошибочным из-за того, что они так долго были отрезаны от Европы и Америки? Или эта большая потребность в помощи из Европы была порождением их желаний? Во всяком случае, они все цеплялись за идею приблизить революции в западных странах, забывая, что революции не делаются по заказу, и, очевидно, не осознавая, что их собственная революция была искажена по форме и внешнему виду и постепенно приближалась к смерти»⁵⁰.

После беседы с Лениным Гольдман пришла к мысли, что именно его цели

«составляют корень зла, ведущего Россию к гибели. Он хочет построить коммунистическое государство с абсолютным верховенством его партии и собственной исключительной властью, но даже если при этом будут уничтожены все завоевания революции, а миллионы людей будут обречены на смерть, и Россия потонет в крови своих лучших сынов и дочерей, это не приведет железного человека из Кремля в смятение. Для него это по-прежнему будет всего лишь "чепуха", "небольшое кровопускание", которое никак не отразится на окончательной победе. С точки зрения ясности взгляда, силы воли и неистощимой решительности Ленин вызывал уважение, но его участие в революции я полагала величайшей угрозой для нее, более губительной, чем вся интервенция, потому что его цели были призрачны, а методы лживы»⁵¹.

Гольдман и Беркман отказались сотрудничать с советским правительством и участвовать в работе государственных структур,

⁵⁰ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 49.*

⁵¹ *Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 172.*

решив помочь в создании музея русской революции в Петрограде, собирать для него материалы по всей стране.

Они дважды приезжали к П. Кропоткину в Дмитров. Эмма познакомилась с ним в Лондоне в 1895 г. во время своей первой поездки в Европу, затем виделась в Париже после Международного конгресса анархистов в Амстердаме в 1907 г., считала его своим учителем, основателем современного анархизма. Тогда Кропоткину было 65 лет, он был еще полон жизни и энергии, а теперь выглядел старым и изнуренным. Эмма хотела услышать его оценку политики большевиков. Она не делала записей беседы, пересказав только ее суть.

«Кропоткин утверждал, что революция вознесла людей к большим духовным высотам и проложила путь к глубоким социальным изменениям. Если бы людям позволили применить их освобожденную энергию, Россия не оказалась бы в нынешней ситуации разрухи. Большевики, которых вынесла на вершину революционная волна, увлекли народ чрезвычайными революционными лозунгами, завоевав доверие масс... С октябрьским периодом они начали подчинять интересы революции установлению своей диктатуры, подавив и парализовав всякую социальную активность. Он говорил, что кооперативы были главным посредником, который мог объединить интересы крестьян и рабочих, но они были разгромлены одни из первых. ...Подчеркнул, что большевики дискредитировали социализм и коммунизм в глазах русских людей»⁵².

«Почему Вы не подняли свой голос против этого зла, против этой машины, которая иссушает жизненную кровь революции?» – спросила Гольдман. «Возражать правительству бесполезно, – ответил Кропоткин. – Оно заботится только об удержании своей власти, не обращая внимания на такие "пустяки" как права человека или человеческие жизни. ...Мы всегда указывали на последствия марксизма на практике»⁵³.

⁵² Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. 36.

⁵³ Ibid. P. 36.

Кропоткин бедствовал. Пайков хватало, чтобы не умереть с голоду, да и те перестали выдавать, когда Дмитровский рабкооп, как и другие, ликвидировали, арестовав почти всех его членов. Выручали огород и корова, иногда посылку с продуктами присылал с оказией Махно.

«Петр ничего не примет от большевиков, – сказала Софья, жена Кропоткина. – Недавно ...он отклонил предложение Госиздата продать за 250 тысяч рублей право на публикацию его сочинений. ”Если большевики экспроприировали труды других, – сказал он, – то пусть забирают и мои работы, только вот согласия своего я им не дам”. Он в жизни не вступал по доброй воле ни в какие взаимоотношения с властью, и сейчас не хотел иметь дела с теми, кто именем социализма попирает все революционные и моральные ценности»⁵⁴.

Кропоткин предвидел опасности марксизма и предупреждал о них в каждой своей работе. Но «никто не представлял, до каких размеров вырастет марксистская угроза. ...Большевики отравлены им (марксизмом. – *И.С.*) насквозь, их диктатура уже превзошла всемогущую инквизицию»⁵⁵. Он искренне обрадовался, узнав, что его гости отказались сотрудничать с большевиками, считая единственно возможным делом работу, полезную народным массам.

«Ленинская попытка опутать вас партийными тентами смехотворна, – заявил Кропоткин. – Это очередная иллюстрация того, чем хитрость отличается от мудрости: отрицать ленинское хитроумие невозможно, однако ни в его отношении к крестьянству, ни в оценке возможностей подкупа тех или иных людей нет подлинной рассудительности и прозорливости»⁵⁶.

Кропоткин не бездействовал, призывая в письмах к Ленину дать свободу инициативе масс, поддерживать, не разгонять кооперативы, не прибегать к насилию в отношении оппозиции, но ответа

⁵⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 157–158.

⁵⁵ Там же. С. 159.

⁵⁶ Там же. С. 160.

не получил. В 1918 г. после объявления «красного террора» он писал Ленину:

«Неужели не нашлось среди вас никого, чтобы напомнить, что такие меры – представляющие возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн – недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах. Даже короли и папы отказались от такого варварского способа самозащиты, как заложничество. Как же вы, проповедники новой жизни и строители новой общественности, можете прибегать к такому оружию для защиты от врагов? Не является ли это признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и вы спасаете уже не дорогое вам дело строительства новой жизни, а лишь самих себя?»⁵⁷.

Кропоткин убеждал поддерживать местное самоуправление:

«Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет! Нет ни в чем! ...Без участия местных сил, без строительства снизу, – самих крестьян и рабочих – постройка новой жизни невозможна. ...Именно такое строительство снизу должны были бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии», т.е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные – больше в центрах) уже уничтожили влияние и постройительную силу этого многообещавшего учреждения – Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновного строительства. Чтобы выйти из теперешней разрухи, Россия вынуждена обратиться к творчеству местных сил, которые, я вижу это, *могут* стать фактором для создания новой жизни»⁵⁸.

⁵⁷ Кропоткин. П. – Ленину В.И., 1918 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)

⁵⁸ Кропоткин П. – Ленину В.И., 4 марта 1920 // Звезда. 1930. № 6. С. 187. (курсив автора)

Еще во время Первого Интернационала возник спор между Марксом и Бакуниным, который называл Маркса государственнымником и решительно отвергал концепцию диктатуры пролетариата, увидев в ней опасность авторитаризма. Марксисты говорят, – писал он, – что

«диктатура есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия, или свобода, – цель, государство, или диктатура, – средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить. ... Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, она способна породить и воспитать в народе... только рабство; свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольною организацией рабочих масс снизу вверх»⁵⁹.

По мнению Бакунина, пролетариат, совершив революцию и овладев государством, «должен немедленно его разрушить, как вечную тюрьму народных масс; по теории же г. Маркса, народ не только не должен его разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей – начальников коммунистической партии...». «По воспитанию и по натуре, – считал Бакунин, – он (Маркс. – *И.С.*) якобинец, и его любимая мечта – политическая диктатура»⁶⁰.

Гольдман и Беркман тратили много сил на борьбу за освобождение людей из тюрем, прежде всего анархистов. Особенно упорно им пришлось отстаивать Всеволода Волина⁶¹, видного деятеля анархистского движения в России, руководившего вместе с П. Аршиновым культурно-просветительским отделом в повстанческой армии Нестора Махно. Волин и члены конфедерации «Набат» приехали к Махно летом 1919 г. после разгрома большевиками анархи-

⁵⁹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих // М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М., «Правда», 1989. С. 484.

⁶⁰ Там же. С. 485, 487.

⁶¹ Волин – псевдоним Всеволода Михайловича Эйхенбаума (1882–1945).

стов; издавали журнал «Путь к свободе», продолживший закрытое издание «Набат», выпускали листовки, читали лекции в частях⁶².

В начале января 1920 г. Волина, еще не оправившегося от тифа, арестовали, Троцкий требовал его расстрела. Но Беркман добился перевода заключенного в Москву, в Бутырскую тюрьму. Позднее, по соглашению, заключенному между Красной Армией и повстанческой армией Махно, Волина освободили, правда, ненадолго. Побывав в Дмитрове у Кропоткина, Махно отправился в Харьков для подготовки разрешенного большевиками Всероссийского съезда анархистов, намеченного на конец года. Однако в конце ноября после разгрома Врангеля большевики нарушили соглашение с Махно, приказав атаковать Гуляй-поле, центр повстанческого движения, и арестовать анархистов в Харькове. Волин снова оказался в Бутырской тюрьме, затем Таганской, где провел более года. Когда в июле 1921 г. в Москве был созван международный съезд профсоюзов для создания Красного Профинтерна, иностранные делегаты узнали о преследовании анархистов, об их протестной голодовке в тюрьме и обратились с письмом к Ленину. Он согласился освободить небольшую группу анархистов, в том числе Волина, и депортировать их из России при условии: никогда не возвращаться на родину. В начале 1922 г. они уехали в Берлин, где им помогли немецкие единомышленники.

Участник революции 1905 г., один из основателей первого в России Совета рабочих депутатов в Петербурге, Волин во время реакции был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь, но по дороге бежал за границу. Непримирымый враг большевиков, пронизательный политик, он в беседе с Львом Троцким весной 1917 г. заметил, что в случае прихода к власти «левых марксистов», те станут преследовать и, в конечном счете, расстреливать анархистов. Троцкий возмущенно опровергал его слова, ведь анархисты и марксисты – революционеры, союзники, и расходятся только в методах борьбы для достижения конечной цели – уничтожения государства, анархий, поэтому социалисты не станут применять силу против анархистов⁶³. Однако произошло именно так, как предсказал Волин.

⁶² *Avrich*. 1967: 215.

⁶³ *Дамье*. 2016:120.

После февральской революции, вернувшись в Россию из эмиграции, он отстаивал идею развития революции снизу, путем самоорганизации народных масс, без захвата государственной власти:

«Никому не следует овладевать государственной властью, – писал он. – *Не надо никакой власти.* Вместо ”власти” хозяином жизни должны стать объединенные трудовые организации рабочих и крестьян – организации, которые – с помощью тех же солдатских организаций – должны не ”власть захватывать”, а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить – повсюду на местах – новый порядок жизни»⁶⁴.

В конце 1917 г. Волин пророчески писал о политике победителей:

«Как только их власть утвердится и узаконится, большевики, будучи социалистами-государственниками, то есть людьми, верящими в централизованное и авторитарное руководство, начнут управлять жизнью страны и народа сверху». Советы, предсказывал он, превратятся в простые «орудия центрального правительства», и в России возникнет «авторитарный политический и государственный аппарат, который будет железным кулаком давить всякую оппозицию. “Вся власть Советам” превратится во “всю власть партийным вождям”»⁶⁵.

«Путь марксизма, – утверждал Волин, – неизбежно проходит через государство, политическую власть и политическую диктатуру. Путь анархизма проходит через самостоятельную организацию масс... Русская революция, с самого начала, пошла стихийно по анархическому пути»⁶⁶.

⁶⁴ Волин В. Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005. С. 186. (курсив автора)

⁶⁵ Цит. по: Avrich.1988: 128.

⁶⁶ Волин В. Ленин и Анархизм //«Голос труда», 1918, 29 января [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/volin_vm.php

Большевики тоже обещали стране демократию и самоуправление. В обращении к делегатам I Конгресса Коминтерна в 1919 г. Ленин и Троцкий заявили:

«Не фальшивая, буржуазная демократия – эта лицемерная форма господства финансовой олигархии – с ее чисто-формальным равенством, а пролетарская демократия с возможностью реализации свободы для трудящихся масс; не парламентаризм, а самоуправление этих масс через их выборные органы; не капиталистическая бюрократия, а органы управления, созданные самими массами, при действительном участии этих масс в управлении страной и социалистическом строительстве»⁶⁷.

Однако уже после прихода большевиков к власти началось преследование не только политических оппонентов, но и профсоюзов, кооперативов, всех свободных ассоциаций, способствовавших развитию инициативы масс, чего добивались анархисты. По «Декрету о печати» 27 октября (9 ноября) 1917 г. закрылись все оппозиционные газеты.

В 1920 г. против преследования профсоюзов, отстаивавших свою независимость, выступила «рабочая оппозиция» (А.М. Коллонтай, А.Г. Шляпников). «Внутри самой российской партии, – пишет Балабанова, – первую организованную оппозицию политике как Ленина, так и Троцкого, возглавила женщина – Александра Коллонтай. ...К IX съезду партии, 1920 г., последние крупицы профсоюзной автономии и рабочего контроля в промышленности были уничтожены и заменены контролем комиссаров над профсоюзами и Советами рабочих. Коллонтай возглавила ...движение против бюрократического удушения профсоюзов и за демократические права рабочих. Так как даже в то время было невозможно публично критиковать Центральный комитет или высказывать неофициальное мнение перед рядовыми членами партии, она имела достаточно мужества тайно отпечатать брошюру для распространения среди делегатов партийного съезда. ...Я никогда не видела Ленина таким разъяренным, как в тот момент, когда на съезде ему вручили одну

⁶⁷ Троцкий Л. К Первому съезду Коммунистического Интернационала // Л. Троцкий. Сочинения. Т. 13. М. – Л., 1926. С. 34.

из этих брошюр. Несмотря на тот факт, что оппозиция внутри самой партии была еще легальной, Ленин, заняв место на трибуне, осудил Коллонтай как злейшего врага партии и как угрозу ее единству»⁶⁸.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. была принята резолюция, написанная Лениным, которая осуждала «рабочую оппозицию» как «синдикалистский и анархистский уклон в партии», вызванный мелкобуржуазной стихией⁶⁹. Соппротивление профсоюзов было сломлено, Коллонтай оказалась в почетной ссылке – на дипломатической работе.

Гольдман с товарищами в поисках материалов для музея революции Петрограда отправилась по стране. Украина их удивила более зажиточной жизнью в сравнении с голодающими и замерзающими Петроградом и Москвой. Они узнали подробнее о деятельности Нестора Махно, в юности вступившего в борьбу с царским режимом и почти десять лет просидевшего в тюрьме, в каторжном отделении Бутырки, где он, малограмотный крестьянин, получил образование. Петр Аршинов познакомил Махно с основами анархизма, идеями Бакунина и Кропоткина, а позднее сам примкнул к армии повстанцев, написав первую историю махновского движения⁷⁰.

После февральской революции 1917 г. и освобождения Махно вернулся на родину, был избран председателем Совета крестьянских и солдатских депутатов в Гуляй-поле, возглавил местную анархистскую группу, называл себя «анархистом-коммунистом бакунинско-кропоткинского толка».

Летом 1918 г. Махно побывал в Москве, встретился с ведущими анархистами, пригласив Аршинова в Украину, ходил к Кропоткину, «дорогому нашему старику Петру Алексеевичу. ...Он принял меня нежно, как еще не принимал никто. И долго говорил со мною об украинских крестьянах...». Во время прощания сказал: «Вы должны помнить, дорогой товарищ, что наша борьба не знает сентиментальности. Самоотверженность, сила духа и воли на пути

⁶⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 264–265.

⁶⁹ О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. Резолюция X съезда РКП(б), окт. 1921 // Партия и Коминтерн. О «старой» и «новой» оппозиции. Сб. резолюций и постановлений. М.; Л., 1926. С. 12.

⁷⁰ Аршинов П.А. История махновского движения. Берлин, 1923.

к намеченной цели преодолеют все». «Эти слова Петра Алексеевича, – писал Махно, – я всегда помнил и помню»⁷¹. На него сильное впечатление произвели моральные качества Кропоткина. В июне 1919 г., сообщает П. Аршинов, когда в центральной России ругали лидера украинских повстанцев, Кропоткин его поддержал, сказав: «Передайте от меня т-щу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного»⁷².

Энергичный украинец встретился в Кремле с Лениным, который подробно расспрашивал о положении на Украине, даже вступил с ним в спор.

«Анархисты, – заметил Ленин, – всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы, но близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего... это и разделяет нас, коммунистов, с ними. ... Анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи...».

Махно возразил: хотя он и полуграмотный крестьянин, но не согласен «с утверждением, будто анархисты не понимают "настоящего", реально не имеют с ним связи», анархисты-коммунисты на Украине уже доказали, что целиком связаны с «настоящим». Именно анархисты и эсеры, а не большевики, нанесли поражение националистам и немецко-австрийским оккупантам в Украине. «Возможно, что я ошибаюсь», – ответил Ленин⁷³. Он предложил помочь Махно нелегально вернуться на юг.

Во время гражданской войны Махно прославился как талантливый военачальник, его повстанческая армия успешно боролась с Деникиным, заключив в феврале 1919 г. с командованием Красной Армии военное соглашение о совместных действиях против белогвардейцев при сохранении своей внутренней автономии. После разгрома Деникина Махно отказался войти в состав Красной

⁷¹ Махно Н.И. Воспоминания. Под ред., с предисловием Волина. Париж, 1936. Репринт. б/м., 1991. Кн. 2–3. Кн. 2. Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918 г.). С. 106–107.

⁷² Аршинов П.А. Указ. соч. С. 220.

⁷³ Махно Н.И. Указ. соч. Кн. 2. С. 131–133.

Армии и подчиниться ее командованию, за что советская власть объявила его врагом и бандитом, а повстанцев – контрреволюционерами. Узнав о приезде в Украину Гольдман и Беркмана, он пригласил их к себе, но те не могли подвергать своих коллег опасности за связь с врагом, разыскиваемым властью. Зато в Киеве встретились с женой Махно, приехавшей рассказать о его взглядах и деятельности, клевете большевиков, назвавших Махно погромщиком и врагом революции, которую он защищал⁷⁴.

С наступлением Врангеля советская власть снова договорилась с повстанческой армией Махно о совместной борьбе против белогвардейцев, его отряды сражались за освобождение Крыма, даже, как пишет Гольдман, его объявили главным героем победы, хотя недавно называли врангелевским пособником, назначив за его голову крупную награду. Но после победы над Врангелем большевики, нарушив соглашение, решили разгромить армию Махно и арестовать анархистов, поскольку их принципы самоуправления были несовместимы с диктатурой пролетариата. С небольшим отрядом Махно бежал в Румынию, перебравшись позднее во Францию.

Наблюдения Анжелики Балабановой, члена ЦК Итальянской социалистической партии, позднее и члена РКП(б), касались главным образом жизни советской партийной элиты. Она присутствовала при создании Коммунистического Интернационала в марте 1919 г. в Москве, оставившее у нее странное впечатление.

«Когда я смотрела в зал на делегатов и гостей, у меня было чувство, что что-то не так. Было что-то искусственное во всем этом собрании, что уничтожало тот дух, в котором оно созывалось. ...Большая часть тридцати пяти делегатов и пятнадцати гостей была тщательно отобрана российским Центральным комитетом из так называемых "коммунистических партий" тех малых "государств", которые раньше входили в состав Российской империи, таких как Эстония, Латвия, Литва, Украина и Финляндия; или это были военнопленные или иностранные радикалы, которые случайно оказались в это время в России. ...Единственным должным образом избранным кандидатом из Западной

⁷⁴ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 229–230.

Европы был молодой немец по имени Эберляйн, который представлял союз "Спартак", возглавляемый Либкнехтом и Розой Люксембург»⁷⁵.

«Президиум, в центре которого сидел Ленин, а по обе стороны от него – Эберляйн и Платтен (швейцарский социалист. – *И.С.*), располагался на возвышении в конце комнаты. На стене позади них висело огромное красное знамя, на котором был написан лозунг: "Да здравствует Третий интернационал!" Это собрание было созвано, видимо, как предварительная конференция, и на первый день, когда стало очевидно, что она представляет собой собрание чуть ли не одних славянских партий, возникла оппозиция немедленному образованию нового интернационала. Именно Эберляйн, делегат из Германии, выразил самый решительный протест, когда русские предложили, чтобы это собрание стало первым съездом Третьего интернационала. Он заявил, что не станет связывать себя какой-либо доктриной, которая еще не получила одобрения членов его организации»⁷⁶.

Балабанова также отказалась поддержать создание Коминтерна, не имея полномочий от Итальянской социалистической партии. Несмотря на возражения, образование Коммунистического Интернационала все-таки состоялось; Балабанову без ее согласия избрали секретарем Исполкома Коминтерна, Г. Зиновьева – председателем Исполкома.

Она догадывалась о причинах своего избрания.

«В среде антивоенных, левых сил, расположения которых искал новый интернационал, мое имя ассоциировалось с Циммервальдским движением⁷⁷ и автори-

⁷⁵ Балабанова А. Указ. соч. С. 222–224.

⁷⁶ Там же. С. 224.

⁷⁷ Циммервальдское движение названо по первой международной антивоенной конференции социалистических партий в Циммервальде, Швейцария, в сентябре 1915 г., на которой возникло два течения: реформистское (пацифистское) и революционное (Циммервальдская левая группа) во главе с Лениным, выступившим за превращение империалистической войны в войну гражданскую, перерастание ее в социальную революцию и поражение собственного правительства. Впоследствии это привело к распаду Второго Интернационала. Циммервальдская левая стала основой Коминтерна, пацифисты образовали в 1921 г. так называемый «двухполовинный» (или Венский) Интернационал.

тетом Итальянской социалистической партии. Будучи активным руководителем европейского социалистического и рабочего движения на протяжении почти двадцати лет, я пользовалась доверием групп рабочего класса, которые все еще смотрели на большевиков и новый интернационал с некоторым подозрением. Я не хочу сказать, что полностью осознавала или даже подозревала, что меня будут использовать как "фасад" для руководства Коминтерна. Но я понимала, что мое назначение секретарем имело определенное политическое значение»⁷⁸.

Она попыталась возразить, но Ленин прервал ее. «Прищурился, как обычно, одним глазом, когда он хотел изъясниться категорично, он ответил: "Партийная дисциплина существует и для вас тоже, дорогой товарищ. Это решение Центрального комитета". Когда Ленин решал что-то, прежде чем Центральный комитет одобрит его решение, он обычно в такой манере предвещал его действие, чтобы избежать ненужной дискуссии. Я знала, что спорить бесполезно»⁷⁹. На вопрос, почему именно ее выбрали секретарем, В. Воровский, назначенный ее советником, ответил: «Из-за вашего авторитета на международной арене»⁸⁰.

Балабанова нарисовала весьма непривлекательный портрет Григория Зиновьева.

«После Муссолини, – пишет она, – которого я все-таки лучше и дольше знала, я считаю Зиновьева самым презренным человеком, с которым я когда-либо встречалась. ...Если бы существовал трибунал для вынесения судебного решения и определения наказания тем, кто нанес ущерб и обесчестил рабочее движение, кто уничтожил его дух, кто ответственен за моральное и иногда физическое исчезновение его самых лучших активистов, то Зиновьев и Сталин возглавили бы список осужденных»⁸¹.

⁷⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 228.

⁷⁹ Там же. С. 228.

⁸⁰ Там же. С. 230.

⁸¹ Там же. С. 231.

В Циммервальде, вспоминает Балабанова, она заметила, «что всякий раз, когда нужно было осуществить какой-нибудь нечестный фракционный маневр, подорвать чью-либо репутацию революционера, Ленин поручал выполнение такой задачи Зиновьеву. ... Когда я приехала в Россию, он начал мне льстить, использовать меня в интриганских мизансценах, которые он пытался создавать и которые я так сильно ненавидела. “Это тот самый товарищ, – обычно говорил он, представляя меня большому собранию людей в Петрограде или Москве, – которому мы так многим обязаны. Она и товарищ Серрати (один из лидеров Итальянской социалистической партии. – *И.С.*) внесли самый большой вклад в то, что итальянская партия заняла интернационалистическую позицию в годы войны и оказала поддержку нашей революции”. Теперь Ленин поставил этого мастера интриг и клеветы, для которого цель оправдывала любые средства, во главе организации, которая должна была очистить и сплотить революционные силы всего мира!»⁸²

Почему же Ленин до конца своей жизни поддерживал Зиновьева? Балабанова полагает, что «в его сотрудничестве с Зиновьевым, как и в своей общей стратегии, Ленин руководствовался тем, что считал высшими интересами революции. Он знал, что в лице Зиновьева у него есть надежное и послушное орудие, и он никогда и на минуту не сомневался в своем собственном умении управлять этим орудием для пользы революции. ... Ленин был больше озабочен тем, чтобы его решения были действенными, нежели способом, которым они выполнялись. ... Он не предвидел того, что случится с революцией, когда эти средства станут целью; он не смог понять, что его собственные знаменитые государственные интересы – “Пролетарское государство оправдывает любой компромисс, на который оно идет, при условии, что сохраняет власть” – станут служить щитом для несостоятельности или продажности тех, которые говорят от имени пролетарского государства»⁸³. Возможно, предполагает Балабанова, перед смертью Ленин стал догадываться об этом, написав «Письмо к съезду».

У нее постоянно возникали конфликты с Зиновьевым, который «привык лгать и ловчить». Она поняла, что заседания Исполкома были «всего лишь формальностью, а настоящая власть нахо-

⁸² Там же. С. 231–232.

⁸³ Там же. С. 232–233.

дится в руках тайного комитета партии». Если она хотела заниматься сплочением левых сил во всем мире с помощью пропаганды и товарищеской помощи, то Зиновьев и большевики предпочитали другие методы. «Зачем стараться завоевать лояльность или доверие какой-то партии или движения, когда легче разрушить его и создать на его руинах послушную секту, зависящую самим своим существованием от Коминтерна? Зачем обсуждать методы, честно противостоять разногласиям во мнениях, когда, имея за собой ресурсы всего государства, гораздо легче дискредитировать своих более грозных оппонентов, подкупить менее порядочных и более слабых?»⁸⁴

Представителями Коминтерна за границей назначались люди, с испорченной репутацией в рабочем движении. Эти эмиссары Москвы, пользуясь славой Октябрьской революции и огромными деньгами, привлекали таких же «корыстолюбцев», как они сами. «Произвольное создание новых партий и новых рабочих движений на протяжении 1919–1920 годов (особенно после создания Красного профсоюзного интернационала) имело под собой такие средства и возможности, которые может предоставить лишь власть правительственного аппарата. Дорогостоящие организации с многочисленным персоналом возникали за одну ночь. Интернационал стал бюрократическим аппаратом еще до того, как родилось настоящее коммунистическое движение»⁸⁵.

«Я узнала, что мое имя использовалось в документах и воззваниях, которые я никогда не видела. Эти документы исходили от Зиновьева и были, разумеется, одобрены Лениным. Когда я жаловалась на это, ответы Зиновьева были уклончивы. Исполком, дескать, принял это решение без соблюдения формальностей, они, разумеется, собирались посоветоваться со мной; как дисциплинированный член партии я должна принять эти решения и т. д. Это был тайный комитет партии, а не Исполком Коминтерна, который заседал без соблюдения формальностей и делал заявления от моего имени. Но я тогда все еще была далека от того, чтобы подозревать, что происходит: мое имя все еще было необходимо Коминтерну, но мое участие в обсуждениях его решений было помехой»⁸⁶.

⁸⁴ Там же. С. 233–234.

⁸⁵ Там же. С. 234–235.

⁸⁶ Там же. С. 235.

Когда Балабанова начала возражать Зиновьеву, он решил избавиться от нее, предложив поехать в Украину. «Зачем мне опять уезжать из Москвы? – спросила она. – Я секретарь Интернационала, и здесь наша штаб-квартира». Зиновьев настаивал, Ленин тоже посоветовал ехать. «Украина – самый важный пункт в нашей борьбе в настоящее время, – сказал он. – Почему мы должны держать всех наших лучших ораторов в Москве?»⁸⁷.

В 1920 г. ожидался визит в советскую Россию европейских делегаций, Балабанова должна была работать переводчицей, но Зиновьев сообщил о ее поездке в Туркестан, от чего она решительно отказалась. Джон Рид объяснил: «Они хотят избавиться от вас до приезда иностранных делегаций. Вы слишком много знаете». «Но они же не сомневаются в моей лояльности!» – воскликнула Анжелика. «Конечно, нет. Но они не сомневаются и в вашей честности. Ее-то они и боятся». Зиновьев заявил о нарушении партийной дисциплины, пригрозив отстранением от работы в Коминтерне, но Балабанова уже была к этому готова⁸⁸. Такое нарушение дисциплины, заметила она, в 30-е гг. кончилось бы тюремным заключением или чем-нибудь еще похуже. В 1920-ом советские вожди еще прислушивались к мнению рабочего класса за рубежом.

Спустя две недели после разговора к ней зашел Рид, спросив, почему она не на заседании Исполкома Коминтерна? Та ответила, что не знает о нем. «Эти трусы заседают в комиссариате Литвинова, чтобы вы не узнали, где они», – сказал он. Балабанова быстро собралась и пришла на заседание, Зиновьев побледнел, другие члены Исполкома были в замешательстве. После заседания она спросила Зиновьева, почему ей не сообщили о нем. «А мы думали, что Троцкий сказал вам. Исполком уже решил сместить вас с вашей должности из-за вашего отказа поехать в Туркестан», – ответил он, не поднимая глаз. Трусость Зиновьева неприятно поразила ее, он «не обладал даже мужеством посмотреть в лицо человеку или взять на себя ответственность». В знак поддержки Джон Рид послал ей автопортрет с надписью: «Лучшему революционеру, которого я знаю в России»⁸⁹.

⁸⁷ Там же. С. 235.

⁸⁸ Там же. С. 257.

⁸⁹ Там же. С. 257–258.

Балабанова, Рид, так же как Гольдман и Беркман, видели усиление бюрократизма в стране, подавление народной инициативы, льготы партийным лидерам, заискивание перед иностранцами, для которых устраивались обильные банкеты, когда население страны голодало. После одного из них для британской лейбористской делегации, Балабанова и Беркман, работавшие переводчиками, решили больше не участвовать в таких торжествах, тем более, что некоторые визитеры, подобно философу, математику и общественному деятелю Бертранию Расселу, понимали смысл происходящего спектакля. Рассел признался Беркману, что из-за постоянной слежки чувствует себя заключенным. Ему под разными предложениями не позволили встретиться с Кропоткиным, хотя он беседовал с Лениным, Троцким, Горьким.

Анжелика тепло вспоминает о Джоне Риде:

«Мне нужно было поговорить с ним несколько минут, чтобы понять, что это один из самых преданных и истинных революционеров, которых я когда-либо встречала. ...Я с удивлением обнаружила в американце глубокое понимание русской революции и любовь к русскому народу. Вероятно, было естественно, что как журналиста, поэта и революционера его должна была взволновать смелость самой русской революции. Но в восторженном отношении Рида к России было и поклонение ее вождям, как героям, и сочувствие ее целям. Он любил саму страну и великий народ, который сделал революцию возможной своими страданиями и стойкостью»⁹⁰.

Сначала она скептически отнеслась к его книге о революции, но затем изменила свое мнение.

«Как, думала я, может иностранец, имеющий всего лишь элементарные знания о России, написать достоверный рассказ о таком важном событии? После того как я прочитала несколько глав «Десяти дней, которые потрясли мир», я поняла, до какой степени интуиция и творческие способности Рида, его горячая лю-

⁹⁰ Балабанова А. Указ. соч. С. 185–186.

бовь к русскому народу способствовали его пониманию значения событий, происшедших в России. Эта книга была опубликована с предисловием, написанным Лениным, и на некоторое время стала в России учебником»⁹¹.

Однако в 1920 г. настроение и Рида, и Балабановой изменилось. «Именно Джон Рид выразил словами то, что я уже начала подозревать», – призналась она.

Речь шла о «...нашем общем разочаровании и растущем отчаянии». Рид много ездил по стране, «общался с крестьянами и шахтерами, делил с ними холод, голод и грязь жизни среднего жителя России. Одетый в длинную шубу и меховую шапку, он выглядел как типичный русский, приехавший с Кавказа. Не думаю, чтобы какой-либо иностранец, ...узнал столько об условиях жизни народа, сколько Джон Рид за весну и лето 1920 года. Он становился все более подавленным, видя страдания, дезорганизацию и неумение, которые были повсюду... Его раздражение и разочарование были направлены не на само правительство, а на растущее безразличие и цинизм бюрократии на всех уровнях. Он особенно расстраивался, когда видел, что его собственные усилия и усилия других друзей революции пропадают зря из-за равнодушия и некомпетентности. Будучи человеком, тонко чувствующим всякое неравенство и несправедливость, он из каждой своей поездки приезжал с историями, которые нам обоим рвали сердце. ...Он знал, что я тоже пребываю в таком же настроении. (Он просто думал вслух)»⁹².

Эти настроения усилил Второй конгресс Коминтерна (19 июля –7 августа 1920 г.), более многочисленный в сравнении с первым, на него прибыли делегаты от социалистических партий Западной Европы и Америки, отсутствовавшие в 1919 г. Они ожидали ответов на вопросы об организации и тактике Коминтерна.

⁹¹ Там же. С. 186.

⁹² Там же. С. 255–256.

«Это был момент, – пишет Балабанова, – когда большевики могли бы создать мощное объединенное движение на основе взаимного согласия по основным принципам революции, внутреннего равенства и самоуважения».

Однако их ответы разрушили надежды на единство левого крыла, благожелательно относившегося к Москве.

«Стало очевидно, что большевики не хотят ничего этого, что в каждой стране их интересует лишь наличие военизированной организации, большевистской партии в миниатюре, которая управлялась бы из самой Москвы и зависела от нее. Любые организации – а к ним относились многие из лучших организаций в международном движении, – которые просили любого самоуправления, права приспособлять свою тактику к объективно сложившейся ситуации в своей собственной стране, которые возражали против автоматического исключения кого бы то ни было по приказу из Москвы или которые ставили под вопрос русские ”тезисы” по мировым проблемам, должны были быть осуждены как центристы или даже контрреволюционеры, негодные для членства в Коминтерне»⁹³.

Эти положения изложил Ленин в «21 условии» приема партий в Коммунистический Интернационал. Большевики видели цель мирового коммунистического движения в свержении капитализма и установлении диктатуры пролетариата, для чего хотели создать в каждой стране партии с централизованным управлением по своему образцу, которые подчинялись бы Коминтерну. Такие условия были неприемлемыми для части партий, включая итальянскую, и привели к их уходу.

На Второй конгресс Коминтерна были приглашены представители рабочих организаций, поскольку большевики намеревались создать Красный интернационал профсоюзов, чтобы в каждой стране профсоюз действовал под руководством компартии, входящей в Коминтерн. Рабочие представители (А. Пестанья, А. Сухи и Дж.

⁹³ Там же. С. 286–287.

Таннер) отвергли предложенные в проекте марксистские идеи большевиков о завоевании политической власти, установлении диктатуры пролетариата и подчинении профсоюзов компартиям. Испанский делегат Пестанья согласился подписать проект при условии исключения из него упоминания о диктатуре пролетариата и взятии политической власти, что большевики пообещали. Но обманули: текст был опубликован в прежней форме и с его подписью⁹⁴.

После конгресса немецкий синдикалист А. Сухи подверг резкой критике большевистские методы завоевания политической власти, централизм и диктаторский государственный социализм, заявив, что это урок, «как не следует действовать, если в собственной стране начинается революция»⁹⁵. Он отказался сотрудничать с Коминтерном. Независимость профсоюзов отстаивала американская организация «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) и другие радикальные объединения европейского рабочего движения, резко выступившие против контроля над своими союзами со стороны коммунистической или какой-либо другой политической партии.

Несогласные с политикой Коминтерна создали в Берлине учредительный конгресс (25 декабря 1922 г. по 2 января 1923 г.), образовав анархо-синдикалистский Интернационал – «Международную Ассоциацию Трудящихся» (МАТ), в которую вошло около 2 млн членов. В состав Секретариата МАТ избраны Р. Роккер, А. Сухи и А. Шапиро. В документах конгресса осуждался большевистский «государственный социализм», подавивший революцию в России.

«Насильственно разрушив с железной последовательностью все институты, которые возникли из народной инициативы, как это было с Советами, кооперативами и т.д., чтобы подчинить массы новосозданному классу комиссародержавия, он парализовал творческую активность масс и создал новый деспотизм, удушивший любые свободные мысли и втиснувший всю духовную жизнь страны в тесные формы пустого партийного шаблона», – говорилось в воззвании "К трудо-

⁹⁴ Дамье. 2001: 34.

⁹⁵ Там же.

вому народу всех стран и языков”. – Так называемая «диктатура пролетариата – фиговый листок большевистской реакции оказалась в состоянии стабилизировать господство нового верхнего слоя над широкими массами народа и обречь на смерть революционеров всех других направлений, но была не способна повести экономическую и социальную жизнь страны по новому пути и осуществить действительно конструктивную работу в духе социализма».

«Для анархо-синдикалистов, – заметил позднее Р. Роккер, – большевики – это наследники «абсолютистского мышления в социализме», своего рода «социалистические» якобинцы, то есть, по существу, революционеры не социальные, а политические, не пролетарские, а буржуазные⁹⁶.

Джон Рид не поддержал идею подчинения профсоюзов политическим партиям, в знак протеста он вышел из состава Исполкома Коминтерна. Но Г. Зиновьев заставил его вернуться и признать свою ошибку⁹⁷.

У меня «было такое чувство, – пишет Балабанова, – что я участвую не просто в политической, но также и в личной трагедии, затрагивающей некоторых самых дорогих мне друзей. Джон Рид, который наблюдал за всем происходящим, явно разделял мои чувства. Для Рида ... трагедия состояла не столько в его неспособности эффективно защищаться от этих людей, сколько в понимании того, что он борется с *системой*, которая уже начала пожирать своих собственных детей. Его уход из Коминтерна символизировал его отчаяние»⁹⁸.

Рид выглядел нездоровым и подавленным, Балабановой показалось, что за последние несколько недель он постарел на десять лет.

Зиновьев настоял на его поездке в Баку на съезд народов Востока (1–8 сентября 1920 г.), Джон не хотел ехать, называя его «фарсом», но все-таки поехал. Возвратившись, «с горечью говорил о де-

⁹⁶ Дамье. 2001: 40–41.

⁹⁷ Klehr, Haynes, Anderson. 1998: 192–193.

⁹⁸ Балабанова А. Указ. соч. С. 287–288.

магии и показухе, которыми отличался съезд в Баку»⁹⁹. Вскоре он заболел тифом и просил Балабанову срочно прийти к нему в больницу, но она не успела, 17 октября 1920 г. Джон умер. Луиза Брайант, жена Рида, рассказала Анжелике «о впечатлениях Джона в России, о его разочаровании. Она была убеждена, что это разочарование лишило его той воли, которая могла бы спасти его жизнь»¹⁰⁰. Перед смертью, в бреду, сообщила она Эмме Гольдман, Рид повторял: «Попал в западню, попал в западню»¹⁰¹. Те же чувства испытывала и сама Эмма.

Другой тяжелой утратой для анархистки стала смерть П.А. Кропоткина. Узнав о его болезни, Эмма поехала в Дмитров, но из-за перебоев с транспортом задержалась. Кропоткин скончался 8 февраля 1921 г. в возрасте 78 лет. Гольдман и Беркман присутствовали на похоронах, Эмма выступила с речью о своем учителе.

После Второго конгресса Коминтерна Балабанова решила уехать из России и попросила Ленина выдать документ, удостоверяющий личность. Тот сделал вид, что не понял серьезности ее намерения. «Нет документа, удостоверяющего вашу личность? – сказал он. – Но кто же вас не знает?». Он намекнул на недавний случай; когда они выходили из Кремля, красноармеец кивком головы разрешил ей пройти, но остановил Ленина, спросив: «Ваши документы, товарищ. Я вас не знаю». «Но, если вы действительно хотите получить документ, удостоверяющий личность, – продолжил Ленин, – я с удовольствием выдам вам его». На врученном листке бумаги она прочитала: «Товарищ Анжелика Балабанова в течение многих лет была членом партии. Она одна из самых выдающихся активистов Коммунистического интернационала. Вл. Ленин»¹⁰².

Политика военного коммунизма, продрозверстка с насильственной конфискацией продовольствия у крестьян привели к перебоям с поставками продуктов в городах зимой 1921 гт.; в Петрограде снизили пайки рабочим, что в конце февраля вызвало забастовки. Рабочих поддержали моряки Кронштадта, в принятой ими резолюции 1 марта 1921 г. выдвигались не только экономические, но и политические требования: провести перевыборы Советов (лозунг

⁹⁹ Там же. С. 305.

¹⁰⁰ Там же. С. 306.

¹⁰¹ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 255.

¹⁰² Балабанова А. Указ. соч. С. 296.

«Власть Советам, а не партиям!»), восстановить свободу слова, печати, собраний, освободить политзаключенных, ввести равный паек для всех трудящихся. Почувствовав накалявшуюся обстановку, Гольдман и Беркман обратились с письмом в Петроградский Совет, предостерегая от насилия и предлагая мирное решение вопросов путем переговоров, в которых готовы были участвовать. Но приехавший в Петроград председатель Реввоенсовета Л. Троцкий выдвинул ультиматум, потребовав от мятежных моряков немедленной и безоговорочной капитуляции. «Всем, поднявшим руку против социалистического Отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей»¹⁰³. В Обращении Петроградского комитета обороны 4 марта 1921 г. говорилось: «Вы окружены со всех сторон. ... У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток. ... Сдавайтесь немедленно!»¹⁰⁴.

Советская власть жестоко подавила Кронштадтское выступление матросов, которых Троцкий раньше назвал «красой и гордостью революции». После этого Гольдман и Беркман окончательно убедились, что диктатура большевиков уничтожила русскую революцию, и приняли решение покинуть Россию.

О причине отъезда и эволюции собственного взгляда на события в этой «трагической и героической стране» Гольдман рассказала в предисловии к книге, написанной ею в Берлине, подведя итог своему двухлетнему пребыванию в советской России, наполненному надеждами и сомнениями.

«Я отчаянно боролась с разочарованием. ... Я не хотела и не могла сдаться. И тогда случился Кронштадт. ... Это окончательно привело к ужасному осознанию, что русской революции больше нет. Я видела перед собой большевистское государство, огромное, сокрушающее любое созидательное революционное усилие, подавляющее, унижающее и разлагающее всё. Не имея возможности и не желая стать винтиком в этой зловещей машине, а также осознавая, что я не

¹⁰³ Кронштадский мятеж. Сб. статей, воспоминаний и документов. Под ред. Н. Корнатовского. Л., 1931. С. 237; *Эврич*. 2007: 144.

¹⁰⁴ Кронштадский мятеж. С. 188–189.

смогу принести никакой практической пользы России и ее народу, я решила уехать из страны. Покинув ее, я решила рассказать честно, искренне, и как можно более объективно историю моего двухлетнего пребывания в России. ...В великом восстании большевики присвоили себе голос народа. Они использовали аграрную программу эсеров и промышленную тактику анархистов. Но как только прилив революционного энтузиазма вознес их на вершину власти, большевики отказались от этого маскарада. Именно тогда началось духовное отчуждение между большевиками и русской революцией. С каждым последующим днем промежуток становился более широким, их интересы все более расходились. Сегодня не будет преувеличением сказать, что большевики являются заклятыми врагами русской революции. ...Мое изменение разума и сердца было болезненным и трудным процессом, и мое окончательное решение высказаться продиктовано единственной причиной, чтобы люди повсюду научились различать большевиков и русскую революцию. ... Не осудив предательства русской революции, я стала бы причастной к этому предательству. ...Великие блага, принесенные российским людям большевизмом, существуют только на бумаге, нарисованной яркими красками для масс Европы и Америки эффективной большевистской пропагандой. ...Но в реальности российский народ ничего не получил от большевистского эксперимента. Я обнаружила революционную веру людей сломленной, дух солидарности сокрушенным, значение товарищества и взаимопомощи искаженным. ... Я ничего не смогла сделать для страдающей России, пока находилась в ней. Возможно, я смогу сделать что-то теперь, указав на уроки российского опыта»¹⁰⁵.

Не у всех наблюдателей осознание сути большевистского режима происходило столь тяжело и болезненно, как у Гольдман, Беркмана, Балабановой, Рида. Бакунин предвидел подобные по-

¹⁰⁵ *Goldman E. My Disillusionment in Russia. P. XI–XX.*

следствия еще в споре с Марксом, Кропоткин и Волин тоже понимали, куда приведет политика большевиков. Английскому философу Бертранию Расселу, убежденному социалисту, хватило месяца пребывания в стране, чтобы заключить о неудаче российского коммунистического эксперимента, о чем он написал в 1920 г. сразу после своей поездки. Вслед за Кропоткиным философ утверждал, что самоуправление – «единственный эффективный способ политического воспитания» – в России исчезло в ходе коммунистической революции. Рассел объяснил причины неудачи:

«Основной источник всей цепи зол лежит в большевистском мировоззрении: в его догматизме, ненависти и его вере, что человеческую природу можно полностью преобразовать с помощью насилия».

Он не видит возможности осуществления коммунистического идеала в России; предлагаемый большевиками метод перехода к коммунизму приведет лишь к хаосу, «рецидиву варварства и средневекового мракобесия». «Цель серьезного революционера, – полагает Рассел, – созидание более счастливого мира. ...Новый мир должен создаваться постепенно...»¹⁰⁶.

Эмма Гольдман и Александр Беркман уехали из России в декабре 1921 г. В Берлине создали комитет помощи арестованным в России анархистам; собранные Беркманом материалы были изданы в «Письмах из российских тюрем» (*Letters from Russian prisons*, 1925). Они публиковали книги и статьи, разоблачавшие советский режим, миф о советском социализме¹⁰⁷. Однако их не одобряли, а порой даже осуждали представители левых сил на Западе, прежде всего коммунисты, долго не желавшие расстаться с «большевистским мифом». По настоянию друзей, их финансовой поддержке (Пегги Гугенхайм, Теодора Драйзера, Генри Менкена)

¹⁰⁶ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1998. С. 108, 112–114.

¹⁰⁷ *Goldman E.* My Disillusionment in Russia. N.Y., 1923, 1925; Гольдман назвала свою книгу «Мои два года в России» (“My Two Years in Russia”), но издатель изменил название на “My Disillusionment in Russia”, не включив 12 последних глав и послесловие, поэтому появилось продолжение с тем же названием (“My Further Disillusionment in Russia”. N.Y., 1924). Во втором американском издании 1925 г. обе части опубликованы вместе; *Berkman A.* The Bolshevik myth: (Diary 1920–1922). N.Y., 1925; *Berkman A.* Now and After: The ABC of Communist Anarchism. N.Y., 1929 (Беркман А. Алфавит анархизма. М., 2022).

Гольдман на два года поселилась на юге Франции, в Сен-Тропе, где написала вторую книгу воспоминаний – «Проживая свою жизнь»¹⁰⁸. В 1934 г. ей был разрешен трехмесячный тур с лекциями по Соединенным Штатам. Гольдман и Беркман, как и Балабанова, продолжали участвовать в международном анархическом и социалистическом движении.

Анжелика Балабанова, покинув советскую Россию в 1922 г., в Италию возвратилась только после падения режима Муссолини. В 1924 г. ее исключили из ВКП(б) «за меньшевистский подход» и сотрудничество с «фашистской» газетой «Аванти», хотя она никогда не была связана с меньшевиками, а газету «Аванти» разгромили и подожгли фашисты¹⁰⁹. Во Франции она виделась с Беркманом, написав позднее о нем:

«Ни впечатления, полученные им в России, ни горечь его жизни в эмиграции ни на миг не поколебали его мужества и безграничной преданности своему идеалу. Вероятно, невозможность служить, как он хотел, и к чему был пригоден, – стране, которая олицетворяла его надежды, и была косвенной причиной его добровольной и безвременной кончины. Его смерть была так же смела, как и его жизнь»¹¹⁰.

Гольдман последние годы провела в Канаде, по ее желанию похоронена в США, в пригороде Чикаго, рядом с могилами анархистов, жертв событий на площади Хеймаркет, судьба которых определила ее жизнь и взгляды.

Эмма Гольдман восхищалась Верой Фигнер, «одной из самых величественных фигур среди первопроходцев революционного движения», добившись для нее у Луначарского академического пайка (та была слишком горда, чтобы просить). Фигнер 20 лет отсидела в Шлиссельбургской крепости, прожив до 90 лет и сохранив в старости красоту, вдохновлявшую поэтов, бодрость духа и живой ум. Она часто вспоминала «о героической эпохе "Народной воли"»,

¹⁰⁸ Goldman E. Living My Life. New York: Knopf, 1931 (Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018.)

¹⁰⁹ Балабанова А. Указ. соч. С. 316.

¹¹⁰ Там же. С. 269–270. Беркман в 1936 г. покончил с собой после двух неудачных операций.

своих товарищах, их силе и бесстрашии. Вот кто был истинными предтечами анархизма, считала Вера: они полностью посвятили себя великой идее, неся ее в массы и совершенно не думая о себе, особенно Софья Перовская, главная богиня революционного пантеона»¹¹¹.

В 1925 г. Фигнер писала: «Вы спрашиваете, – что делать? Нужна революция. Да, снова революция. Но наша задача слишком грандиозна. Революция слишком необычна, и надо серьезно готовиться к ней. Что толку, если снова угнетённые сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже, может быть, худшими. ... Нам надо сегодня же начать серьёзную и воспитательную работу над собой, звать к ней других... Когда человек поймёт в человеке, что он высокая индивидуальность, что он большая ценность, что он свободен так же, как и другой, тогда только станут обновлёнными наши взаимоотношения, только тогда совершится последняя светлая духовная революция и навсегда отпадут заржавленные цепи»¹¹².

Эмма Гольдман и Анжелика Балабанова рано поняли эту истину, избавившись сначала от домашнего угнетения в семье и став на всю жизнь проповедницами свободы. На могиле Гольдман начертаны слова английского писателя и священника Чарльза Колтона: «Свобода не снизойдёт к народу, народ должен сам дорасти до свободы».

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Аршинов П.А. История махновского движения. Берлин, 1923.

Бакунин М.А. Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих // *М.А. Бакунин.* Философия. Социология. Политика. М., 1989.

¹¹¹ Гольдман Э. Проживая свою жизнь. Ч. 3. С. 303.

¹¹² Фигнер В.Н. «Рассвет», 11 апреля 1925, газета российских рабочих организаций США и Канады // Вера Николаевна Фигнер [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)

- Балабанова А.* Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки, 1897–1938. М., 2007.
- Волин В.* Неизвестная революция, 1917–1921. М., 2005.
- Волин В.* Ленин и Анархизм // Голос труда. 1918. 29 января [Электронный ресурс]. URL: http://hrono.ru/biograf/bio_we/volin_vm.php
- Гольдман Э.* Что такое анархизм // Гольдман Э. Анархизм. М., 1920.
- Гольдман Э.* Проживая свою жизнь. Ч. 1–3. М., 2015–2018.
- Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). 2 тт. СПб., 1999.
- Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988.
- Кропоткин П.* – Ленину В.И., 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)
- Кропоткин П.* – Ленину В.И., 4 марта 1920 // Звезда. 1930. № 6. С. 186–187.
- Кронштадский мятеж: сб. статей, воспоминаний и документов / Под ред. Н. Корнатовского. Л., 1931.
- Махно Н.И.* Воспоминания / Ред., предисл. В. Волина. П., 1936. Репринт: б.м., 1991. Кн. 2–3.
- О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. Резолюция X съезда РКП(б), окт. 1921 // Партия и Коминтерн. О «старой» и «новой» оппозиции: сб. резолюций и постановлений. М.; Л., 1926.
- Перовская С.Л.* Письмо к матери, 22 марта 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://narodvol.narod.ru/Person/perovsk.htm> (дата обращения – 10.04.2024)
- Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1998.
- Савинков Б.* Воспоминания террориста // *Савинков Б.* Избранное. М., 1990.
- Троцкий Л.* К Первому съезду Коммунистического Интернационала // *Л. Троцкий.* Сочинения. Т. 13. М.; Л., 1926.
- Фигнер В.Н.* Последнее слово, 1884 // Процесс 14-ти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/1884fig14.html> (дата обращения – 10.03.2024)
- Фигнер В.Н.* «Рассвет», 11 апреля 1925, газета российских рабочих организаций США и Канады // Вера Николаевна Фигнер [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/figner7vn.php (дата обращения – 10.02.2024)
- Balabanoff A.* My Life as a Rebel. L., 1938.
- Berkman A.* The Bolshevik myth: Diary 1920–1922. N.Y., 1925.
- Goldman E.* Living My Life. N.Y., 1931.
- Goldman E.* My Disillusionment in Russia. L., 1925.
- Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M.* The Soviet World of American Communism. New Haven-L., 1998.

ЛИТЕРАТУРА

- Дамье В.В.* Анархо-синдикализм в XX веке. М., 2001.
- Дамье В.В.* Всеволод Волин: жизнь ради революции // Анархизм – учение радости. М., 2016. С. 114–135.

Эврич П. Восстание в Кронштадте. М., 2007.

Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, N. J., 1967.

Avrich P. V.M. Eikhenbaum (Volin): The Man and His Book // *Avrich P.* Anarchist Portraits. Princeton. 1988.



Анжелика Балабанова



Эмма Гольдман



Джон Рид



Александр Беркман

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ

К.А. Левинсон

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»: ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-14

Аннотация: В статье на материале мемуаров, анкет, писем и дневников тех, кто учился на историческом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова во второй половине 1930-х и первой половине 1940-х годов, рассматриваются практики выражения злости, гнева и близких к ним эмоций в московской университетской среде. Репрезентации таких чувств встречаются в рассмотренных эго-документах редко, но все же позволяют сделать предварительный вывод о существовании норм, предусматривавших в иерархических отношениях большую свободу выражения этих чувств «сверху вниз» или «по горизонтали» и меньшую – «снизу вверх». Когда выражение злости или гнева ощущается авторами как нежелательное, мы наблюдаем три способа его легитимации: приведение обоснований, постановку себя в морально более сильную позицию, дающую больше прав, и перенаправление злости на легитимный объект.

Ключевые слова: университетская история, история эмоций, исторический факультет, Московский государственный университет, история советского студенчества.

Можно ли сердиться юным людям, особенно на тех, кто старше их по возрасту и по статусу? Можно ли изливать злость публично, особенно если злится девушка? А если она член ВЛКСМ? А если идет война? Если нельзя, то что делать, когда гнев переполняет? А если можно его излить, то как именно? В традиционной христианской и иудейской культурах гнев осуждался¹, но сохранили ли отрицательное отношение к этому чувству и его выражению те молодые люди в СССР, которые родились в годы революции, росли в

¹ Впрочем, гнев со стороны того, кто выше статусом, в Ветхом Завете не осуждается; скорее осуждается тот, кто навлек его на себя, ср. «Гроза царя – как бы рев льва: кто раздражает его, тот грешит против самого себя». (Притч 20:2).

окружении лозунгов беспощадной классовой борьбы² и вступали в самостоятельную жизнь в середине 30-х годов XX столетия, учась на воссозданном историческом факультете МГУ – на переднем крае борьбы за победу диалектического материализма над религиозным мировоззрением? Дать ответы на все эти вопросы невозможно в рамках одного небольшого исследования. Здесь будет предпринята только первая попытка подступиться к задаче.

Хотя тема этой статьи относится к истории эмоций, здесь нет возможности давать сколько-нибудь полный обзор той весьма обширной литературы, которая существует по социально-культурной истории эмоций вообще и злости, гнева и близких к ним чувств, в частности. Частичный обзор, отражающий ситуацию на 2012 год, можно найти в книге Яна Плампера «История эмоций»³. В качестве самого краткого историографического резюме можно сказать, что, с одной стороны, существует некоторое количество исторических исследований, посвященных психологическим, философским, социальным (в том числе гендерным) аспектам этих эмоций⁴, и среди них встречаются работы, в которых изучаются именно студенческие коллективы⁵; с другой стороны, ни одна из этих работ не посвящена Советскому Союзу сталинской эпохи. А с другой стороны, в тех весьма немногочисленных публикациях, в которых авторы рассматривают советское общество этого периода⁶, речь идет об иных эмоциях и иных субкультурах. Таким образом, при ориентации на методологию, выработанную американскими и германскими⁷ историками, предлагаемое вниманию читателей небольшое ис-

² Отметим еще одно обстоятельство, игравшее, вероятно, некоторую роль в формировании нормативных представлений советской молодежи об эмоциях: в отличие от французского оригинала и от переводов на другие языки, русский текст песни *Интернационал*, служившей с 1922 по 1944 год государственным гимном СССР, включал в себя прямое упоминание эмоции, родственной гневу: «Кипит наш разум возмущенный». Тем самым для борцов за дело мировой коммунистической революции возмущение нормализовывалось, по крайней мере в отношении таких людей или обстоятельств, которые опознавались как враждебные этому делу.

³ Плампер. 2018.

⁴ Прежде всего следует отметить основополагающую работу *Rosenwein*. 2002 – она посвящена французскому обществу XVIII столетия.

⁵ Например: *Luke*. 2004. Автор этой диссертации рассматривает, в частности, эмоциональную составляющую студенческих протестов против деятельности крупных табачных компаний в США.

⁶ Эдельман. 2010: 306–328; Кунцман. 2010: 380–400; Делалой. 2010: 431–456.

⁷ Здесь прежде всего следует назвать: *Lehmann*. 2012.

следование в основном представляет собой первую попытку рассмотреть с ее помощью проблему обхождения с собственной злостью в среде студентов исторического факультета Московского государственного университета в первое десятилетие после его воссоздания в 1934 году.

Предметом изучения в данной статье будут способы выражения, подавления или канализации таких сильных эмоций, которые обозначаются словами «гнев» «злость», «(рас)сердиться», «возмущение», «ярость», «раздражение» и однокоренными им глаголами, прилагательными и наречиями.

Объектом изучения будут служить источники личного происхождения, такие как письма, дневники, мемуары и ответы на вопросы анкет, написанные студентами и преподавателями исторического факультета МГУ и некоторых других московских вузов самостоятельно или наговоренные ими на магнитофонную пленку и впоследствии транскрибированные. Каждый из источников имеет как свою бесспорную документальную ценность, так и проблематичные стороны. Во-первых, транскрипции магнитофонных записей (особенно воспоминания С.И. Антоновой) подверглись литературному редактированию и, вероятно, не во всех случаях точно и полно передают высказывания мемуаристов; во всяком случае, они не передают интонации устной речи, которые порой выражают эмоции точнее, нежели слова. Во-вторых, используемые в качестве источниковой базы письма, дневники и мемуары в силу обстоятельств недоступны нам в оригинале, а те публикации, на которые мы вынуждены опираться, не следуют академическим правилам издания источников. В них можно предполагать наличие необозначенных редакторских исправлений или лакун, и проверить эти предположения сейчас нет способа.

У нас нет возможности удостовериться в правильности интерпретаций, переспрашивая авторов (всех их уже нет на свете), поэтому во избежание слишком вольного истолкования текстов из анализа будут исключены все выражения, относительно которых можно разумно предполагать альтернативные интерпретации или нельзя определить, описывают ли они чьи-то реальные эмоциональные проявления, – например, «не обижайся» или «меня ругали».

Что касается «реальности» чувств, необходимо сделать еще одну важную оговорку. Нет нужды возвращаться к дискуссии об

эмотивах⁸ и том, в какой мере и каким образом слова выражают эмоции говорящего и влияют на них: эта дискуссия касается слов, произносимых в момент, когда переживаются описываемые ими чувства, тогда как в наших источниках редко встречаются репрезентации эмоциональных состояний, которые еще длятся на момент записи. Эго-документы, рассматриваемые здесь, представляют собой преимущественно рассказы об эмоциональных переживаниях, лежащих в прошлом. В каких-то случаях это прошлое отстоит от момента записи рассказа на несколько часов (дневник), в других на несколько дней (письмо), в третьих – на несколько десятилетий (мемуары). Таким образом, перед нами то, что Уильям Редди назвал «просто отчетом» (а „mere report“)⁹, репрезентацией чувств. В какой мере эти отчеты о чувствах, испытанных в прошлом, «точные» или «искренни»¹⁰, определить в подавляющем большинстве случаев невозможно, как нельзя и выявить на их основе те случаи, когда субъект подавил в себе некое чувство¹¹ или неосознанно его переживал, или переживал осознанно, но не высказывая, или высказал его в реальной ситуации, но предпочел об этом в позднейшем отчете не рассказывать вовсе или рассказать иначе.

Рассматривая эго-документы, такие как дневники, письма, мемуары или ответы на вопросы анкет, мы имеем дело с текстами,

⁸ Эмотивы – это слова и другие языковые средства, с помощью которых люди описывают свои и чужие эмоциональные переживания; можно также сказать, что эмотив – это выраженная с помощью речи эмоция. Термин был введен Уильямом Редди в статье *Reddy*. 1997.

⁹ *Reddy*. 1997: 331.

¹⁰ Кавычки в данном случае призваны указать на то, что сами понятия точности и искренности не применимы к репрезентациям эмоций в том смысле, в каком мы можем говорить о точности и искренности показаний человека, например, о том, где он находился или что делал в тот или иной момент.

¹¹ «Пограничный» случай – когда мы читаем свидетельство человека о том, как некто другой подавляет в себе подобные чувства. Например, в воспоминаниях М.Г. Рабиновича, учившегося на историческом факультете МГУ в 30-е годы, встречается фраза: «И я тогда лишь понял, что Тихомиров с трудом сдерживает раздражение, что он болезненно обидчив и очень ехиден». Трудно судить о том, насколько верным было это понимание, тем более что, оглядываясь назад при написании мемуаров 30 лет спустя, мемуарист признает, что ему не свойственна была «тактичность», т.е. умение представлять себе эмоциональные реакции собеседников на его слова. См. *Рабинович*. 2005: 145.

подчиняющимися, наряду с авторским замыслом и стилем, определенным жанровым конвенциям, которые – и это становится особенно хорошо заметно на большой временной дистанции – историчны: то, как писали дневники и письма московские студенты в 30–40-е годы XX в., не похоже на то, как пишет сегодняшнее поколение или писали в XIX веке, и мемуары конца 1980-х годов заметно отличаются от мемуаров нынешних или дореволюционных. Это тривиально; гораздо менее тривиальная задача – определить, есть ли в этих конвенциях какая-то групповая, корпоративная, субкультурная специфика. Можно ли сказать, в какой мере репрезентации чувств (конкретно – злости), которые мы обнаруживаем в этих эгодокументах, определяются некими специфически «университетскими» конвенциями, и если да, то можем ли мы реконструировать эти конвенции на основе изученных текстов? Ниже будет предпринята только попытка сделать первые шаги в поиске ответа на эти два вопроса. Для полноценного ответа необходимо исследование на гораздо более обширной источниковой базе, включающей в себя эгодокументы представителей различных общественных групп и субкультур.

1.

Ответы на вопросы анкеты, распространявшейся Комнатой боевой славы исторического факультета МГУ среди бывших истфаковцев – ветеранов и современников Великой Отечественной войны, представляют собой жанр, отчасти родственной мемуарному, но отличающийся от него тем, что тематика и направление воспоминаний заданы заранее сформулированными вопросами. Самых вопросов в опубликованных текстах нет, и мы можем лишь догадываться, как они были поставлены. Но кроме того, играл немаловажную роль и «адресат» этих воспоминаний: по замыслу, их должны были читать студенты, посещающие Комнату боевой славы. В рамках военно-патриотического воспитания, которому служила эта комната, нужно было рассказать новым поколениям истфаковцев именно о боевой славе их предшественников. Этим сразу задавались определенные рамки, предписывавшие одни тематические и стилистические решения и отсекавшие другие. Другое дело – как эти имплицитные рамки интерпретировал и насколько обязательными считал их тот или иной автор. Его решение зависело, в частности, и от его актуального статуса, и от привычки к чтению и

написанию текстов того или иного типа. Так, С.М. Суслин¹², подписавшийся «Суслин Серафим Михайлович, дипломат», в своем длинном (24 машинописных страницы) ответе, написанном в 1984 г., постоянно, пусть и не всегда безупречно, воспроизводил клише из советского газетного языка брежневских десятилетий. В этом языке не полагалось использовать слова «рассердиться», «злиться», а вот словам «гнев» и «возмущение» в нем отводилось легитимное место, они обозначали главные чувства, которые полагалось советским людям демонстрировать по отношению к врагам¹³: «Гневом возмущения наполнялись наши сердца, когда мы читали о злодеяниях палачей Герники и восхищались мужеством испанских республиканцев»¹⁴, писал С.М. Суслин.

Тем, кто жил в советские времена и помнит, как в средствах массовой коммуникации СССР то и дело говорилось про «гнев и возмущение всех советских людей», в том числе по поводу таких событий или лиц, о которых подавляющее большинство населения не знало и едва ли испытывало по их поводу какие-либо чувства (например, по адресу Б.Л. Пастернака или А.Д. Сахарова), может быть трудно поверить в то, что этой формулировкой вообще когда-либо описывались чьи-то реально переживавшиеся эмоции. И есть основания думать, что во многих случаях, действительно, гнев и возмущение имели место не в сердцах масс, а только в текстах ТАСС. Но бывало и так, что официальным, газетным языком и обычно сильно отличавшимся от него языком большинства эго-документов (хотя в принципе встречаются и личные письма, написанные словно бы цитатами из газет), описывались одни и те же реальные переживания – в частности, эмоциональное впечатление от

¹² С.М. Суслин поступил на исторический факультет МГУ в 1937 г. и окончил его в 1946 г., после демобилизации. Впоследствии работал в Министерстве иностранных дел СССР.

¹³ «Гнев и возмущение» были стандартными в официальной риторике чувствами, приписывавшимися «советским людям» по отношению к «врагам народа», «поджигателям войны», «фашистским палачам», «изменникам Родины» или «израильской военщине». Во время войны принято было говорить также о «ненависти» по отношению к немецко-фашистским захватчикам, а «возмущение» относилось скорее к злодеяниям, совершенным ими. Формула «всеобщая ненависть и презрение трудящихся» входила в текст советской воинской присяги.

¹⁴ Суслин С.М. Об истфаке, о моих товарищах и о себе // Антонова, Богданов. 2009: 228.

военных преступлений нацистов. Так, историк М.Т. Белявский¹⁵ 5 января 1942 г. писал из армии своим близким в эвакуацию, поздравляя их с Новым годом: «Теперь, когда я сам видел, что делают фрицы в захваченных ими районах, еще более злости и ненависти к ним накопилось»¹⁶. Колеблется между газетным и разговорным стилями язык В.А. Свойкиной¹⁷, которая в кратких рукописных воспоминаниях для Комнаты боевой славы писала:

«Я не могла оставаться только наблюдателем событий и того чувства патриотизма, которым был охвачен весь наш народ. Злость на проклятого немца, так бессовестно нарушившего договор о ненападении, была у каждого – будь то русский или украинец, таджик или узбек»¹⁸.

Здесь тоже трудно понять, пишет ли автор о собственной злости или повторяет топоры, описывавшие чувства «всех советских людей» скорее с прескриптивной, нежели с дескриптивной целью.

В опубликованных в сборнике «Мы шли навстречу ветру и судьбе...» воспоминаниях выпускников истфака МГУ, представленных в качестве ответов на анкету Комнаты боевой славы в советские годы, крайне редко встречаются сцены, в которых студенты и преподаватели открыто «злятся», «гневаются», «возмущаются» или «сердятся» друг на друга, будь то в глаза или за глаза. В этом сходятся, с одной стороны, нормы этикета, действовавшая в любом советском учебном заведении (нижестоящим в иерархии непозволительно демонстрировать такие чувства по отношению к вышестоящим), и, с другой стороны, советские жанровые конвенции воспоминаний, написанных в целях военно-патриотического воспитания: говоря о сплочении перед лицом врага, упоминать о вспышках подобных эмоций между своими было неуместно. Однако если воспоминания писались независимо, а уже потом готовые фрагмен-

¹⁵ Белявский М.Т. (1913–1989), окончил в 1937 г. Московский городской педагогический институт, работал учителем, завучем в московской школе, его жена – И.М. Белявская (1913–1975), в годы войны была аспиранткой истфака МГУ.

¹⁶ Белявский М.Т. Из писем и записей первого года Великой Отечественной // Антонова, Богданов. 2009: 545.

¹⁷ Свойкина В.А. (1905 – ?) окончила Педагогический институт иностранных языков, в 1950–1980 гг. работала на кафедре иностранных языков исторического факультета МГУ.

¹⁸ Свойкина В.А. Боевой путь // Антонова, Богданов. 2009: 571–572.

ты, касавшиеся военных лет, были переданы в качестве ответа на анкету, то в них действовали другие жанровые конвенции, и мы можем встретить репрезентации или по крайней мере отголоски этих чувств. Так, Л.В. Алексеев¹⁹ передал в архив полный текст своих воспоминаний, но в качестве ответа на анкету были использованы выдержки из них. В частности, мемуарист рассказывает о профессоре кафедры археологии Б.Н. Гракове, что

«стоит ему вспыхнуть гневом (что бывает довольно часто), и очки его взлетают на лоб, он громко и визгливо сыплет такие резкие, внутренне отработанные вещи, что слушающие изумленно понимает, что все благодушные профессора наигранное. [...] К сожалению, его взбалмошный характер всегда и везде приобретает ему много самых разнообразных врагов»²⁰.

По мере ухода в прошлое советских времен и их стилистических порядков воспоминания выпускников истфака МГУ для Комнаты боевой славы тоже стали свободнее от прежних жанровых конвенций, но все же, если мемуаристы и упоминали проявления злости, возмущения, гнева не по адресу фашистов, а по адресу товарищей по университету, они обычно сопровождали их объясняющими и оправдывающими комментариями. Например, Ю.А. Рапопорт²¹ в интервью, данном в 2002 г., рассказывая об уже давно умершем своем руководителе С.П. Толстове²², рассуждал:

«Видимо, Сергей Павлович был похож на своего дядю. Тот во время отступления²³ записал в дневнике: „Все труднее и труднее становится бороться с яро-

¹⁹ Л.В. Алексеев – д.и.н., археолог, поступил на исторический факультет МГУ в 1941 г., окончил его в 1948 г. После войны работал в Институте археологии Академии Наук.

²⁰ Алексеев Л.В. Из воспоминаний // Антонова, Богданов. 2009: 461. Грамматика оригинала сохранена.

²¹ Рапопорт Ю.А. (1924–2009) – историк, археолог, этнограф, к.и.н., закончил исторический факультет МГУ в 1951 г., затем работал в Институте этнографии АН СССР.

²² Толстов С.П. (1907–1976) – этнограф, археолог, историк-востоковед, д.и.н., проф., чл. корр. АН СССР (1953), в 1939–1951 гг. – первый заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ, с 1942 г. – директор Института этнографии, в 1949–1954 гг. – заместитель главного ученого секретаря Президиума АН СССР. В 1943–1944 гг. – декан исторического факультета МГУ.

стью, которая разрывает грудь“. А у Толстова бывали сильные вспышки гнева, иногда совершенно необоснованные. Я-то думал, что это у него после контузии. Он ведь ушел в ополчение в артиллерийскую разведку»²⁴.

И наследственность, и психоневрологические последствия контузии, – факторы, которые от человека не зависят и с которыми ему трудно совладать, поэтому и то, и другое могло служить оправданием для такого нарушения правил этикета, как вспышки гнева, даже совершенно необоснованные.

Встречаются, впрочем, мемуарные рассказы о давнишних проявлениях злости, в том числе собственной, где попытки дать ей какое-то извиняющее объяснение или сглаживающую интерпретацию отсутствуют, а имеются, скорее, обоснования ее оправданности. Так, например, С.И. Антонова, которые долгие годы заведовала Комнатой боевой славы исторического факультета МГУ и инициировала как распространение анкеты среди истфаковцев-ветеранов, так и публикацию их военных писем, дневников и воспоминаний, в своих собственных устных мемуарах несколько раз отходит от тех конвенций, которые обычно соблюдались мемуаристами, чьи тексты вошли в выпущенный ею сборник.

Подробно рассказывая о том, как она сдавала кандидатский минимум, С.И. Антонова сообщает, что у нее «прямо на экзамене начался спор» с профессором Г.Н. Анпиловым: он считал, что она должна была отвечать по списку литературы, а она – что важнее тот реферат, который она подготовила. Профессор «настаивал на своем [...]. Я же начала сердиться и говорю:

— Ну не читала я, и не считаю нужным. Потому что сейчас это можно сделать только поверхностно, это верхоглядство!»²⁵

Выиграть спор молодой аспирантке не удалось, но был достигнут компромисс: экзамен перенесли на месяц и обязали ее за это время освоить литературу списка. «Продолжать этот конфликт»

²³ Ю.А. Рапорт сообщил, что генерал-лейтенант В.С. Толстов во время Гражданской войны был избран атаманом Уральского казачьего войска и командующим отдельной армией, которая была разбита под г. Уральском и вынуждена отойти к Мангышлаку, а затем уйти из России через Каракумы. *Рапорт Ю.А. Толстов Сергей Павлович // Антонова, Богданов. 2009: 576.*

²⁴ *Рапорт. 2009: 576.*

²⁵ *Антонова. 2014: 300.*

С.И. Антонова не стала. Затем следует описание ее разговора со своим научным руководителем – А.М. Панкратовой²⁶:

«[...] когда рассказала Анне Михайловне (а она была в момент экзамена где-то в командировке), она ужасно рассердилась на меня. Она никогда не позволяла себе повышать голос, а здесь повысила голос:

— Да как вы могли? Я же говорила вам, что без меня ни в коем случае экзамен чтобы не был. [...] вот видите, как вы разошлись во взглядах на то, какой должна быть практика кандидатского минимума? А ведь это можно было предположить.

— Да я и предполагала, — говорю я, — что он так поставит вопрос, мы с ним долго спорили.

— Не думала я, что до такого конфликта дойдет! Но знайте, я на вас обижена, что вы пошли без меня на экзамен»²⁷.

Никаких комментариев по поводу такого своего поведения на экзамене и поведения своей руководительницы С.И. Антонова здесь не приводит, но о том, как она трактует вспышки злости «сверху вниз», можно судить по ее комментарию к другому эпизоду. Рассказывая о М.В. Нечкиной, С.И. Антонова сообщает, что ей пришлось «столкнуться с ней» в одной «неприятной ситуации», связанной с вопросом о кадрах (кого из молодых оставить на кафедре), и узнать «такую неприятную черту ее характера – самолюбие. Она настойчиво, вплоть до озлобления, пробивала своего студента, а потом аспиранта». Сама же Антонова считала, что место надо отдать другому претенденту.

Может быть, я была не во всем права, но до сих пор считаю, что моя позиция была верной. И я очень была удивлена, когда Милица Васильевна чуть ли не прибежала на факультет и искала со мной встречи, чтобы крайне раздраженно высказать мне недоволь-

²⁶ Панкратова А.М. (1897—1957) – историк России XIX–XX вв. и рабочего движения, академик АН СССР. В 1934–1937 гг. заведовала кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ. В 1937–1940 гг. – профессор Саратовского государственного университета, заведующая кафедрой истории СССР в нем. Одновременно работала в МГУ и других научных учреждениях Москвы. С 1940 г. – заместитель директора (в 1942 г. – и.о. директора) Института истории АН СССР.

²⁷ Антонова. 2014: 301.

ство такой моей позицией. [...] Причем я от нее такой формы раздражения никак не ожидала. Лекции она всегда читала красиво, приятным, хорошо поставленным голосом. [...] Но вдруг я услышала от нее крайнее раздражение. Куда девалась эта хорошая постановка голоса? Она срывалась на крик, чем бесконечно меня удивила. [...] Она сочла возможным со мной (конечно, ведь в «табели о рангах» я стояла намного ниже ее по общественной лестнице) позволить себе такую выходку, такое раздраженное поведение²⁸.

Что же касается вспышки злости С.И. Антоновой во время спора с профессором, она никак не комментирует ее, не обосновывает свое право на демонстрацию злости «снизу вверх». Это, с одной стороны, может быть проявлением ее характера: она отмечает, что ей «не нравилось [...] низкопоклонство перед вышестоящими»²⁹. С другой стороны, в том, что и как она говорит во время спора («Это верхоглядство!» – на повышенных тонах), заметна, пусть в виде намека, боевая риторика комсомольских и партийных собраний 20–50-х годов. Именно путем перевода академических споров в идейно-политические конфликты студенты и аспиранты, если выступали в них атакующей стороной, получали возможность занять доминирующее положение по отношению к преподавателям, в том числе и в особенности старшего возраста, особенно если у тех были какие-нибудь «пятна в биографии» (у Анпилогова их на тот момент не было, но они могли возникнуть задним числом – при следующем повороте генеральной линии партии те или иные прежние знакомства или высказывания могли оказаться компрометирующими). Как быстро и легко споры по, казалось бы, чисто академическим вопросам перерастали в «дела» и проработки на партсобраниях, всем участникам событий было прекрасно известно. С.И. Антонова поместила в сборник письмо, в котором ее однокашник М.Я. Гефтер рассказывал своему другу Б.Г. Тартаковскому, как «история со студенческим докладом» М.С. Восленского³⁰, которого защищал от

²⁸ Антонова. 2014: 176–177. О том, что М.В. Нечкина за неправильно написанный доклад «ругала» его (автора, а не доклад) так, как никто с тех пор его не ругал, пишет в своих мемуарах М.Г. Рабинович. Мы, однако, не знаем, каковы были выражения и интонации, к которым она прибегала, и какие эмоции она при этом демонстрировала. См. Рабинович. 2005: 137.

²⁹ Антонова. 2014: 177.

критики профессор, академик Л.Н. Иванов³¹, превратилась в «дело Восленского», а оно – в «дело Иванова», и «кончилось всё обще-университетским партсобранием, на котором им так вломили, что Иванов поспешил уйти из университета»³².

Таким образом, мемуары С.И. Антоновой – или скажем осторожнее: их печатная версия – позволяют увидеть, как она, молодая аспирантка (но член партии с 1928 г.), осознанно или неосознанно дав прозрачный намек на возможное дальнейшее развитие событий, потенциально неблагоприятное для Г.Н. Анпилогова, смогла если не выиграть спор, то во всяком случае безнаказанно рассердиться на профессора.

2.

В личных письмах мы обнаруживаем репрезентации злости, гнева, возмущения значительно чаще, чем в мемуарах и ответах на вопросник Комнаты боевой славы исторического факультета. Правила проявления чувств в этих жанрах были иными. Однокурсники и однокурсницы часто весьма откровенно высказывали друг другу, что было у них на душе, причем это вовсе не означало, что дружбе конец: вспышка открытой злости гасилась и заглаживалась часто в том же письме или в следующем. Например, Р.С. Горелик в 1942 г. писала своей подруге Л.В. Максаковой, которая поделилась с ней своим желанием поступить в штурманскую школу:

«Относительно твоих планов – ты, мне кажется, заслуживаешь взбучки. Нельзя же сейчас так разбрасываться и многого желать. [...] Пойти в школу Расковой – там ведь учиться минимум полгода, а [...] надо уже работать, а особенно тебе, уже имеющей две важнейших специальности. [...] Не обижайся, Лидок, за резкость, я просто очень разозлилась на твой вопрос и разучилась спокойно реагировать. Пиши мне часто –

³⁰ М.С. Восленский (1920—1997) поступил на исторический факультет МГУ в 1939 г. После окончания МГУ год проработал в Коломенском учительском институте, затем вернулся в Москву, и в 1945 г. поступил в аспирантуру.

³¹ Л.Н. Иванов (1903—1957) – специалист по новейшей истории международных отношений, доктор экономических наук, академик АН СССР с 1943 г. В 1937–1949 гг. – профессор исторического факультета МГУ.

³² Письмо М.Я. Гефтера Б.Г. Тартаковскому. Москва 20.VI. [1944] // Антонова, Богданов. 2009: 154, 508.

твои письма делают и меня оптимистом. Всем привет.
Крепко целую тебя»³³.

Даже в письме к возлюбленной молодой человек вполне мог говорить о злости. Так, Николай Майоров³⁴ 8 ноября 1941 г. из армии писал своей подруге Ирине Пташниковой³⁵, эвакуированной в Ташкент, что их общие однокурсники «всегда хотели видеть, чтоб я был вместе с тобой, а посему особенно зло лают на меня сейчас»³⁶. И далее:

«Курю. Думаю. Ругаю. Всех. Себя. Иногда разговаривать ни с кем не хочется. [...] Насуплюсь и молчу. Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив. Плохо (очень) с питанием. Есть с чего быть злым»³⁷.

Для своей злости, как видим, он привел сразу несколько оправданий, а в какие-то моменты, по собственному признанию, он и сердился на самого себя за свою злость, хотя в принципе заявлял о положительном к ней отношении:

«А рядом идут куда-то поезда. Может, в Ташкент. И вдруг рассердишься – да чего я это в самом деле? Всё перемелется, всё. Будем веселыми. И ты хорошо живи, веселей, бери всё, что можно, а вообще мне тебя не учить! Это я просто от злости, бешусь. Злых я люблю, сам – злой»³⁸.

Впрочем, это исключительный пример: у других авторов, чьи тексты опубликованы в рассматриваемых сборниках, мы такой концентрации рассказов о злости не обнаруживаем. Здесь, конечно, сказалась личность автора: Майоров был известен среди однокашников страстностью своей натуры и жестким языком своих стихов.

Наиболее часто встречается в эпистолярных текстах демонстрация собственной или чужой злости, обиды, раздражения,

³³ [Максакова]. 2005: 59.

³⁴ Майоров Н.П. (1919–1942) поступил на исторический факультет МГУ в 1937 г. С 1939 г. одновременно учился в Литературном институте им. М. Горького. Уже в студенческие годы был известным поэтом.

³⁵ Пташникова И.В. (1919–2002) – историк, археолог. Поступила на исторический факультет МГУ в 1937 г.

³⁶ Майоров Н.П. Письма к Ирине Пташниковой // Антонова, Богданов. 2009: 207.

³⁷ Майоров. 2009: 208.

³⁸ Майоров. 2009: 208.

мотивированных тем, что человек долго не получает известий от дорогих ему людей, особенно во время войны, когда одни были на фронте, другие в Москве, третьи где-то в эвакуации, и письма были главным средством общения: «Имеешь ли что-нибудь от Оси? У меня недавно были его родные, они очень давно ничего не получали и страшно волнуются. Обижаются, почему ты не пишешь», – писала 27 марта 1942 г. Леля Горелик своей однокурснице Лиде. Ей же писала 18 февраля 1945 г. Сара Шапиро: «Что же Вы молчите? Я уже не знаю, что и думать, даже сердиться на вас не могу, потому что очень волнуясь за Лелю».

Иерархические отношения, существовавшие в советском вузе между преподавателями, с одной стороны, и студентами и аспирантами, с другой, включали в себя одновременно и статусное неравенство, и возрастное³⁹. Как традиционный этикет народов Российской империи, так и советский предусматривали в рамках обеих иерархий достаточно жесткий запрет на любую открытую демонстрацию гнева, злости или раздражения «снизу вверх», тогда как «сверху вниз» и между равными этот запрет был мягче: сердиться на стоящих на той же ступени или ниже в статусной и/или возрастной иерархии было вполне позволительно, но вежливость интеллигентного человека требовала даже в гневе избегать грубости, ругательств, оскорблений и насилия. Это касалось и переписки. Более того, проявлением уважения к наставнику могло быть, в частности, стремление дать такую публичную интерпретацию его высказываниям даже в личных письмах, которая сгладила бы резкие эмоциональные проявления, дала им оправдания или представила их как рациональные и обоснованные акты – оценки, порицания, заявления социально одобряемой гражданской позиции. Это мы наблюдаем, например, в публикации Ф.А. Тодер⁴⁰, ко-

³⁹ Хотя самому младшему из преподавателей – например, аспиранту, имевшему учебную нагрузку, – могло быть не больше лет, чем самому старшему из студентов – например, пришедшему в университет после рабфака и фронта, – все же преподаватели считались «взрослыми», «старшим поколением», а студенты до самого выпуска – «молодежью»: с ними проводилась «воспитательная работа», их поведение контролировалось, и они должны были называть преподавателей на «вы», по имени и отчеству, тогда как преподаватели могли себе позволить говорить им «ты» и отчество не использовать.

⁴⁰ Тодер Ф.А. – историк-востоковед, в годы войны была аспиранткой исторического факультета МГУ.

торая, рассказывая о своем научном руководителе Г.С. Кара-Мурзе⁴¹, как бы спешит с самого начала предупредить читателя, что ее герой – «суровый с виду, немного жестоковатый»⁴², и далее в рассказе дает апологетические комментарии к фрагментам из его писем, в том числе и тем, где злость высказана им не прямо в ее адрес, а в адрес тех неназываемых лиц, к чьим мнениям она, как он подозревал, прислушивалась:

«В своих письмах ко мне Георгий Сергеевич старался поддерживать во мне бодрость, но в то же время не скупился на упреки, когда я пыталась смягчать его резкие оценки в отношении тех, с кем он не был согласен или чьи действия порицал.

„1 сентября 1943 г.

Чувствую себя виноватым перед вами за последнее злое письмо. И вы наверно обиделись, да? Ну простите, я ведь не хотел вас обидеть. А может было даже к лучшему, что написал вам так зло, ибо теперь чувствую себя виноватым перед вами, а если бы не написал, остался бы неприятным осадок от вашего письма. Значит, помирились, да?“

Ну как можно было не мириться с этим увлеченным ученым, столь увлекающим других и столь искренним и в своих творческих поисках, и в своем гражданском негодовании приспособленцами.

„[...] если диссертацию рассматривать с точки зрения куска хлеба с маслом, тогда все это ни к чему, зачем было в науку идти, лучше уж завмагом или в «Гастроном». [...] Вас] иногда все же червячок сомнения гложет, раз пересказываете эти обывательские «советы»? Вот почему и злят эти спекулянты, для которых в сущности работа только гонорар, ставка, звание, положение“»⁴³.

⁴¹ Кара-Мурза Г.С. (1906–1945) – историк-китаевед, профессор (1935). Выпускник Московского института востоковедения, с 1932 г. – преподаватель, в 1935–1938 гг. – профессор МИВ; в 1939–1941 гг. – профессор МГУ, ст.н.с. ИИ АН СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне, погиб на Забайкальском фронте во время войны с Японией.

⁴² *Тодер*. 2009: 559.

⁴³ *Тодер*. 2009: 560–561.

3.

Дневники часто, хотя и не всегда, как минимум не уступают дружеской переписке если не по свободе выражения злости, гнева и т.п., то по уровню эксплицитной рефлексии относительно этих чувств и приемлемости их демонстрации.

Злиться на самого себя или на некие неодушевленные предметы и обстоятельства было позволительно, при выражении этих чувств мы не видим никаких обоснований и оправданий. Например, Марина Аллендорф⁴⁴ рассказала в дневниковой записи от 20 января 1938 г., что, прося преподавателя передать от нее привет молодому человеку, к которому она, не признаваясь никому, в том числе самой себе, была равнодушна, она «ни с того ни с сего, покраснела ужасно, рассердилась сама на себя и от этого смутилась ещё больше»⁴⁵, а Г.В. Раевский в своем дневнике писал 25 мая 1941 г. с самоиронией, что параллельно с подготовкой к зачету по латыни занимался

«посторонними делами. Злился на непрерывный шум летающих где-то рядом над головой аэропланов. Радовался, что денег ни копейки за весь почти день не потратил, думал о родных, и о себе и о своей будущей судьбе, и обо всем другом, только не о *verba deponentia*»⁴⁶.

А вот открыто гневаться, злиться, сердиться на друзей и подруг было в принципе социально нежелательным поведением, которое полагалось в себе пресекать, осуждать или по крайней мере обосновывать, и многие авторы дневников явно отдавали себе отчет. Так, например, Н. Чепурнова⁴⁷ 29 мая 1939 г. писала в дневнике, который вела в соавторстве с тремя однокурсницами (под псевдонимами):

«Минна осмеливается излить свой гнев на Диану. [...] Возмутило и то меня, что она [Диана], после уговора не употреблять в дневнике компрометирующих фами-

⁴⁴ М. Аллендорф (1915–1994) – художник-график.

⁴⁵ <https://prozhito.org/person/361>.

⁴⁶ Раевский Г.В. Из дневника 1941 г. // Антонова, Богданов. 2009: 44.

⁴⁷ Н. Чепурнова (1920–1958) – студентка химического факультета Свердловского государственного университета.

лий, всё-таки нарочно пишет и злорадно их подчеркивает. Писать пожалуй перестану, потому что рассердилась вдруг и злюсь, как ведьма. У меня болит укол – не везет»⁴⁸.

В некоторых случаях дневники показывают нам, как подобные чувства (или их демонстрации) не подавлялась, а канализировались: злость перенаправлялась на подходящий объект и так делалась легитимной. Это наглядно видно в дневниковой записи Е.М. Рудневой⁴⁹ (в тот момент еще не студентки, а старшеклассницы и комсорга школы) от 12 сентября 1937 г. Здесь такой прием был использован ею вполне осознанно: не разрешив себе злиться на секретаря райкома комсомола, она обратила свои чувства на фашистов:

«Сегодня я одержала над собой крупную победу: я не обиделась, не рассердилась, настроение у меня не испортилось, хотя все основания к тому были. Зачем сердиться? И на кого? Шмарев, пожалуй, не виноват, мы, вероятно, не поняли друг друга. Я считала, что не следует расходовать свои чувства по пустякам. А ненавидеть у меня есть кого. Итальянцы потопили наши корабли в Средиземном море, „Тимирязев“ и „Благоев“, и, что меня особенно взорвало, пишут, что, вероятно, команды сами потопили корабли»⁵⁰.

4.

Разумеется, на рассмотренной источниковой базе нельзя делать широких выводов о том, каково было отношение к выражению гнева и злости у студентов 30-х – 40-х годов в целом и были ли практики выражения этих чувств, зафиксированные здесь, характерными только для советского студенчества тех лет или мы можем считать их частным случаем нормы, действовавшей во всем обще-

⁴⁸ <https://prozhito.org/note/560880>.

⁴⁹ Е.М. Руднева (1920–1944) поступила на механико-математический факультет МГУ в 1938 г., готовилась стать астрономом, но как комсомольская активистка осваивала со школьных лет и воинские навыки. Во время Великой Отечественной войны стала штурманом в авиации, погибла, посмертно награждена золотой звездой Героя Советского Союза.

⁵⁰ <https://prozhito.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B1053%5D>.

стве. С другой стороны, несколько ограниченных предварительных выводов мы все же можем сформулировать:

– Репрезентации таких чувств, как гнев, злость, обида, встречаются во всех рассмотренных жанрах эго-документов (мемуары, ответ на вопрос анкеты, личное письмо, дневник), но далеко не в каждом тексте того или иного жанра; многие тексты вообще не содержат упоминаний об эпизодах такого рода.

– В целом, хотя и с большими оговорками, на основе небольшой источниковой базы можно сделать предварительное наблюдение, что в текстах всех жанров в принципе отражается одна и та же культура, предусматривающая в иерархических отношениях большую свободу выражения этих чувств «сверху вниз» или «по горизонтали», меньшую – «снизу вверх».

– В условиях, когда выражение этих чувств ощущается как нежелательное, мы неоднократно видим, как они легитимируются, – преимущественно тремя способами: либо за счет приведения обоснований/оправданий, либо за счет постановки себя в более сильную позицию (обличителя, героя, любящего), дающую больше прав, либо за счет перенаправления злости на более подходящий объект (фашистов, карьеристов и прочих общих врагов).

Дальнейшие изыскания на более широкой источниковой базе позволят проверить эти выводы и, возможно, сделать новые. Особенно перспективным представляется сравнение с другими субкультурами и эпохами⁵¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Алексеев Л.В. Из воспоминаний // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 461.

⁵¹ О широте спектра можно судить хотя бы по работе *Cocoradă. 2012*, где вербальное и физическое «микронасилие» как выражение злости учащихся по отношению к преподавателям и однокашникам рассматривается как повседневное явление в учебных заведениях разных стран.

- Аллендорф М. Дневник. URL: <https://prozhito.org/person/361>.
- Антонова С.И. Воспоминания советского человека / Предисл. В.П. Богданова, Ю.А. Мошкова, Е.О. Ягодкиной. М., 2014.
- Белявский М.Т. Из писем и записей первого года Великой Отечественной // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 545.
- Майоров Н.П. Письма к Ирине Пташниковой // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 545.
- [Максакова Л.В.] Письма студентов исторического факультета МГУ. 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2005. №5. С. 49–78.
- «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009.
- Письмо М.Я. Гефтера Б.Г. Тартаковскому. Москва 20.VI.[1944] // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 154, 508.
- Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала / Публ. и коммент. О.В. Будницкого; вступ. статья Л.А. Беляева, О.В. Будницкого, В.Я. Петрухина. М., 2005.
- Раевский Г.В. Из дневника 1941 г. // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 44.
- Рапорт Ю.А. Толстов Сергей Павлович // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 576.
- Руднева Е.М. Дневник. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B1053%5D>.
- Свойкина В.А. Боевой путь // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009.
- Суслин С.М. Об истфаке, о моих товарищах и о себе // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 228.
- Тодер Ф.А. Фронтовые письма Кара-Мурзы Георгия Сергеевича // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 559.
- Чепурнова Н. Дневник. URL: <https://prozhito.org/note/560880>.

ЛИТЕРАТУРА

- Делалой М.* Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938). Типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 431–456.
- Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010.
- Кунцман А.* «Омерзительные существа»: сексуальная политика отвращения в мемуарах узников ГУЛАГа // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 380–400.
- Эдельман Р.* Романтики-неудачники. «Спартак» в золотой век советского футбола (1945–1952) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 306–328.
- Cocoradă E.* Gender differences in the micro-violence connected to the assessment process // Procedia - Social and Behavioral Sciences. No. 33 (2012). P. 183–187.
- Lehmann J.F.* Im Abgrund der Wut. Zur Kultur- und Literaturgeschichte des Zorns. Freiburg i. Br., 2012.
- Luke G.W.* State-Sponsored Advocacy? The Case of Florida's Students Working Against Tobacco. Doctoral Dissertation, Florida State University. 2004.
- Reddy W.M.* Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327–351.
- Rosenwein B.H.* Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. Vol. 107. No. 3 (June 2002). P. 821–845.

К.В. Суториус

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-15

Аннотация: В статье рассматривается малоизвестная рукопись из собрания Ярославского музея-заповедника, которая содержит запись курса логики, преподававшегося в Московской Славяно-греко-латинской академии Софронием Лихудом в начале 1690-х гг. Проводится атрибуция текстов, содержащихся в рукописи и, в частности, устанавливается, что находящаяся здесь Логика на греческом языке - это неизвестная до сих пор запись курса Логики Софрония. Рукопись осуществлена несколькими почерками, и в статье рассматривается их связь с другими материалами, связанными с Московской академией. Сам текст Логики из ярославской рукописи сопоставляется с текстом, который содержится в известных прежде списках для того, чтобы определить его место среди других свидетелей этого курса. Указания ярославской рукописи, а также документы, ставшие известными в последнее время, позволяют пересмотреть традиционную датировку курса Логики. Кодикологические особенности рукописи дают повод задаться вопросом, как было организовано обучение Логике у Софрония и, в частности, как его ученики работали над своими «конспектами», по которым сейчас мы судим о самом курсе. В связи с этим вопросом в статье рассматриваются свидетельства о двуязычном (латинский/греческий) преподавании логики и выдвигается гипотеза, что латинский текст Диалектики Софрония, известный по одной из рукописей, не был переводом с греческого языка.

Ключевые слова: Софроний Лихуд, преподавание логики, московская Славяно-греко-латинская академия, рукописные источники, схоластика.

Лихудов и их деятельность в Московском государстве можно рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны, возможно говорить о том, каким их образ рисуется в сложившейся по большей части историографии: это - интеллектуалы, которые прибыли из Греции, чтобы принести свет знания в Москву.

С другой стороны, есть возможность говорить о том, что Лихуды представляли собой для своих современников. Здесь мы оказываемся в более трудном положении, потому что с 1685 г., когда оба

брата прибыли в Москву, по 1716 г., когда Иоанникий из Новгорода в Москву вернулся (умер в 1717 г.) - следует обратить внимание на то, что оба Лихуда стремились в Москву, а не в новую столицу Петербург, поскольку для них, вероятно, Москва еще оставалась культурным центром - в стране произошли большие перемены, и еще бóльшие к 1730 г., году смерти Софрония. Страна превращалась в чиновничье государство, и частью этой системы становилась русская православная церковь. В этой модели работа преподавателем приходилась на средний возраст человека, до 40 лет, а вторая половина жизни была посвящена церковно-административной деятельности, фактической или номинальной (архимандритство/архиерейство), которая приносила и доход, и почет. Учителя из Киева эту систему отражали. В Киево-Могилянском коллегиуме, в отличие от послужившей для него образцом иезуитской образовательной модели, похоже, не складывалась практика учительства, как профессии. Лихуды же в эту систему не вписались: они учительствовали всю жизнь.

Подумать только: Софроний прожил в Московском государстве, кажется, безвыездно, 45 лет! При этом, если он родился в 1652 г., то прибыл сюда в возрасте 33 лет, и выходит, что больше половины жизни он провел в России. В то же время церковнославянский (русский) язык после 25 лет жизни в стране он знал, как можно предположить, недостаточно уверенно для того, чтобы вести на нем переписку. Во всяком случае в 1710 г. он пишет письма приближенным Новгородского митрополита Иова с просьбой повлиять на последнего, чтобы тот отпустил из Новгорода брата Иоанникия, на греческом языке¹. Корреспонденты Софрония греческого, по видимому, не знали, и письма для них переводили на церковнославянский².

¹ Яламас. 2001: 230–237.

² Новгородские архиерейские школы. 2022: 118–121. Возможно, свидетельством того, что и в начале 1720-х гг. Софроний плохо знал русский/церковнославянский, могут служить показания Анфиногена Романова Ефратова (Тигровского), данные в Синоде в 1736 г., о том, что он в 1721 г. поступил в греческую школу к Софронию Лихуду, а затем учился у Афанасия Скиады, но «учители Лихудий и Скияда были природные греки и русского языка мало знали» (*Вознесенская*. 2015: 393). Такого рода свидетельства заставляют задуматься над трудными вопросами: в какой мере Софроний знал славянский язык? Мог ли он прочитать, например, на этом языке проповедь, мог ли написать ее, была ли вообще у Софрония интенция учить славянский язык? Как, в связи с этим, проходило обучение в греческой школе на начальном этапе, когда и ученики не

Если руководствоваться современными представлениями об успешности карьеры, то церковная карьера Лихудов представляется неудачной: Иоанникий всю жизнь, а Софроний почти всю не занимали никаких церковно-административных должностей. Также неудачной мы бы назвали их академическую карьеру: пиком ее было очень непродолжительное преподавание философии в начале 1690-х, в первые годы их жизни в Московии. Кажется, что Лихуды даже не стремились к должностям, и возникает вопрос, кем сами Лихуды себя мыслили? К чему были направлены их устремления? Отправляясь в далекое Московское царство, на что рассчитывали, чего ожидали, в какой степени они достигли желаемого?

Также с разных точек зрения можно рассматривать и литературные труды Лихудов. Для их современников в Московском государстве то, чему Лихуды учили своих учеников, было совершенно неслыханным видом учености³. Однако для их современников в Европе это были по своему содержанию тривиальные курсы, которые преподавались в многочисленных учебных заведениях Западной и Восточной Европы, и в частности в коллегиумах иезуитов и пиаров, причем в облегченном (сокращенном) варианте. Как мы сейчас видим, Лихуды активнейшим образом использовали наработки западноевропейской, латиноязычной науки, переводя с латинского на греческий и компилируя пособия разных авторов.

Вместе с тем для самих Лихудов такой способ работы над своими учебными курсами был наименее трудоемким и времязатратным способом получить результат, которого ждал от них заказчик: дать ученикам материалы, которые, с одной стороны, как-то соответствовали бы представлениям самих Лихудов и их западноевропейских коллег об академическом образовании, а с другой, не вызывали бы своим латинским видом раздражения и подозрения у носителей традиционной московской культуры.

Для нас же дидактические тексты Лихудов - замечательный пример того, насколько второстепенное значение имела для православных преподавателей последней четверти XVII в. конфессио-

знали языка учителя, и учитель «мало» владел языком учеников? Кто был автором славянских переводов в двуязычных списках греческих грамматик, если сами ученики, то кто проверял их переводы, и мог ли сам учитель оценить их качество? (По предположению М. Копыленко, славянский перевод московской греческой грамматики был сделан Федором Поликарповым: *Копыленко*. 1960: 91–92).

³ *Chrissidis*. 2016: 77–78, 140–141 (русский перевод: *Хриссидис*. 2023).

нальная ориентация авторов пособий, которыми они пользовались. В этом смысле Лихудов можно сравнить с их коллегами из Киево-Могилянского коллегиума, тогда же совершенно свободно использовавшими и педагогику, и дидактику, и сами учебные пособия иезуитов. Однако не только репертуар учебных пособий и киевских преподавателей, и Лихудов был сходен, похож был сам метод работы с этими пособиями при создании собственных учебных курсов - компиляция, которая до наших дней остается основным приемом работы преподавателя.

Самым известным и авторитетным исследованием по истории московской Славяно-греко-латинской академии на протяжении полутора столетий оставалась книга С.К. Смирнова⁴, и все почти публикации, в которых речь шла о том, что Лихуды преподавали в Московской академии философию, опирались на это исследование⁵. Однако в последнее десятилетие появилось несколько интересных работ, посвященных преподаванию Лихудами философии⁶, и цель настоящей статьи - ввести в круг источников еще одну до сих пор малоизвестную рукопись, содержащую записи разделов философии, которые преподавали в начале 1690-х гг. братья Лихуды в Москве. Это - рукопись № 773 из собрания Ярославского музея-заповедника, она уже давно была указана В.В. Лукьяновым в его описании музейных рукописей⁷, но без упоминания, что в ней содержатся разделы философии, преподававшиеся именно Лихудами. Однако в результате сопоставления текстов из ярославской рукописи с другими известными записями философии Лихудов становится ясно, что рукопись № 773 содержит те же самые тексты. В данной статье мне бы хотелось обсудить особенности этой рукописи и рассмотреть ее в связи с другими известными на сегодняшний день списками, в которых содержатся разделы философии, преподававшиеся в Москве Лихудами.

Вначале стоит отметить, что в существующих публикациях имеются две тенденции в интерпретации и, соответственно, в описании не только философских текстов Лихудов, но и учительной их деятельности в более широком смысле. Одни исследователи ведут речь о ней преимущественно в связи с греческими культурными,

⁴ Смирнов. 1855.

⁵ Галкин. 1913; Сменцовский. 1899.

⁶ Вандулакис. 2015: 350–356. Суториус. 2017: 356–384. Курбанов, Спиридонова. 2019: 18–23. Спиридонова, Курбанов. 2022; Тоноян. 2020.

⁷ Лукьянов. 1958.

интеллектуальными и образовательными традициями, некоторые даже делают попытки вписать произведения Лихудов в контекст дидактической традиции поздней Византии (грамматической, риторической, философской, богословской)⁸, с которой, естественно предположить, Лихуды, сами будучи греками, могли быть хорошо знакомы. Другие же рассматривают их в контексте западноевропейской схоластики⁹, которая Иоанникию и Софронию, бывшим жителям итальянских городов, учившимся в западноевропейских латиноязычных школах, была, надо полагать, знакома прекрасно. Оба подхода кажутся обоснованными и, возможно, наилучшие результаты даст исследование с использованием обоих, однако такая чрезвычайно кропотливая работа - дело будущего. В данной же статье речь об учебных материалах Лихудов пойдет со второй точки зрения, потому что такой взгляд, по-видимому, обладает большим объяснительным потенциалом по сравнению с первым, и различные особенности лихудовской дидактики, которые при первом взгляде представляются набором отдельных черт, и не находят другого объяснения кроме как в том, чтобы приписать их авторство самим Лихудам, со второй точки зрения представляются элементами одной большой дидактической системы и объясняются не изобретательностью Лихудов как «дидакалов», а включенностью их в эту систему как «магистров».

В рамках этого подхода преподававшиеся Лихудами разделы философии рассматриваются как части большой учебной структуры, ее можно условно назвать философским курсом. Последний включал в себя несколько блоков, которые соответствовали структуре Аристотелевого корпуса сочинений: логику, примерно сходствующую с современной гносеологией, физику, метафизику и этику. Этим блокам предшествовал небольшой вводный раздел, иногда называемый «диалектикой», он соответствует нынешнему курсу формальной логики.

⁸ См. указанные работы Л.В. Спиридоновой и А.В. Курбанова, Л.Г. Тоноян. Д.А. Яламас ведет речь о грамматических трудах Лихудов только в связи с греческой грамматической традицией (*Яламас*. 2001: 177–180). Сюда же, видимо, нужно отнести работы ведущего современного специалиста по Лихудам в России Д.Н. Рамазановой, которая иначе как в контексте греческой традиции деятельность Лихудов не рассматривает (например, *Рамазанова*. 2015: 44–47).

⁹ *Зубов*. 1934; *Аржанухин*. 2001: 210; *Хриссидис* 2008; *Крылов*. 2014: 87; *Лемешев*. 2015; *Chrissidis*. 2016 (русский перевод: *Хриссидис*. 2023); *Суториус*. 2017: 368–372, 380–383; *Суториус, Ярулина*. 2023: 40–79.

В научной литературе упоминаются 4 рукописи, которые содержат преподававшиеся Лихудами в Москве разделы философии:

1) Собственноручная запись Софрония Лихуда - ОР РГБ. Ф. 173.1, № 300¹⁰.

2) Список, в создании которого принимал участие ученик Академии Николай Семенов сын Головин - ОР РГБ. Ф. 173.1, № 299. На л. 1об, красными чернилами его почерком написано: «Логика греческая юже писал учаяся и трудяся», далее текст замазан черными чернилами. На л. 2 после заголовка тем же почерком красными чернилами дописано: «руки грешна Николая». Большая часть рукописи написана тем же почерком, который встречается в списке ОР РНБ, Соф. 1315, где содержатся среди прочего упражнения по курсу риторики, который преподавал в Московской академии Софроний Лихуд: л. 1-37v, 50v-52v, 59-60v, 141-186v. В этой рукописи на внутренней стороне верхней крышки переплета имеется запись красными чернилами почерком Николая Семенова сына Головина: «Из книг Николаа Головина. В ней о счислении лет святых отец и показание о 70 тих преводниках изрядное трудолюбно собрано мною грешным на греческом языке». Однако в московской рукописи № 299 встречается также и другие почерки. Например, л. 76-78v, 96v-98, 119-125v написаны почерком, которым написана вторая часть рукописи № 4617 (с л. 117 до конца) из Отдела редких книг библиотеки Казанского университета с греческой грамматикой¹¹; условно можно обозначить этот почерк 299β. Этим же почерком в упомянутой рукописи Соф. 1315 написаны л. 47-50v и 68-141. В рукописи № 299 можно выделить еще несколько почерков, их условно обозначим так: 299γ (л. 9-10), 299δ (л. 11-12), 299ε (л. 12v-13, 16v-17, 23-48), 299ζ (л. 68-76, 79-87v), 299ζ (л. 89-96), 299η (л. 13v-14 и 15v-16).

3) Список, который сделал ученик академии Алексей Кириллов¹² - ОР РНБ, Ф. 573. БП/3¹³ - о чем говорит помета на обороте верхней крышки переплета, где почерком Николая Семенова Головина красными чернилами написано и затем черными зачеркнуто: «Отдать диакониде с дочерью. Умершаго диакона Алексиа соучени-

¹⁰ Фонкич. 1988: 63.

¹¹ Описание рукописей. 1958: 4-5.

¹² Курбанов, Спиридонова. 2019: 22.

¹³ Здесь имеется двойная нумерация листов: более новая, карандашом на нижнем поле, и более старая, чернилами в верхнем правом углу. В данной статье ссылки делаются по чернильной нумерации.

ка моего греческая логика руки ево свершенна». Тем же почерком, что и рукопись БП/3, написана рукопись ОР РНБ, Ф. 573. БП/10, в которой содержится преподававшийся в Москве курс риторики Софрония Лихуда. Здесь на л. 15 также имеется запись красными чернилами, сделанная почерком Николая Семенова Головина: «Сия книга риторика греческая и латинская, а отдать умершаго диакона Алексия ученика бывша жене ево Дарии с дочкою». Однако некоторые места в рукописи БП/3 написаны иными почерками: л. 140v и л. 178v.

4) Список, сделанный также кем-то из учеников академии - ОР РНБ. Греч. 152. Большая часть рукописи написана одной рукой, которую можно условно обозначить 152 α ¹⁴, но в некоторых местах встречаются и другие почерки: л. 108-109об. (Этот почерк похож на почерк, обозначенный выше 299 γ) и л. 117v-144, 154v-158v (условно можно обозначить 152 γ).

Последовательность тетрадей была нарушена при переплете. Запись курса Логики прерывается на л. 158v и продолжается с л. 186. Три тетради - л. 159-166v, л. 167-170v и л. 178-185v¹⁵ - содержат два фрагмента Физики, написанные почерком, как можно предположить, Федора Поликарпова. Не относятся к записи курса Логики, которая содержится в рукописи № 152, л. 171-176v. Листы 172-173v написаны почерком, обозначенным выше 299 ζ , и оказываются листами, которые отсутствуют в рукописи № 299 между л. 83v и 84. Листы 174-175 написаны почерком 299 β и оказываются продолжением л. 76-78v из рукописи № 299. Л. 171 и 176 переплетены в обратной последовательности: сперва должен идти текст на л. 176v (л. 176 пустой), затем - на л. 171, т.е. эти листы были первоначально внутри тетради. Они написаны почерком 152 α и содержат текст, совпадающий с текстом на л. 137v-138v, которые написаны другим почерком.

¹⁴ А.В. Курбанов и Л.В. Спиридонова на основании особенностей почерка, которым написаны греческие схолии на автографах славянских переводов, сделанных Федором Герасимовым Полетаевым, приходят к заключению, что рукопись № 152 - его автограф (Курбанов, Спиридонова. 2019: 21). Однако при сравнении этого почерка с почерком Федора Герасимова, которым написаны рукописи ОР РНБ. Ф. 573. БП/12 и ОР РГБ. Ф. 173. I. 275, можно заметить между ними существенное несходство. Больше сходство, кажется, можно увидеть между ним и почерком Федора Поликарпова.

¹⁵ В рукописи имеется старая пагинация, по которой указанные листы соответствуют страницам с. 315-330, 331-340 и 353-368.

В самом тексте рукописи № 152 можно, кажется, найти следы ее связи с рукописью № 299. Так, в рассуждениях по поводу «Введения» Порфирия, главе 4-й, вопросе 1-м, после ответа на 3-е выражение на л. 151-151v вычеркнут фрагмент текста, начинающийся словами *Ἀντίθεσις δ^η. Σκοπός ἐστι ἐνταῦθα τῷ Πορφυρίῳ περὶ τῆς τοῦ εἶδους φύσεως διαλαβεῖν*, и заканчивающийся *κατηγορούμενον δὲ εἶδος ἐστὶ τὸ κατὰ πολλῶν ἀτόμων λεγόμενον οἶον*, а на л. 152 текст начинается словами *Ἀντίθεσις δ^η. Τὸ γελᾶστικόν ἐστι διαφορά*, и этот же фрагмент находится на л. 135v-136v, которые написаны другим почерком. В рукописи же № 299 словами *Σκοπός ἐστι ἐνταῦθα τῷ Πορφυρίῳ* начинается л. 73, первый в тетради № 10, а слова *Ἀντίθεσις δ^η. Τὸ γελᾶστικόν ἐστι διαφορά* находятся в начале л. 81, первого в тетради № 11. Можно подумать, что переписчик рукописи № 152 перепутал тетради протографа и вместо тетради № 11 взял тетрадь № 10, а затем, обнаружив ошибку, взял нужную тетрадь.¹⁶

В связи с отмеченными особенностями рукописи № 152, возникает вопрос, как была организована учеба учеников Софрония? Каждый ли ученик делал свою собственную запись, или несколько учеников объединялись вместе и делали одну запись, которой пользовались совместно? Как могло получиться, что тетрадки из одной рукописи попали в другую, а в одном переплете оказались одни и те же фрагменты текста, но написанные разными почерками? Означает ли это, что несколько учеников делали отдельные записи, но после переписывания у них случайно перемешались тетрадки?

Что же касается рукописи № 773 из собрания Ярославского музея-заповедника, то состав ее можно представить так:

Листы	Тексты
1-4v	Сказание о священстве Иисуса без заглавия ¹⁷ .

¹⁶ Такое же явление в рукописи № 152 встречается в той же части во 2-й главе, 3-м вопросе: на л. 130v-132 зачеркнут большой фрагмент текста, начинающийся подзаголовком *β^α θέσις*, а на полях написано *δὲν χρειάζετε* (л. 131) и *ομοίως οὐ χρειᾶν ἔχει* (л. 131v-132). Этот же фрагмент находится чуть выше: л. 126, строка 11 сверху со слов *τὸ μέρος καὶ τὰ ἐξῆς*, до л. 127v, строка 9 сверху до слов *ἡ λευκότης ἐστὶ χρῶμα*. Однако связать это явление с какими-то особенностями других известных списков не удастся.

¹⁷ Тихонравов. 1863: 164-171; Апокрифические сказания. 1999: 148-157. Выражаю благодарность А.В. Каргальцеву за помощь в идентификации данного тек-

	<p>Начало: Κατὰ τοὺς χρόνους τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως Ἰστινιάνου τοῦ μεγάλου ἦτον ἓνας Ἑβραῖος καὶ προεστὸς ἀπάνω εἰς ὄλους τοὺς Ἑβραίους τὸ ὄνομα τοῦ Θεοδώσιος.</p> <p>Κοιнец: Τὸ λοιπὸν ἀπὸ τὸν Ἰώσηπον καὶ τὸν εὐαγγελιστὴν καὶ ὀσουίδαε ἐπίστευσε καὶ ἰστόρησεν τὸ παρὸν καὶ ἐτῆ εἶναι ἀποσάλευτα καὶ ἐξηγήθει εἰς ἀπλοτέραν διάλεκτον παρ' ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτολοῦ.</p>
6-9v	<p>In die nativitatis domini nostri Jesu Christi oratio.</p> <p>Начало: <i>Prooemium. Adeo a philosophis olim unum esse Deum receptum erat, serenissimi ac potentissimi autocratores totiusque magnae parvaeque ac albae Russiae Joannes Alexiovicz, Petre Alexioviczi et Sophia Alexievna ...</i></p> <p>Κοιнец: <i>felices ac triumphantes serenissimi ac potentissimi nostri imperatores Joannes Alexiovizzi, Petrus Alexiovizzi et Sophia Alexiovna autocratores Moskoviae totiusque magnae parvae et albae Russiae semper vivant. Amen</i></p>
10-12v	<p>Index catheticus per simplices metaphoras similitudinis ad laudem serenissimi ac potentissimi autocratoris Moskoviae totiusque magnae parvaeque et albae Russiae Ioannis Alexiovizzi ter augustissimi.</p> <p>Πρὸς δόξαν ἀθάνατον τῆς γαληνοτάτης καὶ κραταιοτάτης αὐτοκρατορίδος τῆς Μοσκοβίας καὶ πάσης μεγάλης, μικρᾶς τε καὶ λευκῆς Ῥωσίας κυρίας Σοφίας Ἀλεξιευνις τρις ἀγουστάτης (π. 11-12).¹⁸</p> <p>Inscriptio harmonica ad laudem sanctissimi patriarchae (π. 12-12v).</p>
13-20v	<p>Κυρίου Γεωργίου Κορεσίου τοῦ Χίου διάλεξις μετὰ τινὸς τῶν Φράρων.</p> <p>Начало: <i>Γεώργιος. Ἄριστον μὲν ἂν εἴη συνάδουσι ἡμῖν τῷ κυρίῳ τῆς ἐκκλησίας σκοπῶ παρακολουθεῖν ἐθέλειν, τοῖς περὶ τὴν πίστιν τρβαζομένοις χαίρειν εἰποῦσι, ᾧ διδάσκαλε μέγιστε</i> Κοιнец: <i>καὶ αὐτὸς τὸ πνεῦμα ἐκ μόνου τοῦ πατρὸς αἰτιατὸν καὶ ἐκπορευτὸν διὰ δὲ τοῦ υἱοῦ ἐν τῷ κόσμῳ ἀποστελλόμενον ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας. ἀμήν. τέλος καὶ τῷ θεῷ δόξα.</i></p>
21-22v	<p>Γαβριηλ τοῦ Σεβήρου τοῦ ἐκ Μονορβασίας ταπεινοῦ μητροπολίτου Φιλαδελφίας ἐκθεσις κατὰ τῶν ἀμαθῶς λεγόντων καὶ παρανόμως διδασόντων, ὅτι ἡμεῖς οἱ τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας γνήσιοι καὶ ὀρθόδοξοι παῖδες ἐσμὲν σησημάτικοι παρὰ τῆς ἀγίας καὶ καθόλου ἐκκλησίας.</p> <p>Начало: <i>Ὁ κατ' ἐξοχὴν καλούμενος φιλόσοφος ὁ Ἀριστοτέλης εἰς τὸ πρῶτον βιβλίον τῶν μετὰ τὰ φυσικὰ λέγει Πάντες ἄνθρωποι τοῦ εἰδέναι φύσει ὀρέγονται ἤγουν ὅλοι οἱ ἄνθρωποι φυσικὰ ἐπιθυμοῦσι νὰ</i></p>

ста. Возможно, этот же текст содержится в рукописи Датской королевской библиотеки в Копенгагене NKS 212 d kvart л. 91v-97r. См.: [Электронный ресурс]. URL: https://soeg.kb.dk/discovery/fulldisplay?docid=alma99122851754405763&context=L&vid=45KBDK_KGL:KGL&lang=en&search_scope=MyInst_and_CI&adaptor=Local%20Search%20Engine&tab=Everything&query=any,contains,NKS%20212%20d%20kvart&offset=0 (дата обращения – 17.08.2024). К сожалению, эта рукопись в настоящее время остается мне недоступной.

¹⁸ Два стихотворения на греческом и два «сонета» на итальянском.

	<i>μανθάνουιν.</i> Окончания недостает.
24-43v	Εἰς τὰ τῆς Φυσικῆς βιβλία τοῦ Ἀριστοτέλους ὀκτῶ εἶτε περὶ τῆς φυσικῆς ἀκρόασεως. Фрагмент курса физики Иоанникия Лихуда
47-299v	Курс Логики Софрония Лихуда.

В той части рукописи, которая содержит Логикку, при переплете был нарушен порядок тетрадей. Правильная последовательность листов может быть восстановлена на основании других вышеуказанных списков. Получается она следующей: л. 159-194v, 277-299, 228-276v, 195-226v, 119-158v, 69-118v, 47-68.

В ярославской рукописи встречается несколько почерков, распределение которых можно представить в следующей таблице (разные почерки обозначены номером рукописи и греческими буквами):

Почерки	Листы рукописи
773α ¹⁹	1-4v, 277-299, 228-266v, 93v-117v
773β	13-43v, 176-177, 216, 88v-89, 93-93v, 61-68
773γ ²⁰	159-175v, 178-194v, 268-276v, 195-215v, 217-226v, 119-158v
773δ	69-88, 89v-92v
773ε	118-118v, 47-60v
773ς ²¹	26-26v

Хотя по порядку в рукописи 773 сперва идет фрагмент Физики, а затем курс Логики, однако поскольку логика преподавалась прежде физики, представляется целесообразным рассмотреть разделы философского курса, который преподавали Лихуды, в порядке их изложения, начав с логики.

Если рассматривать курс Логики в контексте второй схоластики, то на основании четырех известных до сих пор рукописей структура его представляется следующей: 1) введение в логику, 2) рассуждения по поводу «Введения» Порфирия, 3) рассуждения

¹⁹ Этим же почерком в упомянутой рукописи Соф. 1315 написаны лл. 60v–66v. Этот же почерк встречается в рукописи ОР ГИМ. Увар. 213–8 с записью курса риторики Софрония, лл. 20–21.

²⁰ Этот же почерк встречается в рукописи ОР ГИМ. Сокол. 129, в которой содержится часть так называемой Московской грамматики Лихудов (кн. 2 и 3, а также раздел Θέματα), л. 256–257.

²¹ Этот почерк можно, кажется, идентифицировать с почерком Алексея Кириллова из упомянутой рукописи БП/3.

по поводу «Категорий», 4) рассуждения по поводу первой книги «Вторых аналитик» Аристотеля. Этим четырём разделам предшествует раздел, который в традиции второй схоластики иногда называется «диалектикой» и представляет собой курс формальной логики²².

В ярославской рукописи № 733 имеются физические лакуны. В начале «диалектики» недостает около десятка листов. Текст начинается на л. 159, примерно, с середины второй главы первой части словами: *τῶν κτιστῶν καὶ ἀληθῶς ὄντων γένη οἶον τὸ ὄν, ἔν, ἀληθές, ἀγαθόν, πράγμα καὶ τί*. В рукописи № 152 эти слова находятся на л. 11 (строка 5 снизу); в рукописи № 299 - на л. 7v (строка 11 снизу). Сколько листов недостает в ярославской рукописи, можно предположить исходя из того, сколько листов в рукописи № 152 занимает текст того же объема, что и в ярославской. В последней не хватает текста, который в рукописи № 152 находится на л. 2-11 (строка 6 снизу), и примерно такого же объема фрагмент текста в ней занимает на л. 11v-20v (строка 10 снизу). В ярославской же рукописи соответствующий текст находится на л. 159-167v (строка 8 снизу), т.е. почти 9 листов. Столько же листов, видимо, недостает в начале «диалектики».

Другая лакуна имеет место в конце раздела с рассуждениями по поводу «Введения» Порфирия. Здесь внизу л. 158v текст обрывается словами *...κοινωνοῦσι μὲν α' ὅτι ἀμφοτέρω ἐπίσης κατηγοροῦνται κατὰ τῶν ἰδίων ὑποκειμένων*. В рукописи БП/3 - с рукописью № 152 сопоставление невозможно, поскольку в ней в этом месте также отсутствует несколько листов - эти слова находятся на л. 165v (строки 5-6), а далее до конца раздела идет еще текст на полутора листах: 165v-167 (строка 5). Если взять примерно такого же объема текст в рукописи БП/3 на предшествующих полутора листах (164-165v), то такого же объема текст в ярославской рукописи будет занимать полностью два л. 157-158v, из чего можно предположить, что в яро-

²² Л.В. Спиридонова и А.В. Курбанов представляют структуру Логики Софрония несколько иначе. Они пишут, что подготовленный Софронием «компендиум по логике состоял из пяти сочинений: 1) руководства с объяснением понятийного аппарата, основных правил и т.д., 2) вопросо-ответного введения к сочинениям Аристотеля, 3) анализа Исагоги Порфирия, 4) анализа Категорий Аристотеля, 5) анализа первой Аналитики Аристотеля» (Спиридонова, Курбанов. 2022: 77). Однако при таком описании возникает вопрос, почему введение в Логикку следует после изложения всей формальной логики. Такое структурирование текста поддерживается только одной ярославской рукописью, в которой введение в Логикку значится как книга 2-я, а рассуждения по поводу Порфирия — как книга 3-я.

славской рукописи в конце рассуждений по поводу Порфирия недостает около двух листов.

Также две большие лакуны имеются в рукописи № 152. Первая - между л. 158v и 186. Она соответствует пропуску текста, который в рукописи БП/3 находится на л. 154v-214 (от 5-й гл. на Порфирия до первого вопроса 8-й главы на Категории), что составляет около 68 листов. Вторая - с л. 196v до конца, что соответствует в рукописи БП/3 л. 228-235 (вопрос 2-й главы 1-й раздела о вторых Аналитиках).

Имеется лакуна и в самой рукописи БП/3 между л. 184v и 188. В рукописи 299 это соответствует тексту на л. 98-102, что в пересчете на объем рукописи БП/3 соответствует, примерно, 10 с половиной листам (начиная с возражения на 2-й тезис 1-го вопроса 5-й главы на Категории и до конца 3-го вопроса).

Суммировать известные списки курса Логики с учетом предложенной реконструкции правильного порядка листов в ярославском списке можно в следующей Таблице (фрагментарные части разделов обозначены курсивом):

Разделы	Списки с указанием листов				
	№ 300	№ 299	БП/3	№ 152	№ 773
<i>Ἐκθεσις φωτανγεστάτ η ἀπάσης τῆς λογικῆς πραγματείας</i>	1-55	2-40v	17-65	1-64	159 ²³ -194v, 277-299
<i>Προοιμακὰ ζητήματα ἐν πάσῃ τῇ τοῦ Ἀριστοτέλους λογικῆ πραγματεία</i>	56-92	41-56v	68-97	65-98v	228-266v
<i>Εἰς τὴν τοῦ Πορφύριου Εἰσαγωγήν παραφράσεις τε καὶ ζητήματα</i>	93-167v	57-87v	100-167	101-158v ²⁴	268-276v, 195-226v, 119-158v ²⁵
<i>Παραφράσεις τε καὶ</i>	168-229	89-119	167-223v ²⁶	186 ²⁷ -193	69-118v, 47-56v

²³ Перед л. 159 отсутствует примерно 9 листов без оборотов.

²⁴ После л. 158v отсутствуют примерно 13 листов.

²⁵ После л. 158v отсутствуют два листа.

<i>ζητήματα εἰς τὰς τοῦ Ἀριστοτέλους κατηγορίας</i>					
<i>Περὶ τῶν μετὰ τὰς κατηγορίας</i>	229v-231v	119-120v	223v-225v	193v-195	57-58v
<i>Εἰς τὸ πρῶτον τῶν ὑστέρων ἀναλυτικῶν παραφράσεις τε καὶ ζητήματα</i>	232-240	120v-125v	225v-235	195-196v ²⁸	58v-68

Теперь рассмотрим, как текст курса Логики, представленный в ярославской рукописи, соотносится с текстом, который содержится в других известных списках. Очевидно, мы можем разделить записи Логики на две группы. В первую будет входить автограф Софрония Лихуда (рукопись № 300). Во вторую - остальные записи, которые, как мы предполагаем, были сделаны учениками. Автограф Софрония представляет, по-видимому, черновик курса, преподававшегося в Московской академии. Он содержит также фрагменты Логики, записанной Софронием еще в 1669 г. (л. 183-186v, 194-240). Эти фрагменты содержат сделанную рукой Софрония более позднюю правку, которая отразилась и в ученических записях (например, рукопись 300, л. 211v на поле - в рукописи № 299, л. 109 в тексте), из чего мы делаем вывод, что Софроний пользовался для преподавания в Москве своими ранними записями. Однако у нас пока нет полной уверенности в том, что известный автограф Софрония можно рассматривать как окончательный текст курса и протограф ученических записей, особенно ту его часть, которая датируется 1669 г., хотя эти записи обнаруживают местами значительное сходство с особенностями автографа и мы, безусловно, должны смотреть на него, как на важнейший этап в истории текста.

Можно предположить, что ярославская рукопись, по крайней мере часть ее, имеет независимое происхождение от других ученических записей. Например, в Диалектике, во части 2-й, в главе 4, перед словами *τηρητέον τοίνυν ἐστίν* в рукописи № 299 стоит знак

²⁶ Между л. 184v и 188 отсутствует примерно 10 с половиной листов.

²⁷ Перед л. 186 отсутствуют примерно 55 листов.

²⁸ После л. 196v отсутствует примерно 7 с половиной листов.

«+», а на обороте отдельного вложенного л. 18а находится помеченный тем же знаком фрагмент текста, начинающийся словами *τῆς ἀπλῆς τοίνυν προτάσεως* и заканчивающийся *παρὰ τοῖς νεότεροις καλεῖται*. В рукописи БПЗ (л. 34v) в том же месте помещен восьмиконечный астериск и слова: *τῆς ἀπλῆς τοίνυν*, однако само дополнение находится в конце главы (л. 36). В рукописи № 152 (л. 28v) стоит только шестиконечная звездочка, а дополнения нет. Можно предположить, что в этой рукописи дополнительный фрагмент также был приложен на отдельном небольшом листе, который со временем оказался утрачен. Также и в автографе Софрония в соответствующем месте стоит восьмиконечная звездочка и слова: *τῆς ἀπλῆς τοίνυν* (л. 21v), а само дополнение находится в конце главы (л. 23). Эта общая особенность может означать, что рукописи № 299, БПЗ и № 152 имеют общее происхождение. В рукописи же № 773 (л. 176) дополнительный фрагмент находится в самом тексте и никак не отмечен, на основании чего можно предположить, или что часть этой рукописи, написанная почерком 773β, переписывалась со списка, где указанный фрагмент уже был в тексте, или, что носитель этого почерка, обнаружив ошибку в рукописи, исправил ее, переписав три страницы.

Другой пример, свидетельствующий в пользу независимости рукописи № 773 от других записей, находится в рассуждениях по поводу «Введения» Порфирия, в главе 4, в разделе с тезисом 2, где в рукописи № 299 (л. 79v) после первого определения поставлен крест в круге, а на небольшом листе 79а находится помеченный таким же знаком фрагмент текста, начинающийся словами *τὸ γὰρ γένος ἔχει τόπον τῆς ὕλης* и заканчивающийся словами *οὐ μὴν δὲ ἐνεργεία*. В том же месте в рукописи БПЗ (л. 144v) указанное дополнение отсутствует и никак не отмечено. В рукописи № 152 (л. 148) оно написано справа на поле. В автографе Софрония (л. 141v) оно отмечено в тексте крестом и находится на поле слева. В рукописи же № 773 (л. 131v) оно находится в самом тексте и как дополнение не обозначено.

Вместе с тем в ярославской рукописи можно, кажется, найти следы того, что она ближе рукописям № 299 и БПЗ, чем рукописи № 152. Так, во введении в Логику, вопросе 2-м, тезисе 1-м, доказательстве 1-м в рукописи № 152 (л. 72) и в автографе Софрония (л. 63) приводятся три силлогизма: *ὁ ἐξ ἀναγκαίων φερόμενος συλλογισμὸς γεννᾷ ἐπιστήμην, ἀλλὰ μὴν ὁ ἀποδεικτικὸς συλλογισμὸς ἐξ*

ἀναγκαίων φέρεται, ἄρα γεννᾶ ἐπιστήμην, ἔτι ὁ ἐξ ἐνδόξων φερόμενος συλλογισμὸς φέρει δόξαν, ἀλλὰ μὴν ὁ διαλεκτικὸς συλλογισμὸς ἐξ ἐνδόξων φέρεται, ἄρα φέρει δόξαν, ἔτι ὁ ἐξ ἀδυνάτων συγκείμενος συλλογισμὸς φέρει ψεῦδος, ἀλλὰ μὴν ὁ σοφιστικὸς συλλογισμὸς ἐστὶ τοῖος, ἄρα ψεῦδος φέρει. В рукописях № 299 (л. 44v) и БП/3 (л. 73) выделенные слова отсутствуют, причем в БП/3 первоначально был пропущен больший фрагмент текста: *γεννᾶ ἐπιστήμην, ἀλλὰ μὴν ὁ ἀποδεικτικὸς συλλογισμὸς ἐξ ἀναγκαίων φέρεται, ἄρα γεννᾶ ἐπιστήμην*, ἔτι ὁ ἐξ ἐνδόξων φερόμενος συλλογισμὸς. Затем на верхнем поле был дописан недостающий текст, однако выделенные слова так и остались пропущенными. В ярославской же рукописи (л. 235) оказался первоначально пропущен первый выделенный фрагмент, но затем дописан тем же почерком, что и основной текст. Второй же выделенный фрагмент пропущен не был.

Другой пример. В рассуждениях по поводу «Введения» Порфирия в главе 1-й, вопросе 3-м, в возражении 1-м против тезиса 1-го, в пункте, начинающемся словами Ἀλλ' ὑπαντίκεινται, в рукописях БП/3 (л. 115v) и № 152 (л. 118-118v), а также в автографе Софрония (л. 111v) читается текст: *ἄρα εἰ τῇ φύσει προσήκη ἂν τὸ ἐν πολλοῖς εἶναι, καὶ ἐν τῷ ἀτόμῳ οὐσῇ προσήκη ἂν ἐκεῖνη ἐν πολλοῖς εἶναι*. Но в списке № 299 (л. 65) выделенный фрагмент был первоначально пропущен, а затем внесено исправление на поле справа. В БП/3 повторяющиеся слова *προσήκη ἂν*, из-за которых, видимо, и случился пропуск, находятся точно друг под другом. В ярославском же списке (л. 206v) этот фрагмент отсутствует.

Однако нащупать, к которой из рукописей - № 299 или БП/3 - ближе ярославский список, пока что затруднительно. С одной стороны, можно найти примеры, где ярославский ближе к БП/3. Так, во введении в Логикю в заголовке вопроса 4-го в рукописях № 299 (л. 48) и № 152 (л. 79) отсутствуют слова *Ζήτημα δ^{ον}*, в то время как в автографе Софрония (л. 70v), рукописи БП/3 (л. 78v) и ярославском списке (л. 242) они есть. Также в рассуждениях по поводу «Категорий», в главе 7-й последний вопрос в БП/3 (л. 210v) и в ярославском списке (л. 47) значится как *Ζήτημα ὕστερον*. В рукописи же № 299 (л. 113) после исправления - как *ὕστατον*. В автографе Софрония (л. 219v), который в этой его части представляет запись 1669 г. - *Ζήτημα ιζ^{ον}*. В том же вопросе чуть ниже и в рукописи № 299 (л. 113) и в автографе Софрония (л. 220) имеется подзаголовок *В θέσις*, а в БП/3 (л. 211v) и ярославском списке (л. 47v) - *В σχέσις*.

С другой же стороны, можно привести примеры того, что особенности рукописи БП/3 не находят отражения в ярославском списке. Так, в рассуждениях по поводу «Введения» Порфирия, в главе 1-ой, вопросе 2-м, в начале ответа на второе возражение в БП/3 (л. 104v) пропущены слова: *πρὸς ταῦτα φάμεν διαιροῦντες τὸ ἡγούμενον πάντα τὰ ἐν τῷ κόσμῳ ὄντα ἐστὶ μερικά*, которые имеются как во всех остальных рукописях (№ 299, л. 59; № 152, л. 105v; автограф Софрония, л. 97v), так и в ярославском списке (л. 273). Также в главе 2-й, вопросе 3-м в рукописи БП/3 (л. 126v) пропущен текст: *β^α θέσις. τὸ γένος ἧ ὄλον καθόλου πρὸς τὴν ἰδίαν αὐτοῦ διατήρησιν πολλὰ ἐπιζητεῖ εἶδη*, который имеется как во всех остальных рукописях (№ 299, л. 71; № 152, л. 132; автограф Софрония, л. 124), так и в ярославском списке (л. 221).

В некоторых случаях ярославский список оказывается ближе к рукописи № 299. Так, в рассуждениях по поводу «Аналитики» в главе 2-й подзаголовок первой части в БП/3 (л. 229v) и в автографе Софрония (л. 236) значится: *α^η θέσις τοῦ α^ο μέρους*. В рукописи же № 299 (л. 123) и ярославском списке (л. 62v) - *πρὸς τὸ α^η μέρος τοῦ κεφαλαίου α^η θέσις*.

Находятся места, где ярославский список более похож на автограф Софрония. Например, в рассуждениях по поводу «Введения» Порфирия, в главе 1-й, вопросе 2-м, 3-м предварительном замечании (τηρητέον) в рукописях № 299 (л. 59v), БП/3 (л. 105v) и № 152 (л. 107v) читается: *π.χ. ἡ ἀνθρωπότης καθὸ διὰ τῆς ἐνεργείας* (выделено мной. – К.С.) *τοῦ ἡμετέρου νοῦς πάντων τῶν ἀτόμων χωρίζεται*. В автографе же Софрония (л. 99v) и ярославском списке (л. 275) вместо слова *ἐνεργείας* стоит *ἐργασίας*. Другой пример, в рассуждениях по поводу «Категорий» Аристотеля перед главой 4-й в БП/3 (л. 178) стоит заголовок: *Ζήτημα. Πότερον οἱ προειρημένοι κανόνες ὄσιν ἀγαθοί*, однако текста этого вопроса нет, а после этого заголовка стоит заголовок 4-й главы и идет ее текст. Точно также в автографе Софрония (л. 181) имеется этот заголовок, но текста нет, а затем идут два вырезанных листа. В рукописи № 299 (л. 94v) указанного заголовка перед главой 4-й нет. В ярославском же списке (л. 80) есть заголовок вопроса, но нет его текста, а оставлены чистые листы с середины л. 80 до конца л. 81v.

Возможно, конечно, что разные части ярославского списка имели разные протографы. Приведенные примеры, кажется, могут навести на мысль о том, что его части, написанные рукой 773γ

(л. 119-226v, 268-276v), и часть, написанная почерком 773β (л. 61-68), ближе рукописи № 299, а части, написанные рукой 771α (л. 277-299, 228-266v, 93v-117v), часть, написанная почерком 773ε (л. 118-118v, 47-60v) и часть, написанная почерком 773δ (л. 69-92v), ближе Π/3.

Возможно и то, что ярославская рукопись переписывался с одного списка, а правился по-другому. Например, в рассуждениях по поводу «Категорий» Аристотеля в главе 5-й, вопросе 1-м перед подразделом *ἐναντίον τῆς β^{ασ} θέσεως* в рукописи № 299 (л. 98) помечено: *imperfectum est apud omnes*, а сам этот подраздел, а также следующий за ним подраздел *ἐναντίον τῶν δύο θέσεων* (л. 98v) написаны почерком, отличающимся от предшествующего. В автографе Софрония оба подраздела имеются, причем в двух вариантах - первый раз в записи современной первой половине рукописи (л. 193–193v), второй - в записи курса логики, сделанной Софронием еще 1669 г. (л. 195-195v). В рукописи БΠ/3 (л. 184v) текст этого вопроса обрывается подзаголовком *ἐναντίον τῆς β^{ασ} θέσεως*, после чего следует несколько пустых листов. В ярославском же списке (л. 88) текст, по-видимому, сперва был переписан до подзаголовка *ἐναντίον τῆς β^{ασ} θέσεως*, после чего оставлены два пустых листа (л. 88v-89), на которых затем почерком 773β был написан текст соответствующего подраздела, а также подраздела *ἐναντίον τῶν δύο θέσεων*. Такого же рода дополнение, выполненное почерком 773β, как отмечено выше, находится на л. 176-177.

Правку, сделанную этим же почерком, можно найти и в тех частях ярославского списка, которые были переписаны другими почерками, например, почерком 771α (на поле л. 228, 229, 230, в тексте на л. 248 и 251v), почерком 773γ (на поле л. 159, в тексте на л. 216 и 217v), почерком 773ε (на поле л. 50 и л. 51v). Это может указывать на то, что у владельца почерка 773β была особая роль в работе над ярославским списком.

Датировка курса Логики, преподававшегося Софронием Лихудом, оказывается пока проблематичной. В списках, которые до сих пор были изучены, в начале и в конце некоторых разделов указаны даты:

Разделы	Списки		
	Автограф Софрония	№ 299	№ 152
Диалектика,	л. 1: 1690 <i>μαρτίου</i>	л. 1v: 1690 <i>μαρτίου</i>	

начало	ιζ ^η	ιζ ^η	
Диалектика, конец	л. 55: 1690 <i>δεκεμβριου α^η</i>	л. 40v, вычеркнуто: 1690 <i>δεκεμβριου α^η</i>	л. 64: 1690 <i>δεκεμβριου α^η</i>
Введение в Логика, нача- ло	л. 56: <i>αχ^τα^ο</i> <i>φεβρουαριου κε^η</i>		
На Порфирия, начало	л. 93: <i>αχ^τα^ο</i> <i>αυγουστου ια^η</i>	л. 57: <i>αχ^τα^ο</i> <i>αυγουστου ια^η</i>	

Эти даты могут относиться или ко времени, когда Софроний преподавал свой курс, или ко времени, когда он работал над ним. Однако против первого предположения говорят, кажется, следующие обстоятельства:

1) В рукописи № 299 в конце «диалектики» вычеркнута дата, которая имеется и в автографе Софрония и в списке № 152. Такое могло произойти, если переписчик считал это указание неверным. Возможно, в ученические записи эта дата попала из автографа и, поскольку она не соответствовала времени, когда переписчик рукописи № 299 изучал/записывал «диалектику», он ее вычеркнул.

2) Даты в автографе Софрония и ученических списках не просто одинаковые, но, с одной стороны, указаны только там, где они стоят в автографе Софрония, а с другой, указание года имеет тождественный формат (арабские цифры/греческие буквы). Только в одном случае в рукописи № 299 (л. 99) указана дата, которой нет в автографе Софрония: в рассуждениях по поводу «Категорий» Аристотеля в 5-й главе, перед вопросом 2-м указано *μαιον 30*. Однако в автографе Софрония (л. 194) с этого места начинается курс логики, записанный им в 1669 г., и, возможно, появление даты в ученической записи как-то связано с переходом к этой части автографа.

3) Если предположить, что даты в списках указывают на длительность преподавания, то выходит продолжительность курса логики более двух лет. В самом деле, начало лекций рассуждений по поводу «Введения» Порфирия - это почти середина курса, и здесь указана дата 11 августа 1691 г., т.е., примерно на полтора года позднее даты, указанной в начале всего курса (17 марта 1690 г.). Это представляется маловероятным, как принимая во внимание обычную продолжительность курса Логика в один год, так и его объем, сопоставимый по объему с курсом риторики, занимавшим обычно также год.

4) В конце «диалектики» указано 1 декабря 1690 г., а в начале следующего за ней введения в Логика — 25 февраля 1691 г. При

первом предположении неизбежно возникает вопрос, почему Софроний не преподавал, а ученики, соответственно, не учились почти три месяца.

Таким образом, при имеющихся данных более вероятным представляется предположение, что даты в известных списках указывают на время, когда Софроний работал над курсом, и попали они в ученические записи из их протографа.

В ярославской рукописи имеется только одна дата. Она указана в самом конце курса (л. 68): *αχτγ^ο φεβρουαρίου ιη*. Если эта дата, подобно датам в других списках, не указывает на время, когда переписчик работал над рукописью, то независимо от того, указывают ли даты в других списках на время, когда Софроний преподавал, или на время, когда он работал над курсом, это означает, что курс Логике закончился не ранее февраля 1693 г.²⁹ Это согласуется, во-первых, с датами, указанными в известных списках Логике: с 17 марта 1690 г. до 11 августа 1691 г. прошло полтора года, столько же с этой даты до 18 февраля 1693 г. Во-вторых, это согласуется с датой, указанной в ярославской рукописи в начале курса Физики (л. 24): *αχτγ' μηνι μαρτίου ζ*.

Для датировки курса Логике можно обратиться к данным, которые дает такой важный источник по истории образования как документы о выдаче жалования учителям и ученикам. В них самое раннее упоминание о том, что лихудовские ученики изучают философию, относится к 1693/4 (7202) г. В расходной книге Приказа книгопечатного дела за этот год в разделе «Поденные кормы школьным старостам и учеником» записано: «Иеромонаху Дионисию по алтину по 5 денег на день за философское учение и за то, что он учит учеников греческому словесному». Тогда же были выданы деньги «за философское учение» старостам Алексею Кириллову и Федору Герасимову³⁰.

В финансовых документах мы находим, как представляется, сведения, которые можно принять за знаки того, что в 1693 г. в Мо-

²⁹ В качестве одного из источников по истории преподавания философии можно также рассматривать особый вид гравюры, который в искусствоведении называется «конклюдии» или «тезис». Однако, по-видимому, приходится признать, что давно описанные в литературе «конклюдии» Кариона Заулонского (Ровинский. 1887: 1031–1039; Алексеева. 1977: 9), изданные в Москве в июне 1693 г. (РНБ, Отдел эстампов), не связаны с преподаванием философии Лихудами.

³⁰ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 96. Л. 48-50.

сковской академии произошло перемещение учеников по иерархической лестнице дисциплин. В той же расходной книге далее записано: «2-го учения учеником Карпу Федорову, Афонасию Афонасьеву, Стефану Ермолаеву, Марку Евстафиеву по шти денег за день за то, что скончали грамматику, пиитику и послания, а ныне учат риторике» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 96. Л. 51)³¹. В данной записи нашел отражение учебный план Академии: сперва изучалась грамматика, затем поэтика и эпистолография, далее риторика. Сведения этой книги подтверждаются данными из расходной книги Патриаршего казенного приказа за 1692/3 (7201) г., где в разделе «В приказ всяких чинов людем» под 8 апреля записано, что деньги выданы: «Акедемии учеником втораго чина пиитического учения Карпу Федорову, Афонасию Афонасьеву, Андрею Михайлову, Георгию Игнатиеву, Марку Евстафиеву, Стефану Ермолаеву, что они кончали пиитическое учение» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 147. Л. 309v.).

Такое групповое перемещение учеников можно интерпретировать или, во-первых, как знак того, что в 1693 г. лица, изучавшие поэтику, перешли к освоению риторики, а ученики, занимавшиеся риторикой, - к изучению философии и, соответственно, в предыдущем, 1692/3, учебном году группы, изучавшей философию, еще не было или, во-вторых, что в этом году класс философии уже существовал, но не было класса риторики, или, в-третьих, что в этом году была и группа, изучавшая философию, и группа, изучавшая риторике, а в 1693 г. к последней присоединилась часть учеников, закончившая курс поэтики.

Третье предположение, однако, вступает, кажется, в противоречие с данными расходной книги Приказа книгопечатного дела за 1692/3 (7201) г., где в разделе «Школных полат поденные кормы старостам и учеником» имеется запись о выдаче денег «2-го учения учеником Карпу Федорову, Стефану Ермолаеву, Афонасию Афонасьеву, Андрею Михайлову, Георгию Игнатиеву, Марку Евстафиеву всего 6 человеком» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 56), с одной стороны, а с другой - «1-го учения учеником Федоту Агееву с товарищи 3 человеком» и чуть ниже «перваго учения учеником» Иосифу Афанасьеву и Федору Герасимову³². Это были трое из тех учеников, которые первыми в 1685 г. поступили в обучение к Лихудам³³,

³¹ Запись о выдаче денег еще одному ученику «2-го учения» – Егору Игнатиеву – помещена отдельно (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 96. Л. 51об.).

³² РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 94. Л. 55.

³³ Рамазанова. 2003: 230.

первыми проходили программу обучения и изучали предметы, занимавшие самое высокое положение в иерархии дисциплин, которые преподавались на тот момент в Академии. Соответственно, при третьем предположении они должны были бы изучать уже философию. Однако в расходной книге нет группы, которая занимала бы промежуточное положение между теми, кто, предположительно, могли изучать философию и теми, о ком известно, что они в этом году изучали еще поэтику³⁴.

Первое предположение - что только в 1693 г. ученики Московской академии приступили к изучению философии - кажется, не согласуется с показаниями Николая Семенова Головина, который 23 марта 1692 г. в Посольском приказе сообщил, что после того, как в 1685 г. его перевели из Типографской школы в обучение к Лихудам, «с того времени по се число он Николай у них иеромонахов учится в начале философии»³⁵. Это свидетельство, однако, можно истолковать и иначе. Лихуды, как известно, очень многое заимствовали в дидактике иезуитов, а у последних курс риторики каждые два года рекомендовалось заканчивать курсом формальной логики («диалектики»), и, возможно, «начало философии» в показаниях Николая Семенова означает как раз диалектику в конце риторики, а не собственно курс философии. С другой стороны, поскольку пока еще не очень понятно, как именно был структурирован учебный процесс у Лихудов - начинался ли учебный год осенью, в сентябре, или, может быть, в другое время года, например, весной, в марте - то слова Николая Семенова Головина можно воспринять как свидетельство того, что курс философии начался в марте 1692 г. и, если курс логики был годичной, как обычно, продолжительности, то в феврале 1693 г. он закончился, что согласуется с датой в ярославской рукописи.

При втором же предположении - что в 1692/3 уч. г. были классы поэтики и философии, но не было класса риторики - приходится допустить какой-то перебой в учебном процессе и разрыв между учениками, раз выходит так, что класса риторики, который следовал поэтике и предшествовал философии, в 1692/3 уч. г. не было.

³⁴ К сожалению, в расходной книге за 1692/3 г. не указано, какие дисциплины изучают ученики соответствующих классов («учений»).

³⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Л. 22. Опубликовано без указания источника: Чтения. 1908: 34. Обнаружить документ удалось благодаря помощи О.Е. Кошелевой, за что хотелось бы выразить ей огромную благодарность.

Трудность как для датировки, так и для понимания организации преподавания логики, создают имеющиеся свидетельства того, что курс Логики преподавался также и на латинском языке:

Во-первых, в небезызвестной краткой истории Московской академии, составленной Федором Поликарповым и дополненной Гедеоном Вишневым, сказано, что в Академии стали «науки преподаваться на обоих диалектах, грамматика и пиитика токмо на греческом, риторика же, диалектика, логика и физика на обоих»³⁶, то есть на греческом и латинском. Последнее свидетельство интересно не только тем, что в нем речь идет о преподавании на двух языках, но и тем, что в нем упоминается «диалектика» наряду с «логикой». Это значит, что составитель истории различал их. Возникает только вопрос, какова была степень участия Гедеоны Вишневого в работе над «историей», какая часть текста принадлежит Поликарпову, а какая - Гедеоны, и не было ли слово «диалектика» вставкой последнего.

Во-вторых, один из «первых» учеников Лихудов, чудовский монах Иов, в своем прошении, адресованном царям Ивану и Петру, освободить его «из-под начала» (надзора) пишет: «грамматики, и пиитики, и риторики, и логики, и естественныя философии на грекоеллинском и латинском учихся диалекте» (ОР РНБ. Ф. 728. № 1427. Л. 254v.).

В-третьих, в рукописи № 152 находится текст диалектики (л. 202-272v), который, если судить по заголовку, был связан с преподаванием Софрония в Московской академии: *Sophronii sacromonachi Lycudii Cephaleni philosophiae ac sacrae theologiae doctoris ac professoris novumque Moskovieae Lyceum doctrina illustrantis expositio lucidissima universae logicae in tres libros divisa* (л. 202–202v). Датировка этого текста относительна. В предисловии к курсу его автор, как принято в этом случае, заявляет, что трудится на пользу юношеству. Здесь по рукописи № 152 сопоставление текстов выглядит так:

л. 2v: πρὸς ὀφέλειαν διὰ τῆς ἐπιεικεστάτης εὐεργεσίας τῶν γαληνοτάτων καὶ εὐσεβεστάτων ἡμετέρων αὐτοκρατόρων τῆς Μοσκοβίας καὶ πάσης μεγάλης μικράς τε καὶ λευκῆς Ῥωσσίας Ἰωάννου Ἀλεξιοβίτζι καὶ Πέτρου Ἀλεξιοβίτζι

л. 203v: utilitati ex clementissima serenissimorum ac piissimorum nostrorum authocratorum Moskovieae totiusque magnae parvae ac albae Russiae Joannis Alexioviczi et Petri Alexioviczi necnon beatissimi ac sanctissimi nostri patriarchae

³⁶ Историческое известие. 1791: 299.

προσέτι δὲ καὶ τοῦ μακαριωτάτου καὶ Moskoviae totiusque Russiae et om-
 ἀγιωτάτου ἡμῶν πατριάρχου τῆς nium borealium partium domini
 Μοσκοβίας καὶ πάσης Ῥωσσίας καὶ Joakimi munificentia allaboramus
 πάντων τῶν βορείων μερῶν κυρίου <...>
 ἐπιπονοῦμεν

В греческом тексте в рукописи № 152 вместо имени патриарха оставлен пропуск.

При сравнении же с другими ученическими записями обнаруживается, что в них вовсе нет слов *προσέτι δὲ καὶ τοῦ μακαριωτάτου καὶ ἀγιωτάτου ἡμῶν πατριάρχου τῆς Μοσκοβίας καὶ πάσης Ῥωσσίας καὶ πάντων τῶν βορείων μερῶν κυρίου* (№ 299, л. 2ν и БП/3, л. 17ν; в ярославской рукописи нет первой тетрадки). Однако в автографе Софрония этот фрагмент текста есть, причем указано также имя патриарха, но первоначально было записано Ἰωακείμ (Иоаким), которое затем исправлено на Ἀδριανοῦ (Адриан). Это, кажется, может означать, во-первых, что греческий текст в рукописи № 152 не был основой для латинского текста в этой же рукописи. Во-вторых, что латинский текст появился ранее, чем было внесено исправление в автограф Софрония³⁷.

Хотя латинский текст диалектики на первый взгляд может показаться переводом с греческого, однако более детальное сравнение двух текстов позволяет усомниться в этом. Так, в разделе 1-м (в греческом тексте он назван μέρος, в латинском - tractatus) в главе 1-й описание второй операции (operatio, ἐνέργεια) интеллекта дается следующее:

Рукопись № 152, л. 4

Β´ ὅταν ὁ νοῦς ἐμμέσως τινὸς κρίσεως, καθ' ἣν κρίνωμεν τι διαρέσει ἢ συνθέσει τι τῶν πραγμάτων προσήκει ἢ μὴ προσήκειν, γινώσκει τὰ πράγματα, διαρέσει μὲν ἀποφάσκοντές τι ἕκ τινος, οἷον ὅταν φαμέν ὁ ἄνθρωπος οὐκ ἔστι λίθος, συνθέσει δὲ καταφάσκοντίς τι κατὰ τινος, οἷον ὅταν φαμέν ὁ ἄνθρωπός ἐστι ζῶον καὶ ἢ τοιαύτη δευτέρα τοῦ νοῦς γνώσις

Рукопись № 152, л. 204ν

Secundo potest intellectus noster operari componendo et affirmando unam aliquam rem de alia vel dividendo et negando unam ab alia, v.g. concepit intellectus per primam operationem parietem et albedinem utraque tamen separatim. Deinde judicat albedinem inesse parieti, ideoque composit parietem cum albedine media voce est affirmando *paries est albus*. Ita apprehendit lapidem et vitam separatim per

³⁷А.В. Курбанов и Л.В. Спиридонова на основании того, что в греческой части рукописи № 152 имя патриарха было пропущено, делают «вывод, что создание данного списка было начато в промежутке между смертью патриарха Иоакима и интронизацией патриарха Адриана, то есть между 17 марта и 24 августа 1690 г.» (Курбанов, Спиридонова. 2019: 21).

καλεῖται ἀπόφανσις ἢ κρίμα.

primam operationem, postea iudicat vitam non convenire lapidi, idcirco eam a lapide dividit negatque dicendo *lapis non est vivus*.

Другой пример, в трактате 2-м главе 2-й в латинском тексте, в отличие от греческого, имеется дополнительный вопрос: *Quaestio unica. Utrum nomina, verba et omnino voces dearticulatae sint homini significativae naturaliter, an vero ad placitum et quomodo?* (л. 226v-232).

Оба эти текста мы находим в пособии по логике Иоанна Коттуния (+ 1658) *Compendiosa logica in usum scholarium. Patavii, impensis Matthaei Bolzettae*, 1669 (соответственно стр. 3 и 16), которое, по-видимому, надо считать одним из источников Софрония, прямым или опосредованным. Даже текст предисловия к его курсу совпадает с предисловием Коттуния:

Cottunius. 1669: 2

Рукопись № 299, л. 2

Artes et disciplinae perficiunt hominem, ut facilius ac rectius operetur. Ob id opera, quae a natura simul et arte prodeunt, longe excellentiora sunt iis, quae a sola natura proficiuntur.

Αἱ τέχναι τε καὶ μαθήσεις τὸν ἄνθρωπον τελειοῦσι ὅπως ῥαδίως τε καὶ ὀρθῶς ἐνεργεῖν ἔχη. διότι καὶ αἱ ἐνέργειαι αἱ ἀπὸ φύσεως ὁμοῦ καὶ τέχνης ἐξερχόμεναι λίαν ἐξαιρετώτερα εἰσι τῶν ἀπὸ μόνης τῆς φύσεως παραγωμένων.

Помимо рукописи № 152 неизвестны другие списки с латинским текстом Диалектики, связанной с Московской академией и именем Софрония Лихуда. Поэтому трудно пока однозначно сказать, был ли этот текст действительно тем латинским вариантом, который преподавал Софроний, или нет. Такое сомнение усиливается тем, что в настоящее время известны рукописи, которые можно было бы связать с преподаванием физики в Московской академии Иоанникием Лихудом, однако содержащиеся в них тексты, по-видимому, непосредственно к преподаванию не относятся и были, вероятно, рабочими материалами (например, рукопись ОР РГБ. Ф. 173.1. № 310).³⁸ Возможно, таким же образом дело обстоит и с латинским текстом Диалектики.

С другой стороны, если латинский текст Диалектики из рукописи № 152 - это та самая латинская часть курса Логики, который преподавал Софроний, то возникает вопрос, почему не известно других записей латинского текста?

³⁸ Сториус. 2017: 373–374.

Трудно также пока решить проблему, как именно было связано преподавание Логике на латинском с преподаванием на греческом языке. Вел ли Софроний весь курс сперва на одном языке, а потом на другом, и если так, то какой из языков был первым? Или он читал Логикку на двух языках разделами (каждый раздел сперва на одном языке, потом на другом), или он преподавал отдельными главами? Надо полагать, однако, что если, действительно, Лихуды преподавали некоторые предметы на двух языках, то и время изучения этих предметов увеличивалось, и, скажем, вместо обычного одного учебного года на изучение Логике ушло два. Если это было так, то могло бы объяснить, почему курс логики занял у Софрония времени больше, чем соответствующий курс в Московской академии после ее преобразования по иезуитско-киевской модели в 1701 г., когда преподавание велось только на одном латинском языке. Однако это предположение, как кажется, все равно не объясняет, почему даты в известных списках имеют разброс в три года: с марта 1690 по февраль 1693. Нельзя также исключать и такого варианта, когда ради того, чтобы уложиться в обычные сроки, которые отводились на каждый курс, например, год на логику - Лихуды сокращали курс, как это можно видеть из сопоставления записи Софрония 1669 г. (рукопись № 300, л. 183–186v и 194–240) с его же автографом 1690-х гг. (рукопись № 300, л. 191v-193v) и с ученическими записями³⁹.

Возможно, в качестве свидетельства того, что курс Логике преподавался также и на латыни, можно рассматривать фрагмент Логике на этом языке, который содержится в рукописи БП/3 (л. 185v-186v). Весь текст перечеркнут. Он начинается словами: *2da conclusio. Substantiae separatae ipso Deo inferiores, quas nos angelos appellamus, vere collocantur in praedicamento substantiae in recta linea et multo magis collocantur corpora caelestia*, - а заканчивается: *3tia conclusio. Christus Dominus vere continetur in praedicamento substantiae et in recta linea*. Это - часть 11-й тетрадки, в которой греческий текст обрывается на обороте 5-го листа, в нижней части (л. 184v), латинский фрагмент находится на листах тетрадки 6v-7v, л. 8 - чист, а с л. 187 начинается 12-я тетрадка, где продолжается греческий текст заголовком *Ζήτημα δ'*. В латинском фрагменте речь идет о категории сущности, и находится он в рукописи БП/3 в лекциях на «Категории» в главе 5-й «О сущности» между 1-м и 4-м вопросами после того места, которое в рукописи № 299 (л. 98-98v) помечено

³⁹ Суториус. 2017: 363.

словами *imperfectum est apud omnes*. В рукописи БП/3 текста с вопросами 2-3 нет.

В греческом тексте соответствующее рассуждение находится в вопросе 2-м, который как раз пропущен в рукописи БП/3. При этом, хотя греческий и латинский тексты близки друг другу, однако не совпадают полностью, и едва ли можно латинский текст рассматривать как перевод соответствующего греческого. Начало и окончание латинского фрагмента в сравнении с соответствующими местами греческого текста (тезисы 2-3 и 5) можно представить следующим образом (*структура греческого изменена в соответствии со структурой латинского; схожие места выделены мною полужирным шрифтом*. – К.С.):

№ 299, л. 99v-100; № 773, л. 90-90v

γ^η θέσις. Οἱ μακάριοι ἄγγελοι καὶ οἱ δαίμονες ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας τίθενται.

Καὶ γὰρ πᾶσα οὐσία συνισταμένη ἐκ γένους καὶ διαφορᾶς ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας τίθεται, ἀλλὰ μὲν οἱ ἄγγελοι ἐκ γένους καὶ διαφορᾶς συνίστανται, καὶ γὰρ εἰσι πνευματικαὶ οὐσίαι ἀσώματοι καὶ αἰδίοι. ἄρα οἱ⁴⁰ ἄγγελοι ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας τίθενται.

...

ε^η θέσις. Τὰ οὐράνια σώματα κυρίως ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας κείνται. Τὸ δ' αἴτιον, ἐπεὶ πᾶν τὸ ἐξ ὕλης καὶ εἶδους συγκείμενον σῶμα ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας κυρίως κείται, ἀλλὰ μὴν τὰ οὐράνια σώματα ἐξ ὕλης καὶ εἶδους⁴¹ συνίσταται ...

β^α θέσις. Ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καθὸ ἄνθρωπος οὐ μὴν δὲ καθὸ θεὸς ἐν τῇ κατηγορίᾳ τῆς οὐσίας τίθεται.

2da conclusio. Substantiae separatae ipso Deo inferiores, quas nos **angelos appellamus, vere collocantur in praedicamento substantiae** in recta linea et multo magis **collocantur corpora caelestia.**

Probatur 1ma pars 1mo auctoritate ...

Probatur 2do ratione. **In quocumque reperitur genus et differentia, illud vere et in recta linea ponitur in praedicamento substantiae. In angelis reperitur genus et differentia praedicamenti substantiae. Ergo angeli vere et directe sunt in praedicamento substantiae.** ...

/186/ Ex his a fortiori concludes 2dam partem nostrae assertionis, quae est de corporibus caelestibus ... **Omne compositum substantiale est in praedicamento substantiae et in recta linea, cum hujusmodi compositum constat ex materia et forma.** Proinde, ut toties dictum est, constat ex genere et differentia et est ens completum, **at corpora caelestia sunt composita substantialia.** /186v/ ...

3tia conclusio. **Christus Dominus vere continetur in praedicamento substantiae** et in recta linea.

⁴⁰ В рукописи 299 – καί.

⁴¹ В рукописи № 299 - εἶδους καὶ ὕλης.

Из этого сравнения видно, что хотя по содержанию тексты очень близки, однако структурно они отличаются: то, что в латинском представляет одно, 2-е положение (*conclusio*), состоящее из двух частей, в греческом разделено на два (тезисы 3 и 5), а тезис, который в греческом значится 2-м, в латинском идет 3-м. Отличается в обоих вариантах также аргументация: в латинском она более основательная и пространная. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что если греческий и латинский тексты как-то связаны, то латинский едва ли был переводом греческого, скорее наоборот.

При сопоставлении же латинского фрагмента из рукописи БП/3 с вышеупомянутой Логикой Коттуния оказывается, что их тексты почти дословно совпадают (Cottunius. 1669: 159a–160b). Начинается соответствующий отрывок в пособии Коттуния (*Expositio in Praedicamenta Aristotelis*, cap. 5, qu. 3) словами: *Dicendum est, substantias separatas ipso Deo inferiores, quas nos angelos appellamus, vere collocari in praedicamento substantiae in recta linea et multo magis collocari corpora caelestia*, — а заканчивается: *Postremo dico, quod Christus Dominus vere continetur in praedicamento substantiae et in recta linea*.

Н. Хриссидис говорит, что «учебник Софрония, содержащий введение к аристотелевскому «Органону», это - адаптация руководства по логике Герасима Влаха, в основе которого в свою очередь «лежат труды иезуита Франциска Толета», и трактат Лихуда «по сути представляет собой компилятивный вариант логических трудов Толета».⁴² К сожалению, ученый не приводит никаких доказательств своему тезису, а сопоставление Диалектики Софрония с сочинениями Толета, на которые ссылается Хриссидис (*Introductio in dialecticam* и *Commentaria in universam Aristotelis Logicam*), не обнаруживает, кажется, между этими текстами близкой связи, даже если предположить «посредничество» Влаха. Более того, распространенные в литературе высказывания, что непосредственным источником для Софрония служило руководство Влаха, ограничиваются обычно общими фразами и замечаниями о структурном сходстве двух курсов⁴³, однако до сих пор не было представлено убедительных текстологических доказательств этой зависимости. Между тем аргументы такого рода представляются крайне важными, если учесть метод работы Лихудов со своими источниками на

⁴² Хриссидис. 2023: 282–283.

⁴³ Спиридонова, Курбанов. 2022: 80.

примере исследованных курсов грамматики и риторики⁴⁴: Лихуды компилируют свои источники и дословно воспроизводят их.

В связи с ярославской рукописью возникает еще один непростой вопрос: сколько было учеников в классе логики, и кто они были по именам. Его решение позволило бы оценить, сколько всего записей могло существовать.

К сожалению, пока такой поименный список не известен, а в существующих исследованиях указывается только общее число учеников Московской академии за все время преподавания Лихудов, но не говорится о том, в каком году, в каком классе, сколько учеников было⁴⁵. Можно здесь строить лишь предположения: только ли это были те, кого Федор Поликарпов называет в числе первых учеников Лихудов⁴⁶ и кто получал жалование из Патриаршего казенного приказа в 1685 г. - Алексей Кириллов, Николай Семенов Головин, Федор Поликарпов, Иосиф Афанасьев, Федот Агеев, Василий Артемьев, Федор Герасимов, Борис Евдокимов, Степан Харламов, Ефимий Харламов и Петр Артемьев⁴⁷ - или также и другие ученики, которые ко времени, когда Софроний начал преподавать Логiku, были готовы изучать ее, ведь и по поводу списков 1685 г. есть сомнение в их полноте, поскольку они могли включать только учеников, находившихся на казенном коште, а учившихся за свой счет не упоминать?

Поскольку логика изучалась после риторики, то можно было бы ориентироваться на список учеников, изучавших последнюю. Однако полный список их также пока неизвестен. Сведения об учениках, изучавших риторику, дают, кажется, две рукописи с упражнениями по риторике: РНБ. Соф. 1315 и РНБ. СПбДА. № БП/10. В рукописи № БП/10 (ff. 297-337v) на полях листов встречаются имена: Νικόλαος, Θεόδωρος, Θεοδότης, Ἀλέξιος, Πέτρος, Iosephus (f. 304v), Διονύσιος (f. 298), Αναστάσιος (f. 302v). В рукописи № 1315 встречается также имя Γιώβ (f. 174v, 181v). Эти имена, видимо, можно отождествить с именами Николая Семенова, Федора Поликарпова или Федора Герасимова, Федота Агеева, Алексея Кириллова, Петра Артемьева или Петра Васильева Постникова, Иосифа Афанасьева, монаха Иова, иеродиакона Дионисия и грека Анастасия⁴⁸.

⁴⁴ Лемешев. 2015; Суториус, Ярулина. 2023.

⁴⁵ Рамазанова. 2008.

⁴⁶ Поликарпов. 1791: 298.

⁴⁷ Рамазанова. 2003: 232.

⁴⁸ Рамазанова. 2008: 359, № 8.

Перечень имен почти полностью входит в число первых известных учеников Лихудов. Возникают, однако, вопросы, не находящие пока ответа: насколько исчерпывающим, с одной стороны, можно считать список учеников риторики, а, с другой, все ли эти ученики перешли затем к изучению философии.

Таким образом, рассматриваемая нами рукопись Ярославского музея-заповедника № 773 оказывается не только интересным и важным свидетелем курса логики, который преподавал в Московской академии Софроний Лихуд, но и дает повод еще раз задуматься и обсудить вопросы, связанные с преподаванием логики в целом.

Рукопись с небольшими физическими лакунами содержит полный курс логики. Запись эта состоит из частей, написанных пятью разными почерками, чем представляет особый интерес, во-первых, потому что позволяет атрибутировать эти почерки «первым» ученикам Лихудов. Во-вторых, сопоставление с другими известными ученическими списками наводит на мысль, что эти части могут иметь независимое друг от друга происхождение, а также не зависеть от списков, сделанных другими учениками. Однако разные части могут иметь особенности схожие с одним из известных списков.

Ярославская рукопись, кроме того, интересна содержанием в ней фрагмента текста, известного до сих пор по автографу Софрония 1669 г. и только по одной ученической записи.

Доступные нам данные позволяют предположить, что сам курс Логике можно датировать 1692/3 учебным годом. Такое предположение на первый взгляд не согласуется с данными известных ранее списков, однако это расхождение можно объяснить тем, что указанные в списках даты относятся не ко времени самого преподавания, а ко времени, когда Софроний работал над своим курсом.

Наше исследование также показывает, что известный в единственном списке латинский текст Диалектики Софрония или не был переводом с греческого языка, или, если был таковым, то претерпел значительные изменения. Латинский текст, а также свидетельства о преподавании Лихудами философии на двух языках - латинском и греческом - вызывают пока что трудноразрешимый вопрос о том, как соотносятся между собой эти два дидактических момента.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых. М.: Когелет, 1999.
- Историческое известие о Московской академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. 16.
- Новгородские архиерейские школы: сборник документов. Т. 1: 1706–1727 г. / сост. Н.В. Салоников, К.В. Суториус. Великий Новгород, 2022.
- Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863.
- Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1908 г. Кн. 1 (224).
- Cottunius Johannes. Compendiosa logica in usum scholarium. Patavii impensis Matthaei Bolzettae. 1669.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // Русское искусство барокко. Материалы и исследования. М., 1977. С. 7–29.
- Аржанухин В.В.* Философия в Падуанском университете в середине XVII в. // Лихудовские чтения. Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11-14 мая 1998 года. Великий Новгород, 2001. С. 205–210.
- Вандулакис Я.М.* Материалы для изучения курсов Лихудов по грамматике и логике в Славяно-греко-латинской Академии // Россия и Христианский Восток. Вып. IV–V М.: Языки славянских культур, 2015. С. 350–356.
- Вознесенская И.А.* Московская греческая школа Софрония Лихуда // Россия и Христианский восток. М., 2015. С. 376–397.
- Галкин А.* Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913.
- Зубов В.П.* Физика Аристотеля в древнерусской книжности // Известия Академии наук СССР. 1934. VII серия. Отделение общественных наук. № 8. С. 635–652.
- Копыленко М.М.* Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 85–92.
- Крылов А.О.* Московские знакомые митрополита Димитрия Ростовского и «киевская ученость»: восприятие западной образованности великорусской церковной элитой на рубеже XVII-XVIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 86–88.

- Курбанов А.В., Спиридонова Л.В.* Курс логики Софрония Лихуда в Славяно-греко-латинской академии // *Acta Eruditorum*. Вып. 30. 2019. С. 18–23.
- Лемешев К.Н.* Латинский источник риторики Софрония Лихуда // *Русская литература*. 2015. № 3. С. 45–60.
- Лукиянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958.
- Описание рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. II. Лингвистика. Казань, 1958.
- Рамазанова Д.Н.* Богоявленская школа Лихудов – первый этап Славяно-греко-латинской Академии // *Очерки феодальной России*. Вып. 7. М.: УРСС, 2003. С. 211–237.
- Рамазанова Д.Н.* Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг. // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв.: Сб-к статей / сост. Л.А. Тимошина*. М., 2008. С. 353–364.
- Рамазанова Д.Н.* Рукописная и печатная книга в учебной практике Славяно-греко-латинской академии в конце VII в. // *В России надо жить по книге: начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв.* М, 2015. С. 42–52.
- Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1887.
- Сменцовский М.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.
- Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Спиридонова Л.В., Курбанов А.В.* Источники Логике Софрония Лихуда // *Логические исследования*. Т. 28. № 1. 2022. С. 76–97.
- Суториус К.В.* Преподавание братьями Лихудами философии в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1692–1694 гг. по материалам рукописных источников // *Очерки феодальной России*. Вып. 20. М., СПб., 2017. С. 356–384.
- Суториус К.В., Ярулина С.И.* Новгородская греческая грамматика Лихудов и ее возможные источники // *Лихудовские чтения – 2022*. Великий Новгород, 2023. С. 40–79.
- Тоноян Л.Г.* Учение о категорическом силлогизме в «Логике» Софрония Лихуда // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 5 (30). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5\(30\).15](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5(30).15)
- Фонкич Б.Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1987 г.* М., 1988. С. 61–70.
- Хриси́дис Н.* Аристотель Иезуитов в России XVII века; космология и планетная система в Славяно-Греко-Латинской Академии // *Русский сборник*. Т. 5. М.: Модест Колеров, 2008. С. 37–66.
- Хриси́дис Н.* Академия при царском дворе: греческие ученые и иезуитское образование в России раннего Нового времени. Москва: Новое литературное обозрение, 2023.

-
- Яламас Д.А.* Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2001.
- Chrissidis N.A.* An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, 2016.

РЕЦЕНЗИИ

С.И. Лучицкая

СЮЖЕТ О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ В ЭПОСЕ ЦИКЛА КРЕСТОВОГО ПОХОДА: ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА, ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ИЛИ КУРТУАЗНЫЙ РОМАН?

Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

DOI:10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-16

Аннотация: в рецензируемой книге французский специалист по романской филологии Клод Лашэ публикует оригиналы и перевод на современный французский язык двух *chansons de geste* цикла крестового похода. Оба текста посвящены истории Рыцаря Лебеда – мифического предка предводителя Первого крестового похода Готфрида Бульонского. Первый текст («Enfants-Cygnés») рассказывает о рождении пращура славного крестоносца – тот был одним из семи близнецов, родившихся у королевской четы и позже превратившихся в лебедей. Второй текст («La Chanson du Chevalier au Cygne») повествует о приключениях Рыцаря Лебеда, который участвует в поединке, защищая честь и владения герцогини Бульонской, а затем женится на ней и становится отцом Иды – матери Готфрида Бульонского и двух его братьев. Издание *chansons de geste* осуществлено по древнейшей рукописи Ms.fr.12558 из Национальной библиотеки Франции. Публикацию и перевод обоих сочинений предварают исследовательская статья Клода Лашэ, в которой ученый размышляет об их сложной жанровой природе. Он показывает, что оба произведения возникли на стыке таких разных жанров, как эпическая поэма, волшебная сказка и рыцарский роман. Издатель также исследует сюжеты поэм, сравнивая их с другими литературными памятниками («Романом о Долопатосе» и др.). Помимо этого, в книгу включены тщательный лингвистический анализ рукописи, воображаемая генеалогия Рыцаря Лебеда, историческая генеалогия Готфрида Бульонского и прочий справочный материал.

Ключевые слова: эпические поэмы, старофранцузский цикл крестового похода, легенда о Рыцаре Лебеда

Известное французское издательство *Honoré Champion* выпустило в свет в серии *Champion Classiques* книгу, где опубликованы старофранцузские оригиналы двух чрезвычайно важных поэм крестового похода, созданных на рубеже XII–XIII вв., а также их перевод на современный французский язык. Тексты изданы по манускрипту Национальной библиотеки Франции (Ms.fr.12588), который принято считать одной из самых ранних версий первого эпического цикла крестового похода. Речь идет о поэмах *Les Enfants-Cygnés* и *La Chanson du Chevalier au Cygne*, являющихся прологом к трем самым древним эпопеям крестового похода – *La Chanson d'Antioche*, *La Conquête de Jérusalem* и *Les Chétifs*¹. Эти сочинения прославляют род предводителя Первого крестового похода Готфрида Бульонского, приписывая ему мифического предка, наделенного недюжинной силой и высокими моральными качествами. В старофранцузском эпосе он предстает настоящим образцом христианского рыцарства, достойным быть предком «защитника Гроба Господня» – Готфрида Бульонского и его двух братьев – графа Булонского Эустаха и иерусалимского короля Бодуэна.

Первый из опубликованных текстов (*Les Enfants-Cygnés*) представляет собой рассказ о рождении предка славного крестоносца, который, согласно средневековой легенде, был одним из семи близнецов (шесть мальчиков и одна девочка), родившихся у королевской четы и позже превратившихся в лебедей.

Второй текст (*La Chanson du Chevalier au Cygne*) передает известную историю о приключениях Рыцаря Лебеда, который участвует в поединке, защищая честь и владения герцогини Бульонской, а затем сочетается браком с ее дочерью Беатрис, в результате чего появляется на свет Ида – будущая мать Готфрида Бульонского и его братьев.

Остановимся на первом из опубликованных Клодом Лаше текстов, который повествует о рождении Рыцаря Лебеда. Вообще этот сюжет отражен в двух дошедших до нас поэмах – более ранней (*Elix*) и более поздней (*Béatrix*). Обычно им дается общее название *La Naissance du Chevalier au Cygne*². Однако Клод Лашэ предпочел издать более ранний текст *Elix*, сохранившийся в единственном

¹ Все эти эпические поэмы изданы в выпускаемой университетом Алабамы серии *The Old French Crusade Cycle*.

² См., напр.: *La Naissance du Chevalier au Cygne*. 1977.

списке во все той же рукописи Ms.fr. 12558 (f.1a-20c). Ученый избрал именно эту версию, считая ее более архаичной и близкой фольклорному жанру, а также более «феминистичной», поскольку главным персонажем этого сочинения является сестра обращенных в лебедей братьев, избежавшая их участи. Вслед за Гастоном Парисом филолог также дал иное название тексту – *Enfants-Cygnés* («Дети-лебеди»), тем самым подчеркнув самостоятельный характер этого цикла, который с конца XII в. оказался связанным с легендой о Рыцаре Лебеда.

Сюжет произведения, повествующего об обратившихся в птиц братьев и их преданной сестре, достаточно широко распространен в мировой литературе, и издатель вписывает *Enfants-Cygnés* в весьма пространный ряд, где находится место и известному сочинению XIII в. «Книга о семи мудрецах» («Роман о Долопатосе»), и европейским сказкам – от «Семи воронов» братьев Гримм до «Диких лебедей» Андерсена и др.³ Как же в целом определить жанр произведения? Этому вопросу издатель уделяет первостепенное внимание в своем введении к текстам. Клод Лашэ не без основания настаивает на том, что поэма *Enfants-Cygnés* существенно отличается от традиционных *chansons de geste* и ближе, с одной стороны, средневековому фольклору, а с другой – куртуазному роману. Действительно, бросается в глаза сходство главной героини поэмы Элиокс с известным персонажем средневекового фольклора – феей Мелюзиной (Мелизандой), женщиной-змеей, вступившей в брак со смертным и запретившей ему видеть ее в зверином облике. В тексте поэмы Клод Лашэ видит немало других фольклорных мотивов и элементов чудесного. Вот только несколько примеров. В *Enfants-Cygnés* король Лотарь встречает будущую супругу Элиокс в лесу недалеко от источника, который символизирует границу между двумя мирами – к этому месту его приводит олень. В поэме нередко произносятся предсказания: так, Элиокс предсказывает Лотарю, что она родит ему семерых детей, а сама умрет во время родов; впоследствии это пророчество сбывается. Не обошлось в нашем тексте и без характерного для фольклора мотива злой свекрови, которая питает недобрые чувства к невестке и приказывает слуге отнести новорождённых детей в лес, а воюющему на чужбине сыну

³ Об этом см.: *Попова*. 2015: 110–118.

сообщает, что его жена произвела на свет монстров. Особое значение имеет мотив чудесного рождения детей с золотыми цепями на шее, а также мотив превращения человека в животное: дети становятся лебедями после того, как слуга королевы-матери снимает с со спящих мальчиков их цепочки. Вообще сами цепи, по мнению К. Лаше, служат в поэме неким объединяющим разные линии повествования звеном. Все основные персонажи, как и главные эпизоды поэмы, вокруг которых строится нарратив, так или иначе связаны с этим предметом. Они появляются в уже упомянутой беседе Элиокс с Лотарем; они приковывают внимание подобравшего малышей христианского отшельника в тот момент, когда он крестит детей; о них сообщает королеве слуга, случайно увидевший спасенных детей в лесу; одну из цепей королева-мать передает ювелиру для того, чтобы восстановить разбившийся кубок; наконец, Лотарь, услышав признание кормившей птиц в королевском пруду девочки (его дочери), надевает цепи на шеи братьям-лебедям и тем самым возвращает им человеческий облик (за исключением одного из них, чья цепь пошла на починку кубка). По мере повествования, структурирующим элементом которого является волшебный предмет (золотые цепи), чудесное, как показывает К. Лаше, постепенно исчезает. Об этом свидетельствует и заключительный эпизод поэмы, когда будущий Рыцарь Лебеда, отправляясь, как и его братья, в далекие странствия, отплывает в ладье, запряженной лебедем: теперь золотая цепь уже не символ волшебных метаморфоз, а просто нить, привязанная к шее тянущего лодку лебеда.

Вообще, как демонстрирует издатель в своем введении, фольклорные мотивы и элементы чудесного подвергаются на протяжении повествования частичной христианизации и рационализации. Один из самых выразительных примеров – эволюция Элиокс. На наших глазах она постепенно утрачивает «феерические» (присущие фее) черты и превращается в набожную знатную даму: следует наставлениям мужа вести христианский образ жизни, перед смертью молится Богу и просит вручить ее душу Иисусу Христу и пр. В поэме немалое место занимают и рассказы о благочестии короля Лотаря, который читает молитвы, строит христианские церкви и т. д. Неслучайно один из важных персонажей эпопеи – святой отшельник, который находит в лесу семеро детей, крестит их и вос-

питывает в христианском духе. Примечательно, что само действие поэмы начинается в волшебном лесу, продолжается в королевском дворце, а затем переносится в столицу, где нищим раздают милостыню. Фольклорный сюжет подвергается в нашем тексте и рационализации: между событиями, о которых повествует памятник, устанавливаются причинно-следственные связи, в результате волшебная сказка превращается в логически выстроенный рассказ. К тому же, как пишет Лаше, автор эпопеи уделяет огромное внимание конкретным деталям реальности, описывая военные сражения и осадные орудия, феодальный быт и повседневную жизнь и пр.

Еще более интересно, что в этой *chanson de geste* цикла крестового похода можно обнаружить немало кургузных мотивов. Об этом свидетельствует описание обрядов посвящения в рыцари, турниров, праздников и других рыцарских забав. Герои поэмы – король Лотарь, представители знати – проявляют важные для рыцарского кодекса чести качества: радушие, щедрость, великодушие и пр. Некоторые описанные в эпопее эпизоды очень живо напоминают сцены из рыцарских романов – особенно финальные строки, в которых посвященные в рыцари братья-лебеди отправляются на поиски приключений.

Второй текст (*La Chanson du Chevalier au Cygne*), публикуемый в книге Клода Лаше все по той же рукописи BNF Ms.fr. 12588 (f.20c–46a), повествует о приключениях Рыцаря Лебеда. Ученый показывает, что уже к концу XII в. эта легенда была уже достаточно широко распространена. Впервые о *miles cygni*, который был предком Готфрида Бульонского и его братьев, упоминается в письме шампанского клирика Ги де Базош в 70-е гг. XII в. Позже, около 1187 г. ученик Бернара Клервоского Жоффруа из Оксера рассказывает в своих комментариях к «Апокалипсису» примечательную историю⁴: в один прекрасный день собравшиеся во дворце в Нимвегене (город в Нидерландах) император и его гости увидели необычную картину: к берегу причалила запряженная белым лебедем барка. С нее сошел никому не известный юный рыцарь, а лебедь, тянувший ладью, уплыл. Юноша был радушно принят во дворце императором и знатью, осел в Нимвегене, где участвовал в сражениях и прославился ратными подвигам, потом женился и завел се-

⁴ *Goffredo di Auxerre*. 1970: 185–186.

мью. По прошествии же ряда лет, сообщает Жоффруа из Оксера, рыцарь, увидев издали из окон того же самого дворца своего лебедя, запряженного в ладью, рыцарь без лишних слов поспешил ему навстречу, сел в барку и уплыл, и с тех пор его никто не видел. Таков рассказ цистерцианского монарха. Свидетельства о распространении легенды о Рыцаре Лебедя мы находим еще и в самой обширной хронике крестовых походов, принадлежащей перу Гийома Тирского⁵, а также в самом важном произведении эпоса крестового похода – «Антиохийской песни»⁶.

Собственно, эта легенда и запечатлена в другом тексте, публикуемом Клодом Лашэ – *La Chanson du Chevalier au Cygne*. Как показывает издатель, этот текст, в отличие от *Enfants-Cyignes*, представляет собой классическую традиционную *chanson de geste*, однако не лишенную черт волшебной сказки и выстроенную по схеме уже упомянутого сюжета о Мелюзине с характерным для него мотивом запрета. Вместе с тем в песни Рыцарь Лебедя изображается не столько как сын феи, проникающий в человеческий мир, сколько как посланец небес. По мере повествования он все больше утрачивает черты сказочного персонажа и в конце концов становится поборником Бога, идеальным предком братьев-крестоносцев. Даже сама композиция литературного произведения выстроена таким образом, чтобы возвеличить и прославить предка Готфрида Бульонского – образцового христианского рыцаря. В поэме подробно описаны все битвы, в которых он участвовал на протяжении 15 лет; несмотря на численное превосходство противника, эпический герой всегда побеждает в сражениях; он постоянно выступает в роли военного вождя, ободряющего своих воинов и призывающих их к действию и вообще служит примером доблести и храбрости. Даже после своего отъезда Рыцарь Лебедя продолжает присутствовать в умах и сердцах своих вассалов и прежде всего своей супруги. Прощаясь с Беатрис, он передает ей в память о себе роскошный рог из слоновой кости и призывает ее хранить его во избежание бед. Но

⁵ Хронист упоминает уже широко распространенную в 70-80-е гг. XII в. легенду о лебеде – предке Готфрида Бульонского и его братьев, но при этом считает ее безосновательной. *Guillaume de Tyr*. 1986: 427 (*Praeterimus denique, cygni fabulam. Unde vulgo dicitur sementivam eis fuisse originem eo quod a vero videatur deficere talis assertio*).

⁶ *La Chanson d'Antioche*. 1977: vv.7453–7473.

однажды из-за небрежности дамы во дворце возникает пожар (в момент этих событий дочери Рыцаря Лебеда Иде – будущей матери крестоносцев уже исполнилось 14 лет), и в разгар бедствия прилетает белый лебедь, который вызволяет рог из пламени и исчезает. Неслучайно упомянутый дважды – в начале и в конце *chanson de geste* – волшебный предмет подтверждает вездесущность и незримое присутствие главного протагониста эпопеи. Всеми художественными средствами автор поэмы стремится воспеть своего героя. Именно *chanson de geste*, по мнению К. Лашэ – тот жанр, который позволяет труверу справиться с этой задачей. Потому неудивительно, что публикуемый текст носит черты классической эпической поэмы: автор произведения часто обращается напрямую к аудитории, порой вмешивается в повествование, неслучайны в нем и цитаты из песен циклов Роланда и Гийома. В тексте встречаются характерные для классической *chanson de geste* темы и мотивы (смертоносные сражения, месть, предательство и пр.).

Вместе с тем, как полагает Лашэ, некоторые черты роднят песнь с рыцарскими романами. Так же, как и в них, в *La Chanson du Chevalier au Cygne* большое внимание уделяется женщинам: они принимают активное участие в описываемых действиях, поэт прославляет их знатное происхождение их благородство; как и в куртуазном романе, в песни немалое место занимают сентиментальные сцены и любовная интрига. В целом песнь о Рыцаре Лебеда – это настоящая династическая история, прославляющая Бульонский-Булонский род, приписывая ему мифического основателя, идеального христианского рыцаря. Поэма сочетает черты традиционной *chanson de geste* с характерными для нее темами (смертоносные сражения, месть, предательство) и приемами (обращения автора к аудитории, повторения и пр.), с одной стороны, и черты рыцарского романа – с другой (о чем свидетельствует активная роль женщин, благородство и знатность происхождения которых подчёркивается, описание сентиментальных сцен и любовных интриг). Эти разные традиции вдохновили автора на создание произведения, которое на протяжении нескольких поколений привлекало неослабевающее внимание средневековой аудитории и вызывало огромный интерес у христианских авторов.

Потому неслучайно, что легенда о Рыцаре Лебеда, исследуемая в рецензируемом нами труде, имела огромный успех: она дала начало ряду других произведений, в которых подверглась переделке и была сохранена в прозе и стихах. В XIV в. во Франции возникла историческая поэма *Le Chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon*, в XV в. – *La Geste du Chevalier au cygne*. Во второй половине XIV в. была создана английская версия – *Cheuelerie Assigne*. Достаточно рано возникли и немецкие версии – сначала *Schwannritter* Конрада Вюрцбургского (ок. 1258 г.), а потом и анонимная поэма «Лоенгрин» (между 1293 и 1289 гг.), которая явилась продолжением рыцарского романа «Парцифаль» (нач. XIII в.), где его автор (Вольфрам фон Эшенбах) связал Рыцаря Лебеда, названного Лоенгрин, сына Парцифалья, с легендой о св. Граале.

У истоков этой богатейшей литературной традиции – два важнейших текста, которые, как мы показали, были всесторонне исследованы видным специалистом по истории средневековой литературы, изданы им по одному из самых авторитетных списков и к тому же переведены на современный французский язык.

Помимо обширной статьи о публикуемых произведениях книга содержит приложения, в которых осуществлен лингвистический анализ обеих поэм, рассматриваются схожие сюжеты из «Романа о Долопатосе» и поэмы «Véatrix», реконструируются воображаемая генеалогия Рыцаря Лебеда и историческая генеалогия Готфрида Бульонского, приводятся указатель имен собственных (с. 325–336), словарь (с. 337–372) и многие другие вспомогательные материалы. Совершенно очевидно, что рецензируемое издание представляет собой результат обширной тщательной работы издателя с средневековыми текстами.

И все же после ознакомления с книгой у читателей могут остаться вопросы. Текст *Elixhe*, существующий в единственном экземпляре в упомянутой рукописи из BNF (Ms.fr. 12558), в издании Клода Лаше публикуется отнюдь не впервые. Как уже говорилось, в серии *Old French Crusade Cycle* эта поэма уже была издана. Но и до того, как она была включена в выше упомянутую серию, она была опубликована в конце XIX века сначала французским учёным Селестеном Иппо (в 1877 году), а затем американским специали-

стом по романской филологии Генри Альфредом Тоддом (в 1889 году)⁷.

Чем же рецензируемое издание отличается от прежних? К сожалению, на этот вопрос мы не найдем ответа в книге. С другой стороны, второй изданный Лашэ текст – *La Chanson du Chevalier au Cygne* присутствует не только в избранной ученым рукописи 12558, но и во многих других манускриптах BNF (Ms.fr. 1621, 786, 12569, Ars.3139) и других библиотек (Британской библиотеки, муниципальной библиотеки г. Берна и др.). Но ученый предпочел осуществить монографическое издание двух текстов по одному манускрипту. Его единственный довод в пользу такого выбора заключается в том, что Ms.fr. 12558 является наиболее древним и полным. Но как можно определить, какой их манускриптов наиболее важный, если не привлекать к исследованию другие рукописи? Вопрос также остается без ответа. Позволю себе сделать еще один комментарий на полях прочитанной книги. Опираясь на огромную литературу, Клод Лашэ делится с читателем своими интересными размышлениями о жанре изданных текстов, которые можно в равной степени отнести и к волшебной сказке, и к рыцарскому роману, и к *chanson de geste*. Очень жаль, что при этом исследователь обошел вниманием труды Владимира Проппа о фольклористике («Морфология сказки», «Исторические корни волшебной сказки» и др.), хотя в них подробно анализируются близкие легенде о Рыцаре Лебедя сюжеты.

В целом же осуществленный французским филологом труд – издание двух оригинальных текстов эпических поэм цикла крестового похода, их перевод на современный французский язык, сопровождаемый подробным анализом сюжетов и жанра этих сочинений, в сочетании с комментариями и обширным справочным материалом получит высокую оценку специалистов по истории и литературе Средневековья. Это издание послужит важнейшим подспорьем в работе историков и литературоведов, а опубликованные литературные памятники станут доступны широкой читательской аудитории.

⁷ La Chanson du Chevalier au Cygne et de Godefroid de Bouillon. 1874–1877; La naissance du Chevalier au Cygne ou les Enfants changés en cygnes. 1889.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Попова О.В. Мотив превращения детей в лебедей и его трансформация в «сюжете о рождении Рыцаря с лебедем». // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № (2). С. 110–118
- Goffredo di Auxerre. Super Apocalypsim* / Ed. F. Cataldelli. Roma, 1970.
- La Chanson d'Antioche.* / Éd. S. Duparc-Quioc. Paris, 1977–1978. Vol. 1–2.
- La Chanson du Chevalier au Cygne et de Godefroid de Bouillon,* publ. par Célestin Hippeau. Paris. 1874–1877. Т. 1–2
- La Naissance du Chevalier au Cygne ou les Enfants changés en cygnes.* Ed. H.A. Todd. Baltimore. 1889.
- La Naissance du Chevalier au Cygne. Elioxe.* / Ed. by Emanuel J. Mickel. *Beatrix.* / Ed. by Jana A. Nelson with an essay on the manuscripts of the Old French Crusade Cycle by Geoffrey M. Meyers. Tucaloosa and London, The University of Alabama Press, 1977 (*The Old French Crusade Cycle*. Vol. 1.).
- Les Enfants-Cygnés* suivi de *La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Édition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.
- Guillaume de Tyr. Chronicon.* / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1986.

А.Д. ЩЕГЛОВ

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК

Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат., швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и А.Б. Рукавишников-Радонежского. М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.; Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского, датского и критический аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-17

Аннотация: В рецензии рассмотрены русские переводы датских нарративных памятников XII–XIV веков – *Роскильської хроники*, *Хроники конунгов из Лейре*, *Лундских анналов* и других текстов, являющихся ценными источниками по истории средневековой Дании.

Ключевые слова: рецензия, история Дании, датские анналы и хроники.

Интерес к датской истории в России достаточно велик, однако большинство датских анналов и хроник долгое время не были переведены на русский язык. Этот пробел восполняют две монографии, выполненные коллективом переводчиков – А.С. Досаевым, И.Б. Губановым, О.А. Маркеловой, О.В. Кутаревым и А.Б. Рукавишниковым-Радонежским. Первая книга – *Датские анналы и хроники XII века* содержит новый перевод «Роскильської хроники», созданной между 1138 и 1441 г. и повествующей о датских королях IX–XII вв.¹. Вниманию читателей предложены и переводы т.н. *Хроники конунгов из Лейре* – созданной в XII или XIII столетии легендарной истории древнейших датских королев; переводы выполнены по двум редакциям памятника – латинской и древнешведской². В монографию вошли и труды классика средневековой Дании – Свена Аггесена. Вторая книга – *Датские анналы и хроники XII–XIV веков*

¹ Первый русский перевод указанной хроники был выполнен В.В. Рыбаковым и публиковался дважды.

² Древнешведская редакция указанной хроники включена в качестве дополнения в некоторые списки т.н. Прозаической хроники – анонимной шведской хроники, созданной в XV веке.

– включает в себя переводы Датско-шведских анналов (середина XIII в.), Лундского свода (1255), Лундских анналов (завершены в начале XIV в.), Рюдских анналов, Анналов Рибе, Анналов Висбю и ряда других источников.

Переводы выполнены по фундаментальным научным изданиям М. Герца, Э. Кромана, А. Кристенсен, Э.М. Фанта, Г.Э. Клемминга. В предисловиях и примечаниях использована исследовательская литература – работы К. Эрслева, К. Хёрбю, Э. Йергенсена, Л. Вейбуля и других специалистов. Переводы в целом добротны и дают адекватное представление о содержании и стиле источников. Обе книги прекрасно оформлены, отличаются высоким полиграфическим качеством.

Источники различны по объему и степени подробности: есть лаконичные – например, перечни датских королей, есть более объемные – например, *Роскильская хроника*, *Лундские анналы*. Различаются они и по степени достоверности: так, *Хроника конунгов из Лейре* насыщена мифологическими сюжетами, тогда как ряд других произведений фиксируют реальные события. Большинство приведенных анналов и хроник относятся к древнейшим памятникам датской историографии; их создатели стремились увековечить историю Дании, прославить эту страну. Современных ученых датские анналы и хроники привлекают как письменные памятники и как исторические источники – особенно по политической истории и истории церкви. Специалистам, в числе прочего, интересна позиция хронистов: как они оценивают королей и других деятелей, как характеризуют отношения внутри элиты, горизонтальные и вертикальные связи. Итак, можно констатировать, что переведенные на русский язык памятники составляют ценный комплекс источников.

Перейдем к критическим замечаниям. Прежде всего, нельзя согласиться с мнением А.С. Досаева – составителя и редактора обеих книг – о том, что историю Дании в России мало знают и мало изучают. А. Досаев пишет: «Тем досаднее видеть, насколько Дании в отечественной науке не повезло» (*Датские хроники XII века*, С. 7). История средневековой Дании по А. Досаеву «до сих пор остается сравнительно малоизвестной в нашей стране» (*Датские анналы XIII–XIV веков*, С. 3). В действительности отечественными медиевистами сделано много, особенно в 1990-е – 2000-е гг. Переведены на русский язык и опубликованы важные источники – «Земский мир» короля Вальдемара Аттердага, Роскильская хроника, Дого-

вор о Кальмарской унии, Кальмарский рецесс. В 1996 г. вышла коллективная монография «История Дании», созданная ведущими российскими историками-скандинавистами. В 2008 г. увидела свет монография В. Антонова «Датская геральдика XII–XVII веков». Издан ряд других научных публикаций, посвященных истории средневековой Дании. В свою очередь во многих отечественных трудах по истории Скандинавии немало внимания уделяется этой стране. Конечно, много предстоит сделать, но и многое достигнуто. Поэтому оценка историографической ситуации, которую дает А. Досаев, не вполне правильна.

Далее, в переводах, вошедших в рецензируемые книги, имеются неточности. Так, неверен перевод следующей фразы, присутствующей в среднешведской редакции *Хроники конунгов из Лейре*: ”*os wille haffwa engen herra öffwer sigh*”. В книге *Датские хроники XII века* эта фраза истолкована так: «и захотели иметь над собой своего господина» (Ук. соч. с. 191). В действительности слово “engen” означает «никакой», «никто». Правильный перевод таков: «и не хотели, чтобы кто-либо был над ними господином». Неверно понята мысль следующего пассажа: “*stridde han hardelika os drapp togh the myntzsta aff them han kunde*”. В переводе читаем: «он отважно вступил в бой, однако убил лишь тех немногих, кого смог...». На деле хронист имел в виду другое: конунг Дан не стал проявлять жестокость; из тех, кого мог убить, умертвил немногих, а остальных обратил в бегство.

Неточности и спорные трактовки имеются в переводах латинских текстов. Неудачно выражение «магистр в декретах» (*Датские анналы XII–XIV веков*, с. 124); речь идет, конечно, о магистре канонического права. В латинской редакции *Хроники конунгов из Лейре* читаем: «Рёд, усевшись внутри горы, сказал» (*Dixit Rødh in monte sedens*” – *Датские хроники XII века*, с. 59). Предлог “in” с аблативом имеет, в числе прочего, значение «на»; скорее всего, герой уселся на горе, а не внутри горы. Улыбку вызывает фраза «пчелы пребывают в смятении»; лучше: «обезумели» (*apes... existunt errantes*” – Там же, с. 57). “*Gorm, crudelissimus rex, sedem regni apud Selandiam constituit*”, – читаем в *Роскильльской хронике*. «Горм, король в высшей степени кровожадный, переместил престол королевства в Сьяландию», – читаем в переводе (*Датские хроники*, с. 22). В латинском тексте Горм ничего никуда не перемещал: он установил престол в Зеландии, сделал ее местом своей резиденции. Правилен

перевод В.В. Рыбакова: «Горм [Старый], король кровожадный, сделал местом своего пребывания Зеландию» (см. приложение к книге: Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 264).

Недостатком обеих рецензируемых книг является неправильная транскрипция многих датских (и вообще скандинавских) имен, например, «Х. Тольдберг» (*Датские хроники XII века*, с. 46) вместо правильного «Х. Толльберг»; «Э. Христиансен» (Там же, с. 64, 69) вместо правильного «Э. Кристиансен», «Йенс Гранд» вместо верного «Йенс Гранн», «Свонинг» вместо «Сванинг» и так далее. При этом отступление от принятых норм транслитерации переводчиками и редактором в рассматриваемых случаях никак не аргументируется³.

Хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу комментариев, приведенных в книгах. В монографии «Датские хроники XII века» на с. 48 относительно *Хроники конунгов из Лейре* сказано: «В отличие от изысканной латыни Саксона Грамматика, язык автора ХКЛ довольно прост и бесхитростен, что указывает, как кажется, на получение им образования в самой Дании». На самом деле средневековый анналист мог получить образование за границей, даже в лучших университетах, и при этом писать просто: это вопрос стиля. В книге «Датские анналы» на с. 37 прокомментирована запись Лундского свода за 1098 г.: «Основание ордена Серых братьев». В комментариях отмечено: «Неизвестный источник; в КА под 1098 г. сообщается об образовании цистерцианского ордена, «серыми» же монахами в Средние века называли францисканцев». В этой связи хотелось бы заметить, что «Лундский свод» не единственный памятник, где «серыми братьями» именуют цистерцианцев; такое же наименование в отношении указанного ордена употреблено в «Хронике Эрика» (XIV в.).

В целом, несмотря на недочеты, авторы в основном справились с главной задачей: познакомить российскую аудиторию с со-

³ В отношении имен собственных, содержащихся в текстах источников, переводчики оговаривают, что стремились за некоторыми исключениями давать их в том виде, в каком они приведены в оригинале (См. *Датские анналы XII–XV веков*, С. 4). При переводе такой подход допустим. Но в оригинальных текстах – комментариях, предисловиях – следует руководствоваться современными правилами транслитерации датских (и других иностранных) имен.

держанием датских анналов и хроник. Книги полезны для широкого круга читателей, интересующихся историей Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского, датского и критический аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева. СПб., 2024
- Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат., швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и А.Б. Рукавишников-Радонежского. М., 2022.
- Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

В этом году мы поздравляем с 80-летним юбилеем нашего дорогого коллегу и друга – Дмитрия Эдуардовича Харитоновича, одного из тех, кто не только стоял у истоков «Одиссея» и «сектора Гуревича», но и продолжает хранить их дух и их идеи.

Когда человеку исполняется 80, то помимо профессии невольно думается о том, что и сама его жизнь – это живая история. За плечами юбиляра несколько очень разных эпох. Он – из военного поколения, родился в 1944 году. Нельзя не воздать дань уважения смелости и оптимизму его родителей, которые принимали решение завести ребенка, когда бои шли всего 250-300 километрах от Москвы и, несмотря на сталинградскую победу, исход войны был еще не ясен и не близок. И, глядя из будущего, нельзя не порадоваться за Дмитрия Эдуардовича, которому выпало то, что было впоследствии названо *милостью позднего рождения*: войдя в сознательную жизнь в конце 40-х – начале 50-х, он застал сталинизм в последние его годы, благодаря чему, по выражению его будущего руководителя А.Я. Гуревича, недолго подвергался той «зловредной радиации страха», которая морально и интеллектуально покалечила, а то и погубила множество его старших современников. И все же он познал и запомнил детство в арбатских переулках послевоенной сталинской Москвы, с коммуналками, с отдельным обучением, со школой, где биологию вела жена Лысенко, со всеми атрибутами культа личности, и с родителями, удивившими сына-пионера тем, что не плакали 5 марта 1953-го... Эпоха его детства и юности была и переломная – эпоха начала холодной войны и фестиваля молодежи и студентов, эпоха последнего всполоха репрессий и XX съезда, – и вместе с тем как бы растянутая между самым архаическим прошлым и будущим: ученые уже создавали космические ракеты и ядерное оружие, а рядом еще, как в Средние века, крестьяне выполняли многие работы вручную и допризывники тренировали штыковой бой. Еще были живы люди, хорошо помнившие XIX век, – и уже подрастали многие из тех, кто читает эти строки сегодня, на исходе первой четверти века XXI.

Потом – в те годы, когда были физики в почете, а лирики в загоне, – была учеба в МВТУ имени Баумана. Перспективная вроде бы специальность – «Металловедение и термическая обработка ме-

таллов», высоко ценимый диплом, поступление в аспирантуру... Но за все годы знакомства с Дмитрием Эдуардовичем – а это больше 50 лет – я едва ли хоть пару раз слышал от него какие-то воспоминания об учебе в этом царстве физиков. Гораздо ярче и дольше помнятся два года службы лейтенантом – кто не слышал многочисленных увлекательных рассказов юбиляра о них, тем можно порекомендовать опубликованные им много лет спустя «Похождения храброго лейтенанта Харитоновича». Помимо всяких забавных приключений во время этой службы произошли у него два фундаментальных, судьбоносных разочарования: Дмитрий Эдуардович, по его воспоминаниям, тогда (а это был 1968 год, но на родину храброго солдата Швейка его, к счастью, не послали) окончательно разочаровался и в советской идеологии, даже в ее смягченном брежневском варианте, и в своей специальности. К счастью для себя и для нас всех.

После этого начался, так сказать, гуманитарный анабазис Харитоновича – долгий и извилистый путь, через чтение книг об алхимии и о средневековой народной культуре приведший его из металлургов сначала в социологи на автокомбинате, потом в сектор социологии искусства ВНИИ искусствознания, а потом в другую аспирантуру, где родилась диссертация Дмитрия Эдуардовича – тоже совсем другая. Речь в ней шла все еще о термической обработке металлов, но это уже были рецептыковки мечей европейскими кузнецами Средневековья. На дворе было начало 80-х, и невозможно не задаться вопросом: как такую немарксистскую работу, в которой не шла речь ни о базисе и надстройке, ни о классовой борьбе, пропустили члены диссертационного совета? Не иначе, под воздействием взгляда василиска, посмотревшего на них со страниц этого интереснейшего исследования.

И вот дорога привела Дмитрия Эдуардовича в Институт всеобщей истории. С тех пор в истории – и всеобщей, и отечественной – начались и кончились несколько эпох, менялись таблички на дверях кабинетов и силуэт города за окном, на улицах возникали и исчезали люди в малиновых пиджаках или в камуфляже, белые или черно-оранжевые ленточки, тьма сменялась светом или наоборот, но вот уже четыре десятилетия идет одна и та же эпоха в живой истории, измеряемой по Харитоновичу: он пишет книги и читает студентам лекции о том, как видели мир люди давнего и недавнего прошлого – короли и крестоносцы, масоны и розенкрейцеры, авторы веселых учебников и смешных псевдонаучных монографий... И

пусть так дальше и будет: это постоянство правильное, потому что делает он это хорошо, читатели и студенты не дадут соврать. Так что – до 120, дорогой коллега!

К. Левинсон

IN MEMORIAM

Памяти Андрея Федоровича Кофмана (17.08.1954 – 16.05.2024)



16 мая 2024 г. российская наука понесла тяжелую утрату: ушел из жизни, не успев встретить свой 70-летний юбилей, выдающийся латиноамериканист Андрей Федорович Кофман.

Студент, а затем аспирант филологического факультета МГУ (1971–1979), он блестяще защитил кандидатскую диссертацию о мексиканском фольклоре (1982) и в 1986 г. пришел в Институт мировой литературы (ИМЛИ РАН), где проработал до конца своих дней. Андрей Федорович внес огромный вклад в осуществление одного из важнейших проектов Института – многотомной «Истории литератур Латинской Америки».

В 1997 г. А.Ф. Кофман издал монографию «Латиноамериканский художественный образ мира», которая легла в основу докторской диссертации (1999). В этой книге он связал повторяющиеся мотивы, образы, сюжеты, типы персонажей в систему со своими законами и внутренними связями. Читателю «Одиссея» структура этой книги – с большими разделами о том, какими предстают в латиноамериканской культуре пространство, время, природа и человек, – скорее всего, напомним «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича.

В 2008 г. Кофман возглавил Отдел литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ РАН, а с 2016 г., став заместителем директора института, курировал все направления исследований зарубежных литератур, фольклора и литератур народов Рос-

сийской Федерации в ИМЛИ. Несмотря на огромную административную нагрузку, Андрей Федорович продолжал публиковать многочисленные статьи, и не только по латиноамериканской литературе. Попутно он задумывал и осуществлял не имевшие аналогов фундаментальные коллективные проекты, такие как двухтомный «Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка» (2023) или «В лабиринте национальных миров. Репрезентации национального характера в художественной литературе и в фольклоре», над которым продолжает работать собранный им коллектив авторов.

Всего этого было бы вполне достаточно, чтобы занять достойное место в истории российской латиноамериканистики. Но на рубеже 1990-х и 2000-х, не переставая заниматься прежними сюжетами, Кофман обратился к истории Конкисты. На первый взгляд неожиданно, а по сути совершенно закономерно – чтобы понять истоки латиноамериканской культуры и в продолжение исследований 1980-х – 1990-х гг. своего старшего коллеги В.Б. Земскова. Удивительно другое: на протяжении многих десятилетий отечественные ученые почти не занимались историей Конкисты – хотя это одно из важнейших событий Нового времени. Появлялись труды этнологов и археологов (которых, однако, интересовал не феномен Конкисты во всей его многомерности и противоречивости, а прежде всего ее воздействие на мир индейцев и дошедшие через ее призму сведения о доколумбовой Америке), историков географических открытий (со своим специфическим подходом), отдельные переводные работы – как правило, устаревшие еще до своего издания в России. Вклад же историков ограничился несколькими небольшими научно-популярными книгами, краткими главами в обобщающих работах и немногочисленными статьями по отдельным сюжетам. Несмотря на оживление интереса к истории завоевания и колонизации Америки в связи с 500-летним юбилеем ее открытия, ни одного масштабного научного исследования, посвященного этому явлению как целому, на русском языке не было. И то, что трудами одного человека за четверть века ситуация кардинально изменилась – своего рода «чудо истории Конкисты», чем-то напоминающее то чудо самой Конкисты, о котором так вдохновенно писал Андрей Федорович.

Начиная с 2001 г., когда вышла в свет «Америка несбывшихся чудес», все книги Кофмана посвящены исключительно Конкисте:

«Рыцари Нового Света» (2006), «Кортес и его капитаны» (2007), «Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности» (2012), «Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров» (2017; переработанное переиздание – 2023). Последнюю книгу, посвященную открытию и завоеванию Мексики, автор успел дописать, но уже не сможет взять в руки.

В сложнейшей проблематике Конкисты Кофман нашел свой стержень – личность конкистадора как человека пограничья (которое он понимал и в пространственном, и во временном плане), действовавшего в переломную эпоху – между Средневековьем и Новым временем, – в совершенно новом для себе необъятном пространстве Америки, воспринимавшего и пытавшегося описать это пространство, но в то же время менявшегося под его воздействием. Ведь в Новом Свете «опыт восприятия реальности становится опытом преобразования личности», и именно момент духовной трансформации интересовал Кофмана больше всего, ибо «в нем сосредоточено то, что отличает испанского конкистадора от его соотечественников и современников, живущих в Европе». Яростно споря с теми, кто видел в конкистадорах прежде всего, или даже исключительно, «рыцарей наживы», Андрей Федорович – хотя прекрасно представлял себе всю неоднозначность их подлинного облика – был искренне увлечен своими героями, даже сроднился с ними. Не размениваясь на мелочи, он написал подробные биографии десятков конкистадоров и собрал их вместе в книге «Под покровительством Сантьяго», аналогов которой, пожалуй, не сыскать ни в Старом, ни в Новом Свете.

Закономерно, что и сам Кофман как ученый постоянно находился на границе – истории и филологии. Столь же свободно он чувствовал себя и в отношении жанра своих книг, выстраивая его исходя из поставленных задач. Почти все они не укладываются в рамки ни научной монографии, ни научно-популярной литературы. Для первой они написаны, казалось бы, излишне вольно, слишком широкими мазками, при внешне очень ограниченном научном аппарате. Именно поэтому столь органичен у Кофмана опыт собственно художественного творчества – книга «Тьерра Аделанте!» (2003), по праву удостоившаяся российской национальной премии «Заветная мечта» в области детской литературы, но равно способная увлечь и взрослого. В то же время труды Андрея Федоровича

основаны на глубоком знании множества источников и специальной литературы, в них ставятся и решаются важнейшие научные проблемы.

Ряд монографий Кофмана логично продолжают осуществленные им издания источников: «Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки» (2009), «Революция по пути в Эльдorado» (2020), «Это стоило Перу!» (2022). Однако и в этом Андрей Федорович шел своим путем, его публикации источников – особый жанр, который он сам для себя придумал и реализовал в книгах 2020 и 2022 гг. Каждая из них посвящена определенному событию (экспедиции в поисках Эльдorado и испанскому завоеванию Перу), при этом автор исходит из того, что «историческое событие, будучи реальным фактом, в то же время представляет собой сумму его восприятий»; отраженное в восприятии разных людей, оно обретает глубину и многомерность, противоречивость и проблемность. Соответственно, свою задачу автор видит в том, чтобы посмотреть на происходившее глазами разных людей, участников и очевидцев событий. Взятый за основу источник переводится целиком или с несущественными сокращениями, однако рядом с ним – именно рядом, не в сносках, а в столбцах основного текста, т.е. на равных с ним – даются профессионально подобранные фрагменты из текстов других авторов. В полилог мнений и восприятий современников, которым автор предоставляет возможность говорить самим за себя, вплетается и голос самого Кофмана – переводчика и комментатора, но в то же время и творца. И он был совершенно прав, когда, вопреки традиции издания переводов, ставил на обложке свою фамилию перед названием.

А еще – как будто всего остального было бы недостаточно – Андрей Федорович был художником. Не только художником слова – это понятно. Формально не имея профессионального образования, он стал ни на кого не похожим мастером живописи и графики, его персональные выставки проходили не только в Москве, но и в Мексике, Бразилии, Испании.

Великолепная филологическая подготовка, целеустремленность, умение мыслить масштабно, фантастическая работоспособность, принципиальность в научных спорах, несомненный талант рассказчика – всё это о нем. Равно как и скромность, благожелательность и деликатность в общении, благородство. С его уходом в изучении Конкисты образовалась зияющая пустота. Исследователь

такого масштаба, видимо, появится в этой области не в ближайшее время, и скорее из историков, чем из филологов. А историки пишут не так, как писал Андрей Федорович. Именно поэтому он еще очень долго будет жить в своих книгах. И в памяти близких, само собой.

В.А. Ведюшкин

* * *

И все же не получается – и не хочется – ограничиться рамками некролога как такового. Чтобы передать многогранность этой личности, при всей ее цельности, здесь нужны голоса других людей, близко (но по-разному) знавших Андрея Федоровича. И мне кажется необходимым дать им слово и, с их разрешения, привести фрагменты их высказываний и воспоминаний, частично опубликованные ранее.

Человек, деятельность которого дала мощный импульс развитию отечественной научной мысли и отнюдь не только в литературоведении: работы Кофмана являют собой пример решения труднейшей задачи сочетания разных интеллектуальных стратегий. Кофман – блестящий пример типичного для российского и латиноамериканского цивилизационных «пограничий» синкретического типа творческой личности, который совмещает в одном лице ученого и художника (в самом широком смысле этого слова).

Яков Шемякин, историк-латиноамериканист

Мы с Андреем познакомились больше пятидесяти лет назад, так как оказались в одной (испанской) группе на филфаке МГУ. Не могу не сказать, что группа у нас была замечательная, и мы друг другу были по-настоящему интересны. Андрея любили все и относились даже с нежностью. В нем сочетались обостренное чувство собственного достоинства и острая же самоирония, и оказывалось, что такое сочетание в его случае отлично работало. С одной стороны, всем была очевидна целеустремленность Андрея в профессиональном плане. Что вызывало уважение – и у сокурсников, и у преподавателей. Всегда и неизменно. С другой стороны, он был непременно и весьма изобретательным участником всех наших веселых походов. Вообще, Андрей старался и умел окружающих

чем-нибудь не только удивить, но и поразить. При этом при внешнем простодушии оставался человеком достаточно закрытым и строил вокруг себя что-то вроде кокона из разного рода историй, украшенных совершенно фантастическими деталями. Он их часто повторял, и они постепенно оттачивались, обретая вид талантливых устных рассказов.

Наталья Богомолова, переводчик

Большая часть его картин написана в уникальной технике, им самим – для себя – разработанной. Сначала возникает сложнейшая вязь образов, пастозный слой масляной краски, вылепливающий на холсте видения автора, вдохновлённые причудливым, витиеватым миром его любимой Латинской Америки, пронизанным отблесками испанского барокко. Квинтэссенция чуда страны чудес, запечатленная на холсте. Затем, когда масло подсыхало, художник брал бритву и срезал верхний живописный слой. Изображение на холсте обретало собранность и сдержанность (ту самую, кастильскую?), которая несла в себе память об изначальном барочном буйстве, но преображенном в структуру, освобожденную от лишнего, проявляющую главное. ... По тому же принципу Андрей Кофман писал свои статьи и книги – безграничный материал, структурированный мудрым и требовательным взглядом ученого...

Когда в Институте Сервантеса решили проводить курсы на темы культуры, первым лектором был приглашен Андрей Кофман с его незабываемым циклом об испанских конкистадорах. Сохранились письма от слушателей: «это не лектор, это свидетель, кажется, что он все это видел»; «мы как будто с Нуньесом де Бальбоа сами вышли на берег Тихого океана»; «открылась новая вселенная»; «уникальное сочетание знаний и эмоций»...

Его методология в рассказе, в научных статьях, в книгах перекликалась с подходом конкистадоров – трепет, собранность, рывок в неведомое, поиск сокровищ, «улавливание» дикого пространства ... Он с блеском доказывал, споря с «черной легендой», что Конкиста не сводилась к деяниям сугубо прагматическим (награбить), в ней гораздо больше идеализма, пассионарности, погони за химерами, поиска воображаемого – будь то страна амазонок или Эльдorado – ведущих к реальным открытиям, свершениям и «разворачиванию» нового мира. Это был и его принцип взаимодействия с бескрайним полем исследований. «Как ты успеваешь писать по

книге в год?», – спрашивали мы. Ответ: «Сядишься за стол и начинаешь двигаться вперед». Личная конкиста. Заурядное становится чудесным, а чудесное – заурядным. Бритва срезает лишнюю краску, идеальная структура, дорога для грядущих «колонистов».

*Татьяна Пигарёва, филолог, искусствовед,
руководитель культурных программ
Института Сервантеса в Москве*

Живопись Андрея Кофмана требует для своего восприятия неторопливой сосредоточенности и сильного интеллектуального напряжения. Это искусство с богатым культурным и художественным «подсознанием», утонченное, склонное к метафоре и метаморфозе, при этом на редкость целостное...

Андрей Кофман – практически самоучка, как ни трудно в это поверить, особенно глядя на его поздние работы. У него не было академического образования, но был талант, все время толкавший на эксперименты. ...

Очень быстро приобретаешь профессионализм, а вскоре добившись и особой отточенности своего художественного языка, он не утратил, к счастью, изначально утопического, детски открытого восприятия мира. Оно и помогло мастеру развернуть свой собственный «мифологический принцип», придав ему даже черты историзма. Мир его искусства очень богат, здесь есть свои наскальные рисунки, свои антропоморфные, таинственные существа, свои мамонты и кентавры. И своя современность, увиденная через призму библейской и языческой традиции.

При этом у Кофмана всё – «здесь и сейчас», ибо союз неба и земли в его космогонии заключен прочно и навсегда. С отвагой и простодушием настоящего поэта художник решает вечную проблему соотношения плоти и духа. Вернее сказать, снимает ее. Плоть и дух в его картинах свободно обмениваются своими сущностями, всё оказывается единым: небо никогда не закрывается от людей, ангелы слетаются утешать собак и стаями улетают, как птицы, на юг, шелестя крыльями, заполнившими все небо, нежно прощаясь с теми, кто остается на холодной земле.

«Theatrum Mundi» Андрея Кофмана обжит и населен, как Ноев ковчег, упорядочен и не имеет пустых мест. Он может стянуться в точку и расширяться в бесконечность. К тому же любая форма в нем подчиняется законам метаморфозы – все может обернуться



А. Кофман. Старый город. 2022 г.

всем в любую минуту, а незримое стать зримым. Народы растекаются, расселяясь по лицу земли; толпам людей свободно является Священный Гость, и все его видят и слышат. Дерево растет в небо, ангел умирает на земле. И художник дарит зрителю живое ощущение единства мира, всей природы, людей, зверей и небесного эфира.

Лариса Тананаева, искусствовед

Этот скромный, никогда не повышавший голоса и не слишком приметной внешности человек был великим покорителем просторов и знатным любителем авантюры! Причем не только в своих знаменитых книгах о приключениях конкистадоров, в героической облик которых он наверняка вписывал и часть себя самого, своего неизжитого детства, делавшего его по известной закономерности мужественнейшим из мужчин. Он и в реальной жизни был путешественником, объездившим полсвета, много повидавшим и много испытавшим, а более того – авантюристом и бродягой... И была у него страсть: сплавать на байдарках по бурным рекам. От тех ушедших уже лет осталась потрясающая фотография: окутан брызгами и бурунами полуметровой высоты, Андрей несется в байдарке, стараясь маневрировать при помощи весла между камней и скал... Мне кажется, вот там он и был собой. А спокойной жизни ему никогда не хватало, потому он и шел всегда навстречу трудностям, какими бы они ни были, и все время сам ставил перед собой все новые задачи, шел навстречу новым вызовам, удивляя нас, остававшихся на берегу и не понимавших его до конца.

Юрий Гирин, филолог-латиноамериканист

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoëva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>А.Б. Герштейн</i> САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА	5
<i>И.А. Миролубов</i> ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ	17
<i>С.И. Лучицкая</i> «ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ САМОЗВАНЦА	37
<i>Л.Б. Сукина</i> ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ» ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА)	53
<i>Е.Д. Браун</i> САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН	70
<i>О.И. Тогоева</i> МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩЕ: УЛИЧНЫЕ МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ	95
<i>К.А. Худин</i> ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ: ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА	111

-
- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnes suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

O.V. Okuneva

- SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

- DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

D. Olariu

- BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

N. Bisaha

- POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

- ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

- EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а